

АНГЕЛ ВЛИЯНИЯ

ПЬЕСЫ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

АНГЕЛ ВЛИЯНИЯ

ПЬЕСЫ

ТД «БЕЛЫЙ ГОРОД»

МОСКВА

2025

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2=411.2)6-6
П54

Поляков Ю.М.

П54 Ангел влияния. Пьесы / Ю.М. Поляков. — М.: ООО ТД «Белый город», 2025. — 528 с.: ил. — 16+.

ISBN 978-5-00119-235-0

Юрий Поляков — один из самых известных драматургов современной России. Его пьесы идут на аншлагах в Москве, во многих российских городах и за рубежом. Острый, непредсказуемый сюжет, яркие герои, афористичный язык, удивительное чувство юмора — все это принесло автору успех. Он признан лучшим современным комедиографом. Удостоен престижной премии «Хрустальная роза». Спектакли, поставленные по его пьесам, сохраняются в репертуаре десятилетиями, что по нынешним временам большая редкость. Такова сценическая судьба комедий «Козленок в молоке», «Хомо Эректус», мелодрам «Одноклассники», «Как боги...». В книгу вошли классические пьесы автора и новые сочинения — «В ожидании сердца», «Ангел влияния», а также искрометное эссе «Драмы прозаика», где раскрываются многие тайны отечественного закулисья.

**УДК 821.161.1-2
ББК 84(2=411.2)6-6**

ISBN 978-5-00119-235-0

© Поляков Ю.М., текст, 2025
© Издательство «Даръ», 2025
© ООО ТД «Белый город», 2025

ДРАМЫ ПРОЗАИКА

Эссе

1. Горкомовские кресла

В пору литературной молодости пьес я не писал. Даже не помышлял об этом. Драматурги казались мне небожителями. Я, начинающий поэт, забежав в ЦДЛ выпить пива, видел, как с антре-солей Московской писательской организации величаво спускался председатель объединения драматургов Алексей Арбузов. И все вокруг шептали: «Смотрите — Арбузов!» Приезжал на белом «мерседесе», невероятном в Москве 1970-х (второй такой имелся, кажется, только у Высоцкого), Михаил Шатров — автор пьес о Ленине. Лицо у него всегда было хмуро-брезгливое, словно он, озираясь, не мог смириться с тем, во что превратил великие замыслы Ильича наш неудачный народ. Совсем другое впечатление производил Виктор Розов, напоминавший доброго, лысого детского доктора, но и он был небожителем.

Сама мысль сесть и сочинить пьесу казалось мне таким же странным намерением, как желание написать, скажем, конституцию. Написать-то можно, но какая страна захочет жить по твоему основному закону? Точно так же не было никакой надежды, что лохматый режиссер перенесет твою фантазию на сцену, люди с высшим актерским образованием выучат и будут декламировать твои диалоги, а художник измалюет краской полсотни квадратных метров холстины, чтобы отобразить коротенькую ремарку: «Нескучный сад. Входит Петр. Анфиса сидит на скамейке. Листопад». Остальное, казалось, вообще из области фантастики: купив заранее билеты, зал заполнят зрители

и будут слушать, смеяться, плакать, хлопать, а в конце заорут: «Автора!» Тогда я в новом костюме выйду к рампе, поклонюсь и умру от счастья — в театре, как и завещал великий Белинский.

Но жизнь любит сюрпризы. Нет, не я пришел в драматургию, она пришла ко мне. Пьесами, точнее сказать, инсценировками обернулись мои «перестроечные» повести «ЧП районного масштаба», «Сто дней до приказа», «Работа над ошибками», «Апофегей». Это случалось как-то само собой: звонили из театра, спрашивали согласия (видимо, бывают странные прозаики, которые возражают против инсценировок!), а потом приглашали уже на премьеру. Именно так случилось с «Работой над ошибками», поставленной в 87-м в ленинградском ТЮЗе Станиславом Митиным. Спектакль шел на аншлагах, вызывая бурные споры учащих и учительствовавших зрителей. Я участвовал в этих диспутах, нес прекраснодушный перестроечный бред и очень удивлялся, что у мудрых пожилых педагогов есть сомнения в конечной цели начавшегося ускорения. Станислав Митин впоследствии перебрался в Москву, стал кинорежиссером и через четверть века поставил фильм «Апофегей» с Марией Мироновой, Даниилом Страховым и Виктором Сухоруковым в главных ролях.

Впрочем, случались ситуации и позамысловатее. Так, первым инсценировать мою нашумевшую повесть «ЧП районного масштаба» вызвался Марк Розовский в своей студии. Он взял с меня честное слово, что я больше никому не отдамся, и надолго исчез. А тут вдруг с лестным предложением позвонил сам Олег Табаков, он как раз открыл свою «Табакерку» и искал что-нибудь остросовременное. Острее «ЧП...» тогда, в 1985-м, скажу без ложной скромности, ничего не было. Кстати, Олег Табаков любил все радикально новое, а точнее сказать, все то, к чему привешен яркий ярлык «новая коллекция». Однако настоящая новизна в театре — вещь редкая. Зато показательной, дутой новизной часто подменяют мастерство. Но искусство, как нож, нельзя вострить до бесконечности, лезвие однажды бесследно сточится, в руках останется одна рукоятка, что мы постоянно и наблюдаем.

Верный данному слову, я бросился разыскивать Розовского и обнаружил его в писательском парткоме. Он платил взносы. Если когда-нибудь в Отечестве налоги будут платить так же аккуратно, как сдавали в свое время партийные взносы, страна накренится от изобилия. Помявшись, Розовский сознался, что горком ВЛКСМ одарил его театр-студию списанными креслами, и теперь ему неловко ставить что-то критическое о комсомоле. Сколько лет прошло, а отношение нашей либеральной интеллигенции к государству осталось тем же: вообще-то мы власть в принципе не любим, но если нам подарят просиженные кресла, как-нибудь потерпим.

В результате первым спектаклем «Табакерки» стало «Кресло» — так Табаков назвал сценическую версию «ЧП районного масштаба», о чем «Табакерка» скрепя сердце вспоминает каждый свой юбилей. Кстати, именно тогда мне впервые пришлось столкнуться с коварством театра как системы. Прочитав инсценировку, я горячо возразил против некоторых мест, искажавших, на мой взгляд, повесть. Ведь я-то хотел улучшить советскую систему, комсомол, в частности. А мои сценические интерпретаторы мечтали сломать ее и развеять по ветру. Автор инсценировки, носивший рукотворную фамилию Марин, жарко со мной согласился и обещал все исправить. Надо ли объяснять, что ни одно мое пожелание учтено не было. Это я и обнаружил, сидя на премьере и хлопая больше глазами, нежели ладошами. Вспомнив о гоголевских наставлениях господам актерам, я после премьеры простодушно объяснился с исполнителями. Кстати, в спектакле играли прекрасные актеры: юная, еще не заавгустевшая Марина Зудина, заслуженный «доброволец» Петр Щербаков, Игорь Нефедов, который перевоплощался в заворга Чеснокова с таким веселым азартом, что невозможно было помыслить о его скором самоубийстве. Участвовала в спектакле и «фьючерсная звезда» Евгений Миронов. Но его игру я как-то не запомнил. Актеры выслушали мои глупые, как я теперь догадываюсь, наставления, покивали и посмотрели на меня с усталым недоумением. Позже я понял: автор в театре незащищен, как прохожий в зоне контртеррористической операции. И об этом мы еще поговорим.

Но первые огорчения оказались пустяком в сравнении с тем, что ждало меня в Ленинграде. «ЧП...» задумали поставить в Александринке, и меня пригласил приехать в город на Неве сам народный артист и худрук Игорь Олегович Горбачев. Впервые попав в золоченый зал, мало чем отличающийся от Большого театра, я испытал чувство неловкости: «Неужели моя простая история об украденном комсомольском знамени будет сыграна здесь, среди этой имперской роскоши? Не может быть...» Но меня успокоили: на этой сцене и комбайны рожь косили, и бойцы строем ходили, и вредителей обезвреживали. Горбачев пригласил на постановку молодую режиссерскую даму, искрившую буйными идеями, которые чаще всего происходят от не перебродившего в голове вузовского курса истории театра. Начать она решила со сцены штурма графского дома революционными матросами, хотя в повести лишь кратко сообщалось, что райком помещался в старинном особняке. Но театр был академический — и средств не пожалели: революционные толпы бурлили на многометровом заднике-экране. Сейчас этот «кино-театр» стал обычным делом, даже иногда зло берет: зачем живого актера заменять проекцией? Но тогда — в середине восьмидесятых... Прорыв!

Мне тоже пришлось попотеть: год я буквально жил в «Красной стреле», переписывал сцены, переделывал диалоги, придумывал репризы, млея на репетициях: режиссерская дама иногда выпрыгивала из-за пульта, перемахивала оркестровую яму и показывала актерам, как надо играть тот или иной эпизод. Они слушали ее с плохо скрываемой иронией, как усатые фронтовики — еще не бреющегося лейтенанта. Опытный драматург сразу бы догадался: спектакль обречен, по крайней мере с этой постановщицей. Но я был новичком и ничего не подозревал, хотя сидевший на репетициях Игорь Олегович Горбачев тяжело вздыхал, становясь все угрюмее. Однажды, когда на сцене два актера изображали воспитательный спор первого секретаря со злоумышленником, он вдруг тихо меня спросил: «Юра, как вы думаете, кто из них выше?» — «В каком смысле?» — «Ну, в ком росту

больше?» — «В нем!» — я твердо указал на молодого актера. «А вот и нет. Он на десять сантиметров ниже, а кажется высоким, потому что талантливее. Это театр...»

И вот по Ленинграду уже расклеили афиши. Я иду по Невскому, останавливаюсь около тумб и читаю: «Юрий Поляков. ЧП районного масштаба. Премьера». Спешащие мимо бледнолицые северные красотки даже не подозревают, что могут запросто познакомиться с видным драматургом средних лет и попасть на премьеру по авторской контрамарке. Однако премьера отменилась: из обкома КПСС поступило мнение: «Не надо!» На «Ленфильме» Сергей Снежкин как раз монтировал одноименное кино, и руководство решило: для колыбели революции двух «ЧП» многовато. Тогда я, конечно, почувствовал себя жертвой врагов перестройки, засевших в Смольном, но теперь думаю иначе: Горбачев (не Михаил Сергеевич, потихоньку сдававший страну, а Игорь Олегович) мог одним своим авторитетным словом спасти постановку, но не спас. Почему? Да уж больно слабый получился спектакль. Требовательное поколение! Так мне и не довелось выйти на поклон перед многорусным зрителем Александринки.

Спустя четверть века я решил снова попытать счастья в этом легендарном театре и отдал новую пьесу худруку Владимиру Фокину, которого помнил еще любимцем московского комсомола, когда он поставил свой первый спектакль в «Современнике». Главную роль исполнял Константин Райкин. Зал ждал, что он, как и его всесоюзно остроумный папа, начнет хохмить, а он начал страдать. Аплодисменты! Кстати, в 1977 году, вернувшись из армии, я обнаружил, что мое место преподавателя-словесника в школе рабочей молодежи занято, и, как помнит читатель, пошел на работу в Бауманский райком комсомола. Там готовилась очередная отчетно-выборная конференция, и мне поручили курировать выступление делегата Константина Райкина. Курировать — это значит писать речь для оратора. Когда вместо обязательных идеологических мантр я предложил ему вставить в текст слова о том, что у молодого искусства должно быть «лица необщее

выраженье», Райкин глянул на меня как на сторожевого пса, продекламировавшего стихи Бальмонта.

Но вернемся к Фокину. Через какое-то время я спросил: «Ну как пьеса?» Он затуманился и ответил: «Была читка, всем очень понравилось, много смеялись, хорошая работа...» — «А?» — спросил я, имея в виду возможность постановки. В ответ он лишь вздохнул, как мужчина, которому перелистывание «Плейбоя» давно уже заменило женщин. Я его понял и посочувствовал. К отказам мне не привыкать. Впрочем, пьески своего сына Фокин в своем театре ставит.

Но двадцать пять лет назад, узнав об отмене премьеры «ЧП...», я, конечно, закручинился, жалея напрасно потраченное время. И тут в «Юности» вышла моя повесть «Апофегей», имевшая бурный успех. Мне позвонил обаятельный завлит Театра имени Маяковского с пушкинской фамилией Дубровский. Он сообщил с сакральным придыханием:

— Вас хочет видеть Андрей Александрович Гончаров. Лично!

Я помчался и познакомился с этим замечательным режиссером, похожим на орла, поседелого в комфортабельной неволе. Гончаров объявил, что влюблен в мою повесть и непременно поставит «Апофегей» на сцене Маяковки, но... Это «но», облагороженное рассуждениями о тонеостях эстетического сопряжения прозы и сценического действия, сводилось, как мне стало со временем понятно, к одному: в повести слишком уж ехидно изображены партработники, а они ведь тоже люди! Далее без малого два года я приносил один вариант за другим, и каждый новый, по словам завлита с пушкинской фамилией, оказывался лучше предыдущего, но... И мне приходилось снова дорабатывать текст, постепенно накапливая в душе яд «антисценизма» или «театрофобии». Это уж кому как нравится.

Но тут грянул август 1991-го. Я встретил его в Коктебеле, где украинские письменники, узнав о крахе ГКЧП, бегали по дому творчества с криками: «Крым наш, Крым наш!» Еще вчера они говорили исключительно по-русски, а тут перешли

на свой мовояз — и наши споры о будущем многонациональной страны стали напоминать диалоги Тарапуньки и Штепселя, весьма популярных в СССР. «Бедные мы, бедные!» — вздыхал директор дома творчества с простой украинской фамилией Петров. Вскоре его посадили.

Еще не успели отликовать победившие демократы (совсем недавно они так же радовались, получив отпуск из СССР на ПМЖ за границу), а я, едва сойдя с самолета, бросился в Театр имени Маяковского к своим мучителям: мол, теперь-то можно все-все-все! И снова услышал «но». Только на сей раз сквозь умные рассуждения о сценическом инобытии прозаического образа сквозили иные печали и опасение: а не слишком ли мягко изображены в «Апофегее» номенклатурные монстры? А ведь, в сущности, партия — преступная организация. Говорят, будет даже суд «над КПСС». Опытные люди уже готовятся: один главный режиссер перед телекамерами сжег свой партбилет, правда, говорят, не настоящий, а дубликат, предусмотрительно сработанный в буфетском цеху. В общем, я понял: Гончаров, конечно, — великий режиссер, но с веком-волкодавом предпочитает не ссориться. Призрак горкомовских кресел всплыл в моем сознании, и я поклялся никогда больше близко не подходить к театру. Разумеется, в качестве автора.

2. За что Соленый убил Тузенбаха?

Никогда не говори «никогда». После выхода в 1996-м моего романа-эпиграммы «Козленок в молоке» мне позвонил Вячеслав Шалевич и завел речь о постановке в Театре имени Рубена Симонова, что на Старом Арбате. Писать инсценировку, помня бездарно потраченные силы, я отказался, и ее поручили профессиональной драматургессе, но она выдала такую беззатейную халтуру, что пришлось садиться и переписывать, а точнее, сочинять пьесу по мотивам моего собственного романа. Итак, несмотря на зарок, мне довелось снова стать драматургом. Эдуард Ливнев,

доработал текст (точнее, вставил в него куски из моего романа) и поставил блестящий спектакль, который шел 17 сезонов и всегда при переполненном зале. 564 представления! Актер Игорь Воробьев, игравший Акашина, стал на Арбате легендарной личностью: завидев его, говорили: «Вон, Витек пошел!» Несколько лет главную мужскую роль исполнял Игорь Гаркалин, а спектакль играли в огромных, тысячных залах. Но «Козел», как его любовно звали актеры, пал жертвой околотеатральных интриг, о чем я еще расскажу подробнее.

Но и триумф «Козленка...» вряд ли заставил бы меня всерьез заняться сочинением пьес, если бы я, как всякий нормальный человек, не ходил в театр. А что я мог там увидеть? Чаще всего — новаторски оскверненный труп классики. Как-то мы с женой отправились на «Трех сестер» и узнали, что Соленый застрелил своего любовника Тузенбаха за то, что изменщик решил жениться на «натуралке». Ей-богу! Можно было налететь в солидном театре на современную драму про обитателей городской помойки, которые, матерясь, мечутся между промискуитетом, вечностью и наркотой. Сплошь и рядом шли прокисшие антисоветские капустники в духе одноклеточного Коляды. В лучшем случае давали импортную комедию, очень смешную, но ее содержание намертво забывалось в тот момент, когда гардеробщица с моим номерком шла к вешалке, с которой, как известно, начинается театр.

Непостижимо, но российская Мельпомена словно и не заметила жуткую социально-нравственной катастрофу, потрясшую Россию в 1990-е. Она, шелестя тогой от Версаче, прошла мимо национального апокалипсиса, «не повернув головы кочан». Так сытый банковский клерк проходит мимо побирающегося ветерана войны. Это нежелание признавать центральный конфликт эпохи — между обманувшими и обманутыми — фантастически нетипично для нашего театра. Всегда — и при самодержавном присмотре, и в самые подцензурные советские годы реальные, а не фантомные боли общества прорывались на подмостки. И вдруг... Куда девалась, скажем, сатирическая комедия, жанр, уцелевший даже

в 30-е годы прошлого века и словно специально предназначенный для нашего гомерически нечестного и нелепого времени? Неужели спонсоры оказались страшнее следователей НКВД? Эту мину брезгливого равнодушия к реальности, ввевшуюся в лицо отечественной Мельпомены, нельзя было прикрыть никакими «золотыми масками», канонизировать никакими госпремиями и триумфами. Самое грустное, что произошло это в годы, когда власть в кои-то веки дала российскому театру «вольную». Впрочем, в результате все оказались как бы «временно обязанными». Может, именно в этом суть проблемы? Конечно, конечно, были исключения, были настоящие, честные пьесы и блестящие режиссерские работы. Но я — о тенденции. Судьбы русского театра мы еще коснемся.

И тогда я решил попробовать сочинить пьесу, такую, какую сам, как зритель, хотел бы увидеть на сцене. Современную комедию. Так в 97-м появилась «Левая грудь Афродиты». Но ее ждала странная судьба. Я только собирался разослать пьесу в театры, а кинорежиссер Александр Павловский, как помнит читатель, попросил почитать и... немедленно снял по ней двухсерийный телефильм с Ларисой Шахворостовой, Сергеем Моховиковым и Андреем Анкундиновым. Ленту показали по телевизору и «засветили» сюжет. Лишь несколько театров потом поставили «Левую грудь Афродиты», так сказать, «испорченную» коварным кинематографом, и не пожалели — спектакли собирали полные залы. Но думаю, театры к ней еще вернутся и возвращаются. На мой авторский фестиваль «Смотрины» в 2019 году Борисоглебский городской театр привез очаровательный спектакль по этой комедии, совершенно не устаревшей, если судить по реакции зрителей.

Тем временем я придумал новый сюжет — «Халам-бунду». Но тут Станислав Говорухин, закончив работу над фильмом «Ворошиловский стрелок», где я прописывал диалоги, сказал мне: «Давай напишем пьесу! Ульянов очень просит. Жалуются: ставить нечего: мат-перемат, чернуха и совокупления при отягчающих обстоятельствах...» Я согласился и предложил оттолкнуться от моих набросков к «Халам-бунду»: конфликт «старых советских» с «новыми

С.С. Говорухин и Ю.М. Поляков

русскими». «Отлично! — кивнул Говорухин. — То, что надо: старая советская квартира, орденоносный дед, никчемные дети, мятущаяся внучка, за которой ухлестывает нахрапистый бизнесмен. Остальное придумаем!» Придумали. В моем архиве хранится первый вариант «Смотрин» с роскошно-нецензурными замечаниями Говорухина. Пьесу закончили в 2000 году и отдали, как договаривались, в Театр имени Вахтангова. Прочитав, Михаил Александрович грустно молвил: «Слишком остро. Меня там не поймут...» — и показал в сторону Кремля, где досиживал последние месяцы всенародно избранный дирижер немецкого оркестра. Да, читатель, да, экранный Ульянов, будучи Жуковым, не боялся даже Сталина! Впрочем, мне и потом приходилось сталкиваться с актерами, чей экранный образ отличается от жизненной позиции, как шахид от хасида.

«Подумаешь! — хмыкнул Говорухин, — в Москве театров до хрена, даже если одни академические считать — пальцев не хватит!»

Он стал предлагать наш горький плод другим, показывал своим влиятельным друзьям, реакция везде была примерно

одинаковая: «Ну ты уж совсем!» А Марк Захаров даже замахал руками: «Ты с ума сошел! У меня эти Корзубы (отрицательный герой в «Смотринах». — *Авт.*) на лучших местах сидят, а вы его мерзавцем и монстром изобразили! Не поймут. Обидятся...»

В конце концов, пьесу взяла отважная Татьяна Васильевна Доронина. Социальная жесткость и горькая ирония ее не смутили, а, напротив, вдохновили. Правда, по поводу Корзуба она заметила: «Какой-то он получился у вас симпатичный. А ведь это же конечный мерзавец! Надо бы, Юрий Михайлович, его переписать, подчеркнуть!» Я согласился с этим мнением, но оставил все как есть, а Доронина не настаивала, уважая мнение автора. Спектакль, по директивному пожеланию Татьяны Васильевны, ставил Говорухин. Это была его первая в жизни сценическая работа, и протекала она в бодрящем конфликте с руководством театра. По-моему, Доронина просто задумала посрамить знаменитого режиссера, доказав, что театр — дело куда более «талантозатратное», нежели кино. Но это всего лишь моя версия.

Будучи председателем комитета по культуре Госдумы, Говорухин много раз срочно уезжал на заседание и приказывал мне: «Репетируй без меня!» — «Я?... Как?... Я же не умею!» — «А что тут уметь? Ори на актеров и говори, что играть они не умеют, ты не доволен, а Станиславский их вообще убил бы!»

В канун премьеры все страшно нервничали. Татьяна Васильевна предсказывала полный провал, намекая, мол, служение сразу двум богам (Театру и Политике) до добра не доводит. Заразившись сомнениями, Говорухин приказал мне придумать интригующее название, чтобы зритель валом повалил. Напомню: дело было в 2001-м, когда интерес к театру после варваризации 1990-х только начал восстанавливаться. Я предложил назвать спектакль «К нам едет олигарх!». «Неплохо, но думай еще!» — был ответ. Я напрягся и родил «Контрольный выстрел». Так назывался роман, сочиненный филологической старушкой (персонажем нашей драмы), для того чтобы заработать на жизнь обнищавшей семье. «Пойдет!» — кивнул мэтр.

Есть два типа режиссеров. Первые (Говорухин из них) знают, чего хотят от писателя. Они будут ругаться, отвергать предложенное, стыдить, унижать, грозить разрывом и возвратом аванса, но как только ты выдашь требуемое, они в зависимости от характера тебя обнимут, поведут в ресторан или скупой похвалят, чтобы не избаловать «писарчука». А вот ко второму типу относятся те режиссеры, которые не знают, чего хотят. С авторами они обращаются как недееспособные мужчины с женщинами, требуя от несчастных чего-то невероятного, что вернет былые силы и способность к любви. С такими лучше не связываться. Результат всегда один: измочаленные нервы и выпотрошенное подсознание, а на выходе то же самое, что и на входе.

После генерального прогона Татьяна Васильевна молча встала и вышла из зала, всем видом давая понять, что к грядущему провалу отношения не имеет. Станислав Сергеевич закурил трубку и сказал: «Поляков, мы с тобой два м...ка, я старый, а ты молодой!» — «Почему?» — удивился я. «У нас нет концовки, коды. Выстрела под занавес нет!» Всю ночь я ворочался, перебирая варианты, а под утро понял: в квартиру должен войти телохранитель олигарха и сказать: «Господа, машины поданы. Спускайтесь! Босс ждать не любит!» Это и есть — контрольный выстрел. Неслучайно первый исполнитель роли академика Кораблева народный артист Николай Пеньков всегда добавлял от себя: «Вот вам и контрольный выстрел. В лоб!» Хотя в тексте «лба» в помине не было. А какой замечательной бабушкой-писательницей, сочинявшей под псевдонимом «Ричард Баранов» (потому что все читатели — козлы) была народная артистка Луиза Кошукова! Когда она говорила: «Напьемся до синих зайцев!» — зрители падали под кресла. Талант актера — в чарующем преувеличении. Одаренный актер не только кажется выше ростом, значительно кажутся произносимые им слова. Однако едва драматург начинает писать в расчете на это «преувеличение», то выходит халтура. Такая вот странная вещь...

14 Премьеру приняли на ура. «Интересно, она слышит эти овации?» — спросил ворчливо мэтр. «О да! У Татьяны

Васильевны в кабинете радиотрансляция!» — с трепетом ответила завлит. Но Доронина сидела в глубине директорской ложи и загадочно улыбалась. Не только у Говорухина были свои методы выдавливания из соавтора результатов, но и у художественного руководителя тоже имелись свои хитрости, чтобы постановщика, утомленного бурной общественной деятельностью, «завести» и, разозлив, подвигнуть на художественный рекорд. Так и вышло: вот уже 19-й сезон в МХАТе имени Горького играют «Контрольный выстрел», а любой спектакль идет, пока на него идет зритель. В марте 2014 года давали благотворительный «Выстрел» в поддержку Крыма, вернувшегося домой. На сцену вышел подводник Леша и стал рассказывать, как непросто служится в Севастополе, как власть бросила ржаветь Черноморский флот, как даже русских книг не стало «в незалежной Украине», а «только про то, какие все москали — сволочи...» И зал, встав, заплодировал. «А я-то думал все это давно устарело! — повернулся ко мне Говорухин. — Хорошо мы тогда с тобой написали!» Станислав Сергеевич не дожидаясь рейдерского захвата МХАТа имени Горького в 2018 году и бессовестного низложения Дорониной, всю жизнь верой и правдой служившей русскому реалистическому театру и Отечеству. Но еще не вечер...

3. А у вас по-настоящему...

Окрыленный и кое-что понявший во время репетиций «Контрольного выстрела», я досочинил комедию «Халам-бунду» и показал Вячеславу Шалевичу, а он предложил ее продюсеру Юлию Малакянцу. Был приглашен режиссер Сергей Кутасов, и вышла роскошная антреприза с участием Сергея Никоненко, Кати Климовой, Дмитрия Харатьяна... Играли спектакль в больших залах, например в Центре на Яузе — бывшем телевизионном театре. Как-то с друзьями мы сидели в ложе, и я, млея от авторского восторга, шептал: «Погодите, то ли еще будет во втором акте!» А во втором акте бесследно исчез

Афиша спектакля «Халам-бунду». 2000 г.

один из персонажей — Костя Куропатов, отец главной героини. Его текст актеры поделили по-братски, отчего на сцене начался антисюжетный ужас. Я ждал, когда зрители начнут свистеть, как на стадионе, если мазила-нападающий бьет мимо пустых ворот. Но зал, включая моих друзей, с интересом наблюдал за происходящим на сцене, хохоча над репризами. Едва сошелся занавес, я помчался в гримерку, чтобы устроить скандал, и узнал: исполнителя роли Кости в антракте увезли с сердечным приступом.

Выбор у актеров был не велик: выйти к публике — извиниться и разойтись или доигрывать как получится. Они выбрали второе. Я понял и побежал в магазин за выпивкой — снять общий стресс.

Дальнейшая судьба этой антрепризы печальна и показывает, насколько хрупка судьба любой постановки. Это тебе не кино: снял, нашлепал копий и крути до одури. Исполнитель главной роли — бизнесмена Владимирцева — страдал запоями, недугом более типичным для писателей, но встречающимся и среди актеров. Когда в третий раз он сорвал гастролы и обрек продюсера на серьезные убытки, проект прогорел и закрылся. Но пьеса вскоре была поставлена в МХАТе имени Горького тем же Сергеем Кутасовым. В спектакле блистал народный артист Михаил Кабанов, игравший предводителя районного дворянства Лукошкина. Он, лукавец, загримировался под Никиту Михалкова, надел широкополую шляпу и говорил неповторимым амвонным

тенорком Никиты Сергеевича. Едва Кабанов-Михалков в белом костюме появлялся на сцене и произносил несколько слов, зал захотелся от хохота.

Комедия «Халам-бунду» по сей день широко идет в России и СНГ. Последние постановки, которые я видел в русском бакинском театре и Иркутском драмтеатре имени Охлопкова, были чудо как хороши! Посещая премьеры, я невольно исполнил наказ Гоголя — «проездился по России», лицезрел много постановок, хороших и разных. Но одна запомнилась особенно. Художественная руководительница, встретив меня у поезда, таинственно шепнула: «Юрий Михайлович, мы приготовили вам сюрприз!» Весь спектакль я томился в ожидании. «Сейчас, сейчас!» — интимно шептала мне худрукиня в темноте директорской ложи. Наконец сыграли предпоследнюю сцену. Многообещающе опустил занавес. «Что же они там такое придумали на финал? — гадал я, — наверное, что-то фантастическое, если так долго меняют декорации. Может, саванну сооружают?» Занавес открылся, и актеры вышли на поклон. Последняя сцена, где молодые герои сливаются в пылком «халам-бунду», была просто выброшена. Сюрприз! «Ведь, правда же, так лучше?» — спросила худрукиня голосом женщины, сделавшей новую прическу. Я только вздохнул в ответ, ибо к тому времени понял: спорить с режиссером, как спорить с инспектором ГАИ. Бессмысленно. Прав тот, у кого полосатый жезл, а в театральном деле жезл всегда у постановщика. Но об этом мы еще поговорим...

На премьере «Халам-бунду» я познакомился с Александром Ширвиндтом. Он предложил мне написать что-нибудь для Театра сатиры, и через год я принес ему «Хомо эректус, или Свинг по-русски». Пьеса его озадачила, но понравилась. Стали искать режиссера, кандидатуры появлялись и отпадали. Наконец, сговорились с Вячеславом Долгачевым, худруком окраинного московского театра. Сделали распределение. Но случилось невероятное: артист, который должен был играть диссидента, ставшего депутатом-жуликом, отказался от роли по идейным мотивам, мол, эта комедия — клевета на светлые идеалы демократии.

Вообще такие слова в устах актера звучат примерно как рассуждения боксера о бесценности каждой клетки головного мозга. К идейно возбудившемуся артисту примкнули другие исполнители. Стало ясно: детей просцениума кто-то накрутил. Между тем Долгачев меня успокоил, шепнув: если здесь пьесу мне вернут, то он с радостью возьмет ее в свой окраинный театр, где и поставит. Меж тем скандал разрастался. Актеры обратились к Ширвиндту с петицией: пьеса Полякова вообще не в демократических традициях театра. Долой! В общем, бунт на корабле.

Но Ширвиндт железной рукой подавил мятеж, сделал новое распределение, и состав получился звездный: Валентина Шарыкина, Алена Яковлева, Юрий Васильев, Олег Вавилов, Светлана Рябова. Но тут, озаботившись своей либеральной репутацией, отказался от постановки окраинный режиссер. Поговаривали, Минкультуры (им тогда руководил Михаил Швыдкой — мой давний соратник по бюро Краснопресненского райкома ВЛКСМ) обещал Долгачеву взамен финансовое вливание. Я к тому времени пришел в ЛГ и за позицию главного редактора расплачивался как драматург. Но об этом ниже. Итак, пьеса зависла на два года, первоначальный азарт стал угасать, а в театре, как в любви, отложенное желание ни к чему хорошему не ведет. Руководство при встрече улыбалось мне все шире, но в глаза смотрело все реже: верный признак агонии проекта. Появились и отпали несколько постановщиков.

Напоследок на всякий случай позвали Андрея Житинкина. Он взялся за дело решительно и быстро сбил пьесу в мощный спектакль. В отличие от Говорухина, заставлявшего меня сидеть на репетициях, Житинкин лишь позволил автору прочитать пьесу актерам: слушали, должен признаться, без восторга. После читки ко мне подошла интеллигентная девушка, похожая на тихую мученицу сольфеджио, и прошелестела: «Мне поручена роль Кси. Проститутки... (она покраснела). Но в этом образе мне многое не понятно...» — «Еще бы!» — подумал я в тоске, а потом навел справки:

18 ко мне подходила Елена Подкаминская. В труппе она недавно, ученица Ширвиндта, и он возлагает на нее большие

А.А. Житинкин, С.Н. Есин, Ю.М. Поляков

надежды. Катастрофа! В следующий раз я увидел актеров только на показе «для пап и мам». Особенно мне понравилась Кси, буквально воспламенявшая зал своим простодушным бесстыдством. Я склонился к Андрею и шепнул благодарно: «Молодец, что заменил Подкаминскую! Новая — что надо! Как ее фамилия?» — «Подкаминская...» — был ответ.

На заседании художественного совета, принимавшего спектакль, Ольга Аросева сказала: «“Хомо Эректус” — сатира, которую мы ждали в театре почти двадцать лет. Мечтали о такой сатире. Мы так долго ждали, что сразу и не поняли, что это она! Чуть не упустили такой материал... Остается поблагодарить автора за пьесу и долготерпение!»

Кстати, ничего странного тут нет. Сатиру часто принимают за клевету, а клевету, наоборот, за сатиру. Мой совсем не развлекательный «Эректус» собирает зрителей не меньше, даже больше, чем коммерческий «Слишком женатый таксист» Куни, идущий на той же сцене. Это только подтверждает общеизвестный факт: современникам нужна современность! 13 ноября

Сцена из спектакля «Хомо Эректус». Театр сатиры (Москва). Июнь, 2005

2019 года мы закрывали «Смотриньы» 384-м спектаклем, и в огромном зале на 1200 мест не было ни одного свободного кресла. Покажите мне хоть одну «новодрамовскую» пьесу с такой судьбой! Не покажите.

Кстати, много лет спустя я случайно перемолвился с одним из участников бунта на корабле, назовем его «Ф». «Что же вас так тогда смутило? — спросил я. — “Совесьь русской интеллигенции” пришла на свинг со студенткой, которая приторговывает собой. Разве в жизни такого не бывает? Я же видел вас в постмодернистской чернухе. Вы там такое вытворяете, что можно смело писать в афише: детям до 30 лет не рекомендуется!» — «Э-э! — махнул рукой Ф. — Там-то все понарошку, а у вас по-настоящему!» Он невольно сформулировал коренное отличие постмодерна от реализма.

На премьерном фуршете Александр Ширвиндт в неповторимой своей манере сказал:

— Юра Поляков принес нам пьесу, будучи отцом. А смотрел премьеру, будучи уже дедом!

-
-
- Дважды дедом, — добавил я.
— Напиши нам еще что-нибудь!
— А увижу, когда я буду прадедом?

Для Театра сатиры я вскоре написал пьесу «Женщины без границ», которую поставил сам Ширвиндт. Впрочем, начинал работу другой режиссер, но не справился, ибо зеленый змей в театральном деле не помощник. Играли в спектакле замечательные актеры: Светлана Рябова, Зиновий Высоковский... Идет она и в других театрах, но с трудом. Видно, опять виноват мой реализм. В этой пьесе, рассказывая о запутанной личной жизни нашей современницы, я довольно деликатно затронул лесбийскую тему, изъезженную постмодернизмом вдоль, поперек и наискосок. Но, видимо, слово, идущее от жизни, а не от литературной игры, воздействует на людей значительно сильнее. И то, что у Виктюка — всего лишь изыск, у меня — культурный шок. Худрук одного театра, расположенного в казачьей области, сказал мне: «Эх, как же мне нравятся ваши “Женщины без границ”! А поставить не могу. Народ у нас строгий, правильный. Могут и нагайками выпороть!»

Однажды вечером мне позвонила взволнованная Светлана Рябова, исполнявшая роль нашей современницы, запутавшейся в своей личной жизни.

- Юрий Михайлович, не знаю, что делать!
— А что такое?
— Я поссорилась с Зиновием, и он во время спектакля в меня плюет...
— В каком смысле?
— В буквальном. Что мне делать?
— Плюньте на него...

4. Мастера, самовыраженцы и беккетята

Но поговорим, наконец, о том, что же происходит с нашим театром. Он, по-моему, оказался пленником ложно понятой новизны и вседозволенности, застрял в своего рода «дне

сурка» и не может оттуда выбраться. А как выберешься, если под обновлением языка понимается матершина, под творческой дерзостью — генитальная развязность, под остротой подразумевается мучительная, как зубная боль, неприязнь к собственной стране. Многие режиссеры уверены: театр — это своего рода духовный «майdan», место неадекватной самореализации, где можно воплотить любую самую бредовую грезу. Зрителям дозволено при этом присутствовать, критикам разрешено хвалить, а несогласных объявляют мракобесами. «Передовой» театр — это культ, у него есть свой телец — «Золотая маска». Имеется и символ веры — неверие в Россию как самобытную цивилизацию.

Любой, отказывающийся молиться на новизну, как главную цель, становится изгоем. Но ведь есть разная новизна. Сделать хуже, чем предшественники, тоже новизна, но зачем она такая? Недаром ехидный Михаил Булгаков съязвил, будто штукарь Мейерхольд погиб под трапециями с голыми боярами, рухнувшими во время репетиций «Бориса Годунова». В новизне, как и в голизне, важна мера, пропорция! Иначе нож сточится. Помните? Кстати, послереволюционный театральный авангард и его кураторы в Наркомпросе очень напоминают нынешних обновителей сцены. Одно время Театральным отделом (ТЕО) заведовала жена Зиновьева — она же сестра Троцкого. Об этой даме, провизоре по образованию, с бешенством, облагороженным сарказмом, вспоминал Владислав Ходасевич. Почитайте! Так вот, тогдашние кураторы ТЕО считали «Дни Турбинных» не столько злостной белогвардейщиной, сколько устарелой «чеховщиной», по недосмотру пережившей революцию и Гражданскую войну. То ли дело «Оптимистическая трагедия»! И где она теперь, эта «новая драма» тех буйных лет? А Булгакова ставят и ставят. Чтобы быть современным, надо оставаться немного старомодным.

По-настоящему самовыразиться в искусстве можно только через мастерство. Как-то я был в Пскове на круглом столе, посвященном состоянию российского театра. Вел дискуссию Президент Путин. Вместо серьезного разговора, как всегда,

просили помочь материально, полагая, будто единственное, чего им не хватает для полной творческой нирваны, — это денег. Перед круглым столом Путин обошел реконструированный театральный комплекс, стоивший казне почти миллиард рублей, и остался доволен: олимпийский объект в ведомстве Мельпомены. Потом была премьера «Графа Нулина». Какие-то неюные тети, выраженные пионерками, пели дурными голосами, прыгали и глумливо декламировали пушкинский текст. Потом, конечно, разделись. Оставшиеся на премьеру московские и губернские начальники сидели с лицами, искаженными двумя сильнейшими чувствами: ужасом от спектакля и радостью, что этот кошмар по занятости не увидел «сам». Реакция могла быть непредсказуемой, ведь такой «Граф Нулин» — то же самое, что тараканьи бега на новеньком олимпийском стадионе. Больше всего запомнилась безысходная тоска в глазах псковских театралов, пришедших на премьеру.

Нет, я не против нового прочтения Пушкина. Я — за. Но где здесь новое прочтение? Взрослые дяди и тети, переодетые в пионеров, это же фишка конца 80-х. Ни один советский капустник не обходился без мужиков, которые, дрыгая голыми волосатыми ногами, изображали под хохот коллег танец маленьких лебедей. Воля ваша, но новаторство многих современных режиссеров это — волосатые ноги маленьких лебедей. Не более. Кстати, нарядить героя в костюм «не по эпохе» почему-то считается признаком новизны. Но если углубиться в историю театра, выяснится: до XIX века актеры играли классику в костюмах своего времени. Агамемнон мог выйти к зрителям в камзоле и парике. Скрупулезное воссоздание давней эпохи на сцене стало открытием, прорывом, революцией. А теперь, обув Гамлета в кроссовки Nike, изнемогают от чувства собственной гениальности. Смешно!

Семен Франк считал: любая революция влечет за собой варваризацию, которой подвергается прежде всего творческая среда. Сегодня в кино, драматургии, литературе, журналистике орудуя уже два поколения людей, не владеющих профессией в должном объеме. Увы, современные авторы не умеют

строить сюжет, диалог, не понимают, что герои должны говорить по-разному, что сценическое слово отличается от трамвайной брани. Свой непрофессионализм они почему-то называют новаторством. Такое уже было и не раз. В начале прошлого века не умеющих рисовать, но желающих быть художниками именовали «матиссятами». На любое критическое замечание они отвечали: «А как же Матисс?» Видимо, новодрамовцев следует называть «беккетятами»...

Когда я вел на канале «Культура» передачу «Контекст», мы как-то в эфире с модной критикессой, красившей волосы в сиреневый цвет, обсуждали хит сезона — новодрамовский спектакль. И я узнался, что не понял ничего из того, что увидел на сцене.

— А вы и не могли ничего понять. Это же доаристотельевская драма!

Но Аристотель тут ни при чем. Тут в пору речь вести о технологии подмены. Итак, автор прочел пьесу (точнее, то, что он считает пьесой) друзьям. Обрел восторг прикормленных критиков, неискренних, как продавцы «Гербалайфа». Затем получил премию, лучше — заграничную, и на этом все заканчивается. В репертуар такие пьесы если и попадают, то не задерживаются. Зритель на них не идет. Кстати, сегодня пьесы в обычном смысле, как законченные литературные произведения, почти не пишутся. «Новая драма» — это, скорее, «драматургический материал». Есть вино и есть винный материал. Спутать при употреблении невозможно. Но такая ситуация вполне устраивает режиссеров: их самовыражение не сковывается ничем — ни жанром, ни сюжетом, ни характерами, которых попросту нет. В итоге нынешний театр похож на лабораторию, где занимаются не научными исследованиями, а придумыванием диковинных по форме пробирок.

Я бы вообще сценические инсталляции не стал именовать театрально-драматическим искусством. Это другое, это, скорее, индивидуально-провокативное творчество (ИПТ). Творчество?

Конечно! Люди сидят, что-то придумывают, озаряются, объявляют друг друга гениями. Индивидуальное? Разумеется!

Человек жаждет выразить свою индивидуальность, иной раз неадекватную. А цель? Цель — провокация. Плодоносный эпатаж. Питательный скандал. Эстетические переживания зрителей интересуют авторов меньше, чем судьба ушастых обезьян Амазонки. Многие молодые талантливые люди в душе понимают, что делают не то и движутся не туда. Но художник нацелен на успех. Он видит, за что дают «Золотую маску», за что вывозят на фестивали, за что поддерживают грантами. Ему кажется, это просто веселая игра, никак не связанная с судьбами людей и страны. Какие проблемы? А проблемы-то серьезные. Вот, к примеру, разбомбили в Славянске молокозавод — и не стало в городе молочных продуктов. Все понимают: надо срочно восстановить производство. При разрушении национальных культурных кодов катастрофа сначала не заметна. Но проходит десятилетие, и родители удивляются: почему дети теперь какие-то странные? Мы их учим разумному-доброму-вечному, а они как зверьки с другой планеты. Ответ прост: дети выросли в мире, где, в частности, вместо настоящего театра — ИПТ...

Напомните какому-нибудь «самовыраженцу» о воспитательной роли сцены. Он вас поднимет на смех, хотя отлично знает: театр всегда воспитывал. Античный показывал гражданам полиса, к чему ведут нарушения табу — тогдашних норм общественного поведения. Позже на площадях ставили «миракли» по евангельским сюжетам и учили христианскому миропониманию. В нашей российской традиции сцена уподоблялась проповеднической кафедре. А нынешний передовой театр хочет избавиться от любых социальных «нагрузок», сохранив с обществом лишь одну скрепу — финансовую. Деньги из власти «новаторы» умеют выбивать не хуже коллекторов. Талант тоже не обязателен, главное — верность своему «классу», своей тусовке и умение присосаться к бюджетному вымени. В этом, кстати, «самовыраженцы» достигли облачного мастерства.

Но при всем своем знойном желании жить за счет казны и быть независимым от общества современный российский театр жестко идеологизирован, куда жестче, чем советский.

Называется эта идеология «агрессивной толерантностью». Она исключает патриотичность, уважение к традиционным и национальным ценностям, художественную адекватность, социальную и нравственную ответственность. Эта идеология, заметьте, не приемлет как раз те качества, что сделали русский театр мировым явлением. Насаждается она, поверьте, достаточно жестко. Как говорится, чужие здесь не ходят. Некоторое время назад один питерский худрук принял к постановке мою «Одноклассницу», но ему объяснили, что с пьесой Полякова его на «Золотую маску» никогда не пригласят, а с пьесой Улицкой — примут немедленно. Думаете, он испугался? Нет, нисколько. Он смелый человек. Просто ему очень хотелось попасть на «Золотую маску»...

Должен ли театр развлекать? Конечно, но не как цирк. Театральное действие должно быть интересно зрителю. Почему у Шекспира реки крови и горы любви? Да потому, что ему надо было переманить народ с площади, где показывали бородатых женщин и представляли душераздирающие средневековые комиксы. И Шекспир словно говорил: «Мужики, идите ко мне, я вам расскажу страшную историю про принца Датского. Вообразите, этот парень сначала заколол отца своей невесты, и та сошла с ума. Но это еще не все! Он прирезал родного дядю, а тот отравил своего брата, отца нашего принца, и женился на его вдове, матери все того же Гамлета. Там у меня много всякого. Приходите!» Зритель приходил, платил, а ему предлагали заодно поразмышлять на тему: «Быть или не быть?» Современный драматург оказался в похожей ситуации: ему надо оторвать зрителя от телевизионного мыла, вытащить из стереопустоты формата 3D.

Будучи прилежным учеником великих, я тоже в меру отпущенных мне способностей пользуюсь этим приемом. Я говорю: «Вы хотите узнать, как меняются женами? Тогда приходите ко мне на «Хомо Эректус»!» Люди приходят, но речь-то на сцене не о свинге, а о более серьезных вещах. Не раз, сидя в зале на этом спектакле, я наблюдал одну и ту же ситуацию. Минут через двадцать после начала первого акта, какая-нибудь строгая дама

средних лет громким шепотом бранит своего спутника: «Куда ты меня привел? Я не могу смотреть на это безобразие!» И уводит беднягу. А в начале второго акта обычно молодой мужик с пивным животом говорит подруге: «Не-а, свинга точно уже не будет. Пошли отсюда!» И они тоже уходят. Остальные, увлеченные интригой, сидят, затаив дыхание. Занимательность — вежливость писателя. Но большинство «передовых» драматургов этого просто не умеют. Ошарашить — да, взбесить — да, утомить — да. Увлечь — нет. Угодив на спектакль младореформатора Богомолова, чувствуешь себя застрявшим в тоннеле метро, куда прорвалась канализация. Но в отличие от узника зафекаленной подземки можно встать и выйти из зала, что люди и делают, гардеробщицам даже некогда чайку попить..

Станиславский назвал свой театр «художественно-общедоступным», имея в виду, конечно, не цены на билеты. Речь о другом: театр должен говорить со зрителем на одном языке. При внешней очевидности, это очень не просто. Куда легче бредить на личном эсперанто. Эксперимент и метафизику превращает в искусство и делает увлекательным только дар. Однако само слово «talant» исчезло из околотеатрального обихода как графа «национальность» из паспорта. Чувствуя свою художественную недостаточность, многие хотят отгородиться от зрителя с его неоспоримым критерием «интересно — не интересно» железным занавесом, а не четвертой стеной. И вот уже пьесу не ставят, а просто читают в узком кругу «трансляторы», окончившие ГИТИС.

Есть ли выход из сложившейся ситуации? Думаю, есть. Веками в театре центральной фигурой был драматург, именно автор определял происходящее на сцене. Потом началась эра режиссерского театра. С конца XIX века мы видим усиление режиссерского диктата. Сначала постановщик определял (и то отчасти) игру актеров, ансамбль. Затем он стал влиять на решение пространства, костюмы, музыкальное оформление. Наконец, ему стало тесно в рамках выстроенной пьесы. Я неоднократно сталкивался с ситуацией, когда режиссер ради хронометража сокращал текст

в первом акте, а во втором терялась мотивация поступков. Когда я обращал на это его внимание, он смущался, дескать, мы как-то уже отвыкли, что у драматурга все продумано... В результате сложилась «новая драма», которая не является жанром литературы. Это не пьесы в строгом смысле слова, это темы для режиссерских импровизаций, иногда оригинальные, чаще — вздорные.

Но если в пьесе нет диалогов, нет характеров, нет интриги, нет проблем, нет языка, кроме мата, постановщику остается придумать «новаторскую» форму, чтобы оправдать отсутствие смыслов. Однако с помощью косметики можно подправить недостатки лица. Отсутствие лица не подправить никакой косметикой, даже той, которой пользуются в морге. Разумеется, в прошлое вернуться нельзя, но на какое-то время на сцене снова главным должен стать драматург, писатель. Подчеркиваю: драматург, а не «новодрамец». «Что» снова должно стать важнее «как». Профессионально написанная пьеса, адресованная зрителю, а не соратникам по эстетическому помешательству, способна ограничить бесплодный произвол режиссеров и помочь выскочить из затянувшегося «дня сурка».

5. Нарушитель конвенции

Сюжет «Одноклассницы» я таскал в голове лет десять. Впрочем, ничего особо оригинального и не придумал. «“Традиционный сбор” Розова?» — спросил кто-то, прочтя пьесу и намекая на преемственность темы. «Нет, — ответил я. — “Двадцать лет спустя” Дюма-отца». И это нормально. Как говорится, плоха та песня, которая не похожа ни на какую песню. Новое — это понятное старое. Собрать десятиклассников 1961 года в 84-м, когда им стукнуло сорок, и собрать выпускников 1984 года в 2007-м — не одно и то же. Да, в обоих случаях прошла целая жизнь. Но в первом случае она уместилась в благословенном застое, а во втором совпала с жестокой революционной ломкой мироустройства. Выпускник 61-го не мог стать олигархом, а выпускник 84-го — мог. Это было поколение, угодившее в эпоху глобальной перемены участи, и мне захотелось

собрать их вместе, чтобы они поглядели друг на друга, а зритель — на них. Но у меня не было того, что называется, «ходом». Ну, встретились, ну, поохали, как изменилась жизнь и они сами вместе с нею. А дальше? Достоевскому в поисках сюжетных поворотов помогали газетные разделы судебной хроники. Мне помог телевизор. Я увидел сюжет о несчастном генерале Романове, взорванном в Чечне и потерявшем почти все человеческие свойства, кроме обмена веществ. Так в пьесе появился Иван Костромитин, любимец класса, умница, смельчак, воин-интернационалист, раненный в Афганистане и ставший «теловеком», как с пьяным прямодушием назвал его поэт-алкоголик Федя Строчков. И сюжет сразу закрутился.

Авторы склонны к самообольщению, но есть какая-то внутренняя жилка, которая безошибочно трепещет, если вещь получилась. Я сразу почувствовал: «Одноклассница» удалась. Однако реальность оказалась сурова: мне вернули пьесу 13 московских театров. Одни без объяснений, вторые с лестными отзывами и сожалениями, что планы сверстаны на пятилетку вперед, третьи сокрушались, что такого количества хороших сорокалетних актеров, нужных для постановки, в труппе просто нет, а приглашенная звезда нынче стоит дорого — не девяностые на дворе. И то — правда. В 2000 году покойный ныне Леонид Эйдлин, экранизируя «Халам-бунду», собрал за смешные деньги фантастический ансамбль: Вера Васильева, Лазаревы, отец и сын, Светлана Немоляева, Елена Коренева, Виталий Соломин, Владимир Назаров, Полина Кутепова, Виктор Смирнов, Ирина Муравьева... Сегодня за такие деньги лысину Гоши Куценко не укупишь.

Почему пьеса не увлекла ведущие московские театры, в репертуаре которых зачастую вообще нет современной русской темы? Напомню: Малый театр поднимался на пьесах остросовременного драматурга Александра Островского. Художественный театр начинался с актуальных пьес Чехова, Горького, Андреева, Найденова. «Современник» — это Рошин, Розов, Арбузов, Володин, Вампилов. А где нынешние властители зрительских дум? Не считать же таковым дихлофосные сумерки «новой драмы». Почему так случилось?

Попробуем разобраться. В 1990-е разговор о главном конфликте эпохи был опасен для власти, ломавшей страну через колено. Сребролюбивая либеральная интеллигенция, самый чуткий флюгер Кремля, это уловила и учла. А дальше заработали классовые интересы, ведь худруки, лишённые строгого партийного присмотра, превратились в рантье, живущих с доходов от своего зрелищного бизнеса. Не случайно в современном российском законодательстве то, что делают деятели культуры, называется услугой. Я не шучу! В постсоветской России буржуазный театр появился раньше буржуазии. Удивительная ситуация: фабриканта Алексева (Станиславского) судьбы униженных и оскорблённых волновали больше, чем, скажем, наследников «комиссаров в пыльных шлемах» Олега Табакова и Марка Захарова. Режиссеры, в прежние времена не прощавшие советской власти малейшей оплошности, рыдавшие над каждой слезинкой ребенка, не заметили, что после 1991-го в Отечестве появились толпы беспризорных неграмотных детей. Худруки и в самом деле стали так похожи на рантье, что им не хватает только серебряной цепочки с ножницами — стричь купоны.

Но вот общество осознало, наконец, глубину своего нравственного падения, а власть поняла, что без морали не бывает стабильности. Государство напомнило театральному бомонду о гражданской и воспитательной функции творчества. И по рядам «худрантье» пробежал нервный ропот. Так во времена СССР роптали директора гастрономов, узнав, что новый начальник главторга взятку не берет. Пока. Так что моя «Одноклассница» не подошла многим столичным театрам прежде всего по классовому признаку. «Мы разноклассники!» — как справедливо заметил пьющий, но думающий поэт Федя Строчков.

Есть и еще одна важная причина неприятия моих пьес. На встречах читатели часто спрашивают: не мешает ли моему творчеству «Литературная газета», а я ее возглавлял 16 лет? Нет, не мешает, даже помогает — и вот почему. Если литератор занимается только писательством, отгородившись от реальной

жизни, он очень скоро становится однообразным, скучным, даже мертвым. Это как писать пейзажи, не выезжая хоть бы изредка на пленэр. Облака в конце концов станут похожи на вату. Классики отнюдь не чудили, когда покидали письменный стол ради земных трудов. Лев Толстой руководил своим родовым «колхозом» в Ясной Поляне, Дюма-отец пытался выращивать ананасы под Парижем, Чехов лечил крестьян и обозревал жизнь каторжников, Горький готовил революцию, Некрасов издавал журнал, Дельвиг с Пушкиным затеяли «Литературную газету»... Это важно! Жизнь без писателя обойдется, а вот писатель без жизни нет.

Но если лечение крестьян и выращивание ананасов носит, так сказать, внеидеологический характер, то руководство периодическим изданием, хочешь ты того или нет, — идеология. У газеты или журнала всегда есть направление, и определяет его главный редактор, разумеется, настоящий, а не фуршетный. В мае 2001 года «Литературная газета» поменяла направление, превратилась из оголтелого либерального издания в просвещенное патриотическое. Газетное дело — политика, даже если речь идет о делах и людях минувшей эпохи. Ах, какой крик в либеральных кругах подняли, когда ЛГ отметила юбилей крупнейшего предреволюционного публициста-консерватора Михаила Меньшикова! А когда к столетию Анатолия Сафронова мы напечатали сочувственную статью об этом незаурядном драматурге, Дмитрия Быкова едва не хватил удар, что при его тучности не мудрено. Кроме того, возглавив ЛГ и поменяв направление, я нарушил еще одну конвенцию. С конца 1980-х в информационном пространстве была выстроена тщательная виртуальная картина культурной жизни России. И от реальности она отличалась куда больше, чем передовая статья «Правды» от будней страны.

В этой картине был МХТ имени Чехова, но не было МХАТ имени Горького. Радовали читателя Аксенов и Бродский, но канули в небытие Юрий Бондарев и Юрий Кузнецов, был Андрей Сахаров, но не было Ростислава Шафаревича, была Лия Ахеджакова, но не было Татьяны Дорониной и так далее,

и тому подобное. В виртуальных полях паслись тучные общечеловеческие коровы, о которых можно было говорить только хорошо или очень хорошо. И вот вдруг ЛГ нарушила это договорное благолепие. После публикации в рубрике «Кумирня» фельетона «Прогнувшийся» ко мне на каком-то мероприятии подошел Макаревич и спросил навзрыд:

— За что вы меня так не любите?

Ему даже в голову не пришло, что кто-то может иметь критический взгляд на его песни или передачу о жратве «Смак», которую он вел в ту пору на ТВ. Его убедили, будто он совершенство вроде Мэри Поппинс. И вдруг... Кто виноват? Конечно, главный редактор! «Худрантъе» брал в руки новую пьесу не драматурга Полякова, а нарушителя конвенции, главреда, или, если хотите, — «главвреда» Полякова, непонятно зачем испортившего «Литературную газету», приятную прежде во всех отношениях. Впрочем, она теперь снова стала именно такой, к радости всех рантъе.

А вот другой «случай», как говаривал дед Щукарь. Театральный критик Анна Кузнецова показала «Одноклассницу» директору театра Ленинского комсомола Варшаверу. Прочитав, тот просиял, и вот почему. Все, конечно, помнят трагедию, случившуюся с актером Николаем Караченцовым — человеком уникального темперамента. Помню, когда он выступал на Совете творческой молодежи в ЦК ВЛКСМ, от его страстных слов, смысл которых не всегда был ясен, вибрировал, подпрыгивая, графин с водой. И вдруг — автокатастрофа, неподвижность, коляска, полунемота, но при этом страстное желание остаться на сцене родного театра, играть, а значит — жить. Театр уж было собрался заказать особую пьесу для актера «с ограниченными возможностями». Вдруг им с улицы приносят вещь, словно специально написанную для этой труднейшей ситуации: главный герой недвижно сидит в коляске, молчит и только в финале хохочет, будучи при этом главным героем всего захватывающего действия. Директор несказанно обрадовался:

«Очередь за билетами выстроится до Кремля! Вот вернется

Захаров, прочитал, тоже загорелся, но потом узнал, кто автор пьесы, и погрузился, поникнув носом:

— Поляков? Никогда!

— Почему?

— А вы «Литгазету» почитайте!

Пересказываю коллизию со слов очевидцев, не сомневаясь в достоверности. На то у меня есть основания. Я уже говорил, что одно время вел на канале «Культура» информационно-аналитическую передачу «Контекст». Чтобы быть в курсе художественной жизни, я ходил на премьеры, вернисажи, презентации, творческие вечера... Однажды побывал в Ленкоме на спектакле «Пер Гюнт». Из зала я выходил со странным чувством. Во-первых, зачем так кричать? Во-вторых, Ибсен, конечно, — гений, но живем-то мы в России, про которую в этом театре, кажется, совсем забыли. Буржуазия! Кстати, именно Ленком одним из первых вписался в рынок и на заре 1990-х в своем помещении открыл SPA-центр «Бич-клуб», название которого я использовал в пьесе «Хомо Эректус». В «Сукин клуб», если помните, ходит Маша Кошелькова. И вот на следующий день я готовлюсь к эфиру, сижу в кресле, меня обмахивают примерными кисточками. Вдруг влетает бледный редактор:

— Юрий Михайлович, начальство очень просит не ругать «Пер Гюнта»!

— А с чего начальство взяло, что я собираюсь ругать «Пер Гюнта»?

Оказалось, Марк Анатольевич дозвонился до самого высшего руководства, отдохавшего в теплых краях, и пожаловался, что видел, с каким лицом выходил «этот ваш Поляков» из зала, а значит, предстоит эфирный погром, которого он, человек пожилой и ослабленный вдохновениями, не просто переживет. Кстати, я и не собирался разносить премьеру, ибо спектакль был из тех, которые не за что ни хвалить, ни ругать. Как выразился Данте: взгляни — и мимо... Но какова бдительность! Да, дорогой читатель, репутации иных творческих небожителей добываются с помощью вполне земной суеты и связей, наподобие тех, которыми так гордилась мачеха Золушки. Помните у Шварца? Один

Премьера спектакля «Одноклассники» Нижегородского академического драмтеатра имени Горького

писатель-классик, лауреат всех премий, начиная с квартальной, узнавая, что готовится суровый разбор его очередного романа, каждый раз объявлял себя смертельно больным. Но едва сердобольный редактор снимал из номера строгую рецензию, заменив ее теплым прощальным откликом, классик выздоравливал. Жив он и поныне.

В общем, «Одноклассница» стала первой моей пьесой, которая пошла сначала в провинции. Я слетал на премьеры в Тобольск, Владикавказ, Владивосток, Ереван. Еще куда-то. Аншлаги. Выхожу, как грезилось в молодости, на сцену, беру за руки героев-любовников, и мы с поклоном идем к рампе. Вдруг дают свет в зал... Ничего не понимаю! Кажется, осветили ночной росистый луг. А это блестят слезы в глазах зрителей.

— Ага, ну, конечно, а на театральном подъезде еще тысячи курьеров топчутся! — улыбнется иронический читатель. —

34 М-да, зазвездил наш Юрий Михайлович...

— Если и зазвездел, то совсем немного, а если и прихвастнул, то чуть-чуть. Как без этого в искусстве? Но мы живем в эпоху Интернета. Кликните «Вечерний Владивосток», «Правду Кавказа» или «Армянские вести», прочтите, что писали там о моих премьерах, а потом уж или радуйтесь, или скрежещете зубами...

Впрочем, «Одноклассница» добралась вскоре до столицы. Я где-то столкнулся с главным режиссером театра Российской армии Борисом Морозовым.

— Есть что-нибудь новенькое? — спросил он.

— Есть, кое-что... — ответил я, соображая, почему не показал ему «Одноклассницу» раньше.

— Пришли!

Придя домой, я тут же отправил пьесу. А не показал я «Одноклассницу» раньше из-за того, что там довольно иронически изображен военкомовский чиновник, он приносит парализованному ветерану Афгана к сорокалетию протезы, сначала — руку, потом — ногу. Я решил: военные все равно не пропустят. Но вежливые люди в погонах оказались гораздо терпимее к инакомыслию, нежели наши либеральные худранты. Кстати, с Борисом Афанасьевичем Морозовым в начале нулевых я вел переговоры о постановке «Халам-бунду». Он взял у меня пьесу, а позвонил через полгода, когда уже шли репетиции на сцене МХАТа им. Горького, и поезд, как говорится, ушел. Итак, вечером того же дня я отправил ему «Одноклассницу», а рано утром раздался звонок, и я услышал голос Морозова:

— Никому больше не отдавайте! Начинаю репетиции. Я двадцать пять лет после «Смотрите, кто пришел!» не ставил современных пьес. Ждал. И дождался...

Недавно «Одноклассницу» сыграли в Театре Армии в двухсотый раз. Более десяти лет она идет в Театре Армии на аншлагах. С таким же успехом пьесу ставят по всей стране. Вы думаете, ее отметили хоть какой-то премией? Ничуть. Ни разу. Повторю: современное театральное пространство — «майdan», где чужие не ходят. Я и тут стал нарушителем конвенции. Ведь

мои пьесы — это живое отрицание модной идеологемы. Суть ее проста: социально-нравственный театр умер, массовый зритель атомизировался, настало время лаборатории и эксперимента, большие залы может собрать только Куни в хлорвиниловом переводе Мишина. Нынешняя драматургия — дело камерное, в зале достаточно десятка единомышленников. Больше и не надо. А лучше пьесу вообще не ставить — прочитал по ролям в узком кругу, и вся недолга. Да и актеров следует теперь называть «трансляторами». Я не шучу и не впадаю в гротеск. Так оно и есть! Но мои пьесы идут от Калининграда до Владивостока, годами собирают полные залы, играют по несколько раз в месяц и дают немалые сборы. Ведь этот незаконный факт надо как-то объяснить, вписать в теорию театра для немногих или признать: большинство модных драматургов просто элементарно не владеют профессией. Если вы не способны сочинить пьесу, собирающую сотни зрителей, это ваша личная проблема. Не надо объявлять пустые залы тенденцией, сваливая вину на зрителей. Зритель у нас хороший, он гораздо лучше драматургов. Но тогда что делать с «золотыми масками», которыми они обвешаны, как вожди ацтеков? Проще объявить нарушителя конвенции Полякова недоразумением и забыть. Так и поступают. Однако Паралимпийские игры существуют не вместо, а параллельно с нормальной Олимпиадой. А вот новая драма хочет быть вместо нормальной драмы. Увы, агрессивное дилетантство — это болезнь нашего времени, поразившая не только культуру. Когда я смотрю на некоторых наших министров, мне хочется плакать...

6. Как боги

Наверное, самая на сегодняшний день востребованная моя пьеса — мелодрама «Как боги...» В Москве ее поставила на сцене МХАТ имени Горького сама Татьяна Доронина. Кстати, у этой пьесы занятая судьба. Сюжет давний. Много лет назад мы даже попытались с Владимиром Меньшовым написать

сценарий по этой идее. Придумал я и название — «Зависть богов». Но сценарий не пошел. Впоследствии создатель «Ширили-мырли» использовал это название для своего фильма, поставленного по сценарию Марины Мареевой «Последнее танго в Москве». Сценарий, кстати, хороший, но антисоветский на вегетативном уровне. Владимир Валентинович звал меня принять участие в переработке материала, но я, поблагодарив за доверие, сказал: разработкой чужих фобий не занимаюсь.

Этот сюжет долго хранился в запасниках моей памяти, пока вдруг не очнулся, соединяясь с китайской темой, а она пришла мне в голову, когда я на Тайване в музее разглядывал бронзовый жертвенник, отлитый тысячи лет назад, и вдруг подумал: «А ведь к такому сосуду должен быть приставлен один из многочисленных китайских божков!» И вот в квартире отставного дипломата Гаврюшина появляются жертвенники эпохи Тан с приданным к ним китайским домовым...

Критик Григорий Заславский, знаменитый своими галстуками-бабочками, прочитав пьесу «Как боги...» в журнале «Современная драматургия», говорят, раздраженно вскрикнул:

— Но ведь так сейчас никто не пишет!

Я воспринял это как похвалу...

Поначалу я отдал готовую пьесу Борису Морозову, так как давно обещал ему новую вещь. Однако в Театре Армии в ту пору случилась административная смута и было не до премьер, даже договор со мной все никак не могли заключить. Но я, как человек привычный, терпеливо ждал. Тем временем опубликованная пьеса «Как боги...» оказалась в литчасти МХАТа им. Горького. Неожиданно Татьяна Васильевна Доронина пригласила меня на обед: «Вы наш давний автор, приходите — потолкуем...» Я с удовольствием пошел. Мы выпили вина за успех недавно поставленной на мхатовской сцене режиссером Александром Дмитриевым театральной версии «Грибного царя», поговорили о ситуации в российском искусстве. Дело шло к десерту, но помощница принесла на подносе не кофе, а листочки бумаги, каковые и положила передо мной.

— Что это?

— Договор на вашу пьесу «Как боги...», — улыбнулась Доронина.

— Но я же...

— Подписывайте, Юрий Михайлович, подписывайте! — с непрекаемой мягкостью проговорила Татьяна Васильевна.

— Но...

— Я буду ставить сама.

После этих слов я взял ручку и подписал договор.

Мне, как драматургу, выпала большая удача — я стал любимым автором легендарного МХАТа и его художественного руководителя недосыгаемой Татьяны Дорониной. Уже в советские времена она была не просто знаменитой актрисой, чью фотографию я, школьник, с трепетом купил в газетном киоске. Она была, как сейчас принято говорить, лицом советского искусства, а на самом деле — ярчайшим выражением русского национального архетипа, о чем как раз теперь говорить не принято. «Ты меня любишь, а я хочу, чтобы ты меня уважал!» — вслед за героиней фильма «Еще раз про любовь» повторяли миллионы женщин в СССР. И вздыхали они именно так, как вздыхала, волнуясь грудью, героиня другого всенародно любимого фильма «Три тополя на Плющихе». Театралов восхищали неповторимые и неповторяющиеся сценические образы, созданные Татьяной Васильевой в БДТ, во МХАТе, в Театре имени Маяковского.

У любой нации в каждой сфере есть свой «короткий список» знаменитостей. Оказаться в нем почти невозможно, слишком многое должно совпасть и сойтись. Чтобы стало понятнее, о чем я говорю, попробуйте вспомнить имена наших космонавтов. Ну! Юрий Гагарин, Герман Титов, Валентина Терешкова... А дальше, увы, кто-то помнит, а кто-то позабыл. Доронина входила в такой «короткий список» советских актрис. Ее знали все. И любили. Зачем я упорно напоминаю об этом? Чтобы польстить? Доронина в лести не нуждается. Однако в конце 1980-х началась эпоха перемен, точнее — новая смута, и от человека искусства, владеющего умами, а главное — сердцами соотечественников, снова стало зависеть больше, чем обычно. Фактически судьба страны.

Постановщик и автор. Т.В. Доронина и Ю.М. Поляков. Спектакль «Как боги...»

Я хорошо помню те странные времена: казалось, вся творческая интеллигенция поднялась в едином порыве к свободе творчества, против понукающего идеологического жезла, против плановых поставок на сцену и на экран положительных героев. Кто ж знал тогда, что избыток положительных героев — полбеда, настоящая беда, даже катастрофа — их отсутствие. Однако иные деятели, даже поседелые мэтры, понимали свободу творчества примитивно, как подростковое отлынивание от ответственности, и не важно перед кем — перед зрителем, читателем, властью, предшественниками, современниками или потомками. За сжиганием партбилетов и трибунным витийством часто

скрывалось убогое желание сделаться рантье от искусства и стричь купоны, не думая о том, что культура суть неотъемлемая часть народной и государственной жизни. Увы, тогда многим «творцам» казалось и кажется до сих пор, будто можно танцевать на верхней палубе, когда в борту пробоина и кочегары по горло в воде. Собственно, эта агрессивная безответственность крикливой части творческой интеллигенции и сделала возможным невозможное: шоковые реформы с кондачка, кровавый октябрь 1993-го, очередную попытку «разроссией» Россию. Мало кто из звезд, входящих в «короткий список», поднял тогда голос против эпидемии саморазрушения. Доронина подняла.

Разлом МХАТа в 1987-м предзнаменовал разлом СССР. Разделение единого творческого коллектива было закономерным результатом разного понимания смысла и назначения театра. Идти в искусство только за свободой творчества — примерно то же самое как жениться исключительно для разучивания поз «Камасутры». Если человек этого не понимает, объяснить невозможно. Те, для кого театр был служением не только искусству, но и народу, державе, выбрали своим лидером Доронину. Возглавив МХАТ имени Горького, она оказалась в ряду немногих, выступивших против плясок на верхней палубе тонущей страны, против попрания исторически сложившихся ценностей русской цивилизации.

Миллионы людей, замороженных эфирной болтовней и клеветом веселых беспочвенников, очнулись: если Доронина против, значит, три сестры, играющие «в бутылочку» с Соленым, это не поиски сценической новизны, а поношение здравого смысла, истребление нравственного закона внутри нас. Если театр Дорониной против того курса, который взяла страна с пробоиной в бок, значит, лукавые лоцманы ведут ее не туда. Либеральная номенклатура и рантье от искусства этого Дорониной не простили. Четверть века Татьяна Васильевна жила и работала в атмосфере необъявленного бойкота, когда упорно замалчивались ее новые роли и постановки, когда старательно забывались ее круглые даты.

40 Но что подвижнице неприянь себялюбцев? Что человеку,

который служит своему народу, суетливая месть тех, кто «живет, под собою не чуя страны»? Ничто. Я и сам натолкнулся на эту ледяную стену, выстроенную вокруг Дорониной и ее театра, когда в 2001-м со Станиславом Говорухиным работал во МХАТе над спектаклем «Контрольный выстрел». Одна из рецензий называлась «Зоологический реализм». Да и теперь иные знакомцы удивляются: «Ты опять отдал новую пьесу Дорониной?» — «Да, опять!»

Татьяна Васильевна ставила «Как боги...» долго, трудно, отработывая каждую сцену. Роли получили ведущие актеры театра: А. Титаренко, И. Фадина, Л. Матасова, А. Хатников... Зато спектакль вышел отменный, и зрители его очень любят. К сожалению, сейчас, когда я пишу эти строки, любимый зрителями спектакль снят из репертуара. Команда рейдеров во главе с Бояковым и Прилепиным уничтожает следы «доронинской эпохи», так в 1930-е воинствующие безбожники взрывали церкви...

Мелодрама «Как боги...», к счастью, идет во многих других театрах в двух редакциях — «с Китайцем» и «без Китайца». Выше сказано, в пьесе есть персонаж «китайский домовый», охраняющий жертвенные сосуды, он участвует в событиях, беседует с хозяином дома... Но иные режиссеры, которым в целом вещь нравилась, недоумевали: «А как я это поставлю? Он же привидение!» Для таких случаев и была сделана редакция, где «китайский домовый» остался лишь в разговорах персонажей. Жаль, конечно, — без домовых в доме скучно...

На премьере в Ереване произошел любопытный случай. Кстати, в тамошнем русском театре было поставлено четыре мои пьесы, столько же, сколько и во МХАТе имени Горького. Так вот, сижу я на премьере и с изумлением слушаю, как главный герой мелодрамы Артем Бударин (он родом из Старосибирска, а играет его молодой армянский актер) говорит со сцены не просто без акцента, а с той неповторимой зауральской округлостью, по которой мы сразу узнаем сибиряков. По окончании я сказал худруку Александру Григоряну, возглавлявшему Ереванский русский театр им. Чехова полвека, примерно следующее:

— Александр Самсонович, я всегда знал, что вы выдающийся режиссер, но такой тонкости не ожидал даже от вас! Как вы добились, что ваш актер говорит «по-сибирски»?! Никто и нигде до такого не додумался...

— Юрий Михайлович, — ответил он. — Все очень просто: наш молодой актер — чистый армянин, но родился и вырос в Сибири, а недавно вернулся на историческую родину. Я теперь его от этого выговора отучаю, хочу добиться «московской нормы». Пока еще не получается...

7. «Смотрины»

В разгар скандала вокруг «Золотой маски», начавшегося со статей в ЛГ, в том числе и моих, режиссер Богомолов брякнул в Интернете, что он-де ни за что не поставит пьесу Полякова. И ведь правда: не поставит. Чтобы ставить мои вещи, натужной новизны и упоения собой мало, нужны талант и профессионализм. А талант — не имплант, не вставишь туда, где не хватает...

Можно понять отчаяние моих идейно-эстетических супостатов, когда в ноябре 2015 года в Москве прошел международный театральный фестиваль «Смотрины», целиком посвященный моей драматургии. Первый фестиваль живого автора за четверть века! В течение двух недель в Москве и за ее пределами, по всей стране, на аншлагах было сыграно полсотни спектаклей, поставленных по моим пьесам и прозе. Открылись «Смотрины» в переполненном зале МХАТ имени Горького 1 ноября, а завершились 17 ноября в забитом публикой Театре сатиры. В те дни в Москве было показано 12 спектаклей, привезенных из Кирова, Пензы, Белгорода, Еревана, Чимкента, Петербурга, венгерского города Кечкемет, Костромы и Симферополя... Сыграли четыре спектакля по пьесе «Как боги...», три по «Однокласснице», две по «Хомо Эректусу», а также «Левую грудь Афродиты», «Небо падших» и «Козленка в молоке»...

42 На каждом представлении зал был полон, о чем с удивлением, переходящим в негодование, писала «Новая газета».

Обидно же, когда на спектаклях нелюбимого автора, даже привезенных из провинции, чуть ли не в проходах стоят, а на пьесах твоих «любимцев» полупустые залы, вовсе становятся безлюдными после антракта.

Приехавшие на фестиваль коллективы практически ежедневно выступали на сцене театра «Модернь», где гостей принимала художественный руководитель Светлана Врагова. Должен заметить, тут не обошлось без того, что я называю опоясывающими рифмами судьбы. На Спартаковской площади в здании Хлебной биржи, где в конце 1980-х разместился Театр «Модернь», в советские годы был Дом пионеров Первомайского района, где я перепробовал себя почти во всех видах творчества — от струнных инструментов до театрального кружка, но особенно долго продержался в ИЗО-студии, которой руководил живописец Олег Осин. Именно в Доме пионеров я впервые увидел живых писателей и даже смог с ними поговорить. В большом зале, там, где с успехом спустя почти полвека будет идти мой спектакль «Он, она, они...», мы, застав дыхание, слушали замечательную писательницу Наталью Кончаловскую. Она читала нам новую главу из стихотворной книги «Наша древняя столица», а потом рассказала, как в соавторстве с мужем, поэтом-орденоносцем Сергеем Михалковым, сочиняла басню про упрямых баранов, встретившихся на узкой тропинке:

И ответил баран: «Ме-е!

Ты в своем ли бараньем уме?»

Думал ли я, ученик третьего класса, что через 30 лет буду весьма близок с Сергеем Владимировичем, который полушутя назовет меня «последним советским писателем»?

Особенно мне запомнилось обсуждение с участием Льва Касиля только выпущенной в свет его повести «Будьте готовы, ваше высочество!». Действие книжки происходит в советском Крыму, в пионерском лагере «Артек», а герои — простая советская девочка Тоня и наследный принц одного из экзотических

королевств, дружественных СССР. История по тем временам не такая уж фантастическая: дети и внуки руководителей стран так называемого третьего мира охотно учились и отдыхали в Советском Союзе. Лев Кассиль, внешне очень похожий на диктора Юрия Левитана, внимательно слушал выступления юных читателей, подготовленные явно не без помощи учителей, снисходительно кивал, подробно отвечал на вопросы. С грустной улыбкой он реагировал на нашу готовность немедленно отправиться в далекую южную страну, чтобы бороться с проклятыми «мерихьянго», устроившими там переворот и лишившими юного принца трона.

— А кто они такие, эти «мерихьянго»? — вдруг спросил прежде молчавший мальчик в очках. — Я смотрел в словаре и географическом справочнике — там таких нет.

— Конечно, нет... — удовлетворенно кивнул писатель. — Это слово я придумал сам.

— А разве можно придумывать слова?

— Писателям можно. Если постараться, то придуманное слово может даже потом остаться в языке.

— Как это?

— Ну вот ты... Как тебя зовут?

— Юра Поляков.

— Вот ты, Юра Поляков, знаешь, например, такое слово «промышленность»?

— Знаю. У меня мама в пищевой промышленности работает.

— Очень хорошо! А ты знаешь, что раньше такого слова в русском языке не было, а придумал его писатель Карамзин? Знаешь?

— Нет. А как вы придумали слово «мерихьянго»?

— Очень просто. Они кто? Враги. А у нас кто враги?

— Фашисты! — подсказали сразу несколько голосов.

— Фашисты. Верно. Но мы их победили. А сейчас наши враги — американцы. Точнее, американская военщина. Я взял американцев, отбросил первую букву «а», чтобы в глаза не бросалась, и прибавил латиноамериканское бранное выражение «янго»...

44 — А янки не от этого выражения?

-
- От этого. Откуда ты знаешь?
— Я читал «Янки при дворе короля Артура».
— Уже? Молодец. В общем, прибавил «янго» — и получилось...
— Мерихьянго...
— Правильно.
— А как вы думаете, Лев Абрамович, это слово останется в русском языке?
— Надеюсь, Юра. Если на это не надеяться, то и книжки писать не стоит...

На закрытии «Смотрин» Михаил Задорнов говорил о «театре Полякова». Что ж, друзья всегда преувеличивают наши заслуги, а враги преуменьшают или не признают вовсе. Но судьба давно уже вбила твой гвоздик в Столб Славы не выше и не ниже, чем ты заслуживаешь. На этом гвоздике и висеть. Потом.

8. Ширвиндт с «Чемоданчиком»

Но вернемся в 2015 год. Как было сказано, закрывался фестиваль 17 ноября в Театре сатиры спектаклем «Хомо Эректус». Но сначала предполагалось сыграть мою новую эсхатологическую комедию «Чемоданчик». Однако чуть-чуть не успели, премьеры состоялась в начале декабря.

История написания «Чемоданчика» стоит того, чтобы ее рассказать. Несколько сезонов в Сатире с успехом (о чем сказано выше) шла моя мистическая комедия «Женщины без границ» («Он, она, они...»), поставленная Ширвиндтом. Казалось, этот спектакль, как и «Хомо Эректус», «навечно поселился» в репертуаре театра. Но вдруг умер Зиновий Высоковский (он играл «учителя-соблазнителья»), а следом серьезно заболели исполнительницы двух главных женских ролей. Найти им в труппе замену не получилось, так бывает: актеров вроде бы много, но на освободившуюся роль никого нет. А тут выбыли сразу три исполнителя. В общем, спектакль сошел на нет. И тогда Александр Ширвиндт попросил меня написать для театра новую комедию. Я пообещал, ибо

отношусь к мэтру с искренним почтением, о чем и написал в день 80-летия «избранника Талии».

«...Любимый актер всегда узнаваем. Нет, не в очевидном значении этого слова, а в ином, особом, архетипическом смысле. Мало окончить “Щуку” и сняться в кино, чтобы тебя запомнили и полюбили. Много званых да мало избранных! В облике экранной или сценической “звезды” непременно должен запечатлеться некий вечный, общечеловеческий тип. Увидел — и тебя сразу охватывает чувство радостного узнавания, ощущения, что этого человека ты уже встречал. Тебе знакомы до мелочей его лицо, голос, манера говорить, его взгляд и повадки... Именно так я и подумал, впервые обрета Ширвиндта на киноэкране. На самом деле я просто встретился с талантом.

Есть и еще один верный признак дара: увидев настоящего актера в какой-нибудь роли, ты навсегда запоминаешь персонаж именно таким, именно в таком воплощении — и ни в каком другом. Для меня, например, граф Альмавива — это Александр Ширвиндт. Навек. И своего права первой ночи герой Бомарше не может добиваться иначе, а только так, с усталой неспешностью целеустремленного греховодника... После фильма “Приходите завтра!” для меня тип шкодливого “мажора” тоже обрел нестираемые черты. Вот он вечный конфликт: “талант по происхождению”, глумливо утесняет простенькую Фросю Бурлакову, талантливую по рождению. Ах, как это современно выглядит сегодня, когда размножившиеся внуки лауреатов сталинских премий заморочили нас своей нафталиновой новизной!

А вот господин из общества, перемещающий с фуршетного стола в свой боковой карман черную игру. Как забыть его бархатный взгляд, седеющую шевелюру и тихий аристократизм мудрого пройдохи! Сколько таких “господ из общества” кормится сегодня на нефтегазовых пирах Отечества! Особо надо сказать об умении Ширвиндта ронять гомерически смешные репризы голосом засыпающего гипнотизера! Пытались многие — получилось только у него.

История театра полна мистических тайн. В самом деле, только промыслом музы комедии Талии Александр Ширвиндт, помыкавшись по иным сценам, вот уже 44 года верно служит Театру сатиры, из них 14 лет в качестве художественного руководителя. На эту должность он заступил именно в ту пору, когда сатира, не увядавшая даже в строго охраняемых советских парниках, нынче, в свободной России, стала сохнуть, как фикус в квартире отпускников. Усмешливое Проведение, словно мудрая партия, бросило Ширвиндта на гиблую постсоветскую сатиру не случайно. Он уникально, не по-актерски, а по-писательски чувствует слово, потому-то он и сочинил, попыхивая легендарной трубкой, не один десяток миниатюр, которые с успехом озвучивали в людных залах не последние наши артисты. Именно Ширвиндт со товарищи возвел театральный капустник в ранг полноценного смехового жанра, возлюбленного с помощью телевидения миллионами граждан. Нет, не случайно Талия именно на нем остановила свой веселый взгляд!

Мне довелось в качестве автора сотрудничать с Театром сатиры, и скажу со знанием дела: за усталым добродушием и мягким острословием Ширвиндта скрыты “хищный глазомер” театрального стратега и, как сказал бы Ходасевич, “непоблажливого игумена”, пасущего свое артистическое стадо “процветающим жезлом”. Александр Анатольевич умеет так нежно отказать, снабдив на дорожку свежим анекдотом, что ты выходишь из его кабинета в сыновнем умилении. Ну а если он вступает с тобой в творческий сговор с целью создания высокохудожественного спектакля, ты вскипаешь гордостью и готов к творческому самопожертвованию, которое избранник Талии примет с тихой отеческой улыбкой...»

Ну как я мог обмануть ожидания такого человека, вступившего со мной в творческий сговор? Одна беда — никак не придумывался «сатировский» сюжет. Ожидание затянулось. И вот уже Ширвиндт в атриуме музея Пушкина на моем 60-летии 12 ноября 2014 года, тепло поздравив, затем прилюдно и строго спросил меня:

Ю.М. Поляков и А.А. Ширвиндт. 60-летие автора

— Юра, когда?

— Скоро...

— Дата!

48

— 1 мая, — ответил я наобум.

— Какого года? — уточнил на всякий случай Ширвиндт.

— Следующего.

— Ну, смотри, юбиляр!

Когда мозг прояснился после праздничных излишеств, я понял: у меня всего полгода, а сюжета как не было, так и нет. Я, запаниковав, начал перелицовывать для пьесы наброски нового романа, но сюжет, предназначенный для прозы, так же подходит пьесе, как хомут собаке. И вот однажды, сидя на концерте певицы Ирины Шоркиной, исполнявшей русские романсы, я вдруг «поймал» идею. Откуда она взялась в моей голове, до сих пор не пойму. Сначала возникла мысль о краже ядерного чемоданчика Президента, а дальше она стала обрастать событиями, как деревянная палочка сахарной ватой. На радостях я позвонил Ширвиндту:

— Александр Анатольевич, придумал отличный сюжет!

— А раньше ты чем занимался? — хмуро поинтересовался он.

— Раньше разрабатывал другой, но этот лучше. Бомба!

— Приезжай — понюхаем.

Я помчался. Мэтр встретил меня с трубкой в зубах.

— Рассказывай!

— В общем, так: муж уехал в командировку.

— Оригинально! — он сердито пыхнул дымом. — Дальше!

— К жене пришел любовник.

— Еще оригинальнее, — Ширвиндт посмотрел на меня с тоской. — А муж, конечно, неожиданно вернулся, да?

— Откуда вы знаете?

— У меня с детства дар предвидения. Юра... — далее последовала интеллигентная композиция из затейливых матерных слов. — Что с тобой? Ты заболел?

— Нет, я здоров, а вот муж вернулся из командировки с чемоданом.

— А в чемодане бомба, которую ты мне обещал, так? — сурово спросил Ширвиндт.

— Нет, это ядерный чемоданчик, он носил его за Президентом и украл...

Мне показалось, в этот момент от удивления застыло не только лицо худрука, но и выходящие из трубки голубые клубы дыма — они стали похожи на очертания школьной контурной карты.

— Неплохо. Сколько уже написал?

— Половину, — бодро соврал я. — Но к 1 мая будет готово!

— Давай к 15-му. Праздники. Я на рыбалку уеду...

Закончив комедию в срок, я испытывал радость не только от своей пунктуальности, но и от результата. Мне показалось, я написал именно то, чего не хватает современной российской сцене, — настоящую сатиру в духе Эрдмана, Катаева и Булгакова. Вскоре состоялась читка в театре, на этом настоял я, хотя Ширвиндт отговаривал. К моему изумлению, повторилось то же самое, что и с «Хомо Эректусом». Актеры встретили комедию прохладно, а народный артист Юрий Нифонтов сказал, что это какая-то подделка в духе Сергея Михалкова. Интересно, что на читке комедии Шендеровича, впоследствии с треском провалившейся, труппа хотала как безумная. Я давно заметил, людям, обитающим в театре, нравится совсем не то, что зрителям, пришедшим с улицы. Настроение актеров передалось приглашенному режиссеру-постановщику Эдуарду Ливневу, который начал задавать мне странные вопросы: «О чем наш спектакль?» А это — верный признак надвигающейся катастрофы.

Прочитав окончательный вариант пьесы, мне позвонил Ширвиндт и пригласил на разговор:

— Ну и что мы будем делать с Президентом? — спросил он.

Тут надо бы пояснить: первоначально Президент звался Валентином Валентиновичем, будучи, как вы догадались, мужчиной. В преамбуле я написал: «Действие комедии происходит после 2018 года. Все события вымышлены, все совпадения не случайны». Мне казалось, этого достаточно, чтобы снять ненужные ассоциации с реальным начальником государства. Выяснилось, не достаточно...

— Понимаешь, — молвил Ширвиндт. — Если мы на роль Президента возьмем актера, категорически не похожего на Путина, все скажут: «Вот, мол, испугались, трусы!»

— А если...

— А если сделаем наоборот, все скажут: «Вот только и умеют издеваться и спекулировать на дешевом сходстве!» Что будем делать, Юрочка? Есть у меня одна мыслишка. Но ты же автор...

— А если... — я посмотрел в глаза мэтру и понял: мы подумали об одном и том же.

Так законно избранный Валентин Валентинович вдруг превратился в «непереизбираемую» Валентину Валентиновну, мать нации, умницу и красавицу. А что? Со времен Екатерины Великой Россией не правила мудрая женщина. Заждались.

Еще любопытная деталь. «Чемоданчик», как и две предыдущие мои пьесы — «Одноклассницу» и «Богов...», — я собирался опубликовать в журнале «Современная драматургия». Но главный редактор Андрей Волчанский, ранее ко мне благоволивший, на сей раз был непреклонен:

— Этого мы печатать не будем.

— Почему?

— А сами вы не понимаете? Нам неприятности не нужны. Мы только-только наладили отношения с Минкультом. И вообще, знаете... — Волчанский глянул на меня с естественно-научным интересом. — Если бы не ваши характерные словечки и приемы, я бы решил, что это не вы сочинили.

— А кто же?

— По всему, такую вещь должен был написать, ну, например, Дмитрий Быков...

— Пишет не тот, кто должен, а тот, кто может! — ответил я и забрал рукопись.

Тем временем в Театре сатиры начались репетиции «Чемоданчика» и актеры «встали на ноги». Ширвиндт, увидев поставленные сцены, пришел в ужас, резко взяв управление на себя. Замечу, забегая вперед: то же самое случилось, когда «Чемоданчик» ставили в Ростове-на-Дону. Приглашенный из Москвы бывший худрук Театра имени Гоголя Сергей Яшин, по прозвищу «Теннисист» (за его страстную, почти нездоровую любовь к Тенниси

Уильямсу), не справился с материалом. Директор театра Александр Пудин, увидав сделанное, твердо сказал: «Эту беременность я прерываю!» Срочно вызвали Геннадия Шапошникова из Иркутска, он-то и спас ситуацию. Спектакль вышел отличный и для провинции настолько острый, что ошарашенные зрители подходили ко мне в антракте и восклицали:

— Какая удача, что мы попали на первый спектакль!

— ?

— Ведь завтра его обязательно закроют.

Не закрыли. Идет до сих пор. Но вернемся в Театр сатиры. Уже назначен был день премьеры. И вдруг на прогоне стало ясно: нужна другая концовка. Премьеру скрепя сердце перенесли на неделю. Тогда Ширвиндт предложил использовать для финала песенку из знаменитого фильма Карена Шахназарова «Мы из джаза». Мне дали аутентичный текст куплетов, которые в картине исполняет Александр Панкратов-Черный, и я, промучившись ночь, нарифмовал прощальную песенку актеров:

А вы домой идите на диванчик

И вспомните наш скромный балаганчик!

И спектакль сразу сложился, заиграл. Сказать, что премьера прошла успешно — ничего не сказать. Зрители, совершенно отвыкшие в наше демократическое время от политической сатиры на сцене, сначала точно оцепенели от неожиданности, а потом эта настороженность вылилась в хохот, аплодисменты и овации. Особенный восторг вызвал Федор Добронравов, игравший капитана третьего ранга Стороженко, который похитил «кнопку». Четвертый сезон «Чемоданчик» идет в Театре сатиры на аншлагах, и в финале тысячный зал неизменно встает с криками «браво!». А народный артист Юрий Нифонтов, играющий «добромира Суперштейна», с удовольствием выходит на поклон. На актеров, как и на детей, нельзя обижаться.

52 Поставлена эсхатологическая комедия и в других театрах, причем гораздо ближе к авторской редакции. Я давно

привык к режиссерским сокращениям моих текстов и спорю, иду на конфликт лишь в тех случаях, когда купюры затрагивают сюжет и смысл пьесы. Не раз мне говорили: «Ты пишешь слишком густо, в твоей комедии столько сюжетных поворотов и реприз, что хватило бы на три пьесы...» Ну, во-первых, лучше пусть режиссеры прореживают, чем дописывают. А во-вторых, не я пишу густо, я-то беру пример с классиков, это «новая драматургия», рожденная гедонистическим туеядством, слишком разбавлена. Но когда глупая мода на словесную жижу закончится, когда постановщики опять захотят многоуровневых сюжетов, полифонии смыслов, централизованной сценической речи, тогда, возможно, им и пригодятся густо мои замешанные «безделки».

Не могу не посетовать: даже режиссеры, которые ставили «Чемоданчик» максимально близко к авторскому тексту, так и не решились вынести на сцену монолог дамы-Президента, написанный тем же размером, что и знаменитая исповедь Бориса Годунова из знаменитой трагедии Пушкина. Странно! Мне монолог нравится:

...Шесть лет как я достигла высшей власти,
Простая люберецкая девчонка.
Но нет покоя ни в Кремле, ни дома.
Ни власть, ни жизнь меня не веселят!
Мечтала я народ мой осчастливить
Достатком, телевидением смешливым,
Дешевой продовольственной корзиной,
Безвизовым туризмом за рубеж.
Но мой электорат неблагодарен,
Живая власть народу ненавистна,
Как будто я конкретно виновата,
Что дешевет нефть и газ,
а доллар
Растет и зеленеет вместе с евро,
Что НАТО расширяется, как сволочь,
А США, всемирный участковый,

Повсюду свой засовывает нос!
Моя ль вина, что кризис на планете,
Что прет Китай, как тесто из кастрюли,
С арабами собачатся евреи,
А в Киеве свирепствует майдан!
Не я в стране мздоимство насадила,
Не я в державе дураков плодила,
И бездорожье было до меня!
Но все ко мне в претензии, как будто
У каждого я денег заняла!
Бранятся, просят, требуют, канючат...
И мышцы от ручного управленья
Устали, словно уголь я рублю!
Мне тошно видеть, как мои бояре,
Казну разворовав, соображают,
В какой офшор засунуть нажитое
И где какую виллу прикупить.
В семье мечтала я найти отраду.
Но мой супруг, которому когда-то
Я отдала отзывчивое сердце,
Мне изменил и спутался, мерзавец,
С какой-то подтанцовщицей смазливой
Из челяди Киркорова Филиппа!
(Жив, жив курилка! И еще поет.)
Муж оказался неблагонадежным,
Как члены госсвета, как министры,
Как лидеры лояльных думских партий,
Как олигархи, мэры, генералы,
Как байкеры, чекисты и спортсмены,
Как мастера науки и культуры,
Которых сколько ни корми, ни чествуй,
На Запад смотрят жадными очами,
Хоть всем известно, что с Востока свет!
Что делать мне? Увы, не молода я...

На сердце тяжело, голова кружится,
И рейтинги позорные в глазах...
Как дальше жить? Два выхода осталось:
От суеты в монастыре укрыться
(Святейший посоветует, где тише)
Или, собрав остатки сил душевных,
Стать ягодкой опять и, подтянувшись,
Пойти на новый срок без колебаний,
Чтобы вести соборную Россию
С народом незадачливым ее
К духовности, к достатку, к просвещенью
И геополитическим победам!
Нам многого не надо — мир и дружба
Да земли, что завещаны от Бога,
Но отняты врагами в смутный год.
А если кто с мечом придет к нам в гости,
Есть у меня заветный чемоданчик
И межконтинентальный аргумент.
Мы наши сапоги помоем в Темзе,
Воды напьемся прямо из Гудзона,
Распишемся на куполе рейхстага
И вычерпаем шапками Босфор!

9. Под занавес

Но вот в Москве в ноябре 2019 года прошел мой второй авторский фестиваль, и Самарский художественный театра привез «полный» «Чемоданчик», поставленный Павлом Карташовым. Монолог «умницы» Валентины Валентиновны был встречен зрителями бурно и стал ключом ко всему спектаклю. Открылись «Смотрины» по традиции во МХАТе имени Горького «Грибным царем», восстановленным после 6-летнего перерыва и получившим новое название «36 часов из жизни одинокого мужчины» — именно с таким подзаголовком мой роман впервые вышел в свет

в 2004 году. Закрылся фестиваль по обыкновению в Театре сатиры — легендарным «Хомо Эректусом». Зал был под завязку. Ширвиндт, обозрев аншлаги, порадовался за авторские отчисления, которые мне предстоит получить. Пришлось успокоить: пятнадцать лет назад я был еще неопытен и заключил договор на крайне скромных условиях.

Спектакли, привезенные из Борисоглебска, Рыбинска, Иркутска, Пензы и других городов, играли в помещении театрального центра «Вишневый сад», которым руководит Александр Вилькин и аренда которого стоила нам половину денег, выделенных Министерством культуры. Тамошние бывалые билетерши смотрели мои спектакли округлившимися глазами, видели бурную реакцию переполненного зала и вздыхали потом: «Эх, вот бы нам такие пьесы!» Но не мог же я им, преданным и почти бескорыстным служительницам Мельпомены, объяснить, что являюсь злостным нарушителем пресловутой конвенции, строго соблюдаемой не только одним Александром Вилькиным...

Но в любом случае «Смотрины» прошли с успехом, вызвав, как обычно, ликование единомышленников и зубовный скрежет супостатов. Неимоверную тяжесть организации фестиваля со всеми чудовищными бумажно-финансовыми заморочками взяла на себя моя дочь Алина, она только в казначейство съездила, наверное, раз тридцать: нелегко наше государство растает с деньгами, выделенными на культуру. Это же не спорт... А заботу о хлебосольном приеме гостей фестиваля взяла на себя моя жена Наталия, а это в течение двух недель — ежедневные фуршеты с качественной выпивкой и отменной закуской. Конечно, казенных денег на все не хватило, и мы на семейном совете решили залезть в наши домашние сбережения. Залезли, причем основательно...

Особо хочу отметить участие в «Смотринах-2» театра под руководством Всеволода Шиловского, половину репертуара этого молодого коллектива составляют мои пьесы. А народный артист Олег

без границ», ее под названием «Он, она, они...» с успехом играли, как помнит читатель, в «Модерне». Однако когда Светлану Врагову по вздорному поводу изгнали из ею же созданного театра, воцарившийся там Юрий Грымов закрыл успешный и кассовый спектакль. Зачем? Отвечу метафорой. Если лилипут вселяется в дом изгнанного великана, первым делом он уничтожает вещи предшественника. Обидно же сознавать, что можешь спать в ботинке предшественника.

Схожая ситуация сложилась сейчас, когда я пишу эти строки, во МХАТ имени Горького. Тяжелая история. У Дорониной отобрали театр, которому она отдала тридцать лет жизни. На ее место кремлевские прагматики прислали как бы для обновления золотомасочного гешефтмахера Боякова. Он первым делом убрал портреты и афиши предшественницы, снял из репертуара спектакли, любимые зрителями, в том числе мои пьесы «Как боги...» и «Особняк на Рублевке» («Золото партии»), собиравшие полные залы. Мотив очевиден: надо срочно избавляться от наследия великана, разрушать ненавистные традиции, чтобы при сравнении не бросался в глаза убогий уровень «обновителей». Но я уверен, скоро «команду эффективных менеджеров» вытряхнут из хрустальной туфельки Дорониной...

Сцена из спектакля «Левая грудь Афродиты» Крымского русского театра. 2004

*На поклон. Спектакль «Отель “Медовый месяц”» Ереванского русского театра.
Художественный руководитель А.С. Григорян и автор Ю.М. Поляков*

ЛЕВАЯ ГРУДЬ АФРОДИТЫ, или ОТЕЛЬ «МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ»

Действующие лица:

Нина и Андрей Петровы

Даша и Олег Сидоровы

Иванова

Тараканушкин

Паркинсон

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Рецепция маленькой гостиницы, точнее, дореволюционной крымской виллы, превращенной в отель. За конторкой заполняет какие-то бумаги старичок, похожий одновременно на счетовода и древнего философа. В большом окне виднеется море. Слышны звуки радиоприемника.

Голос диктора. ...Вчера силами правопорядка в городе пресечена деятельность преступной группы, занимавшейся сбытом наркотиков... Температура воздуха — 22. Моря — 23 градуса...

Раздается телефонный звонок. Старичок снимает трубку.

Паркинсон. Отель «Медовый месяц». Паркинсон слушает. Кто? Простите, не расслышал... господин Тараканушкин... (*Смотрит в бумаги.*) Вы получили наш рекламный проспект? Вот и хорошо. Как снимаете заказ? Ах, поссорились... Ну это не страшно. Отель «Медовый месяц» — лучшее место для воссоединения любящих сердец! Очень жаль, очень жаль... Что ж, когда снова соберетесь жениться, звоните! Никогда не женитесь?

Левая грудь Афродиты, или Отель «Медовый месяц»

Позвольте вам не поверить, дорогой господин Тараканушкин! До свидания. *(Кладет трубку и углубляется в бумаги.)*

В холл по лестнице, нежно взявшись за руки, спускается молодая пара. Оба в пляжных халатах, с полотенцами. У Андрея в руках подводное ружье.

Паркинсон. Добрый вечер. Как спалось?

Нина. Спасибо, господин Паркинсон! Хорошо. Мы, правда, часто просыпались...

Паркинсон. Это бывает в вашем возрасте.

Нина *(показывая на окно)*. А я думала, теперь утро! Солнце встает...

Андрей *(смотрит на ружье)*. Я тоже думал...

Паркинсон. На охоту вы опоздали. Солнце уже садится. Оно всегда садится в море. А поднимается из-за гор. Всегда.

Нина. Не заметила. Я такая рассеянная. Наверное, из-за шампанского...

Андрей. Не понял! Только из-за шампанского?

Нина. Ну, может быть, еще от перемены климата. В Москве совсем осень.

Паркинсон. Я давно здесь служу и перевидал многих молодоженов. Они все очень рассеянные. Особенно после того, как поглядят грудь Афродиты. Эта рассеянность от любви и нежности! Счастливый человек всегда не в себе... Он весь — в другом человеке, в том, кого любит. К сожалению, потом люди обычно приходят в себя.

Нина *(спохватываясь)*. Ах, ну конечно, от любви и нежности!

Она эффектно обнимает Андрея — и видно, что халат надет прямо на голое тело.

Андрей *(смущенно)*. А что у нас сегодня с морем?

Паркинсон. А что у вас сегодня с морем?

Нина. Не обращайтесь внимания, господин Паркинсон! Мой муж бизнесмен. Он каждое утро вызывает в кабинет секретаршу и спрашивает: «А что у нас сегодня с долларом?»

Паркинсон. Ах, в этом смысле! Полный штиль. Вода — 23 градуса. И оно, море, мечтает поцеловать ваши очаровательные ножки, мадам Петрова, своими солеными губами!

Андрей смотрит на него с некоторым неудовольствием.

Нина. Господин Паркинсон, вы случайно не поляк? Поляки всегда такие галантные.

Андрей. Откуда ты знаешь?

Нина. Я работала у одного поляка. Он торговал бижутерией и каждое утро целовал мне руку.

Андрей. Ты мне об этом никогда не рассказывала.

Нина. А зачем? У меня же с ним ничего не было.

Паркинсон. Нет, мадам, я не поляк и не русский...

Андрей. Ну, об этом я и сам догадался.

Паркинсон. Кроме того, я не англичанин, не швед и даже не еврей... Вас, конечно, вводит в заблуждение моя фамилия. Но дело в том, что Парки — это богини судьбы у римлян. Они прядут нити человеческих жизней. И обрезают эти нити, когда приходит срок. В Древней Греции...

Нина. Так вы грек?

Паркинсон. Ну если вам приятно, считайте, что грек. Я древний грек. Очень древний грек. А может, римлянин... Кто знает... Итак, Парка — богиня судьбы. А «сон» означает «сын». Получается «сын богини Парки». Пар-кин-сон...

Андрей. Почти как сукин сын.

Нина. Извините моего мужа, господин Паркинсон, в молодости он слишком много занимался спортом.

Паркинсон. Ничего-ничего. Так шутят многие гости. Но обычно только после того, как увидят счета. Вот, пожалуйста! *(Протягивает Андрею бумаги.)* Вы уезжаете после завтрака?

Нина. Да. закажите такси. Искупаемся — и в Москву! В холод. Б-р-р!

Андрей. Оставайся в Крыму.

Нина. Почему бы и нет? Приму украинское гражданство...
С ума сойти: Крым — за граница! Никак не могу привыкнуть.

Андрей. А я не хочу к этому привыкать.

Нина. Не привыкай... Я буду в море.

Андрей. Хорошо. Я тебя сейчас догоню. Не плавай далеко!

Нина уходит, Андрей углубляется в счета. Достает из халата калькулятор.

Паркинсон. У вас необыкновенная, изумительная, потрясающая жена! Поверьте, я видел многих молодоженов...

Андрей (*вникая в счета, нажимая кнопки калькулятора*). И что, все они были женаты на необыкновенных женщинах?

Паркинсон. Конечно! Когда мужчина сочетается браком, его избранница всегда необыкновенна, а жены всех остальных мужчин обыкновенны. К сожалению, со временем, собственная супруга становится обыкновенной, а жены других мужчин, напротив, необыкновенными. В этом трагедия семейной жизни. Еще в Древней Греции...

Андрей (*удивленно смотрит на калькулятор*). Не понял!

Паркинсон. Вы всегда с калькулятором ходите?

Андрей. Всегда. Я занимался боксом и плохо считаю в уме.

Паркинсон. Ужасный спорт! И все по голове, по лицу, по зубам...

Андрей. Вы мне зубы не заговаривайте! Что это такое НБМ — 30 процентов?

Паркинсон (*невозмутимо*). НБМ — надбавка за близость моря.

Андрей. Что? Близость моря?!

Паркинсон. Ну да! Согласитесь, молодой человек, любая близость стоит денег.

Андрей. Допустим. А НДС — 30 процентов? Вы же говорили, у вас без налога на добавочную стоимость!

Паркинсон (*приосаниваясь*). Причем здесь добавочная стоимость? Это надбавка за дополнительный сервис.

Андрей. Какой еще дополнительный сервис?

Паркинсон. Видите ли, я играю на лире и по желанию постоянно исполняю вакхические песни. Кроме того, я готовлю блюда по рецептам древней эротической кухни. А также создаю обстановку утонченной чувственности...

Андрей. Ясно: соленые губы и все такое... А это что? НИЛ — 50 процентов! Совсем обалдели?

Паркинсон. М-да, в самом деле, дороговато. Я их там предупреждал. *(Показывает пальцем вверх.)* Объяснял, что платежеспособность населения упала из-за кризиса. Но ведь это какие-то небожители, честное слово! Уверены, что во время медового месяца способность у всех поднимается...

Андрей *(раздраженно)*. Я спрашиваю, что еще за Нил? Если бы мне был нужен Нил, я бы в Египет полетел...

Паркинсон. НИЛ это не река. Это — надбавка за испытание любви. Улавливаете? НИЛ...

Андрей. Не улавливаю! Испытывают на полигоне. А я приехал сюда отдыхать и расслабляться... Ничего подобного в договоре не было.

Паркинсон. Увы, вы невнимательно читали договор.

Андрей. Я невнимательно? Да вы знаете, сколько договоров я заключил? У меня в Москве фирма. Дайте сюда договор!

Паркинсон. Пожалуйста! В самом низу, мелким шрифтом.

Андрей *(читает)*. Да, действительно. Как же я не заметил? Странно...

Паркинсон. Ничего странного. В день приезда вы очень торопились со своей молодой супругой в номер. Это со всеми случается.

Андрей. Со всеми, но не со мной.

Паркинсон. Со всеми, кто приезжает с молодой очаровательной женой в отель на берегу моря.

Огорченный Андрей берет договор и садится за пальму у окна, внимательно читает, щелкая калькулятором.

Паркинсон *(глядя в окно)*. О, Эрот стрелометатель, у вашей супруги изумительная фигура! Насколько я помню,

в благословенной Элладе женщины тоже брили на теле все волосы, разумеется, за исключением тех, что растут на голове.

Андрей. Откуда вы знаете? *(Тоже смотрит в окно.)* Вот черт! Я же просил ее...

Паркинсон. Не переживайте. Красавицы просто обязаны купаться нагими. Ну, представьте себе Афродиту, выходящую из пены в купальнике от Нино Риччи! Я бы просто умер со смеху!

Андрей *(странно смотрит на портье и снова углубляется в бумагу, бормоча под нос)*. Ладно, близость моря — понятно. Дополнительный сервис тоже — туда-сюда... Но испытание любви? Чего только не придумают, чтобы на бабки развести...

Паркинсон. Вы не волнуйтесь. Надбавку за испытание любви клиент может не платить, если считает, что такую услугу он не получил.

Андрей. Где это написано?

Паркинсон. В примечании. Совсем мелким шрифтом.

Андрей. Да, действительно... Я платить за это не буду!

Паркинсон. Как знаете.

В этот момент распахивается дверь и появляется чета Сидоровых. Олег тащит чемодан. Даша держит в руках букет роз, закрывающий ее лицо.

Олег *(отдуваясь)*. А вот и мы! Оказывается, вы не так уж далеко от аэропорта. Кажется, я здорово переплатил таксисту.

Даша. Я тебя предупреждала!

Андрей вскидывается на голос Даши, качает головой и снова углубляется в счета.

Олег. Ну, не сердись, котенок!

Нетерпеливо гладит жену.

Паркинсон. Вы делали предварительный заказ? Ваша фамилия?

Паркинсон. Ах, Сидоровы! Что же вы молчали? Здравствуй-те, здравствуйте, дорогие мои! Сердечно рад приветствовать вас в отеле «Медовый месяц». Моя фамилия Паркинсон. Что в переводе означает сын Парки. В древности так назывались...

Олег. Так назывались богини судьбы. А где наш номер?

Паркинсон. Паспорта, пожалуйста! *(Берет у них паспорта, ис-следует.)* Штампы ЗАГСа. Все в порядке...

Олег. А что, бывает, обманывают?

Паркинсон. Еще как! Кошмар! С любовницами приезжают. С секретаршами. С телохранителями. Но у нас строго — только после законной регистрации. Заполните пока анкету, а я расскажу вам о нашем отеле.

Протягивает бланки. Молодые начинают заполнять бумаги, норовя приласкать друг друга.

Олег *(нетерпеливо)*. Как быстро темнеет! Ничего не видно. А может, мы сначала вещи в номер отнесем, отдохнем с дороги... Там и анкеты заполним.

Паркинсон. Немного терпения. Отдохнуть вы еще успеете — и не раз. Я включу свет. *(Включает.)* Пишите и слушайте! Вилла «Медовый месяц» была построена в одна тысяча восемьсот пятьдесят девятом году графом Балаклавским для своей невесты Юлии, урожденной баронессы фон Гофф. Здесь они провели первую брачную ночь. Наутро Юлия навсегда покинула мужа и постриглась в монахини.

Олег. Интересный сюжет, надо записать. Что же он такое успел натворить за одну ночь?

Паркинсон. Неизвестно. Может быть, просто их любовь не выдержала испытания...

Олег. Какого испытания?

Даша. Милый, поедem в другой отель?

*Андрей, выглядывая из-за пальмы, с удивлением
смотрит на Дашу.*

Паркинсон. Погодите. История еще не кончилась. Обезумевший от горя брошенный супруг продал с большой выгодой виллу купцу первой гильдии Хлебосолову и скрылся в Европе. Вилла долго стояла пустой, пока Хлебосолов не женил своего единственного сына Федора на дочери предводителя уездного дворянства Александрине Голомазовой. Здесь молодые провели первую брачную ночь. Через девять месяцев у них родился первенец. А всего у Хлебосоловых было восемь детей. Жили они долго и счастливо и умерли в один день...

Даша. Я остаюсь.

Паркинсон. ...Их расстрелял в 20-м году комиссар Трухачевский.

Даша. Какой ужас! За что?

Паркинсон. За происхождение. После революции здесь некоторое время размещалось общежитие бродячих поэтов — и здание сильно пострадало. Наконец, в 1937-м вилла была отремонтирована и отдана Трухачевскому, который к тому времени стал маршалом. Он как раз развелся со старой женой и сделал предложение юной актрисе Раисе Витебской. Здесь они провели первую брачную ночь, восхитительную и незабываемую, наутро маршала срочно вызвали в Москву, обвинили в заговоре и расстреляли.

Даша. А Раиса?

Паркинсон. Ее почему-то не тронули. Она потом еще много раз выходила замуж. Но своего маршала не забывала, даже написала о нем воспоминания. Там есть одно интересное место. *(Достает книгу, открывает, находит нужную страницу.)* Ага, вот... «Получив вызов Сталина, — пишет Раиса, — маршал начал собираться и никак не мог найти свой новый чемодан. Он бродил по вилле и грустно приговаривал: “Где чемодан? Ну, где же он?” И мое сердце вдруг сжалось нехорошим предчувствием...» *(Захлопывает книгу.)*

Олег. Нашел чемодан-то?

Паркинсон. Нашел. Хочу вас на всякий случай предупредить: некоторые молодожены жаловались, что в самый неподходящий момент вдруг появлялся призрак маршала

Трухачевского и начинал спрашивать про свой чемодан. Тут главное не волноваться. Вызывайте меня, а я уж с ним договорюсь!

Олег. Значит, в вашем отеле, как в настоящем готическом замке, водятся призраки?

Паркинсон. Конечно. Это вообще место необычное.

Олег. Отлично! Давайте ключи от номера!

Паркинсон. Минуточку терпения, молодой человек. Я заканчиваю. Потом, после ареста маршала много лет на вилле был склад лако-красочных материалов. И только благодаря рыночным реформам здесь открылся отель для молодоженов. Кстати, когда подводили газ, в траншее нашли осколки мраморной статуи. Археологи определили, что на этом месте стоял храм Афродиты Таврикийской.

Даша. В Крыму?

Олег. Конечно! Здесь когда-то было Боспорское царство.

Паркинсон. О! Молодой человек историк?

Олег. Нет, писатель.

Андрей, скрываясь за пальмой, следит за происходящим с нарастающим волнением.

Паркинсон. Похвально. Впервые встречаю писателя, слышавшего про Боспорское царство. Но вернемся к осколкам. Их, конечно, увезли в музей. Но один я спрятал. Вот он!

Портье подходит к сейфу, торжественно открывает и достает алую шелковую подушечку, на которой лежит округлый кусок мрамора.

Даша. Что это?

Паркинсон. Это грудь Афродиты Таврикийской.

Олег. Какая?

Паркинсон. Что вы имеете в виду?

Олег. Правая или левая?

Паркинсон. Это для вас так важно?

Олег. Нет, но все-таки...

Паркинсон. Полагаю, установить это теперь невозможно. Но считают, если прикоснуться к ней правым безымянным пальцем, то вы поступаете в полное распоряжение Афродиты, и она испытывает вашу любовь. От того, как вы проведете здесь медовый месяц, зависит ваша супружеская жизнь! Теперь вы все знаете... Заполнили анкеты?

Олег. Давно уже заполнили!

Паркинсон. Пожалуйста, вот ваши ключи. Номер шесть. Люкс. Джакузи. Кровать в стиле Людовика XIII. Вид на генуэзскую крепость. Ах да, чуть не забыл... Надо подписать договор!

Олег (*нетерпеливо*). Какой еще договор?

Паркинсон. О найме жилого помещения и некоторых иных услугах. Чистая формальность.

Олег. Хорошо. Давайте скорее! Сейчас пойдем, котенок! Я просто с ног валяюсь от усталости.

Не глядя, Олег подмахивает договор. Паркинсон подмигивает выглядывающему из-за пальмы Андрею. Тот укоризненно качает головой и показывает калькулятор.

Даша. Погоди! Я хочу прикоснуться к Афродите... А сколько это стоит?

Паркинсон. Это как раз совершенно бесплатно.

Олег. Хорошо, быстренько прикасаешься — и пошли!

Даша. Нет, мы должны прикоснуться одновременно...

Паркинсон. Какая у вас необыкновенная, изумительная, умная жена! Одновременность в супружеской жизни — великое дело.

Петровы на счет «три» касаются камня. В этот миг гаснет свет. В темноте раздаются голоса.

Паркинсон. Не волнуйтесь, господа! Подстанция у нас старенькая. Иногда гаснет свет. Сейчас снова загорится. Лучше не двигайтесь, а то можно свалить пальму или удариться о перила...

Даша. Олег, что ты делаешь? Перестань сейчас же!

Андрей (*тихо*). А говорила, что можешь узнать меня по одному прикосновению...

Олег. Ничего я такого особенного не делаю. А почему у тебя мокрые волосы?

Нина. Станный вопрос. Я же купалась... Что у тебя с голосом?

Загорается свет.

Олег обнимает вернувшуюся с моря Нину. Андрей — Дашу. Все четверо отшатываются друг от друга. Они изумлены и смущены. Паркинсон загадочно улыбается и бережно запирает грудь Афродиты в сейф.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Номер люкс. На большой кровати лежат еще не успевшие унять дыхание после любви Олег и Даша. Олег встает, подходит к окну и смотрит на море.

Даша накидывает халат и начинает раскладывать вещи.

Даша. Тебе было хорошо?

Олег. Замечательно! Пойду — искупаюсь. А ты знаешь, почему море соленое?

Даша. Почему?

Олег (*возвышенно-монотонно*). За века и тысячелетия мириады влюбленных смывали со своих истомленных счастьем тел пот сладострастия — и посему сделалось море солоно...

Даша. Погоди, я запишу! (*Хватает блокнотик и записывает.*) Ты становишься потрясающим стилистом! Раньше ты бы написал просто: «И от этого море стало соленым». А теперь — «И посему сделалось море солоно!» Тебе нужно писать серьезную прозу.

Олег. Это ты на меня так действуешь. Любовь — огромная сила. Дарвин не прав. Не труд превратил обезьян в людей. Любовь!

Даша. Записать?

Олег. Нет. Это уже кто-то говорил до меня. Не хочу сегодня литературы.

Даша. Чего же ты хочешь?

Олег. Тебя.

Даша. Еще?

Олег. Еще, еще и еще! Главное ведь не обладать, когда хочешь, а хотеть, когда обладаешь!

Даша. Здорово! Записать?

Олег. Запиши.

Даша. Ты просто фонтанируешь сегодня!

Олег (*игриво*). Ты так считаешь? Фонтанирую... Ну, конечно, мы забыли кое-что заказать! (*Снимает трубку телефона.*) Господин Паркинсон, нам, пожалуйста, в номер шампанское и какие-нибудь фрукты.

Даша. Боже, все как мечтали! Море, шампанское — и мы одни...

Олег. Ну, не совсем одни! (*Подходит к двери в стене.*) Наверное, когда приезжают очень богатые молодожены, эта дверь открывается — и получается супер-люкс. (*Прислушивается.*) Тихо. Странно...

Даша. Почему странно? Они уже давно приехали.

Олег. Я не об этом. Почему он так странно на тебя посмотрел?

Даша. Кто?

Олег. Ну этот, молодожен с калькулятором.

Даша. Не знаю... Наверное, я ему понравилась.

Олег. Ты моя жена и не имеешь права нравиться никому, кроме меня!

Даша. Не волнуйся, для любящей женщины все остальные мужчины — бесполые существа. Прохожие. А вот у мужчин, к сожалению, по-другому... И я видела, как ты смотрел на нее!

Олег. На кого?

Даша. На эту, молодожениху из соседнего номера! Ты же ее узнал!

Олег (*испуганно*). Я?

Даша. Ты...

Даша. Узнал, узнал. Ведь это она купалась голой, когда мы ехали на машине...

Олег (*облегченно*). Разве... Да, в самом деле... Грудь, скорее всего, искусственная.

Даша. И тем не менее смотреть на нее так не стоило.

Олег. Как?

Даша. Вни-ма-тель-но!

Олег. Извини... Издержки профессии. Приходится собирать жизненный материал в самых неожиданных местах. Писательская копилка (*стучит себя пальцем по лбу*) должна быть всегда полна! А смешно, мы в темноте перепутались...

Даша. Ничего смешного. (*Подходит к двери, прислушивается, пробует ручку.*) Ой, дверь не заперта!

Олег. Надо у Паркинсона ключ попросить!

Даша. Принесет шампанское — тогда и попросишь.

Олег. Станный старик, правда?

Даша. Неизвестно, какие мы будем в его возрасте, если доживем...

Олег. А знаешь, что мне интересно?

Даша. Что?

Олег. Будем мы с тобой в его возрасте заниматься любовью или нет? А если будем, то сколько раз в день?

Даша. В год...

Олег. Ты станешь старенькой (*Падает на постель.*) и будешь это делать еле-еле... чуть-чуть... (*Показывает, как это будет.*)

Даша. И ты тоже будешь старенький. С палочкой. Со вставной челюстью. И тоже будешь любить меня еле-еле, чуть-чуть... (*Падают на мужа, показывает, как это будет.*)

Входит Паркинсон с подносом. С интересом наблюдает за ними.

Олег. Еле-еле...

Даша. Чуть-чуть...

Паркинсон (*кашляет*). Шампанское из погребов Касандры...

Левая грудь Афродиты, или Отель «Медовый месяц»

Олег и Даша, как ошпаренные, вскакивают с постели, поправляя одежду.

Олег. Массандры! Вы ошиблись...

Паркинсон. Я редко ошибаюсь.

Даша (*смущенно*). А мы о вас только что говорили...

Паркинсон. Обо мне?

Олег. Да, о вас. Понимаете, дверь между номерами не заперта. И мы боимся, как бы случайно...

Паркинсон. Случайно? Исключено. Ах, Эрот лукавокозненный! Тысяча извинений! Я принесу ключ и запиру. Не смею мешать вашему счастью. Спокойной ночи вам не желаю, ибо, во-первых, с моей стороны это было бы бестактностью! А во-вторых, вас еще ждет ужин... Фирменная телятина «Улыбка Ио». Да хранит вас, Афродита воспламеняющая!

Уходит, глянув на молодых с грустной улыбкой.

Олег (*передразнивая*). О, Афродита воспламеняющая....

Даша. Это, наверное, для колорита. Все-таки здесь очень дорого берут!

Олег. Не жадничай! Медовый месяц бывает только раз в жизни. А знаешь, почему он называется медовый?

Даша. Почему?

Олег. Потому что за эти дни влюбленные друг с друга, словно пчелы с цветков, собирают мед и, как в соты, складывают вот сюда. (*Показывает на сердце.*) И нужно успеть собрать меда столько, чтобы хватило потом навсегда, на всю жизнь!

Даша. Записать?

Олег. Пожалуй...

Даша записывает. Олег открывает шампанское, поясняя наставительно.

Олег. Мало кто знает: когда открываешь шампанское, бутылку надо держать под углом в сорок пять градусов, тогда не будет фонтана из пены.

Даша. С фонтаном как-то веселей. За что пьем?
Олег. За мед любви! Что бы хватило на всю жизнь...
Даша. Навсегда!

Пьют шампанское, нежно целуются.

Олег. А знаешь, о чем я сейчас жалею?
Даша. О чем?
Олег. О том, что с нами нет Николашки.
Даша. Ты будешь его любить?
Олег. Конечно. Он же часть тебя!

Даша. Нет, он уже отдельный человек, который все понимает и даже ревнует. Николашка должен к тебе привыкнуть. Он должен понять, что в моей жизни есть теперь и другой мужчина. Большой. Умный. Это трудно.

Олег. Николашка знает, что стало с его отцом?

Даша. Нет. Для него он просто уехал. Далеко. В три года ребенок не объяснишь, что значит «погибнуть в горячей точке»...

Олег. Хорошо, что ты с самого начала все честно мне рассказала. И про мужа, и про Николашку... Ненавижу лгуний, которые переспали с половиной Москвы, а наутро объявляют, будто ты у них второй... Первый погиб, конечно, в автомобильной катастрофе.

Даша. И много у тебя было таких лгуний?

Олег. Не очень. Понимаешь, у каждого мужчины есть изменный фонд...

Даша. Как это?

Олег. А вот так. Каждому мужчине предназначена единственная женщина. Для меня — это ты! Все остальные женщины — изменный фонд. Разумеется, лучше, когда он исчерпан до встречи с единственной...

Даша. А у тебя он исчерпан?

Олег. Практически полностью.

Даша. Это утешает. Интересно, а у женщин есть изменный фонд? Надо будет спросить Ольгу Чибисову...

Олег. По-моему, ты стала к ней хуже относиться!

Даша. Тебе показалось. *(Встает с постели.)*

Олег. Ты куда? Подожди!

Даша. Пусти! Я хочу принять ванну...

Олег. Давай вместе!

Даша. Как в твоём романе «Смертельная нежность»?

Даша скрывается в ванной. Олег смотрит ей вслед. Подходит к окну.

Олег. Море... Вечное и неисчерпаемое как жизнь. Дробящаяся на волнах лунная дорожка — это путь, который видят все, но никто не может на него ступить. А судьба — это путь, который никто не видит, но все по нему идут...

Пока он это говорит, боковая дверь тихо открывается.

Появляется Нина. Она незаметно подходит к Олегу и встает у него за спиной.

Нина. Записать?

Олег. Запиши. *(Резко оборачивается.)* Ты?

Нина. Я.

Олег. Что тебе от меня нужно?

Нина. Ничего. Просто хочу поздравить тебя с законным браком. Можешь налить мне шампанского! Чокнемся...

Олег. Обойдешься!

Нина. Жмот!

Олег. Тише! Жена в ванной, может услышать. Кстати, где твой муж? Я совершенно не хочу скандала.

Нина. Трус! Но мне скандал тоже не нужен. Он в прошлом боксер.

Олег. Значит, ты своего все-таки добила?

Нина. О да! Была секретаршей, а стала женой!

Олег. И у него куча денег, как ты мечтала?

Нина. Да, у него своя фирма. Ну, не совсем своя... А вот это он подарил мне на свадьбу!

Показывает кольцо, поднося его к самому носу Олега.

Нина. Камешек? Идиот! Ты никогда ничего не понимал в драгоценностях и про все, что стоит настоящих денег, писал чепуху. «Ее восхитительную грудь украшала брошь, усыпанная мармарошскими алмазами, стоимвшими целое состояние...»

Олег. А в чем дело?

Нина. А дело в том, что «мармарошскими алмазами» называются подделки из хрусталя...

Олег. Подумаешь, у Лермонтова львица ходит с гривой. И ничего.

Нина. Мне жаль твою жену. Бедная дурочка! Ты ей случайно про изменный фонд не рассказывал?

Олег. Нет, за кого ты меня принимаешь! И она не дурочка. Она очень тонкая, умная и порядочная женщина! Я ее год добивался. Не то что тебя!

Нина. Надеюсь, эта тонкая, умная и порядочная женщина от тебя скоро сбежит.

Олег. Почему она должна от меня сбежать?

Нина. Обязательно сбежит. Сначала она, как и я, будет смотреть тебе в рот, записывать твои дурацкие фразы, рыдать от обиды, когда тебе в очередной раз возвратят рукопись с издевательской рецензией. Будет занимать у друзей деньги под выдуманные авансы, а потом врать им, что издательство разорилось... Будет рассказывать всем, как Набокова тоже сначала не печатали, а потом дали Нобелевскую премию...

Олег. Льву Толстому Нобелевскую премию так и не дали.

Нина. Это единственное, что сближает тебя с Толстым.

Олег. Ты пришла сказать мне об этом? Убирайся! Паркинсон сейчас принесет ключи и подумает черт знает что!

Нина. Я уйду. Но хочу тебя предупредить: пока еще Андрей ничего не заметил. Но если ты и дальше будешь смотреть на мою грудь, как некормленный младенец, он что-нибудь заподозрит...

Олег. Грудь тоже он подарил?

Нина. Представь себе! И ему совершенно незачем знать, что ты был моим мужем.

Олег. Почему же?

Нина. Как бы тебе попроще объяснить... Он ни разу не был первым ни в боксе, ни в бизнесе. Я решила его побаловать и сказала, что никогда прежде...

Олег. Так он у тебя первый?

Нина. Ну, в известном смысле...

Олег. Это делают там же, где и грудь?

Нина. Пошляк! Какие вы, мужики, зануды: первый, второй... Какая разница! По-моему, лучше быть последним мужем, чем первым...

Олег. У тебя никогда не будет последнего мужа — только предпоследние...

Нина. Ты всегда ко мне плохо относился. Боже, как я счастлива, что не завела от тебя ребенка! Спасибо, Лерке... Отговорила.

Олег. И на аборт одолжила, мерзавка! Ты всегда, всегда слушалась ее, а не меня. Лера считает, Лера сказала, Лера купила... Сво-лочь!

Нина. Да, она моя лучшая подруга! И что? Я знаю, почему ты ее ненавидишь?

Олег. Почему?

Нина. Она тебе отказала!

Олег. Мне?! В чем?

Нина. В том самом! Да еще влепила пощечину!

Олег. Когда?

Нина. Когда ты к ней полез?

Олег. Я?! Полная чепуха!

Нина. Ври своей дурочке. Лерка мне все потом рассказала!

Олег (*возмущенно*). Какую пощечину! Это она ко мне приставала...

Нина. Ха-ха! Какая идиотка будет к тебе приставать, мармашка!

Олег. Ты, например!

Нина. Нет! Не было! Никогда!

Нина. Ничтожество! *(Бьет его по щеке.)*

Олег. Шалава силиконовая! *(Бьет ее по щеке.)*

Входит Паркинсон и внимательно наблюдает за происходящим.

Нина. Раньше ты это делал лучше. Она плохо тебя кормит? Ослаб? Вот как надо! *(Бьет.)* Вспомнил?

Олег. Я — ослаб? А вот так! *(Бьет.)* Не забыла?

Нина *(отшатываясь от сильного удара)*. Уже лучше. Весело мы с тобой жили! А вот так! *(Бьет.)*

Олег. Неплохо. Совсем как раньше. А вот так...

Паркинсон *(кашлянув)*. Я принес ключи.

Олег *(смущенно)*. Очень хорошо. А мы вас только что вспоминали!

Паркинсон. Меня? С чего бы? Вы были так заняты...

Нина. Да, вспоминали. Хотела спросить: вы не видели моего мужа?

Паркинсон. Господин Петров отплыл далеко в море. Это опасно.

Нина. Ничего ему не сделается. Он бывший спортсмен. Не то что некоторые...

Паркинсон. Стол накрыт. Можете спускаться!

Нина. Благодарю вас. Я должна переодеться к ужину.

С гордо поднятой головой скрывается в соседнем номере.

Олег бросается и запирает боковую дверь на ключ.

Олег. Мы были с ней знакомы и даже немного женаты. И вдруг такая случайная встреча... Здесь...

Паркинсон. Случайных встреч не бывает. Тем более — здесь. Бывают только случайные браки. Вы спускаетесь к ужину?

Олег. Да, конечно... *(Сквозь дверь ванной.)* Дорогая, ужин стынет. Поторопись!

Голос Даши. Иди! Я скоро.

Олег. Я буду ждать тебя внизу.

Олег и Паркинсон уходят. Дверь ванной распахивается. Появляется свежeweымытая Даша.

Даша. Господи, как хорошо! (*Подходит к балкону.*) Как пахнет морем... Завтра буду купаться и загорать! Загорать и купаться. Что же мне надеть? (*Раскрывает чемодан. Прикидывает несколько нарядов. Подходит к телефону. Набирает номер.*) Мама! Это я. Да, долетели нормально. Роскошный отель с видом на море. Как там Николашка?.. Ты с ним поостроже!.. Знаешь, кажется, у тебя будет еще один внук или внучка... Уверена! Нет, Олегу еще не говорила. Скажу, когда вернемся домой... Нет, еще не купалась. Боюсь плавать в темноте. Завтра. Поцелуй за меня Николашку! Пока.

Тем временем с балкона из-за штор появляется Андрей.

Он в купальном халате, на плечи наброшено полотенце.

Даша кладет трубку. Андрей кладет ей руку на плечо.

Даша (*вздрыгнув*). Ну разве можно так пугать, Олег?! (*Оборачивается.*) Ты?

Андрей. Нет, маршал Трухачевский.

Даша. Ты с ума сошел! Нас же могут увидеть...

Андрей. Не волнуйся — они внизу. Аперитивом разминаются. Паркинсон на лире бренчит...

Снизу доносятся голоса и звон струн.

Даша. Как ты узнал, что я приеду в этот отель?

Андрей. Ничего я не знал. Жена где-то прочитала рекламу. А может, подруга посоветовала. Она эту Лерку во всем слушается.

Даша. Ты выбрал себе красивую жену.

Андрей. Нет, я выбрал себе красивую секретаршу.

Даша. Не знала, что на секретаршах женятся.

Андрей. Да, женятся. На тех, что рядом — и днем и ночью. А на тех, что из-за дурацкой обиды исчезают в неизвестном направлении... На таких, знаешь, очень трудно жениться!

Даша. Из-за дурацкой обиды? Значит, если ты застаешь любимого человека с какой-то потаскухой, это — дурацкая обида? А что же тогда, по-твоему, недурацкая обида?!

Андрей. Ну ты же знаешь, Волчатова! Такие у него приколы: после удачной сделки присылает всем в подарок девиц. Бонус...

Даша. Но ведь от бонуса всегда можно отказаться!

Андрей. Я и хотел отказаться...

Даша. Видимо, в этот самый момент я и вошла.

Андрей. Опять злишься! Четыре года прошло. Я думал, ты уже забыла.

Даша. Забыла?! Весь Новый год отсиживаться в ванной, потому что на тебя положил глаз босс твоего будущего мужа. Допустим, у тебя с Волчатовым общие деньги. Но почему у вас должны быть общие женщины? Этой... женой ты с ним тоже делишься? Или у него право первой ночи?

Андрей. Но ты же знаешь Волчатова...

Даша. Знаю. Секретарши, к твоему сведению, не только безотказны. Они еще и наблюдательны. Профессия такая! Интересно, а если бы Волчатову нравились мужчины, ты бы ему тоже не посмел отказать?

Андрей. Ну, ты скажешь! А кто такой Николашка?

Даша. Сам-то не догадываешься?

Андрей. Ага, значит, вы по-современному: сначала завели ребеночка, а потом расписались?

Даша. Занятия бизнесом явно обострили твой интеллект. А эту Нину, значит, ты взял сразу после меня?

Андрей. Нет, сначала вообще никого не было. Ждал, что ты вернешься. Потом была Лиза. Ей повезло — она вышла замуж за Камалю, директора завода ядохимикатов. Помнишь, такой лысый с искусственным глазом?

Даша. Еще бы!

Андрей. После нее была Галя. Но она Волчатову понравилась... А потом уже — Нинка. Она молодец. По-английски шпарит на всех переговорах. Я только киваю. Бухгалтерию тащит. Машину водит — можно расслабиться...

Даша. Напиться как свинья.

Андрей. Я теперь пью гораздо меньше. А утром всегда напоминает: с кем встреча, когда переговоры. Я без нее как без рук.

Пытается обнять Дашу.

Даша. Руки! Убери сейчас же руки! Я закричу!

Андрей. Кричи! Прибежит твой муж — и что ты ему скажешь?

Даша. Отпусти, прошу тебя!

Андрей (*отпуская*). А говорила, узнаешь по одному прикосновению.

Даша. По одному прикосновению узнают тех, кого любят...

Андрей. Значит, ты меня больше не любишь?

Даша. Ты сам во всем виноват. Сколько раз я тебя просила: уйди от Волчатова. Уйди! Не нужны нам эти грязные деньги. Не нужны его подачки. Бонусы!

Голос Олега. Да-аша, скорей! Ужин стынет...

Даша. Сейчас! (*Андрею.*) Уходи!

Андрей. Как я уйду? Он под балконом стоит.

Даша (*отпирая боковую дверь*). И чтобы я тебя больше не видела! Никогда!

Андрей скрывается в своем номере. Даша бросается ничком на кровать.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Холл. Под пальмой накрыт стол на четверых. Петровы и Сидоровы церемонно ужинают. Паркинсон — за официанта.

Паркинсон. Рекомендую! Эта телятина приготовлена по старинному рецепту эротической кухни.

Андрей. Я в «Плей-бое» читал, что петрушка возбуждает, а мята — наоборот. Поэтому чай с мятой на ночь пить нельзя...

Олег. На ночь лучше всего корень мандрагоры.

Андрей. Не понял?

Паркинсон. Для молодоженов вы что-то слишком рано интересуетесь возбуждающими средствами.

Андрей. Женщина — лучшее возбуждающее средство.

Даша. Женщина — не средство.

Олег. Женщина — это повод для нежности в нашей грубой жизни.

Нина (*потирая щеку*). Неужели! Как интересно! Вы, э-э... Олег, кажется, писатель? И что же вы пишете?

Олег. Романы.

Нина. Их печатают? По моим наблюдениям, писатели обычно складывают рукописи в коробки из-под куриных окорочков. Эти коробки стоят потом по всем углам, пылятся и, когда ходишь по комнате, все время о них спотыкаешься! Все время!

Даша. Ну что вы! Ничто нигде не пылится. У нас рукописи с руками отрывают. Наш роман «Свидетели соблазна» две недели занимал вторую строчку в рейтинге продаж.

Паркинсон (*наливая вино*). О время, о нравы! Дожили. Раньше книги занимали место в сердцах современников, а теперь — в рейтинге продаж.

Нина. Что-то я ваших книг не видела. Простите, как ваша фамилия?

Олег. Сидоров.

Нина. Сидоров. Олег Сидоров... Нет, вы мне никогда не попадались.

Олег. Никогда?

Нина. Никогда.

Даша. А он вам и не мог попасться, потому что Олежек издается под псевдонимом.

Нина. Давно?

Олег. Уже три года.

Нина. Ага... Три года. Ну, понятно... И что же это за псевдоним?

Даша. Ольга Чибисова.

Андрей. Что-о?! Ольга Чибисова? Это — вы? Не может быть! У меня все девицы на фирме зачитываются вашими книжками!

Нина. Оригинальный псевдоним. Но он вам подходит. Ольга Чибисова мне действительно попадалась. Такие маленькие книжонки, а на обложках яркие рисунки, как на презервативах.

Олег (*смущенно*). Рынок есть рынок.

Нина. Мне даже в голову не приходило, что Ольга Чибисова это...

Даша. Мне тоже! Мы так смешно познакомились. Я пришла устраиваться секретаршей в одно издательство.

Нина. Так вы по профессии секретарша?

Даша. Да. С дипломом делопроизводителя. Кроме того, владею бухгалтерским учетом. Английский — свободно. Недавно курсы закончила. А сейчас хожу в автошколу.

Андрей. Надо же!

Нина. Андрей, не перебивай! Значит, вы пришли в издательство и...

Даша. Пришла и вдруг вижу: у них в приемной стопками стоит новый роман Ольги Чибисовой «Оргазм взаимы».

Нина. Боже, а я все думала, кто же мог написать такую хреновину? Но самое смешное — покупают. И платят, наверное, хорошо?

Даша. Очень хорошо. Мы даже дачу в Переделкино покупаем...

Нина. Дачу?

Андрей. Не перебивай! (*Даше.*) Рассказывайте дальше!

Даша. Да, увидела стопки и спрашиваю: «Можно у вас купить эту книгу? Моя мама без ума от Ольги Чибисовой!» А мне отвечают: «Вы можете не только купить, но и получить автограф автора. Видите, возле кассы пересчитывает деньги мужчина в очках. Это — она...»

Нина. И вы не удивились, что это мужчина?

Даша. Удивилась, конечно... Подошла и спросила: «Это вы?»

Олег. А я ответил — «Это я...»

Оба встают, представляя в лицах то давнее знакомство.

Андрей и Нина ревниво внимают их рассказу.

Олег. Конечно! А почему вы на меня так смотрите?

Даша. Потому что никогда раньше не видела Ольгу Чибисову.

Олег. И вас не смущает, что я мужчина?

Даша. Наоборот. Это так приятно, что интересная писательница оказывается вдобавок еще интересным мужчиной...

Нина. От лести последние мозги отшибает...

Даша. У кого?

Нина. У писателей.

Андрей. Не перебивай! Продолжайте!

Олег (*галантно*). Сегодня у меня как раз презентация этого романа в Доме литераторов. Разумеется, с фуршетом. Я вас приглашаю!

Даша. Это так неожиданно. Мы едва знакомы...

Олег. Считайте, вас приглашает известная вам Ольга Чибисова.

Даша. Вот так мы и познакомились.

Нина. Очень романтично. А потом?

Олег. Потом мы гуляли по ночной Москве, и это была самая лучшая ночь в моей жизни!

Нина. Так мужики всегда говорят, когда ничего не помнят.

Олег. Вообще-то, я переборщил на презентации. Меня тогда мексиканский аташе учил пить текилу...

Нина (*ревниво*). На презентации были дипломаты?

Даша (*простодушно*). Конечно. Ольгу Чибисову переводят во всем мире. Олег столько стран объехал. Перед самой свадьбой мы летали в Италию. Там издали «Фаллическую рулетку». А знаете, сколько алых роз Олег приносил мне на каждую встречу, когда ухаживал за мной?

Нина. Сколько?

Даша. Тридцать одну. Знаете почему?

Нина. Вам тридцать один год.

Даша. Мне двадцать четыре.

Нина. Вы неплохо сохранились...

Андрей. Так почему тридцать одну розу?

Нина. Потому что мы познакомились 31 марта.

Нина. Надо же... Когда-то я была знакома с писателем... Но он мне больше одной гвоздики никогда не дарил, хотя познакомились мы с ним всего-навсего 3 октября.

Олег. Может быть, он просто был бедным?

Нина. Это не оправдание! За все наше знакомство не подарил мне ничего...

Олег (*возмущенно*). А духи к 8 Марта?

Даша. В самом деле, неужели и духов не дарил?

Нина. Духи? Конечно, «Серебристый ландыш»... Я ими тараканов морила. Кстати, мой муж специализируется на бытовых насекомых...

Олег. В каком смысле?

Андрей. Оптовые закупки ядовитых аэрозолей в арабских странах.

Нина. Так вот, ни один ядовитый аэрозоль не убивал тараканов так, как «Серебристый ландыш»!

Андрей. Ты мне никогда не рассказывала про этого писателя!

Нина. Зачем? У нас же ничего не было.

Даша. Удивительно, какие разные писатели бывают!

Нина. Лерка, правильно говорила: плюнь на это ничтожество, ты еще встретишь настоящего мужчину! Вот я и встретила! (*Обнимает мужа.*)

Даша. А кто это — Лерка?

Нина. Вообще-то ее зовут Калерия. Очень редкое имя. Мы сидели за одной партой. Она была моей лучшей подругой. Нам даже одни и те же одноклассники нравились. Но теперь мы почти не видимся.

Олег. Почему же?

Нина. Между подругами, надеюсь, писателям это известно, иногда такое случается. Даже на свадьбу ко мне не пришла. Знаю только, встречается они теперь с каким-то маммологом. И у них серьезно...

Андрей. Не понял. С кем встречается?

Андрей. Это профессия или хобби?

Нина. Дорогой, не задавай глупых вопросов. Маммолог — это врач. Они познакомились в поликлинике. Она пришла на прием, разделась — он увидел и влюбился.

Олег. Наверное, было во что влюбиться

Андрей. Дорогая, у тебя теперь не хуже.

Олег (*Андрею*). А как вы с Ниной познакомились?

Андрей. Обыкновенно. У меня была секретарша Галя, исполнительная девушка. И вдруг на нее положил глаз Волчатов...

Олег. А кто это?

Андрей. Вам лучше не знать. В общем, Гали не стало. Я дал объявление в газету: мол, требуется секретарша и все такое прочее...

Даша (*ехидно*). И что же означает «все такое прочее»?

Андрей. Ну, вы тоже были секретаршей. Должны бы знать...

Даша. Нет, не должна. Я работала у одного бизнесмена. Когда он в первый раз попросил меня вечером задержаться, запер кабинет и... Я разбила о его голову компьютер.

Андрей. Не убили?

Даша. К сожалению, нет.

Олег. Ты мне об этом никогда не рассказывала!

Даша. Зачем? У нас же с ним ничего не было.

Нина. А вот это бросьте! Такого не бывает, чтобы у шефа с секретаршей ничего не было.

Даша. Вы, вероятно, судите по себе?

Нина. Ах, вот мы какие! У нас уже зубки прорезываются!

Олег. Не перебивай! Рассказывайте...

Андрей. В общем, после объявления — набежали... Старушка со своим «ремингтоном» притащилась. Песок сыпется. Я, говорит, еще у Луначарского работала! Другая прямо с Тверской, с рабочего места примчалась. Юбка — вот по сих пор... Даже одна школьница прискакала. Говорит, пишу с ошибками, но все остальное умею на «пятерку». И вдруг входит Нина. Волосы на пробор, платье длинное и — в очках...

Нина. Очки я у Лерки взяла. Она дальнозоркая. *(Снимает очки с Олега.)* Для убедительности. Ни черта в них не видела. Большое пятно мужской формы.

Нина и Андрей встают, изображая ту давнюю первую встречу.

Андрей. Проходите, садитесь.

Нина. Я по объявлению.

Андрей. Вы уже работали секретаршей?

Нина. Нет, никогда. Но я хорошо завариваю кофе.

Андрей. Этого мало.

Нина. Странно, во всех фильмах секретарши только и делают, что заваривают кофе.

Андрей. Ну, нет! Я недавно фильм смотрел: там секретарша не только кофе заваривает...

Нина. Я согласна.

Андрей. А еще надо работать на компьютере, соединять меня с нужными людьми и отшивать разных там козлов, помнить, когда и где переговоры, с кем я обедаю, ужинаю...

Нина. А с кем вы сегодня ужинаете?

Андрей. Пока не знаю.

Нина. А почему бы вам сегодня не поужинать со мной?

Даша. В первый же день? Я бы — ни за что...

Нина. Почему же?

Даша. Потому что у женщины должна быть гордость. Потому что мужчина должен женщину завоевать... Взять, как крепость!

Нина. Вам, милая, нужно было в средние века родиться. Нынешние мужчины берут только те крепости, в которых ворота открыты. Настежь. Ворота, милая моя, надо запирать не до, а после...

Олег. Ну и чем закончился ваш ужин?

Нина. Меня приняли на работу без испытательного срока.

Олег. А потом?

Нина. Потом я сняла очки, обнаружила, что мой новый шеф — очень даже приятный холостой мужчина, и решила: ему нужно жениться.

Даша. На вас?

Нина. А на ком же еще?

Андрей. Точно! Волчатов как Нинку увидел, так сразу мне говорит: бери — не думай! Такая тебе и нужна — хваткая!

Даша. Опять этот ваш Волчатов!

Олег. А я бы сто раз подумал.

Нина. Почему это?

Олег. С секретаршей в случае кадровой ошибки имущество делить не надо...

Нина. Какие же писатели нудные!

Появляется Паркинсон с блюдом.

Паркинсон. А теперь — десерт.

Даша. Я не хочу десерт. Я хочу... Я хочу... в море.

Олег. Уже темно, а ты боишься темноты!

Даша. После шампанского я ничего не боюсь! Идешь со мной?

Олег. Я плохо плаваю, ты знаешь...

Нина. Как же вы тогда написали свой «Экстаз в океане»? Там все происходит в воде!

Олег. Для писателя главное — воображение.

Нина. Увы, это так.

Андрей. Даша, давайте я с вами сплаваю!

Олег. Это не опасно?

Нина. Не волнуйтесь. Мой муж может сплавать в Турцию и обратно. Он мачо. Водоплавающий...

Андрей и Даша уходят.

Нина (*глядя вслед*). Наивная дурочка... Тебе с ней не скучно?

Олег. Ну, знаешь, твой тоже заторможенный какой-то. Ты ему часто изменяешь?

Нина. Не очень. По субботам.

Олег. Почему по субботам?

Нина. По субботам он ходит с Волчатовым в баню.

Олег. Вы все время вспоминаете этого Волчатова...

Нина. Жуткий человек. Бандит. В постели с ним чувствуешь себя самоубийцей. Но что поделаешь — фирма и деньги принадлежат ему. Андрей у него на побегушках. К сожалению, я поняла это слишком поздно.

Олег. А что, на ядовитых аэрозолях можно хорошо заработать?

Нина. На каких аэрозолях! Это — крыша. На самом деле Волчатов... *(Шепчет на ухо.)*

Олег. Кошмар! Это же опасно!

Нина. Еще бы! Живу и не знаю, когда вдовой стану.

Олег. Ты, конечно, можешь наплевать на мой совет. Но как твой бывший... Ты должна убедить мужа бросить это занятие!

Нина. А на что мы будем жить? Не все же замужем за Ольгой Чибисовой. Знаешь, где работал Андрей до того, как появился Волчатов?

Олег. Где?

Нина. В детской спортивной школе. Тренером. Догадываешься, сколько он получал?

Олег. Я за тебя боюсь!

Нина. Ты лучше за себя бойся. Твоя половина очень странно смотрит на моего благоверного. Все время смотрит.

Олег. Даша не такая!

Нина. Дурак ты, хоть и Ольга Чибисова! Верность жены это всего лишь одно из достоинств ее мужа...

Олег. А верность мужа?

Нина. Стечение обстоятельств.

Олег. Надо записать! Ты не только похорошела, но и поумнела.

Нина. Спасибо! Просто ты от меня отвык.

Олег *(потирая щеку)*. Это верно...

Появляется Паркинсон.

На голове у него венок, в руках снова — лира.

Паркинсон. Если не возражаете, я исполню вам песнь Анакреонта.

Паркинсон (*брящая лирой*).

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей.
Зубы в деснах ослабели
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт —
Нету выхода оттуда...

*Затихает пенье. Все трое сидят в задумчивости. Быстро входит
зволнованная Даша. Следом за ней плетется растерянный Андрей.*

Олег. Замерзла? Холодная вода? Ты вся дрожишь!
Даша. Вода. Какая вода? Ах, да — очень теплая. Но мы заплыли
слишком далеко.

Нина. И насколько же далеко вы заплыли?

Раздается телефонный звонок.

Паркинсон. Господин Петров, вас!

*Андрей подходит к стойке, берет трубку,
некоторое время слушает и меняется в лице.*

Андрей (*в трубку*). Ты?.. Не понял... Понял. (*Кладет трубку,
поворачивается к жене.*) Это Волчатов... Он в городе. Прилетел из
Москвы. Что-то случилось...

Нина. Что случилось?

Андрей. Не знаю. Но что-то очень серьезное! Вызывает...

Нина. Когда?

Андрей. Сейчас.

Даша. Но ведь уже ночь!

Андрей. Он никогда еще не говорил со мной таким голосом!

Даша. Боже!

Нина. Поедешь утром. Я сказала!

Андрей. А он сказал: немедленно. Поняла? Господин Паркинсон, как мне выбраться отсюда?

Паркинсон. Я вызову такси.

Снова раздается телефонный звонок. Андрей бросается к трубке, потом разочарованно протягивает ее Паркинсону.

Паркинсон. Отель «Медовый месяц». Ах, это вы, господин Тараканушкин. Помирились? Ну, вот видите! Вылетаете завтра? Прекрасно! Конечно, как договаривались: номер люкс, «джакузи», кровать в стиле Людовика XIII, вид на генуэзскую крепость...

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Утро следующего дня. Паркинсон накрывает к завтраку. Нина сидит под пальмой и курит. Из приемника доносится музыка.

Нина. Если бы у меня было много денег, я бы уехала куда-нибудь далеко-далеко, туда, где всегда лето, купила бы виллу на берегу океана и жила бы там совершенно одна. С двумя телохранителями. Блондином и брюнетом.

Входит Олег.

Паркинсон. Как море?

Олег. Восхитительное! Вода тепло-прохладная, как тело любимой женщины. А когда утром солнце поднималось из-за гор, казалось, начинается извержение нежного вулкана...

Паркинсон. Да. Солнце здесь всегда встает из-за гор, а садится в море. Вам глазунью или омлет?

Олег. Глазунью. Яичный желток у древних символизировал солнце. *(Нине, участливо.)* Ну как ты?

Нина. Готовлюсь стать вдовой.

Олег. Нет ничего сексуальнее молодой красивой вдовы. Все будет хорошо! Он вернется...

Нина. Сомневаюсь.

Олег. Почему?

Нина. В последнее время я вела в фирме бухгалтерию и когда записывала приход, иногда теряла ноль. Всего один ноль. На шпильки. Ты же знаешь, я не люблю просить деньги у мужчин...

Олег. Да, у меня ты тоже все время без спросу по карманам шарила.

Нина. Если бы в твоих карманах что-нибудь было, возможно, я бы от тебя не ушла. Боюсь, Волчатов вычислил...

Олег. Твой муж не догадывался об этих нулях?

Нина. Муж? Нет. Он пропустил слишком много ударов в голову.

Из приемника доносится голос диктора.

Голос диктора. Сегодня утром в центре города выстрелами из машины убит мужчина средних лет спортивного телосложения. Личность погибшего устанавливается. Температура воздуха — 22 градуса. Море — 23.

Паркинсон. Не волнуйтесь, это не он. Ваш муж жив и здоров. Он вернется. В городе каждый день стреляют — делят сферы влияния. Скорей бы уж поделили!

Олег. Он обязательно вернется! Ты верь...

Нина. Обязательно. Вернется... Конечно, вернется! А у меня даже нет с собой приличного черного платья...

Паркинсон. Сходите после завтрака искупайтесь, позагорайте. Это утешает. Море всегда утешает.

Олег. А вот интересно: выражение «безутешная вдова» обозначает женщину, которая не может утешиться, или вдову, которую просто некому утешить?

Нина. Больше тебя ничего не интересует?

Олег. Извини. Ты думаешь, это про Андрея... сказали?

Нина. Не знаю.

Олег. Ну и что ты будешь делать, если?..

Нина. Плакать.

Олег. А потом?

Нина. Скорбеть.

Олег. А потом?

Нина. Жить воспоминаниями.

Олег. А потом?

Нина. Потом — отобью тебя у жены... Где она, кстати?

Олег. Наверху. Всю ночь не спала. Наверное, из-за полнолуния.
Не отобьешь!

Нина. Отобью.

Олег. А ведь ты Андрея совсем не любила... не любишь... Ты его не любишь даже сильнее, чем не любила меня.

Нина. Ух ты! Думаешь, взял бабский псевдоним и стал разбираться в женщинах?

Олег. Да, теперь кое-что понимаю. Есть женщины, которые никогда не пойдут в театр без мужчины, даже если им очень хочется посмотреть спектакль. А с мужчиной пойдут смотреть любую чепуху. Они же не смотреть идут, а показывать себя и своего мужчину. Ты такая!

Нина. Жаль, нет твоей жены, она бы записала... Дай воды!

Олег. Тебе плохо?

Нина. Хуже некуда. Допустим, Волчатов его не убил, а просто выгнал... На что мы будем жить? Мужик как автомобиль: если начинает барахлить, от него нужно сразу избавляться. Потом будет поздно.

Олег. И пересаживаться в другой автомобиль, новый?

Нина. Или в старый, но надежный.

Олег. И после таких слов ты хочешь отбить меня у жены?

Нина. Боже, как будто мужей отбивают словами!

Олег. Нина, запомни: к прошлому возврата нет. Прошлая жизнь — это город детства, о котором можно вспоминать, мечтать, сожалеть, но в него уже никогда не вернешься... Разве что проездом. Черт, забыл блокнот!

Паркинсон. А вот и глазунья. Помните у Гомера?

Чтобы супруг после битвы ночной стал могучим как прежде,
Утром глазунью в постель подавала ему Андромаха...

Олег. Что-то не помню.

*Паркинсон расставляет тарелки. По лестнице спускается Даша.
Отдает ключ от номера Паркинсону.*

Паркинсон (*вешая ключ на доску*). Только что передавали курортные новости. В городе опять стреляли...

Даша (*хватаясь за стойку*). В кого?

Паркинсон. В мужчину средних лет, спортивного телосложения...

Даша. Надо ехать. Надо скорее ехать в город!

Нина. Зачем? Что случилось — то случилось...

Даша. Как вы можете так спокойно об этом говорить?

Нина. Я всегда была к этому готова. Жена бизнесмена, как жена летчика-испытателя... Разница только в том, что в случае чего президент не выражает тебе соболезнование и почетный караул не палит в воздух. Зато плита на могиле раз в пять больше, чем у испытателя...

Паркинсон. Не волнуйтесь, личность убитого еще не установлена!

Олег (*раздумчиво*). Идиотское выражение — «личность убитого». Какая у убитого может быть личность? Смерть — это конец личности. Надо говорить: безличность убитого устанавливается... (*Даше.*) А почему ты не записываешь?

Даша. А почему я должна записывать разную чепуху?

Олег. Еще вчера ты так не думала!

Даша. Откуда ты знаешь, что я думала вчера?

Олег. Но ты говорила...

Даша. Мало ли что я говорила... Потаскухи зарабатывают себе на жизнь телом, а жены — словами...

Нина. Bravo, милочка! Но у вас такой вид, будто вдовой готовитесь стать вы, а не я.

Даша. Я не знаю... Но если бы такое случилось с моим мужем, я не сидела бы здесь...

Нина. Только не учить меня скорби. Не надо!

Паркинсон (*Даше*). Что бы вы хотели на завтрак? Омлет, кофе?

Даша. Нет, я не хочу есть. Я ничего не хочу...

Паркинсон. Тогда искупайтесь. Море утешает.

Даша. Да, конечно... Мне надо побыть одной.

Нина. Странное желание во время медового месяца.

Паркинсон. Прогуляйтесь по берегу до Сердоликового грота. Там купалась Афродита. Или вот еще хорошее развлечение: найдите плоский камень и пустите его по воде. Сколько раз камень подпрыгнет, столько в жизни у вас будет любовей. Недавно тут гостила одна пара. У него камень подпрыгнул восемь раз, а у нее — девять. Они были так довольны!

Даша. Я не умею бросать камни.

Олег. К обеду ты, надеюсь, вернешься?

Паркинсон. Не опаздывайте! Будет барашек по-боспорски и десерт «Сад Митридата».

Даша уходит.

Нина. За такое поведение я бы на твоём месте ее наказала!

Олег. Как?

Нина. Подумай!

Олег. Я не возьму ее на презентацию в Палермо.

Нина. Это мелко. Хотя я с удовольствием слетала бы в Палермо.

Олег. Я обещал ей купить шубу из серебристой норки. Не куплю!

Нина. Это уже лучше! У женщин особое отношение к шубам. Когда мне дарят что-нибудь меховое, у меня возникает чувство, будто это не шуба, а шкура, которую мужчина содрал с себя живо и сложил к моим ногам! Но по-настоящему женщину можно наказать только изменой!

Олег. Скажешь тоже! С кем? Здесь! Если только с Паркинсоном...

Нина. А со мной!

Олег. Да, действительно, я как-то не сообразил. Но какое же это наказание, если Даша о нем не узнает?

Нина. Глупый, это самое замечательное наказание. Мужчины — дураки, им обязательно надо, чтобы женщина узнала и взбесилась. Учись у женщин, ты же как-никак Ольга Чибисова! Самое большое наслаждение в воскресенье идти по улице под руку с благоверным и незаметно кивать тем, с кем ты ему мстила, мстила, мстила...

Олег. Какая ты мстительная! Ты и мне так же мстила?

Нина. Ну что ты! Тебе я была верна как идиотка. Пошли!

Олег. А если она вдруг вернется?

Нина. Она не успеет. Мы же идем не любовью заниматься. Мы идем наказывать твою жену. Для этого и минуты хватит...

Олег. Как-то неловко. Твой муж...

Нина. Ты же сам сказал, нет ничего сексуальнее молодой красивой вдовы!

Олег. И потом у меня все-таки медовый месяц...

Нина. Ты писатель или кто? Разве в твоей писательской копилке есть случай, когда мужчина изменял своей новой жене со старой женой во время медового месяца!

Олег. Нет.

Нина. Тогда пошли? В моем номере никто не помешает...

Олег (*Паркинсону*). Если вернется Даша, скажите, что я пошел... пошел прогуляться по берегу.

Паркинсон. В какую сторону?

Нина. Скажите, что он пошел налево...

Поднимаются в номер. Паркинсон загадочно смотрит им вслед, протирая стаканы. Появляется Андрей с чемоданчиком в руке.

Паркинсон. Вы все-таки живы?

Андрей. Не понял? Я бы давно вернулся, но у таксиста спустило колесо. А запаска оказалась дырявой.

Паркинсон. Вот всегда у нас так: если дороги хорошие, то запасного колеса нет.

Андрей. Где моя жена?

Паркинсон. Вам она очень нужна?

Андрей. Надо сказать ей, что все в порядке! Хотя какой там порядок... Волчатова убили.

Паркинсон. Что вы говорите!

Андрей. Прямо на моих глазах. *(Вздыхает и хочет уйти).*

Паркинсон *(не отпускает)*. Расскажите, как все было?

Андрей. Что именно?

Паркинсон. «Разборка». Так это, кажется, называется? Знаете, у меня довольно старомодные представления о таких вещах. Вот помнится, Ахилл забил стрелку Гектору под стенами Трои...

Андрей. Сам толком не знаю, как это случилось. Волчатов приехал кого-то разводить. Дал мне чемодан — подержать. И пошел. И все. Из автоматов — в лохмотья. А ведь он был чемпионом страны в полутяжелом весе. Всегда заканчивал бой нокаутом. Где моя жена? Она, наверное, очень волновалась...

Паркинсон. Места себе не находила. Нашла буквально только что.

Андрей. Пойду переоденусь. И в море, в море! Смыть с себя все это...

Паркинсон *(хватая его за рукав)*. Выпейте кофе! А вот замечательный омлет с креветками...

Андрей. Отлично! Я проголодался. *(Садится за стол, ест.)* А где, ну... наши соседи? Даша и этот, как его — писатель...

Паркинсон. Господин писатель собирает материал для нового романа. А его супруга купается. Вон, видите — из воды выходит. Знаете, у нее, конечно, не такие пышные формы, как у вашей жены... Но какое изящество! Греки называли таких женщин — тонколодыжными...

Андрей *(мечтательно)*. А я и забыл уже, какая она! Вчера было темно...

Паркинсон. Что вы говорите?

Андрей. Так... Ничего... Переоденусь и тоже искупаюсь. *(Встает.)* Что у нас сегодня с морем?

Паркинсон. Отлично у нас сегодня с морем! А вот что у нас сегодня с долларом? Я собираюсь поменять крупную сумму.

96 Хочу с вами посоветоваться, как со специалистом...

Андрей. Знаете, господин Паркинсон, когда видишь смерть, как вот вас сейчас, на эту зелень проклятую потом даже смотреть не хочется...

Паркинсон. Ах, как вы правы! Из-за этой резаной бумаги обратительно зеленого цвета люди лишаются самого главного — солнца, моря, благодарного женского шепота...

Андрей. Точно!

Паркинсон. Тяжелая у вас жизнь.

Андрей. Надоело. Живут же люди как-то и без бизнеса!

Паркинсон. Без бизнеса люди и живут...

Андрей. Ладно, возьму плавки...

Паркинсон. Погодите! А как же обмен?

Андрей. Сколько вы хотите поменять?

Паркинсон. Вот... *(Отсчитывает из кассы несколько бумажек.)*

Андрей. Разве это крупная сумма!

Открывает кейс, полный долларов, берет несколько купюр и протягивает Паркинсону. Тот с изумлением смотрит на грудку долларов.

Паркинсон. Боже! Сколько же это будет в серебряных тетрадрахмах!

Андрей. А бес его знает?

Андрей решительно направляется к лестнице. Паркинсон хватается за голову. Вдруг появляется Даша. Увидев Андрея, замирает.

Даша. Я пробовала бросить камень, но он подпрыгнул всего один раз. Андрю-юша! *(Бросается к нему.)* Ты жив, жив! Слава, богу...

Андрей. Волчатова убили.

Даша. Я чуть с ума не сошла! Я думала, мы больше никогда не увидимся... Никогда!

Андрей *(отстраняя ее)*. Но ты же вчера мне говорила...

Даша. Это было вчера! А сегодня все по-другому. По-другому! Потому что ты жив! Я не спала всю ночь...

Андрей. Конечно, я понимаю: медовый месяц...

Даша. Ничего ты не понимаешь. Господин Паркинсон, где мой муж?

Паркинсон. Гуляет.

Даша. В каком смысле?

Паркинсон. Вдоль берега. С вдовой господина Петрова.

Андрей. Не понял? С какой еще вдовой?

Паркинсон. С вашей. Мадам Петрова уже и не верила, что вы вернетесь. Поэтому сочла себя вдовой, а поскольку она пока еще не знает, что вы живы, то продолжает считать себя вдовой и, таким образом, ваш супруг, мадам Сидорова, гуляет с вдовой господина Петрова. Вдоль берега.

Даша. Вот и хорошо, что вдоль берега. Дайте ключ!

Паркинсон. Пожалуйста! Но вы хорошо обдумали этот шаг?

Даша. Я не могу думать сейчас... (*Шепчет Андрею.*) Приходи через две минуты... Незаметно.

Даша поднимается по лестнице. Андрей смотрит на часы.

Паркинсон. Я бы посоветовал вам вложить деньги в недвижимость.

Андрей. Угу.

Паркинсон. Тут недалеко продается очень миленькая вилла.

Андрей. Угу.

Паркинсон. Садитесь в автомобиль и через пять минут вы там.

Андрей. Через две минуты

Паркинсон. Нет, через пять...

Андрей. Через две минуты. Незаметно!

Забыв чемоданчик в рецепции, с грохотом взлетает по лестнице.

Паркинсон (*глядя ему вслед*). О Афродита соединяющая!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Сцена представляет собой два номера, разделенные перегородкой. Шторы плотно задернуты. Темно. В одном из номеров зажигается свет. В постели Нина и Олег. По всему видно, что любовь только закончилась.

Нина. Ну и как?

Олег. Странное ощущение!словно через несколько лет вернулся в город, где когда-то жил. Идешь по улице и вспоминаешь: вот пожарная каланча, вот школа, вот деревья... А главное — запахи, их никогда не забываешь. И все-таки город уже другой...

Нина. Лучше или хуже?

Олег. Другой. Как говорили древние, нельзя дважды войти в одну и ту же женщину, ибо женщина, ложащаяся с тобой, и женщина, встающая от тебя, это две разные женщины...

Нина. Записать?

Олег. Запиши.

Нина (*берет с тумбочки блокнот, пишет*). «...разные женщины». Кстати, у твоей жены плохой почерк.

Олег. Не надо. Даша очень хорошая! Ты знаешь, мне кажется, она уже достаточно наказана. Я, пожалуй, пойду. А то как-то неудобно получается...

Нина. Иди, если хочешь, чтобы она испортила тебе жизнь.

Олег. Почему она должна испортить мне жизнь?

Нина. Потому что она тебе не подходит. Тебе нужна другая женщина.

Олег. Чем же она мне не подходит?

Нина. Всем! Дорогой мой, запомни, существует два типа женщин. Одни должны мужа уважать, а другие — унижать. И есть два типа мужчин. Одним нужно, чтобы жена их уважала, а другим, чтобы унижала... Так вот, ты, милая моя Ольга Чибисова, женился на женщине, которой нужно мужа уважать...

Олег. Конечно. А как же иначе?

Нина. Боже, какой глупый! Ты же не выдержишь этого уважения. Уважению нужно соответствовать. Это примерно

как если всегда ходить в белом костюме: ни присесть, ни облокотиться, ни прислониться. Где в таком случае ты будешь брать материал для книг? Твоя писательская копилка опустеет. Ты знаешь, сколько талантов убил счастливый брак с порядочной женщиной?

Олег. Прекрати! Даша — женщина, которую я ждал всю жизнь.

Нина. Она говорила тебе, что дамские романы это, конечно, хорошо, но пора бы засесть и за серьезную прозу?

Олег. Говорила.

Нина. Я бы никогда не сказала. Она тебе говорила, что в таком случае готова смириться с тем, что у вас будет гораздо меньше денег?

Олег. Говорила.

Нина. Я бы никогда не сказала. Она тебе говорила, что ей не очень-то ловко быть женой Ольги Чибисовой?

Олег. Намекала.

Нина. И ты это терпел?

Олег. Терпел.

Нина. Бедненький!

Олег. Ну, знаешь. От тебя, когда мы жили вместе, я вообще не слышал доброго слова. Кто говорил, что я графоман?

Нина. Я.

Олег. Кто говорил, что я себе на носки не зарабатываю?

Нина. Я.

Олег. Кто говорил, что в постели от меня пользы меньше, чем от большой резиновой грелки?

Нина. Я говорила. Я! Так накажи меня за это. Накажи прямо сейчас!

Набрасывается на него. Гаснет свет. И тут же зажигается в другом номере. Даша и Андрей лежат в постели. По всему видно, что любовь только что закончилась.

Даша. Ты слышишь?

Андрей. Что?

Андрей. Это чайки кричат. Тебе было хорошо?

Даша. Мне всегда с тобой было хорошо. Даже если ты просто смотрел на меня. А помнишь, как ты удивился, что у меня до тебя никого не было?

Андрей. Помню.

Даша. А помнишь, что ты сказал?

Андрей. Нет.

Даша. Ты сказал, что последнюю девушку в 36-м году задавил трамвай...

Андрей. У нас во дворе мужики так шутили. Это я тогда от растерянности. Глупо, правда?

Даша. Ужасно глупо.

Андрей. Я дурак. Мне нужно было сразу приползти к тебе на коленях. Ты бы простила меня?

Даша. Простила! Любовь наполовину состоит из прощения...

Андрей. Ты знаешь, я все эти годы жил как-то не так. И все время тебя вспоминал, разговаривал с тобой. Первое время даже забывался и по селектору тебя вызывал, а в кабинет входила другая... Сначала одна, потом другая...

Даша. У тебя с ними что-нибудь было?

Андрей. Ничего особенного. Я пошел к тебе на квартиру, а мне сказали: ты уехала, и передали твою записку: «Прощай...»

Даша. «...Не ищи меня. Это бесполезно». А почему ты меня не искал?

Андрей. Но ты же сама написала...

Даша. Мало ли что я написала? Если бы я не хотела, чтобы ты меня искал, разве бы я оставила записку? А соседка сказала тебе, что я уехала к маме?

Андрей. Да, по секрету. За сто долларов.

Даша. Это я ее просила.

Андрей. Ты?

Даша. Я.

Андрей. Че-ерт! Не сообразил... Если у меня будет сын, ни за что не разрешу ему заниматься боксом.

Даша. Я тоже. Знаешь, была осень. Теплая осень. Я сидела в нашем саду под облетающими яблонями, смотрела на калитку и все ждала, ждала, ждала тебя. Я была уверена, что ты обязательно придешь. Я даже пса на всякий случай привязывала. У нас очень злой пес. Я сидела и говорила ему: «Потерпи, потрепи, скоро придет папа!»

Андрей. Кому ты говорила?

Даша. Ему. Он был еще внутри меня, но он ждал тебя вместе со мной...

Андрей. Кто?

Даша. Помнишь, после нашего самого первого раза я говорила тебе, что у нас будет ребенок? А ты еще не поверил, сказал, что вот так сразу нельзя определить. Когда любишь, можно все!

Андрей. Не понял...

Даша. Он родился через восемь месяцев после того, как мы расстались...

Андрей. Понял!

Даша. Он весил четыре девятьсот. И врач сказал, что давно не видел такого здоровячка.

Андрей. У меня сын!

Даша. Я назвала его Николаем.

Андрей. Моего сына зовут Николай.

Даша. Но мы с мамой называем его Николашей...

Андрей (*обнимает Дашу*). Моего сына зовут Николаша!

Даша. Что ты делаешь?

Андрей. Хочу дочь!

Гаснет свет. И тут же зажигается в соседнем номере.

Олег. Ты ничего не слышишь? Скрип...

Нина. Не волнуйся, это маршал Трухачевский ищет свой чемодан... Тебе нужно развестись!

Олег. С какой стати? Мы неделю назад поженились.

Нина. Ну и что? Чем ближе развод к свадьбе, тем меньше проблем. У нее, кажется, еще и ребенок?

Нина. Дурачок, жениться на женщине с ребенком — это то же самое, что жениться на другом мужчине.

Олег. Что?! Ты это все нарочно мне говоришь.

Нина. Конечно, нарочно, чтобы ты из своих чибисовых фантазий вернулся в реальный мир. Ты представляешь, папочка, что такое растить чужого сына?

Олег. А что в этом страшного?

Нина. Ничего. Просто рядом с тобой поселится маленький зверек, который, вырастая, будет все больше напоминать своего отца: те же глаза, голос, руки, брови..... Кстати, где отец?

Олег. Погиб.

Нина. Ну, конечно. Случайные отцы почему-то непременно гибнут... Знаешь, у насекомых самки после спаривания иногда съедают своих возлюбленных. Может быть, твоя жена его съела?

Олег. Фу! Что ты такое говоришь!

Нина. Я знаю, что говорю. И чем больше он будет походить на своего отца, тем смертельней будет ненавидеть тебя за то, что ты не его отец. А она, глядя на вас, измучится, выбирая между тобой и сыном, так похожим на мужчину, который был до тебя и которого она любила больше тебя... Ты уверен, что она сделает этот выбор в твою пользу?

Олег. Прекрати!

Нина. Запомни: среди бытовых преступлений на первом месте убийства отчимов...

Олег (*истерично*). Прекрати-и!

Нина. Хорошо, прекращаю. Знаешь, о чем я по-настоящему жалею?

Олег. О чем?

Нина. О том, что не родила ребенка. У тебя был бы сейчас свой, настоящий сын, который, вырастая, все больше и больше напоминал бы отца. Тебя! А я бы смотрела на вас и узнавала в нем — тебя, а в тебе — его. Наверное, это и есть женское счастье!

Олег. Почему же ты не родила?

Нина. Сама не знаю... Это все Лерка: брось его — он неудачник, брось его — он павлин без хвоста. А когда она узнала, что я залетела, все уши мне прожужжала: не смей рожать! Это тебя привяжет навсегда! Я теперь думаю: она просто мне завидовала...

Олег. Догадалась наконец-то! Ладно, дело прошлое: она мне даже в любви объяснялась. Сама.

Нина. Вот гадина! Ты с ней спал?

Олег. Только один раз.

Нина. Когда я легла на аборт?

Олег. Да.

Нина. Какой же ты подлец!

Олег. Прости.

Нина. Простить? Никогда. Ты будешь за это чудовищно наказан!

Олег. Я, пожалуй, все-таки пойду. Паркинсон может что-нибудь не то подумать...

Нина. Лежать!

*Гаснет свет. И зажигается в другом номере.
Даша и Андрей рассматривают фотокарточку.*

Андрей. А рот у него твой.

Даша. Зато глаза и волосы твои. И походка. Такая же вразвалочку, как у медвежонка.

Андрей. Ну почему ты мне ничего не сказала?

Даша. Сначала я страшно обиделась, что ты меня не разыскал. А потом я подумала: вот приду к тебе с Николашей. Прощу тебя. Мы станем жить вместе. И что он увидит? Отца, которым помыкает Волчатов? Кем вырастет мой сын? Этот бандит сломал тебя. Он сломал бы и нашего сына... Нет!

Андрей. Хочешь я расскажу, как познакомился с Волчатовым?

Даша. Да.

Андрей. Мне было пятнадцать. Мы дрались с пацанами из другого микрорайона. У них своя территория. У нас — своя. Заходить в чужие дворы нельзя. Покалечат! А я тогда в первый раз влюбился. В одноклассницу...

Даша. Она была красивая?

Андрей. Наверное. Я проводил ее домой и так замечтался, что пошел через чужой двор. Их было человек восемь. Убить бы, конечно, не убили, но изувечили бы... И тут появился Волчатов. В черной куртке. Он их даже не бил — сшибал оди ударом, как кегли. Потом поднял меня, улыбнулся и сказал: «Мужчина должен уметь драться!» И дал адрес спортшколы, где работал...

Даша. Почему ты мне об этом никогда не рассказывал?

Андрей. Не знаю. Сначала я мечтал стать чемпионом. Мне даже снилось, я стою на пьедестале, слушаю гимн и от гордости плачу. Я просыпался в слезах. Но потом, оказалось, у меня нечемпионский характер.

Даша. Это неправда!

Андрей. Это правда. И я решил стать тренером. Хорошим тренером. Кто-то ведь должен растить чемпионов. И Волчатов одобрил, даже помог мне поступить в институт. А потом, через несколько лет, пришел и сказал: нечего возиться с этими сопленишками, нужно настоящее дело делать. Он очень изменился после тюрьмы.

Даша. А за что его?

Андрей. Ни за что. Заступился за кого-то на улице и покалечил двух хулиганов. А в суде даже разбираться не стали. После этого он стал другим человеком. Он говорил, что уметь драться — это уметь жить!

Даша. Уметь жить — это совсем другое. Уметь жить — это значит быть в согласии с тем хорошим человеком, который внутри тебя. Понимаешь? Нельзя жить и все время чувствовать, как этот хороший человек говорит тебе: «Подлец! Вор!..» А потом он просто бросает тебя, и в душе поселяется мерзость, которая, когда ты совершаешь что-то доброе, твердит: «Дурак, ты не умеешь жить! Все вокруг воры и обманщики...» Это — смерть...

Андрей. Я всегда хотел вернуться в спортшколу, набрать хороших пацанов и научить их честно драться. Но я понимал, Волчатов не отпустит...

Даша. Волчатов умер. Или он уже внутри тебя?

Андрей. Нет.

Даша. Ты уверен?

Андрей. Да, уверен.

Даша. И ты готов жить бедно, но честно?

Андрей. Бедно? С тобой — готов! (*Снимает трубку.*) Господин Паркинсон, как там мой чемоданчик, цел? Хорошо. Когда придет такси — позвоните! (*Вешает трубку.*) Собирайся!

Даша. Куда?

Андрей. Домой.

Даша. А если я не хочу?

Андрей. Хочешь.

Даша. Да, хочу, хочу, хочу! Но мы должны сказать правду твоей жене. Нельзя начинать новую жизнь со лжи!

Андрей. А со скандала — можно? Такое начнется! Она считает себя вдовой. Вот и пусть считает... С ней лучше разговаривать через адвоката. Мне надо взять вещи.

Андрей встает, отпирает боковую дверь и входит в полутемный номер. Шарит.

Андрей. Где же мой чемодан!

Нина (*в ужасе*). Маршал Трухачевский!

Олег. Не может быть!

Нина. Он! Чемодан ищет!

Олег. Да ты что? (*Ищет очки.*) Погоди, я должен увидеть. Никогда не видел призраков!

Нина. Надо отдернуть штору — призраки боятся дневного света!

Нагишом вскакивает, отдергивает.

В номере становится светло и очевидно.

Андрей (*увидев их*). Не понял...

Нина. Ты?

Андрей. Я.

Нина. Живой?

Андрей. Нет, вернулся с того света спросить, чем вы тут занимаетесь?

Олег снимает очки и прячется под одеялом.

Нина. Это трудно объяснить... Понимаешь, по радио передали... Я подумала... А тут Олег зашел... С соболезнованиями... Стал меня успокаивать...

Андрей. Успокоил?

Нина. Немного...

Андрей молча берет чемодан, оглядывается.

Андрей. Где мое подводное ружье!

Нина. Зачем?

Андрей. Сейчас узнаешь!

Нина. Убийца... Научился у Волчатова! Олег, он хочет тебя убить!

Олег (*из-под одеяла*). А по-моему, он хочет убить тебя.

Нина. Хорошо — он хочет убить нас. Тебе легче от этого? Надо кричать! Звать на помощь!

Олег, Нина (*хором*). Спасите! Убивают!

На крик вбегают Даша. Смотрит с удивлением.

Даша (*мужу*). Эх, ты, а говорил, твой изменный фонд исчерпан.

Олег. Теперь уж точно исчерпан... Совершенно идиотская ситуация. Меня еще никогда не заставляла жена. Ощущение, как будто украл в Макдоналдсе «Биг-мак», а тебя поймали...

Даша. Записать?

Олег. Я все тебе объясню.

Даша. Не надо. Я уезжаю.

Олег. Почему? Из-за нее? Подожди! Дело в том, что Нина — моя бывшая жена...

Андрей (*находит ружье*). Тогда другое дело!

Даша. Зачем же было притворяться? Я все поняла бы...

Олег. Я стеснялся. В общем, мы разговорились, вспомнили прошлое...

Даша. Я рада за вас.

Олег. Это больше не повторится! Я окончательно убедился, что ты лучшая женщина во всех смыслах!

Нина (*придя в себя*). Неужели? А сами-то вы, голубки, что в номере делали?

Андрей. Давай сейчас не будем...

Нина. Нет уж, давай сейчас!

Андрей. Я тороплюсь.

Даша. погоди, Андрюша! Надо всегда говорить правду. Мы с Андреем любим друг друга.

Олег (*выскакивая из-под одеяла*). Ты! Ну ладно еще — я... Но ты! С незнакомым. На второй день. А говорила, что для тебя нелюбимый мужчина — это беспольный прохожий. Ничего себе беспольный прохожий!

Нина. Теперь ты понял, что я права?

Даша. Мы любим друг друга четыре года. С тех пор как я работала у Андрея...

Нина. Так это, значит, про тебя мне рассказывали?

Даша. Про меня. Я думала, это прошло... Я даже Николашке сказала, что его отец погиб...

Олег. В горячей точке?

Даша. Да.

Олег. Комедия... Ну почему я не пишу комедий?

Нина. В самом деле — почему? За них хорошо платят.

Олег. А я еще хотел усыновить твоего ребенка. Хотел стать ему отцом!

Нина. Не надо никого усыновлять. Я тебе рожу настоящего ребенка!

Олег. Роди его себе. (*Даше.*) Ну чем он лучше меня? Допустим, у него нет живота и есть бицепсы. Но он же тупой! И рожа неандертальца.

Андрей медленно подходит и замахивается правой рукой. Олег в испуге закрывает лицо и, получив левый апперкот, падает на пол.

Олег. Бей! Отбил жену — теперь почки отбей.
Даша. Не трогай его!

Олег с трудом поднимается.

Олег. Ах, какие мы благородные! Ты врешь. Ты нарочно все придумала, чтобы оправдаться. Нимфоманка! Дай фотографию сына! Немедленно! *(Вырывает из ее рук снимок, сравнивает с Андреем.)* Нет, совсем не похож. Только глаза такие же наглые... А нос мой и улыбка моя...

Нина *(берет карточку)*. Улыбка твоя, а ребенок его. Дураку видно. Все ясно. *(Андрею.)* Поздравляю, муженек! Я жалею только об одном...

Андрей. О чем?

Нина. О том, что не успела прописаться в твою квартиру. Делиться будем так: расходы в суде твои, джип — мой...

Андрей. Договорились.

Входит Паркинсон. В руках у него чемоданчик.

Паркинсон. *(Андрею)* Приехало такси. Вот ваши деньги. Все цело. Доллар к доллару.

Андрей. Спасибо.

Нина. Какие такие деньги?

Андрей. Мои деньги.

Нина. Что значит — «мои деньги»? Я пока еще твоя жена — и деньги у нас общие. Сколько там?

Андрей. Не знаю. Около миллиона.

Нина. Он не знает, Рокфеллер! Дайте сюда! *(Вырывает чемоданчик у Паркинсона, открывает, присвистывает.)* Откуда столько зелени?

Андрей. Это все, что осталось от Волчатова.

Нина. Немало осталось. По закону половина — моя.

Андрей. По какому закону?

Нина. Все совместно нажитое имущество принадлежит супругам в равных долях. Перед свадьбой, дорогой, нужно читать не пособия по сексуальной гармонии, а брачное законодательство. Сам отдашь или будем судиться?

Андрей достает калькулятор, потом обреченно машет рукой.

Андрей. Ладно, полмиллиона можешь забрать.

Нина. Хорошо. Кроме того, за нанесенный моральный ущерб я хочу получить компенсацию в размере двадцати пяти процентов от общей суммы. Двести пятьдесят тысяч.

Андрей. Не понял. Какой еще моральный ущерб?

Нина. Обыкновенный. Во-первых, ты изменил мне буквально на моих глазах...

Андрей. А ты?!

Нина. Я... я на это пошла, будучи фактически вдовой. К тому же Олег был раньше моим законным мужем. А ты... ты с какой-то секретаршей...

Андрей (*потрясая подводным ружьем*). Убью!

Нина. Сядешь, как Волчатов. Во-вторых, вступая в брак, ты скрыл, что у тебя ребенок. Это аморально.

Андрей. Я не знал...

Нина. Не знать о существовании собственного ребенка, вдвойне аморально. Могу потребовать еще пятьдесят процентов от общей суммы. Но я не грабительница. Двадцать пять процентов. Еще двести пятьдесят тысяч. И мы в расчете.

Андрей (*тычет пальцем в калькулятор*). А мне?

Нина. А тебе нужно серьезнее относиться к выбору секретарш, дорогой! Найми кадрового психолога. Шагай в ногу со временем!

Андрей. В ногу со временем? Понял... (*Выхватывает у нее чемоданчик, угрожая подводным ружьем.*) Ты не получишь ни копейки, аферистка!

Нина. Придется вызвать милицию. Паркинсон, звоните! Здесь вооруженный грабеж!

Паркинсон. Пока я вижу только слишком нервное обсуждение семейного бюджета.

Даша. Андрей, прошу, тебя отдай, не спорь с ней!

Андрей. А что она, вообще...

Даша. Отдай!

Андрей. Не отдам. Мои деньги! Знаешь, сколько я от Волчатова натерпелся?

Даша. Тогда я ухожу. У тебя и в самом деле нечемпионский характер. Твоему сыну гордиться нечем!

Андрей. Стой! *(Нине.)* Бери половину!

Нина. Значит, хочешь, чтобы в отделе по борьбе с оргпреступностью узнали, что Волчатова убил ты?

Андрей. Я не убивал! Я вообще ничего не знал...

Нина. Докажи! Я-то тебе верю. Но следователи ужасно недоверчивые люди. У них план, текучка...

Андрей. Шантажистка! Я тебя убью!

Наводит подводное ружье.

Нина. Отлично! Меня ты хотел устранить как свидетеля. Все видели? Паркинсон, звоните! Здесь покушение на убийство!

Паркинсон. Пока я вижу только обычную семейную ссору.

Нина. Скоро увидите обычный труп жены, пронзенной, как ставрида! Тупой грек!

Даша. Андрей, успокойся! Давай отойдем, я хочу тебе кое-что сказать...

Андрей. Что?

Пока они разговаривают, Нина быстро одевается. Олег ей помогает.

Даша *(тихо)*. У нас с тобой будет ребенок!

Андрей. Уже? Откуда ты знаешь?

Даша. Чувствую.

Андрей. А разве можно?

Даша. Когда любишь, можно все! Ты забыл, как было с Николашкой?

Андрей. Нет, я помню...

Даша. Отдай ей эти деньги. Они грязные и принесут нам только несчастья. Нам и нашим детям. Отдай, прошу тебя!

Андрей. Нет.

Даша. Тогда я уеду одна. И мой адрес ты не купишь за все эти поганые доллары!

Андрей (*разбивает калькулятор*). Бери, воровка!

Нина. Ты выучился считать в уме?

Андрей. Бери, пока я не убил тебя!

Нина. Ну, если ты настаиваешь. Такси еще ждет?

Паркинсон. Ждет.

Олег. Нина, погоди, я с тобой... (*Одевается.*)

Нина. Ты? Зачем ты мне нужен? Теперь я все буду покупать себе только в дорогих магазинах. Очень дорогих!

Паркинсон. Я вас провожу.

Хочет взять чемоданчик, но Нина указывает на тяжелую сумку.

Уходят.

Даша (*бросается Андрею на шею*). Ты правильно сделал. У тебя чемпионский характер! Я тебя очень люблю!

Олег (*жалобно*). А я? А мне что теперь делать?

Даша. Сочинять книги. Твоя писательская копилка, надеюсь, полна? Разве ты смог бы придумать все то, что с нами произошло?

Даша скрывается в своем номере, чтобы собрать вещи.

Возвращается Паркинсон.

Паркинсон. Я вызвал еще одно такси. Правильно?

Андрей. Правильно.

Паркинсон. Надбавку за испытание любви платить будете?

Андрей. Буду!

Паркинсон. Ваша жена... то есть ваша... Ну, в общем, она перед отъездом выпила шампанского. Счет, сказала, отдать вам...

Андрей. Буду... (*Расплачивается, подходит к Олегу.*) Ладно, давай прощаться. (*Обнимает его.*) Не чужие все-таки!

И запомни, от удара в корпус надо защищаться вот так, а не так...
(Показывает.)

Даша (входит). Я готова.

Андрей. Присядем на дорожку.

*Все садятся. Андрей и Паркинсон, подхватив вещи, выходят.
Даша на мгновение задерживается, подходит к Олегу и целует.*

Даша. Прощай!

Олег. Это окончательно?

Даша. Окончательно. Из квартиры я выпишусь. Не волнуйся.

Олег. Ты меня ни капельки больше не любишь?

Даша. Ну как можно не любить Ольгу Чибисову!

Олег. Скажи, ты уходишь к нему, чтобы у Николашки был родной отец?

Даша. Это уже не важно. Но тебя, Оленька, я никогда не забуду!

Олег. Почему?

Даша. Ты ни за что не догадаешься почему...

Целует его и уходит.

Олег. А что тут догадываться! Женщина может забыть, каким человеком был ее муж. Но каким он был мужчиной, она не забывает никогда! Где моя записная книжка?

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Вечер. Холл отеля. Олег сидит с пивом. Паркинсон роется в бумагах.

Олег. Сегодня я видел в море огромную синюю медузу. Она напоминала человеческий мозг. И знаете, о чем я подумал?

Паркинсон. О чем?

Олег. О том, что через много тысяч лет эволюции человек превратится в мозг, просто в мозг. И эти, извините за прямоту, мозги будут, как медузы, плавать в океане, разговаривая с помощью импульсов и размножаясь почкованием. И только ночью, покачиваясь в черной глубине, они будут иногда видеть

древние сны. Им будет казаться, что они странные существа с ногами, с руками, с волосами, с желаниями, со страстями... И они будут вспоминать, как, плача от счастья, сплетались в тугий узел желания и любви...

Паркинсон. Обязательно запишите!

Олег. Пойду за блокнотом...

Олег начинает подниматься по лестнице. Паркинсон включает радио.

Голос диктора. ...Сегодня в аэропорту при попытке вывезти за границу крупную сумму фальшивых долларов арестована молодая женщина. В интересах следствия имя задержанной пока не разглашается...

Олег и Паркинсон значительно смотрят друг на друга. Олег скрывается в номере. Входят молодожены с вещами. Она одета с изысканной строгостью. На нем пробковый колониальный шлем.

Тараканушкин. А вот и мы! Я все боялся опоздать к ужину.

Паркинсон. Простите, вы заказывали номер?

Тараканушкин. Ну, конечно, моя фамилия — Тараканушкин.

Паркинсон. Ах, вы — супруги Тараканушкины!

Тараканушкин. Нет, Тараканушкин — это я. А жена у меня — Иванова. Она почему-то не захотела взять мою фамилию. Может, передумаешь, дорогая?

Иванова. Не передумаю, дорогой!

Тараканушкин. Разрешите ключик от номера. Хочется отдохнуть с дороги.

Паркинсон. Здравствуйте, здравствуйте, дорогие мои! Сердечно рад приветствовать вас в отеле «Медовый месяц». Моя фамилия Паркинсон. Что означает...

Тараканушкин. Да, я знаю. Руки вытяните! Нормально. Болезнь Паркинсона возникает в результате поражения подкорковых узлов головного мозга. Сколько вам лет?

Тараканушкин. Атеросклероз. Ключ дайте!

Паркинсон. Паспорта, пожалуйста! *(Берет у них паспорта, исследует, смотрит на Иванову.)* У вас редкое имя — Калерия. Штампы ЗАГСа. Все в порядке...

Тараканушкин. А что обманывают?

Паркинсон. Бывает. Но чаще обманываются... Заполните пока анкету заезжающих, а я оформлю договор и расскажу вам о нашем отеле.

Тараканушкин. Не надо. Вы мне высылали проспект, я прочитал и очень хотел бы взглянуть на грудь Афродиты...

Иванова. Зачем? Тебе моей мало?

Тараканушкин. Милая, ты же знаешь, я не могу пройти мимо женской груди. Это профессиональное.

Портье сочувственно смотрит на новобрачную и торжественно достает из сейфа шелковую подушечку с грудью.

Паркинсон. Вот она — грудь Афродиты Таврикийской. Есть такое поверье: если прикоснуться к ней правым безымянным пальцем...

Тараканушкин. Хм, левая грудь...

Паркинсон. Левая? Вы уверены? Вы археолог?

На лестнице появляется Олег с блокнотом. Увидев Калерию, замирает, изумленный.

Тараканушкин. Нет, я врач-маммолог и левую грудь от правой отличу с закрытыми глазами. Та-ак... Молочная железа явно не кормившей женщины. Можно пальпировать?

Паркинсон. Что?

Тараканушкин. Пощупать.

Паркинсон. Пожалуйста.

Тараканушкин. Та-ак. Уплотнений, новообразований, узлов не наблюдается. Идеальная грудь! Божественная! Калерия, хочешь потрогать?

Калерия. Нет.

Левая грудь Афродиты, или Отель «Медовый месяц»

Тараканушкин. Ну, потрогай, я тебя прошу!
Калерия (*сопротивляясь*). Нет, я не хочу! Не хочу!

Олег, не отрывая взгляд от Калерии, спускается вниз.

Тараканушкин. Ну, в чем дело? Что за капризы?

Хватает ее руку и прижимает к мраморному осколку.

Гаснет свет. В темноте раздаются голоса.

Калерия. Пусти меня! Что ты делаешь?

Тараканушкин. Ничего я не делаю...

Калерия. Я тебя ударю!

Олег. Ударь!

Слышен звук пощечины.

Тараканушкин. За что?

Паркинсон. Не волнуйтесь, господа! Подстанция у нас старенькая. Иногда гаснет свет. Сейчас снова загорится. Лучше не двигайтесь, а то можно свалить пальму или удариться о перила...

Загорается свет. Немая сцена.

Занавес.

МОСКОВСКОЕ САФАРИ, или ХАЛАМ-БУНДУ

Экзотическая комедия в двух действиях

Действующие лица:

Федор Тимофеевич Куропатов — профессор, 77 лет.

Лидия Николаевна — его жена, доцент, 72 года.

Костя — их сын, кандидат наук, 49 лет.

Марина — его жена, «челночница», 48 лет.

Елена — их дочь, бухгалтер, 24 года.

Юрий Юрьевич Владимирцев — бизнесмен, 30 лет.

Болик — его телохранитель, 20 лет.

Сергей Артамонович Лукошкин — дворянин, 60 лет.

1-й киллер.

2-й киллер.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Уставленный книгами холл большой профессорской квартиры. Пристойная скудость. На стенах — африканские маски. На особом месте — длинная пика и портрет усача в бурке и папахе. В окне виднеется мигающая реклама «Макдоналдса». Из холла двери ведут в комнаты, в ванную, на кухню. На стремянке возле книжных стеллажей сидит, углубившись в фолиант, Федор Тимофеевич Куропатов. На нем кабинетный пиджак, потертые джинсы и меховые тапочки. Он напевает себе под нос.

Федор Тимофеевич.

Енги-банг кара-манду

Дун-дуран халам-бунду...

*Сулицы вбегает энергичная Лидия Николаевна
в стареньком спортивном костюме с эмблемой*

«Динамо» и белых кроссовках. Делает несколько упражнений, держа в руках пустые бутылки. Потом, подхватывая песенку, ставит бутылки на стол и еще две вынимает из-за пазухи.

Лидия Николаевна. Енги-банг кара-манду... Что-то я тебе хотела сказать? Забыла...

Федор Тимофеевич. Вспомнишь.

Лидия Николаевна. Дун-дуран халам-бунду... Что за ерунду мы поем?

Федор Тимофеевич. Это не ерунда, это свадебная песня одного африканского племени.

Лидия Николаевна. Вспомнила! Федор, предупреждаю тебя совершенно ответственно: если ты не начнешь бегать по утрам и заниматься физкультурой, я найду себе другого — молодого и спортивного...

Федор Тимофеевич. Молодой — это лет семидесяти?

Лидия Николаевна. Ну, почему же? На меня еще и шестидесятилетние заглядываются. Сегодня один все время рядом бежал и жаловался, как ему одиноко на пенсии. Говорил: давайте дружить, вместе будем ходить в Сокольники — пустые бутылки собирать. Он места знает, где их много! *(Подходит к зеркалу.)* Верно говорят: женщине столько лет, на сколько она выглядит.

Федор Тимофеевич. А мужчине столько лет, насколько он одинок...

Лидия Николаевна. Леночка проснулась?

Федор Тимофеевич. Кажется, нет.

Лидия Николаевна. С девочкой что-то происходит. Я боюсь за нее. Хорошо, хоть Маринка приехала. Думала, эту вертихвостку на порог больше не пушу, а теперь даже рада: мать как-никак... Может, хоть она Леночку успокоит?

Федор Тимофеевич. Никто ее не успокоит. Сама справится. Ей тяжело. Ее оскорбили как женщину, унизили как сотрудника. Но это надо пережить. Испытания закаляют сердце!

Лидия Николаевна. Иди ты к черту! Спускайся! Сидишь, как Ядрило на туче, и поучаешь. Девочка вторую неделю места себе не находит...

Федор Тимофеевич. Не Ядрило, а Ярило — бог плодородия у славян. На туче сидит Перун — бог грозы...

Лидия Николаевна. Вот и слезай, старый Перун! Покормлю тебя тихонько, чтобы Леночку не разбудить. Пусть спит. Во сне обида быстрее проходит. Помнишь, как ты в 51-м на новогоднем банкете за женой доцента Сулова увивался? Хотя увиваться там было решительно не за чем...

Федор Тимофеевич (*чуть не упав со стремянки*). Что?! Это доцент Сулов за тобой увивался, а ты...

Лидия Николаевна. Не выкручивайся! Я тогда думала, тебя убью, уничтожу, как врага народа! А потом выпалась — и ничего...

Федор Тимофеевич. Абсолютно ничего, если не считать, что свадьбу на полгода отложили.

Лидия Николаевна. Вот и хорошо! Ты еще полгода под окнами постоял, помучился... (*Подходит к окну.*) Вон там ты стоял, около «Блинной», где теперь «Макдоналдс».

Федор Тимофеевич. Я стоял не полгода, а всего неделю...

Из-за ширмы появляется Елена в скромном сереньком халатике.

Елена. Почему всего неделю?

Лидия Николаевна. С добрым утром, внучка! Как спала?

Елена. Понятия не имею. Просто спала.

Федор Тимофеевич. М-да, молодость, это когда просто спишь. Здравствуй!

Елена. Доброе утро, дедушка! Так почему только неделю?

Лидия Николаевна. Потому что дедушку арестовали.

Елена. Арестовали! За что? Вы мне никогда об этом не рассказывали.

Лидия Николаевна. А что тут рассказывать? Над нами тогда жил нарком мясомолочной промышленности.

(Показывает пальцем вверх.) В органах решили, что дедушка выслеживает и готовит покушение...

Елена. Вы серьезно?

Лидия Николаевна. Совершенно серьезно.

Федор Тимофеевич. Такое время, Леночка, было — суровое.

Елена. Но ты им объяснил, что не виноват?

Федор Тимофеевич. Там не объяснения спрашивали, а показание снимали. Ну я и сознался: да, хотел убить наркома за то, что антрекот в аспирантской столовой, как подошва. Странно человек устроен: в штыковую ходил — немца не боялся, а своим с перепугу такое на себя наплел... Может, потому что свои?

Елена. Какой ужас! И что же?

Лидия Николаевна. Ничего. Наркома вдруг сняли за производство некачественной пищевой продукции — и дедушку отпустили. Это еще при Сталине было.

Елена. Как же вы жили? В такое время!

Федор Тимофеевич. Так же как сейчас. Пили чай с вареньем. Совсем плохих времен, внучка, как и совсем плохих людей, не бывает. Если что-то похуже, значит, другое получше. К примеру, этот твой мерзавец...

Лидия Николаевна. Юрий Юрьевич.

Федор Тимофеевич. Вот именно! При Сталине не разъезжал бы на «мерседесе». Лес бы в тайге валил для нужд народного хозяйства.

Елена. Дедушка, не надо об этом!

Федор Тимофеевич. Надо! Я вижу, как ты ходишь и носом хлюпаешь! Не смей плакать из-за этого! Подумаешь — уволили...

Елена. А знаешь, какое лицо у него было, когда он говорил: «Елена Константиновна, вы у меня больше не работаете»? Такое лицо, будто я не человек и даже не вещь, а пыль. Знаешь, как смотрят на пыль перед тем, как ее тряпкой смахнуть?! Знаешь!

Лидия Николаевна. Леночка! Не убивайся ты так! Найдешь себе работу. Бухгалтеры всегда нужны. А пока проживем как-нибудь...

Федор Тимофеевич. Не пропадем. Продам маски! Книги продам...

Лидия Николаевна. Конечно, не пропадем! Я тут на пробежке с милым молодым человеком познакомилась, он знает в Сокольниках места, где много пустых бутылок!

Елена. Что вы такое говорите!

Лидия Николаевна. А что мы говорим? Мы говорим: все будет хорошо. У Кости дела пошли. Он теперь с иностранцами сотрудничает. Его ценят. Мать твоя из Стамбула прилетела...

Федор Тимофеевич. Из Царьграда.

Елена. Когда?

Лидия Николаевна. Под утро. Подарки тебе привезла. Все будет хорошо!

Елена. Не нужны мне никакие подарки. Ничего не нужно! Ни от кого. Зачем, зачем вы меня такой сделали!

Лидия Николаевна. Какой?

Елена. Вот такой! Это вы виноваты! Вы!

Лидия Николаевна. Почему мы?

Елена. Сами говорили, что это вы меня воспитали...

Лидия Николаевна. А кто же еще! У Кости каждый день решающий эксперимент. У Марины одни тряпки в голове. Мы и воспитали.

Елена. Значит, вы и виноваты!

Федор Тимофеевич. В чем же мы виноваты?

Елена. Это вы мне говорили: девушка из хорошей семьи должна быть гордой, девушка должна быть честной, девушка должна быть скромной, девушка должна быть верной... Должна, должна, должна...

Лидия Николаевна. А разве не должна?

Елена. Нет. Нужно быть хитрой, жадной и общедоступной. Тогда и жить будет легко!

Федор Тимофеевич. А умирать?

Лидия Николаевна. Ну что ты мелешь? У Леночки еще вся жизнь впереди!

Федор Тимофеевич. Я знаю, что говорю! В племени мататуев есть поговорка: «Из этого мира в страну предков ничего нельзя унести с собой, кроме чистой совести». Дикари, а лучше нас понимают!

Елена. Сами вы дикари! Старые, никчемные дикари! Вы даже не соображаете, что происходит вокруг! Вы не понимаете, где мы живем! Сидите здесь, как в норе... Я вернусь и попрошу у него прощения! Скажу, согласна вести двойную бухгалтерию. На все, на все согласна...

Федор Тимофеевич. Он домогался тебя? Мерзавец...

Елена. Нет, но я согласна и на это! Я не хочу жить, как вы. Собирать бутылки. Возить тряпки из Стамбула...

Федор Тимофеевич. Из Царьграда.

Входит Марина.

Лидия Николаевна. Ты не спишь?

Марина. Поспишь тут с вами! Во вьетнамском общежитии так не орут.

Лидия Николаевна. Вот и поговори со своей дочерью, коль уж приехала!

Марина. Хорошо, мама, я поговорю. Только успокойтесь!

Лидия Николаевна. Я же просила: не называй меня «мамой»!

Лидия Николаевна уходит. Федор Тимофеевич демонстративно углубляется в книгу. Марина устраивается на старом кожаном диване и усаживает с собой рядом Елену.

Марина. Ты бледненькая совсем стала... Они мне все рассказали. Этот твой Юрий Юрьевич, конечно, сволочь!

Елена. Мама, я не хочу об этом!

Марина. Леночка, да разве же от нашего желание что-нибудь зависит? Такие времена. Думаешь, мне «челночить» нравится? (Глядя на профессора.) Кто ж виноват, что за чтение книжек теперь деньги не платят...

Елена. Мама, я же не давала ему никакого повода.

Марина. Он к тебе приставал?

Елена. Попробовал бы! Я... Я бы ему... И потом у него есть к кому приставать.

Марина. И кто же это?

Елена. Как кто? Секретарша, конечно. Полина! Кикимора и лентяйка. Целый день ногти красит и по телефону болтает. *(Изображает.)* «Алло! Страховая фирма “Гарант-лимитед”. Нет, к сожалению, Юрий Юрьевич занят. У него переговоры...» Знаю, я эти переговоры! Сидят, пьют коньяк и треплются, кто куда на охоту летал, кто сколько кабанов и женщин завалил... Захожу в кабинет «платежку» подписать. А он: «Елена Константиновна, меня не устраивает, как вы одеваетесь! У нас солидная фирма...» Представляешь?

Марина. Смешная ты... Он тебе нравится?

Елена. Я его ненавижу!

Марина. Выросла ты у меня. Совсем выросла. А одеваться и в самом деле не научилась. Ну, что это? *(Показывает на халатик.)* Как монашка...

Елена. Я дома.

Марина. Какая разница? А если мужчина, о котором ты мечтаешь, вдруг в дверь позвонит? Случайно, по ошибке... А ты? Посмотри на себя!

Елена. Во-первых, ни о ком я не мечтаю. Во-вторых, на работу ходят работать, а не наряды демонстрировать клиентам. А в-третьих, фигура у меня и так хорошая. Ты сама говорила!

Марина. Дурочка! Мужчина хочет раздеть женщину лишь тогда, когда ему нравится, как она одета...

Федор Тимофеевич бросает грозный взгляд на Марину.

Елена. Ненавижу мужчин!

Марина. Я тебе из Стамбула такое платье привезла — обалдешь! Ну и еще кое-что по мелочам... Пойдем покажу!

Елена. Мне ничего не надо.

Марина, Пойдем, пойдем, мужененавистница ты моя!

Обе встают и медленно идут в комнату.

Федор Тимофеевич. Марина!

Марина останавливается, а Елена скрывается за дверью.

Марина. Что, Федор Тимофеевич?

Федор Тимофеевич. Марина, ты к нам больше, пожалуйста, не приходи... Не надо!

Марина пожимает плечами и уходит следом за дочерью.

Возвращается Лидия Николаевна с подносом.

Федор Тимофеевич. Я, пожалуй, буду с тобой бегать. Где мои гантели?

Лидия Николаевна. Я их давно что-то не видела. В последний раз ты занимался с ними лет тридцать назад, когда в меня завкафедрой научного коммунизма влюбился. А зачем тебе гантели?

Федор Тимофеевич. Натренируюсь. Поеду и набью этому Юрию Юрьевичу морду!

Лидия Николаевна. Как доценту Сурову?

Федор Тимофеевич. Ты же знаешь, я тогда просто поскользнулся...

Лидия Николаевна. Знаю. И за это люблю тебя, Ядрило ты мой!

Она встает на ступеньку стремянки и треплет мужа по щеке.

Раздается звонок в дверь.

Федор Тимофеевич. Наверное, Костя, ключи забыл?

Лидия Николаевна. Забыл. Висят на гвоздике в прихожей. Увидит Марину и расстроится. На неделю запьет. Скорей бы уж она себе нашла кого-нибудь...

СЦЕНА ВТОРАЯ

Лидия Николаевна идет открывать. В комнату входят Владимирцев и Болик.

Лидия Николаевна. Вам кого?

Юрий Юрьевич. Елена Константиновна здесь живет?

Лидия Николаевна. Здесь. *(Громко.)* Ле-ена! К тебе пришли. Ле-ена!

Из комнаты появляется Лена. На ней новенькие серебристые шортики в обтяжку и майка с большим вырезом. Увидев вошедших, она вскрикивает и прикрывает ладонью грудь.

Елена. Вы?

Юрий Юрьевич. Мы. С дружественным визитом.

Елена. Что вам от меня еще нужно? Я все сдала по описи. Не волнуйтесь, шантажировать я вас не собираюсь. Про налоговую полицию я пошутила. Просто пошутила. Уходите!

Федор Тимофеевич. Елена, кто эти люди?

Елена. Это... Это — Юрий Юрьевич.

Лидия Николаевна. Тот самый?

Елена. Тот самый.

Юрий Юрьевич. Он самый и есть! *(Кланяется.)*

Федор Тимофеевич. Вот и хорошо. Сейчас я вас вышвырну из моего дома!

Федор Тимофеевич собирается спуститься со стремянки.

Болик выхватывает пистолет и наставляет его на профессора.

Болик. Дедушка, давай без базара! *(Пристегивает профессора наручниками к стремянке.)* Так-то лучше!

Елена. Что вы делаете? Освободите дедушку!

Лидия Николаевна. Что вам от нас нужно? Денег в доме нет. Пенсию еще не приносили...

Юрий Юрьевич. Неужели вы думаете, что я пришел к вам, чтобы взять? Нет, я пришел к вам — дать! Хочу снять вашу квартиру.

Федор Тимофеевич. Эта квартира не сдается.

Юрий Юрьевич. Думаю, мы договоримся. Ваша квартира нужна мне ненадолго. На день-два...

Лидия Николаевна. Вам негде жить?

Юрий Юрьевич. Мне? Да, у меня крайне стесненные жилищные условия — шестикомнатная квартира на Плющихе. А разве Елена вам не рассказывала?

Лидия Николаевна. Нет...

Юрий Юрьевич. И про зеркальный потолок в спальне ни слова?

Федор Тимофеевич. Елена, ты не говорила, что была у него дома!

Елена. Дедушка, это совсем не то, что ты думаешь! Я просто завила ему домой финансовый отчет...

Юрий Юрьевич. Не волнуйтесь, с Еленой у нас чисто деловые отношения. Какие же еще?

Лидия Николаевна. Но если у вас столько жилплощади, зачем вам еще и наша квартира?

Юрий Юрьевич. Что за совковые вопросы! «Зачем?». «Откуда?». Я буду платить вам в час — сто долларов. Такой ответ вас устраивает?

Лидия Николаевна. Сто долларов!

Юрий Юрьевич. Вот вам за первый час.

Дает купюру Лидии Николаевне.

Елена. Нет, такой ответ нас не устраивает. Уходите! Я не хочу вас видеть.

Лидия Николаевна неохотно возвращает купюру.

Лидия Николаевна. Мы не хотим вас видеть...

Юрий Юрьевич. Двести долларов.

Протягивает Лидии Николаевне две купюры.

Елена. Нет. Даже за тысячу — нет!

Лидия Николаевна. Нет, даже за тысячу нет...

Юрий Юрьевич *(оглядываясь)*. А квартирка-то старенькая. Ремонт еще до «перестройки» делали? И не такая уж большая. У меня одна спальня как ваша квартира. Сколько здесь человек прописано?

Лидия Николаевна. Пятеро. Но живут четверо.

Юрий Юрьевич. Тесно. Елена Константиновна когда-нибудь все-таки выйдет замуж. Муж с газетой, дети с диатезом, пеленки...

Елена. Уходите!

Юрий Юрьевич *(продолжает иронически)*. ...А дедушке надо работать — книжки читать. Дедушка у нас академик?

Лидия Николаевна. Профессор. Крупнейший в России специалист по сравнительной мифологии.

Юрий Юрьевич. Ого! Болик, может, отстегнем крупнейшего специалиста?

Болик. Нельзя. Он буйный.

Елена. Уходите! Я прошу...

Юрий Юрьевич. Хорошо, я покупаю вашу квартиру за двойную цену. На эти деньги можно купить две квартиры — и разъехаться.

Лидия Николаевна. А мы не хотим разъезжаться! Это квартира моего отца...

Юрий Юрьевич. Папа тоже был профессором?

Лидия Николаевна. Нет, он был замнаркома парфюмерной промышленности. Я здесь выросла. И сын мой здесь вырос. И внучка...

Юрий Юрьевич. А где сын?

Елена. Папа на работе.

Юрий Юрьевич кивает Болику. Тот начинает обыскивать квартиру, заглядывает в прихожую, на кухню, в ванную, скрываясь в комнатах.

Юрий Юрьевич. Он у вас по ночам работает?

Елена. Нет, по утрам, но выезжать приходится с вечера... Уходите! Я вас прошу.

Юрий Юрьевич. Экая вы, Елена Константиновна, негостеприимная! А может быть, мне у вас нравится!

Елена. Что вам от меня еще нужно? Вы меня выгнали с работы. Теперь вломились в мой дом...

Возвращается Болик, ведя за руку упирающуюся Марину.

Болик. Вот, в спальне пряталась.

Марина. Ничего я не пряталась. Мама, кто это?

Юрий Юрьевич. Это ваша дочь?

Лидия Николаевна. Невестка. Бывшая. Марина, я же просила...

Елена. Мама, это Юрий Юрьевич...

Лидия Николаевна. Он хочет купить нашу квартиру. За двойную цену.

Марина. Юрий Юрьевич... Много о вас слышала! Рада познакомиться!

Юрий Юрьевич (*целует руку*). Мадам! Может, вы уговорите этих странных людей продать мне квартиру за двойную цену!

Марина. А вы не шутите?

Юрий Юрьевич. Нисколько. Вопрос жизни и смерти. Плачу наличными.

Марина. Прекрасно! Разъедемся, наконец...

Лидия Николаевна. Ты никогда не любила наш дом!

Марина. Это вы никогда ничего не любили, кроме своего дома!

Юрий Юрьевич. Ну, продаете?

Все хором (*кроме Марины*). Нет!

Юрий Юрьевич. Болик, посмотри на них. Запомни! Это старые русские. Они скоро вымрут, как мамонты. А в энциклопедии будет написано: «вымерли, потому что не умели жить». У них покупают халупу за двойную цену, а они еще кочевряжатся. В последний раз спрашиваю!

Все хором (*кроме Марины*). Нет!

Юрий Юрьевич. Тогда будем считать, что это самозавхват. Я террорист, а вы мои заложники. Болик!

Болик. Руки за голову! Лицом к стене!

Все встают у стены, кроме профессора.

Федор Тимофеевич. Молодой человек!

Болик. Молчать!

Федор Тимофеевич. Что?! Я немцев не боялся, а тебя, сопляк...

Профессор срывает со стены пику, хочет метнуть в обидчика, но размахнуться не может, так как прикован почти под самым потолком.

Болик (*выхватывает пистолет*). Стрелять?

Юрий Юрьевич. Откуда я знаю! Ты же школу телохранителей кончил — не я.

Болик (*вспоминая инструкцию*). Так. Ага! Сначала предупредительный в воздух... (*Поднимает пистолет.*)

Лидия Николаевна. Ни в коем случае: там у нас итальянская газета офис снимает. Будет международный скандал!

Болик. Тогда — по ногам...

Марина. Внизу у нас опорный пункт охраны порядка. Там участковый дежурит.

Юрий Юрьевич. Благодарю, мадам, вы единственный здоровый человек в этом доме.

Болик. Тогда остается — на поражение.

Федор Тимофеевич. Стреляй, фашист!

Елена. Дедушка! Юрий Юрьевич! Не надо на поражение! Оставайтесь. Делайте что хотите...

Профессор опускает пику.

Подходит Болик, отбирает у него колющее оружие и передает шефу.

Юрий Юрьевич (*осматривая пику*). Что хотим? Кофе хотим.

Марина. Двадцать долларов.

Юрий Юрьевич. Недешево. Вы деловая женщина. Но я бывал в местах, где чашечка стоит пятьдесят... Болик, кофе будьешь?

Болик. На работе не пью. Могут подмешать. Я за ваше тело отвечаю.

Марина уходит на кухню.

Федор Тимофеевич. А за вашу душу кто отвечает?

Юрий Юрьевич (*разглядывая пику*). Дедушка, душа по нашим временам — это роскошь, как часы «Роллекс» с бриллиантами. Мало кому по карману... Копье африканское? Сколько стоит?

Лидия Николаевна. Нет, это пика. Казачья. Мой отец Николай Ферапонтович служил в Гражданскую войну в красном полку имени Степана Разина. (*С гордостью указывает на портрет.*) Это его пика!

Юрий Юрьевич. Интересно! Был казаком, а стал парфюмером?

Лидия Николаевна. Да. Его партия направила.

Юрий Юрьевич. Какое совпадение! Я был простым фарцовщиком, а партия направила меня в бизнес... Мне надо позвонить!

Болик услужливо протягивает мобильный телефон.

Юрий Юрьевич. У тебя по конспирации что было? Двойка?

Болик. Тройка.

Юрий Юрьевич. Оно и видно. Нас же сразу засекут. На «мобилах» все и попадают. Помнишь, как Бурлакова замочили?

Болик. В сортире?

Юрий Юрьевич. Нет, в сортире замочили Гандурадзе. А Бурлакова — в парикмахерской. Позвонил с мобильного жене, посоветоваться, какие височки делать — косые или прямые... Посоветовался. Всю парикмахерскую из гранатомета разворотили. Где у вас телефон?

Марина (*выглядывая с кухни*). Звонок вам обойдется в десять долларов.

Елена. Мама шутит...

Елена подает ему телефон на длинном шнуре.

Он набирает номер.

Юрий Юрьевич (*в трубку*). Поленька? Это я... Как дела? Как там курганские, рюют? Передай им: не найдут Калманова — всем конец... Что значит, как сквозь землю провалился? За что я деньги плачу? Пусть ищут! ... Нет, я не дома. Спрятался и очень надежно. Никто не догадается. От тебя у меня секретов нет, но лучше тебе не знать, если пытаться будут. Калманов нанял черных. Страшные люди! Целую тебя, сама знаешь куда. (*Кладет трубку, с интересом осматривая Елену в прозрачных шортиках.*)

Лидия Николаевна. Калманов, Калманов... Знакомая фамилия. Ага, вспомнила! Это композитор. Он за мной в Коктебеле в 58-м году волочился, а Федор Тимофеевич страшно ревновал и написал эпиграмму. Очень смешную. Я даже начало помню: «Стареющий кобель приехал в Коктебель...» Чуть до дуэли не дошло! Помнишь, Федя?

Федор Тимофеевич. Фамилия того композитора — Колмановский.

Лидия Николаевна. Да, Колмановский...

Юрий Юрьевич (*Елене*). Вам очень идут эти шортики. Обтягивают. А почему вы всегда на работу ходили, как?..

Елена. Как?

Юрий Юрьевич. Черти как! Вот ведь: у некоторых ничего нет, одна забывчивость природы, а так выставится — мимо не пройдешь. У другой же все на месте, а одевается, как в мешок из-под картошки влезает. Я, пожалуй, возьму вас снова к себе. Место еще не занято. Сейчас хорошего бухгалтера труднее найти, чем рошую жену...

Елена. Поздно. Я уже устроилась.

Лидия Николаевна только вздыхает и качает головой.

Раздается звонок в дверь.

Юрий Юрьевич. Кто это?

Елена. Наверное, Костя с работы вернулся.

Юрий Юрьевич. Какой еще Костя?

Елена. Мой отец.

Юрий Юрьевич. Костя... Все-то у вас не по-людски!

Лидия Николаевна. Он ключи забыл.

Юрий Юрьевич. Тихо! Болик, сначала в глазок посмотри!

Лидия Николаевна. У нас на лестничной площадке темно.

Лампы перегорели.

Юрий Юрьевич. Вверните новые!

Лидия Николаевна. Этим государство должно заниматься.

Юрий Юрьевич. А за веревочку в сортире государство не должно дергать?

Болик (*Лидии Николаевне*). Открывайте! Одно лишнее слово и...

Лидия Николаевна. Не надо меня пугать!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Открывает. Входит Костя. Он в телогрейке, в сапогах, с корзиной, полной грибов.

Костя. Mam, представляешь, ключи забыл!

Лидия Николаевна. Ты что-то рано!

Костя. Необыкновенный выброс плодовых тел. Еле дотащил. Сработал мой фунговит! Подействовал!

Лидия Николаевна. Костя, Марина приехала...

Костя. Где она?

Лидия Николаевна. На кухне.

Костя хочет бежать на кухню.

Болик (*выхватывая пистолет*). Стоять!

Костя (*замечая чужих людей*). Кто это?

Лидия Николаевна. С Леночкиной работы.

Костя. Ничего не понимаю... Здравствуйте!

Юрий Юрьевич. Обыщи!

Болик (*обхлопывает Костю*). Чисто!

Болик (*осматривает корзину*). Ого, одни белые! Откуда?

Костя. Места надо знать. А что вы ищете?

Юрий Юрьевич. Смысл жизни. Мне сказали, вы на работе?

Костя. А я и был на работе.

Юрий Юрьевич. Это у вас профессия такая — грибник?

Костя. Нет, по профессии я микробиолог. Грибы — моя узкая специализация. Лабораторию-то закрыли. Вот, собираю и отдаю в китайский ресторан. Платят, конечно, мало. Но теперь, когда фунговит подействовал... Марина! Мой фунговит подействовал!

Костя торопливо уходит на кухню.

Юрий Юрьевич (*задумчиво*). Да, собирать грибы — это гораздо спокойнее, чем собирать деньги с лохов...

Елена. И потом не отдавать. Значит, вас уже ищут? Я предупредила, чем этот ваш «Гарант-лимитед» закончится!

Юрий Юрьевич. Чем?

Елена. Арестом за финансовые махинации.

Юрий Юрьевич. Не смешите меня! Если в России всех нарушающих закон посадить в тюрьму, кто будет передачи носить? Никого не останется...

Елена. Но вы же прячетесь?

Юрий Юрьевич. Я прячусь от Калманова. Он меня заказал!

Федор Тимофеевич. Довели страну! Раньше бифштекс в обцепите заказывали, а теперь живых людей.

Елена. Погоди, дедушка! (*Юрию Юрьевичу.*) Но ведь Калманов — ваш друг и компаньон.

Юрий Юрьевич. В бизнесе, как и в любви, друзей не бывает. Мы поссорились. Он слил полмиллиона...

Лидия Николаевна. Как слил? Куда?

Юрий Юрьевич. Если бы я знал! Сначала он в несознанку пошел. А когда я припер — раскололся. Вроде договорились. Обещал вернуть. Потом чувствую: меня пасут. Калманов каких-то черных нанял. Сволочь! Знает же, что у меня с кавказцами

нелады. Хорошо, Болик заметил. Ну, я тоже не на помойке себя нашел. Нанял курганских. Теперь кто кого раньше достанет! Тут главное — глубже зарыться...

Елена. И вы решили у меня зарыться?

Юрий Юрьевич. Это Болик подсказал. Квартиру мою знают. Всех друзей и любовниц знают. А искать меня у бухгалтерши, которую я с работы выгнал, никому в голову не заедет! Но если бы я мог вообразить, что вам так идут эти шортики, — я бы и сам догадался. Без Болика...

Елена. Можно мне переодеться?

Юрий Юрьевич. Нельзя!

Елена. Я вас прошу...

Юрий Юрьевич. Ладно, переодевайтесь!

Елена уходит.

Лидия Николаевна. Калманов... Калманов... Федя, ты не помнишь?

Федор Тимофеевич. Нет, не помню. *(Юрию Юрьевичу.)* Но очень надеюсь, что он найдет вас и прикончит!

Юрий Юрьевич. Какой вы злой и недобрый! *(Раздается звонок в дверь.)* Кто это?

Лидия Николаевна. Мы никого не ждем.

Юрий Юрьевич. В глазок посмотрите! Ах, да... Если выберем-ся из этой передраги, я куплю вам столько лампочек, что и правнукам хватит. Спросите, кто там!

Лидия Николаевна *(подходит к двери)*. Кто там? *(Слушает.)* Это Сергей Артамонович.

Юрий Юрьевич. Какой еще Сергей Артамонович?

Федор Тимофеевич. Предводитель районного дворянства. Не впускай этого человека!

Юрий Юрьевич. Сумасшедший дом! Грибники, мифологи, предводители дворянства... Пустите его! А то он что-нибудь заподозрит и к участковому побежит.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Входит Сергей Артамонович и со всеми обстоятельно троекратно целуется. Незнакомым представляется: «Сергей Артамонович Лукошкин, предводитель районного дворянства». Поднимается на стремянку, пытаясь поцеловать профессора. Безуспешно. Замечает наручники. Хитро смотрит сначала на Лидию Николаевну, потом на Федора Тимофеевича.

Сергей Артамонович. Озорничаете по-стариковски?

Лидия Николаевна. Как не стыдно?! Насмотрелись по телевизору американского разврата. Мы — заложники...

Сергей Артамонович. Какие еще заложники? Это вы чего-то не того по телевизору насмотрелись.

Юрий Юрьевич. Все правильно. Я захватил квартиру — они мои заложники.

Сергей Артамонович. Ну тогда, пожалуй, не буду вам мешать... *(Направляется к двери.)*

Болик. Стоять! *(Обыскивает.)* Чисто.

Юрий Юрьевич. Зачем вы пришли?

Сергей Артамонович. Я... Я принес Федору Тимофеевичу диплом.

Федор Тимофеевич. Увольте, Сергей Артамонович, какой еще диплом? Я же просил!

Сергей Артамонович. Как какой? Графский... На внеочередном дворянском собрании района вы утверждены графом. *(Протягивает диплом.)*

Федор Тимофеевич. Не хочу я быть графом. Что вы меня на стрости лет позорите!

Сергей Артамонович. Не смейте отказываться! В соседнем районе уже два графа и князь, а у нас ни одного. Вы самая подходящая кандидатура. Выбрали вас графом единогласно...

Лидия Николаевна. А голосование было открытое или закрытое?

Сергей Артамонович. Какая разница, графиня!

Лидия Николаевна. Я вам не графиня! Я член партии с пятидесятилетним стажем.

Юрий Юрьевич. Ну-ка, покажите диплом! Красиво! Скажите, а меня вы можете в дворяне принять?

Сергей Артамонович. Вы где живете?

Юрий Юрьевич. На Плющихе.

Сергей Артамонович. Обращайтесь по месту жительства.

Появляется Марина с подносом. За ней следом идет Костя.

Костя. ...Марина, ты не понимаешь! Фунговит — это переворот в сфере промышленного производства грибов. Достаточно опрыскать мицелий — и выброс плодовых тел...

Марина. Ты пил сегодня?

Костя. Пивка на станции...

Марина. Понятно. Расскажи про свой фунговит маме!

Костя. Уже рассказал.

Марина. Тогда — папе... *(Юрию Юрьевичу.)* А вот и кофе!

Юрий Юрьевич. Спасибо! *(Берет чашку и хочет отхлебнуть.)*

Болик. Минуточку, шеф! *(Отбирает у него чашку, отхлебывает и смакует.)* Органолептика нормальная. Можно пить.

Юрий Юрьевич *(отхлебывая)*. Хороший кофе!

Марина. Еще я вам сделала «биг-мак». Это будет стоить...

Юрий Юрьевич. Я понял.

Марина. Юрий Юрьевич, вам случайно не нужна кожаная куртка? На меху. Очень хорошая. По цене производителя. Вчера привезла... *(Ловит ненавидящий взгляд свекра.)* из Царьграда...

Юрий Юрьевич. Нет, не нужна. В моем «мерседесе» всегда тепло.

Марина. У вас «мерседес»?

Юрий Юрьевич. Обидный вопрос.

Костя. Что-то я не видел у подъезда никакого «мерседеса».

Юрий Юрьевич. Мы на такси приехали. Конспирация.

Пока он рассчитывается с Мариной, Болик откусывает приличный кусок от бутерброда.

Марина. И за телефон!

Юрий Юрьевич. У вас явные коммерческие способности. Странно, что они не передались вашей дочери. Я просил Елену Константиновну в финансовом отчете сделать такой пустячок... Ни в какую! Просто какая-то зоологическая честность!

Марина. В отца.

Болик (*с набитым ртом*). Органолептика...

Юрий Юрьевич раздраженно отбирает у Болика полусъеденный бутерброд. Сергей Артамонович тем временем троекратно целует Костю.

Сергей Артамонович. Поздравляю! Это важнейшее событие в вашей жизни...

Костя. Вы уже знаете? Спасибо! Вы не представляете, что означает открытие фунговита! Это переворот...

Сергей Артамонович. Я, собственно, имел в виду другое. (*Показывает диплом.*)

Костя. Ого! Поздравляю, папа!

Федор Тимофеевич. Нашел с чем поздравить отца!

Юрий Юрьевич. Экий вы ворчун, ваша светлость!

Сергей Артамонович. Ваше сиятельство.

Костя. Значит, я тоже теперь граф?

Сергей Артамонович. Всенепременно!

Костя. Марина! Я — граф, а ты теперь графиня...

Марина. Всю жизнь мечтала! Девчонкам на рынке расскажу — обхохочутся.

Сергей Артамонович. На разведенных жен, к сожалению, не распространяется.

Костя. А мы все никак не разведемся. Некогда. Марина челночит, а я — в лесах.

Марина. Зачем, думаешь, я приехала?

Костя. Вот и отлично! Прямо сейчас пойдем в суд заявление подавать!

Юрий Юрьевич. Никуда вы не пойдете! Вы заложники...

Костя. Да, я несчастный пленный граф! (*Срывает со стены африканскую маску.*) Я — деревянная маска!

Марина. Прекрати паясничать! Что люди подумают!

Костя. А что они подумают? Высший свет отдыхает. Вот вы, Сергей Артамонович, про аристократов все знаете. Что графы по утрам пьют?

Сергей Артамонович. Кофе или чай...

Костя. А покрепче?

Сергей Артамонович. Ну, положим, светлейший князь Завадовский предпочитал малагу. Однажды он выпил целую бутылку, а его вдруг вызывают к государыне императрице Екатерине Алексеевне тет-а-тет... Вообразите!

Костя. Вообразил. (*Юрию Юрьевичу.*) А что вы утром пьете?

Юрий Юрьевич. Предпочитаю двойной «Бурбон».

Костя. Ну, так давайте выпьем двойной... нет, тройной «Бурбон»!

Юрий Юрьевич (*удивленно*). У вас есть «Бурбон»?

Костя. У меня нет. Думал, у вас есть! Когда я был заведующим лабораторией, я никогда не ходил в чужой дом с пустыми руками.

Юрий Юрьевич. Действительно, неловко как-то вышло... (*Лезет за деньгами.*) Болик, слетай в магазин!

Болик. А если «наружка»? И потом, вы уверены, что с ними один справитесь? Посмотрите, как старик на вас глазом сверкает.

Юрий Юрьевич. М-да, бросит в голову Брокгауза или Эфрона — и убьет... (*Громко.*) Праздник отменяется!

Сергей Артамонович. Давайте я в магазин сбегаю! Тут в винном отделе барон Эвертов служит. Он меня всегда предупреждает, если водка паленая. Из классовой солидарности. Я мигом вернусь!

Болик (*тихо — шефу*). Мигом — к участковому...

Юрий Юрьевич. Встаньте на место! Праздника не будет.

Костя. Не может такого быть, чтобы в доме ничего не осталось. В прошлый раз я купил три бутылки. Выпил... Не помню... Но три выпить я не мог — это было бы расточительством!

Костя. Ты не могла! Ты же моя мать! Ты водку спрятала! Ну что ж, тогда поиграем в новейший домашний «водкоискатель»...

Лидия Николаевна. Костя, не надо!

Марина. Константин, я сейчас уеду!

Костя. Никуда ты не уедешь — ты заложница.

Юрий Юрьевич. «Водкоискатель»? Это тоже ваше изобретение?

Костя. Сейчас увидите! Лена! Иди сюда!

Лидия Николаевна. Ты этого не сделаешь!

Костя. Сделаю! Ленка! Я тебя жду.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Появляется Елена. Она одета в серенький офисный костюмчик, скрывающий все ее женские достоинства. Юрий Юрьевич осматривает ее недоуменно. Она встречает его взгляд с вызовом.

Елена. Костя, что случилось?

Костя. Дочка, дай руку!

Елена. Нет, папа, прошу тебя!

Костя. Дай! (*Хватает ее за руку.*) Объясняю устройство домашнего «водкоискателя». Леночка у нас девушка честная и очень порядочная. Когда она вынуждена лгать, пальчики у нее дрожат... Теперь понятно?

Юрий Юрьевич. Гениально!

Марина. Отпусти ее!

Костя. Графиня, вы сознательно покинули наше дворянско-рабоче-крестьянское гнездо и теперь прошу не вмешиваться в мою семейную жизнь!

Марина. Не могу на это смотреть! (*Уходит.*)

Лидия Николаевна. Костя, не надо — я тебе так отдам.

Костя. Поздно, я обещал продемонстрировать нашему уважаемому террористу действие новейшего домашнего «водкоискателя».

Лидия Николаевна. Сынок, что ж ты с собой делаешь!

Сергей Артамонович (*утешает ее*). Мужайтесь, алкоголизм — наследственная болезнь аристократов. Сын графа Зубова выпивал в день...

Лидия Николаевна. Да идите вы с вашими аристократами!

Костя (*тащит Елену за руку вдоль книжных шкафов*). Здесь?

Елена. Нет!

Костя. Здесь?

Елена (*отчаянно*). Нет!

Костя. Здесь?

Елена. Н-нет...

Костя. Зде-есь! (*Отпускает Елену, извлекает из-за книг две бутылки водки.*) Вот они, мои двойняшечки! Соскучились?

Юрий Юрьевич. Здорово!

Костя. Мама, стели скатерть! Предводитель, идемте колбасу порежем. Еще у меня есть чудные маринованные грибочки!

Сергей Артамонович. Собственно говоря...

Костя. Предводитель, не гнушайтесь простым трудом, а то опять революцию дождетесь!

Они уходят. Лидия Николаевна начинает накрывать стол.

Елена ей помогает.

Елена (*глядя им вслед*). Раньше папа таким не был. Он вообще не пил и думал только о своих опытах. Его даже на государственную премию выдвигали... Но однажды он пришел в понедельник на работу — и увидел, что в лаборатории евроремонт делают. А оборудование — папа его пятнадцать лет конструировал — на свалку вывезли. Помещение, оказывается, продали под казино...

Юрий Юрьевич. Под какое казино?

Елена (*протирает рюмки*). «Золотой шанс».

Юрий Юрьевич. Что вы говорите?

Елена. В тот день папа впервые напился. Мама даже сначала обрадовалась: пусть уж лучше попьет. Папа ведь хотел директора института убить — это он лабораторию закрыл...

Юрий Юрьевич. Я в этой квартире с ума сойду! Болик, ты слышал? Из-за чего, собственно, человек с катушек слетел? Ну закрыли твою лабораторию — найди себе другое дело! Я сначала джинсами торговал, потом водкой... Сейчас вот страховым бизнесом занимаюсь. И ничего!

Лидия Николаевна (*отрывается от сервировки стола*). А от чего вы боитесь?

Юрий Юрьевич. От всего. Но от глупости я не боюсь. Сломаться из-за какой-то дурацкой лаборатории!

Федор Тимофеевич. А если это было дело его жизни?

Юрий Юрьевич. Не бывает так! Не бывает! Дело — для жизни, а не жизнь — для дела!

Лидия Николаевна. Вы же Костю не знаете! Он с детства природой интересовался и всегда что-нибудь придумывал. Однажды, ему лет девять было, он меня спросил: «Мама, а если скрестить кактус и фикус, получится фиктус?» Я ему, конечно, сказала, что невозможно скрестить эти растения. Мы его даже потом «фиктусом» дразнили. Очень обижался. И что вы думаете? Подросток — и скрестил... К нам со всего дома на это чудо смотреть приходили!

Федор Тимофеевич. Лида, зачем ты ему это рассказываешь? Он все равно не поймет.

Юрий Юрьевич. Да, не пойму! Я тупой. (*Елене.*) Вы тоже так считаете, Елена Константиновна?

Елена. Нет, вы совсем не тупой. И в том, что касается бизнеса, иногда принимаете такие решения, что я вами даже восхищаюсь. Но вместе с тем вы не понимаете самых простых вещей...

Юрий Юрьевич. Да! Не понимаю! Не могу, например, понять, зачем вы нацепили этот костюм? Даже не костюм, а мышиную шкурку в человечесий рост.

Елена. Я же говорю, самых простых вещей вы не понимаете.

Возвращаются Костя и Сергей Артамонович с тарелками.

Костя. Хорошие девочки — накрыли стол! А мы грибов, колбаски, сальца... Садимся!

Юрий Юрьевич. Болик, отстегни профессора! Пусть поклует с общественностью.

Болик. А он не будет драться?

Лидия Николаевна. Нет, нет... Он смиренный.

Болик направляется отстегивать профессора. Все рассаживаются.

Юрий Юрьевич устраивается между Еленой и бабушкой. Сергей

Артамонович между Еленой и Костей.

Лидия Николаевна. Костя, надо Марину позвать!

Костя. Не надо. Она сказала, что мы давно чужие и моя жизнь ее не интересует. Чужой — так чужой. Она, между прочим, за вещами своими приехала. За что пьем?!

Сергей Артамонович. Станный вопрос! Конечно, за новоиспеченного графа Федора Тимофеевича. Погодите, граф сейчас спустится...

Костя. Папа, не томи!

Юрий Юрьевич. Болик, в чем дело?

Болик. Ключ от наручников не могу найти...

Юрий Юрьевич. Уволю! Ищи!

Болик начинает бродить по квартире в поисках ключа.

Сергей Артамонович. Ну, ничего, мы графу наверх передадим.

Федор Тимофеевич. Я не пью по утрам. И я не просил вас делать меня графом!

Юрий Юрьевич. Давайте лучше выпьем за Костино открытие! Вы, кстати, пока о нем никому не говорили?

Костя. Нет.

Юрий Юрьевич. И не говорите. Пьем за открытие века!

Болик (*пытаясь отобрать рюмку у шефа*). Шеф, органолептика...

Юрий Юрьевич. Да иди ты со своей органолептикой! С чего ты взял, что меня здесь отравят? Интеллигентная семья. Ищи, бестолочь, ключи! (*Поворачивается к Елене.*) Елена Константиновна, вы же не станете меня травить?

Елена. Нет. Мне вас жалко!
Юрий Юрьевич. За фунговит!

Все выпивают и закусывают.

Сергей Артамонович. Ах, какие грибочки! Граф, грибочков!

Лидия Николаевна. Федя, я тебе сейчас подам...

Федор Тимофеевич. Не хочу.

Костя. Это ты, папа, зря. Грибы фактически заменяют мясо.

Сергей Артамонович. А правда, что грибы не растения, а, скорее, даже животные такие?

Костя. В известной степени, ведь они не синтезируют хлорофилл, как растения, а отбирают его у других, как животные.

Федор Тимофеевич. И новые русские.

Юрий Юрьевич. Болик, не надо искать ключи! Профессор наверху посидит.

Костя. Давайте выпьем за грибы — надежду всего человечества!

Лидия Николаевна. Костя, не части!

Все выпивают и закусывают. Болик вздыхает, завистливо поглядывая на выпивающих, бродит вдоль полок, берет большой альбом, садится в кресло и разглядывает картинки в течение всего разговора.

Костя. Теперь, после открытия фунгофита, не страшен никакой голод. Мы накормим человечество грибами! Никакого золотого миллиарда, никакого третьего мира. Это реальное, пищевое равенство!

Лидия Николаевна. Я всегда знала, что социализм победит. Пусть даже не с помощью пролетариата, а с помощью грибов.

Юрий Юрьевич. Скажите, а белых или, допустим, подосиновиком всем хватит?

Костя. Нет, конечно. Но есть ведь опята, сыроежки, валуи, наконец...

Юрий Юрьевич. Равенства никогда не будет. Человек, которого кормят валуями, всегда будет мечтать о белых, в крайнем случае о подосиновиках.

Лидия Николаевна. А я и не отрицаю классовую борьбу на первых порах. Но в конце концов человечество выработает единый вид грибов, чтобы никто никому не завидовал.

Юрий Юрьевич. А если он окажется невкусным?

Лидия Николаевна. Какая разница? Других-то грибов не будет.

Елена. Не спорьте с бабушкой! Она до пенсии преподавала научный коммунизм в торговом институте и в совершенстве владеет диалектикой.

Сергей Артамонович. А вот я вам тоже сейчас про грибы расскажу. Однажды государь Александр Александрович собирал грибы. Прибегает вестовой и говорит, что пожаловал австрийский посланник. А государь и отвечает: «Пока русский царь грибы собирает, Европа может и подождать...»

Костя. Скучно... *(Начинает клевать носом, потом засыпает за столом.)*

Федор Тимофеевич. По-моему, Александр III говорил это про рыбалку.

Сергей Артамонович. И про рыбалку, и про грибы... Он это часто повторял.

Лидия Николаевна. Что вы тут из моего дома Дом Романовых устраиваете?

Сергей Артамонович. Виноват! Вам, конечно, про Ленина гораздо приятнее слушать?

Лидия Николаевна. Конечно.

Сергей Артамонович. Так вот, по телевизору сообщили, что ваш Ильич — гриб!

Лидия Николаевна. Что?! Вон из моего дома!..

Сергей Артамонович *(скорбно)*. К сожалению, вынужден откланяться...

Елена. Бабушка, я тоже слышала по телевизору, что Владимир Ильич... гриб.

Костя (*сквозь сон*). А Сталин тем более.

Лидия Николаевна. Леночка! Что ты такое говоришь? Ну ладно Сергей Артамонович, ему простительно: он монархист. Но ты! Твой прадед Николай Ферапонтович всем обязан Ленину. Он послал папу поднимать парфюмерную промышленность, когда еще молодая советская республика задыхалась в кольце фронтов. И знаешь, что Ленин сказал ему?

Сергей Артамонович. Конечно, что-нибудь про пролетариат!

Лидия Николаевна. Да. Угадали. Он сказал, что передовой класс не имеет права дурно пахнуть! И папа пронес этот завет через всю жизнь. Первый выпущенный одеколон он назвал «Первая конная». А второй одеколон...

Юрий Юрьевич. «Вторая конная».

Сергей Артамонович (*хохочет*). Вторая конная! Замечательно! Я, пожалуй, молодой человек, помогу вам с дворянством. Для начала, конечно, с личным.

Лидия Николаевна. Если вы не можете покинуть мой дом, то я отказываюсь сидеть с вами за одним столом!

Лидия Николаевна демонстративно взбирается на стремянку к профессору. Из комнаты появляется Марина с чемоданом и огромной сумкой. Останавливается, с интересом прислушивается к разговору.

Елена. Давайте не будем ссориться! Мы так хорошо сидели. Я даже забыла, что я заложница...

Федор Тимофеевич. Это называется «Стокгольмский синдром», когда заложники начинают испытывать симпатии к террористу.

Юрий Юрьевич. Выпьем за «Стокгольмский синдром»! Костя, проснись и пей!

Елена. Не надо будить папу. Он ведь не спал всю ночь.

Марина. Костя пьет только за похмельный синдром...

Юрий Юрьевич. И Марине налейте! Бабушка, за «Стокгольмский синдром»!

Лидия Николаевна. Я вам не бабушка! С тем, кто глумится над самым человечным человеком, меня не примирит никакой «Стокгольмский синдром»!

Елена. Ну, хватит! Давайте сменим тему... Юрий Юрьевич, у вас в кабинете висит львиная шкура. Я давно хотела спросить. Это вы убили?

Юрий Юрьевич. Я. В прошлом сезоне.

Елена. В таком случае вы, наверное, знаете, что это за странные белые ленточки вплетены в львиную гриву?

Юрий Юрьевич. Понятия не имею.

Федор Тимофеевич. Ленточки? Ты не путаешь? Может, их вплели потом, когда льва убили?

Юрий Юрьевич. Лев с самого начала был с косичками. Может, папуасы вплели?

Федор Тимофеевич. Сами вы папуас. Вы где охотились?

Юрий Юрьевич. В Африке. В Тунгании.

Федор Тимофеевич. Тунгаи принадлежат к негрской расе большой негроидной расы и живут в Африке. А папуасы относятся к меланезийской расе большой австралоидной расы и живут в Новой Гвинее. Вы в школе-то хоть учились?

Юрий Юрьевич. Я и в институте учился. Но меня оттуда выгнали.

Федор Тимофеевич. Оно и видно!

Сергей Артамонович. Не обращайтесь внимания, рассказывайте! Так по сколько львов вы забиваете за сезон?

Юрий Юрьевич. Львы — не бараны. Их не забивают, а берут!

Сергей Артамонович. Ну и сколько вы берете?

Юрий Юрьевич. Одного, если повезет. Думаете, так легко получить лицензию на отстрел? Ничего подобного! Я член международного «Сафари-клуба», плачу взносы... *(Смотрит на Лидию Николаевну.)* Да, взносы! И немалые... Но все равно приходится стоять в очереди за лицензией.

Лидия Николаевна. Ага! А обещали, что при вашем проклятом капитализме не будет очередей!

Елена. Бабушка, ну ты сравнила: очередь за колбасой и очередь за львами.

Лидия Николаевна. Не вижу принципиальной разницы. Я вообще не понимаю такого общественного устройства. Кто-то собирает бутылки, а кто-то с львами развлекается...

Марина. Скажите, Юрий Юрьевич, а лицензия дорого стоит?

Юрий Юрьевич. Не скажу. Но это ерунда по сравнению с тем, сколько я заплатил за мой карабин «холланд-холланд».

Марина. А сколько вы заплатили за ваш карабин «холланд-холланд»?

Юрий Юрьевич. Не важно. Охота на львов — дорогое удовольствие... Это вам не грибы собирать?

Костя встрепенулся и открыл глаза.

Костя (*агрессивно*). А что вы, собственно, имеете против грибов?

Юрий Юрьевич. Вы меня неправильно поняли...

Костя (*еще агрессивнее*). Все я правильно понял!

Марина. Началось! Константин, успокойся: тебя никто не хотел обидеть!

Костя. Не успокоюсь.

Сергей Артамонович. Господа!

Лидия Николаевна. Товарищи!

Сергей Артамонович. Господа...

Лидия Николаевна. Товарищи...

Сергей Артамонович. Товарищи, ну дайте господину рассказать про львов! Значит, вы получили лицензию и что же дальше?

Юрий Юрьевич. Дальше нужно подготовить специальную засидку на дереве неподалеку от того места, где обитает львиная семья...

Костя. Прайд.

Юрий Юрьевич. Что?

Костя. Прайд. Львиная семья называется прайдом и состоит из 6–8 особей.

Юрий Юрьевич. Пусть будет прайд. Мне все равно. Потом мы идем в поселок и покупаем у папуасов... то есть у негроидной расы большой негрской расы мясо — целую корову.

Лидия Николаевна. И сколько стоит целая корова?

Юрий Юрьевич? А вам-то зачем?

Лидия Николаевна. Просто интересно, почему в Африке мясо?

Юрий Юрьевич. Долларов двести—триста...

Лидия Николаевна. Дороговато. При советской власти мясо было дешевле.

Марина. Да, помню, было дешевле. Только его не было.

Елена. Бабушка, мама, не мешайте! Рассказывайте, Юрий Юрьевич!

Юрий Юрьевич. Ну вот... Вешаем корову на соседнем дереве и ждем в засидке...

Сергей Артамонович. Чего ждете?

Юрий Юрьевич. Львов, естественно. Поначалу, конечно, появляются самки. У львов в... прайде... пищу добывают в основном самки...

Марина. Как это по-русски!

Юрий Юрьевич. Но самки нам не нужны.

Елена. Почему?

Юрий Юрьевич. Ну сами посудите, зачем нам шкура без гривы? У самок же нет гривы.

Костя (*мстительно*). Как это по-русски!

Юрий Юрьевич. В общем, мы ждали три дня. И дождались! Он появился внезапно. Огромный. Даже выдавшие виды проводники остолбенели. Эти ленточки издали казались сединой в его буйной гриве. Ударом гигантской лапы он свалил коровью тушу на землю и откусил сразу половину...

Костя. Врете!

Костя. Потому что зубная формула не позволяет льву откусить сразу половину коровы. Лев — не динозавр.

Юрий Юрьевич (*вскакивая*). Да что ж это такое! То мне морочили голову большой негроидной расой, теперь — какой-то зубной формулой! Не буду дальше рассказывать! Не буду...

Елена. Юрий Юрьевич, не сердитесь! Я даже не знала, что вы такой обидчивый. Рассказывайте дальше, прошу вас!

Юрий Юрьевич. Я забыл, на чем остановился.

Сергей Артамонович. Лев откусил полкоровы...

Юрий Юрьевич. Откусил. Возможно, и не полкоровы, но откусил. И тут я выстрелил...

Федор Тимофеевич. Напрасно вы это сделали!

Юрий Юрьевич. Что значит напрасно! Я же заплатил за лицензию.

Лидия Николаевна. Долларами, небось?

Юрий Юрьевич. Конечно, долларами.

Лидия Николаевна. Я всегда говорила, что капитализм — злейший враг живой природы!

Сергей Артамонович. Ай, бросьте! Знаем, как ваши члены Политбюро поохотиться любили.

Елена. Ну дайте же человеку рассказать! Значит, вы попали?

Юрий Юрьевич. Конечно, попал! Другой бы лев после такого выстрела упал замертво. Но не этот... Он зарычал так, что задрожала саванна, тряхнул белой от ленточек гривой и ушел. Мы бросились за ним по кровавому следу. Проводники меня отговаривали, умоляли, что-то лопотали на своем языке... большом негроидном. Но я послал их, сами знаете куда, на нашем, великом и могучем...

Федор Тимофеевич. Зря вы их не послушали. Они знали, что говорили.

Елена. Да, зря вы преследовали раненого льва. Это же очень опасно!

Юрий Юрьевич. Еще бы! Я чуть не наступил на черную мамбу. Это страшная змея! Местные называют ее «семь шагов».

Елена. Почему «семь шагов»?

Юрий Юрьевич. Потому что после укуса человек делает семь шагов и умирает в страшных муках.

Костя. Ерунда. Ядовитость мамбы сильно преувеличена. После укуса человек спокойно может прожить еще минут пятнадцать—двадцать.

Юрий Юрьевич. Да что же это такое! Что бы я ни сказал — все не так! Может, я вам вообще не нравлюсь?

Костя. А с какой стати вы должны нам нравиться? Мне вообще не нравятся люди с деньгами. Они — жулики.

Марина. Константин, заткнись!

Елена. Папа, все-таки Юрий Юрьевич у нас в гостях...

Федор Тимофеевич. В гостях? Не припомню, чтобы его кто-нибудь приглашал. И вообще, если память мне не изменяет, мы заложники.

Юрий Юрьевич (*вскакивая*). Да, вы заложники! Но не мои. Вы заложники собственной никчемности. Кто вы такие? Что вы в жизни можете? Книжки читать и бить себя в честную грудь! Сидеть на стремянке и ругать жизнь за то, что она не такая, как в книжках? Все, кто умеет зарабатывать, для вас — воры. А вы? Вы-то на что вы способны? Бутылки собирать? Кофе за двадцать долларов продавать! Пока вы росли в тепленьких наркомовских квартирах — я боролся за жизнь...

Лидия Николаевна. Спекулировал!

Юрий Юрьевич. Да! Спекулировал, потому что сам хотел сделать свою жизнь лучше, а не ждать, пока это сделает ваша партия. Пока вы научный коммунизм преподавали — я джинсами торговал, потому что из-за вашего научного коммунизма люди штанов себе купить не могли.

Лидия Николаевна. Люди штаны не могли себе купить из-за таких, как вы. Это вы создавали искусственный дефицит в стране! Вы — вредитель!

Юрий Юрьевич. Вредитель? Так расстреляйте меня!
150 Расстреляйте... Сталинистка красно-коричневая!

Костя. Как вы разговариваете с моей мамой, гад!

Юрий Юрьевич. Костя, не лезьте!

Костя. Я вам не Костя!

Юрий Юрьевич. Виноват, граф! Нижайше прошу вас не лезть, иначе мне придется съездить по вашей благородной физиономии!

Марина. Костя! Прекрати! Как не стыдно!

Костя. Не ори! Не на рынке...

Юрий Юрьевич. Да, Марина, идите вы... лучше куртками торговать!

Костя. А кто вам позволил так разговаривать с моей женой?

Юрий Юрьевич. А почему я должен спрашивать позволения? Как хоч — так и говорю!

Лидия Николаевна. Вы сейчас же покинете мой дом!

Юрий Юрьевич. Не покину. Болик! Куда ты пропал? Заложники совсем обнаглели!

Болик откладывает альбом и подходит к столу.

Болик. Не надо было с ними выпивать.

Костя. Последний раз говорю: покиньте дом! В противном случае я вас.. я вас...

Юрий Юрьевич. Ну и что вы сделаете?

Костя. Я вызову вас на дуэль!

Марина. Алкоголики на дуэлях не дерутся.

Костя. Еще как дерутся!

Елена. Папа!

Лидия Николаевна. Какая дуэль? Костя, прекрати сейчас же этот феодализм!

Елена. Папа, Юрий Юрьевич, вы совсем с ума сошли!

Костя. Я вас вызываю!

Юрий Юрьевич. Ну и где ваша перчатка, граф, или ты в меня грибом кинешь? Фиктус...

Костя. Что? Вот тебе моя перчатка!

*Выплескивает водку в лицо Юрию Юрьевичу. Смятение.
Марина оттаскивает Костю. Болик протирает глаза шефу.*

Болик. Ну как вы, патрон?

Юрий Юрьевич. Видеть, кажется, буду...

Елена. Потерпите, Юрий Юрьевич, сейчас пройдет!

Марина (*Косте*). Сейчас же извинись перед человеком! Это где ж ты выучился водку в лицо людям плескать?!

Лидия Николаевна. Да, Костя... Нехорошо...

Федор Тимофеевич. Правильно, сынок! Так их — хозяев жизни!

Марина. Ты чего завелся?

Костя. Это все из-за того, что ты мне сказала...

Марина. Что я тебе сказала?

Костя. Что мы чужие.

Марина. А разве не так?

Федор Тимофеевич. Эх, вы!

Марина. Он сейчас извинится!

Юрий Юрьевич. Никаких извинений! Мне еще никогда не плескали в лицо водкой!

Лидия Николаевна. То ли еще будет, когда очнется одуроченный вами народ!

Юрий Юрьевич. Никогда он не очнется.

Лидия Николаевна. Еще как очнется! Очнется и разорвет вас на ваучеры!

Сергей Артамонович. Обязательно очнется! И призовет на царствование законного государя императора...

Лидия Николаевна. Опять вы за свое?

Сергей Артамонович. Как предводитель районного дворянства, я просто обязан вмешаться. Итак, согласно кодексу генерала Дурасова мы имеем оскорбление третьей степени. Самое тяжкое оскорбление — действием. В восемьсот семнадцатом году поручик Дубинский плеснул жженкой в лицо корнету Яковлеву.

152 В результате...

Лидия Николаевна. Вы еще драки неандертальцев вспомните! Мы же цивилизованные люди.

Сергей Артамонович. Итак, согласно дуэльному кодексу генерала Дурасова, оскорбленный действием имеет право на выбор дистанции. Кроме того, он имеет право употребить знакомое и привычное ему оружие. Сначала — дистанция.

Юрий Юрьевич. Как можно ближе!

Костя. Еще ближе!!

Сергей Артамонович. Восемь шагов между барьерами...

Костя. Семь!

Юрий Юрьевич. Отлично! Семь шагов!

*Сергей Артамонович отмеряет шаги и устанавливает
Маринины сумку и чемодан в качестве барьеров.*

Лидия Николаевна. Что вы делаете? Федор, скажи им!

Федор Тимофеевич. Сергей Артамонович, мне кажется, вы увлеклись. Прекратите комедию!

Сергей Артамонович. В вопросах чести я неумолим. Теперь — оружие. Выбирайте!

Юрий Юрьевич. Пистолет! Болик, дай пистолет!

Болик. Патрон, вообще-то разрешение на меня выписано...

Юрий Юрьевич. Уволью вместе с разрешением. Давай пистолет!

Болик нехотя отдает пистолет.

Сергей Артамонович. Есть в доме еще огнестрельное оружие?

Федор Тимофеевич. Мы на львов не охотимся.

Сергей Артамонович. А что-нибудь колюще-режущее?

Марина. Кроме столовых ножей ничего нет. И то все тупые...

Костя. Я наточу.

*Тем временем Лидия Николаевна пытается тихо вынести
из комнаты пику.*

Болик. Оставьте пику!

Костя. Пика... Точно! Знакомая пика. Я еще в детстве ею играл. Я выбираю пику.

Елена. Папа, она же острая!

Сергей Артамонович. Вот и славненько! Теперь секунданты...

Юрий Юрьевич. Болеслав!

Болик. Босс, не надо...

Юрий Юрьевич. Уволю!

Костя. Марина, может быть, ты?

Сергей Артамонович. Лица, состоящие в родственных и брачных отношениях, исключаются.

Костя. Вот видишь, если бы мы развелись, ты могла бы стать моим секундантом!

Марина. Успеем еще развестись.

Лидия Николаевна. Бред какой-то! Прекратите сейчас же!

Сергей Артамонович. Графиня, позвольте... Вашим секундантом, молодой граф, буду я. Согласны?

Костя. Прекрасно. Можно сходиться?

Сергей Артамонович. Погодите? Знаете, в чем главная задача секундантов?

Юрий Юрьевич. Увезти с места дуэли труп?

Сергей Артамонович. Ничего подобного! Согласно кодексу генерала Дурасова секунданты обязаны сделать все, чтобы покончить дело миром.

Лидия Николаевна. Слава богу!

Сергей Артамонович. Господа, не угодно ли вам примириться?

Елена. Юрий Юрьевич, я вас прошу! Помириться с папой! Я вернусь на работу. И буду одеваться так, как вам нравится!

Юрий Юрьевич. Мне еще никто не плескал в лицо водку!

Костя (*потрясая пикой*). Елена, отойди от этого человека! Что испугались! Это вам не на безоружных львов охотиться...

Юрий Юрьевич. Примирение невозможно.

Сергей Артамонович. Тогда к барьеру!

Сергей Артамонович. Сходитесь!

Начинают медленно сходитьсь.

Лидия Николаевна. Марина! Сделай что-нибудь! Я знаю, ты никогда не любила Костю... Но мы-то его любим! Марина!

Марина. Костя!

Дуэлянты тем временем дошли до барьера.

Костя. Что тебе?

Сергей Артамонович. Не отвлекайте графа! Это дуэль в конце-то концов!

Марина. Костя, если ты отдашь пику — я к тебе вернусь. Прямо сегодня. Если хочешь — сейчас...

Костя. Правда?

Марина. Правда.

Костя опускает пику.

Сергей Артамонович. Что вы делаете, граф! Отказ от дуэли, согласно кодексу генерала Дурасова, приравнивается...

Костя. Да идите вы со своим генералом Дурасовым! Не желаю я ни с кем драться...

Юрий Юрьевич. Сейчас пожелаешь! Знаешь, кто продал твою лабораторию под казино «Золотой шанс»?

Костя. Кто?

Юрий Юрьевич. Я.

Костя. Негодяй!

Елена. Юрий Юрьевич, как вы могли?!

Юрий Юрьевич. Мог! Представилась такая возможность, и откусил. Зубная формула мне, слава богу, позволяет...

Костя. Я убью тебя, гад!

Костя с воплем бросается на Владимирцева и втыкает ему пику в живот. Юрий Юрьевич стреляет Косте в лицо.

Костя делает, шатаясь, несколько шагов.

Костя *(падая)*. Семь шагов...

Марина *(бросаясь к нему)*. Костя! Что с тобой?

Юрий Юрьевич *(падая)*. Кругом обман...

Елена *(бросаясь к нему)*. Юра, Юрочка, не умирай!

Занавес

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Та же квартира. Профессор все еще на стремянке. Дремлет. У стола сидят, обнявшись, Марина и Елена, одетая в новый брючный костюм. На диване храпит, накрывшись газетой «Монархист» Лукошкин.

Марина *(грустно, продолжая рассказ)*. ...Костя потом однажды признался, что полюбил меня с первого взгляда, но все не решался подойти. А я на первом курсе с одним проходимцем связалась. Сына от него даже хотела. Такого же талантливого. Дура! Я ведь в институтском ансамбле пела...

Елена. Ты? Пела?

Марина. Я... Теперь, конечно, уже не спою. Голос пропал. На рынке все время орешь и ноги зимой мерзнут. А тогда, знаешь, как я пела! «Все могут короли, все могут короли...» А он — на ударных, как молодой король! *(Имитирует игру на барабанах, спохватывается, озираясь.)* Спит Федор Тимофеевич?

Елена. Спит.

Марина. Потом раскусила я этого ударника. У него таких дур, вроде меня, пол-института. Ну я и психанула! Правильно, между прочим, сделала. Король этот потом спился и сгулялся. Встретила я его недавно в одном ресторане: лысый, замызганный и руки трясутся, как у Кости по утрам. А теперь и вообще, говорят, помер. Нет, правильно я тогда сделала — легла в больницу — ну и... сама понимаешь...

Елена. И сколько бы ему сейчас было?

156

Марина. Ударнику?

Елена. Нет, моему брату.

Марина. Тридцать.

Елена (*задумчиво*). Как Юрию Юрьевичу... А папа ничего не знал?

Марина. В том-то и дело, что знал! Выхожу из больницы — бледная, страшнющая, а Костя меня встречает с букетом роз. Наверное, девчонки проболтались. Я заплакала. Это ведь из роддома жену обычно с цветами встречают. А он меня — наоборот... Понимаешь?

Елена. Понимаю.

Марина. И буквально на ступеньках предложение сделал, повез к родителям знакомиться. Они мне сразу понравились. Даже дух перехватило: такая квартира после студенческой общаги! А вот я им сразу не понравилась: какая-то девчонка из Лихославля...

Елена. По-моему, ты к ним несправедлива!

Марина. Не-ет! Они сразу поняли, что Костя от меня без ума, а вот я...

Елена. Что — ты?

Марина. Я его уважала, восхищалась его умом и настойчивостью...

Елена. И изменяла ему.

Марина. Ты-то откуда знаешь?

Елена. Дети очень наблюдательны. Неужели ты папу нисколько не любила?

Марина. А что такое любовь?

Елена. Любовь — это когда он на тебя смотрит, а у тебя мурашки... Когда он говорит, а у тебя вот здесь (*кладет ладонь себе на грудь*) теплеет... Когда он случайно до тебя дотронется, а тебя, как током...

Марина. Током убить может! Любовь, девочка моя, — это вроде симбиоза в природе. Когда порознь не выжить. Понимаешь?

Елена (*вздыхая*). Понимаю.

Марина. Ничего ты не понимаешь! И я не понимала. Когда тридцать лет просыпаешься утром в постели с одним

и тем же мужчиной, это тоже любовь. Знаешь, в какой момент я это вдруг поняла?

Елена. В какой?

Марина. Когда твой в Костю выстрелил.

Елена. Поздно же ты это поняла, мама!

Из комнаты появляется Лидия Николаевна.

Лидия Николаевна. Марина, ты можешь проститься с Костей.

Марина. Да, конечно...

Лидия Николаевна. Будешь уходить, ключи от квартиры оставь. Они тебе больше не понадобятся.

Елена. Бабушка!

Лидия Николаевна. Так надо!

Марина. Я повешу на гвоздик в прихожей...

Марина уходит в комнату.

Лидия Николаевна (*мужу*). Ядрило, чай будешь?

Федор Тимофеевич (*дергая наручник*). Ну какой чай! Издеваешься?!

Елена. А мы, дедушка, думали, ты спишь...

Федор Тимофеевич. Это только попугаи на жердочке спать умеют. Найдите же, наконец, этот чертов ключ от наручников! Я же не водонапорная башня!

Елена. Бабушка, давай их выпустим! Может, Болик вспомнит все-таки, куда ключ подевал.

Тем временем зашевелился и протер глаза Сергей Артамонович.

Сергей Артамонович. Вообще-то, государь император Николай Павлович приказывал сажать участников дуэлей в крепость, если в живых остались. И держать там на хлебе и воде.

Лидия Николаевна. Не надо о воде! (*Кивает на профессора.*) Насколько же спящий монархист лучше бодрствующего!

Сергей Артамонович. То же самое могу сказать о коммунистах.

158 Лидия Николаевна. Ладно, выпускай своего террориста!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Елена отпирает дверь комнаты. Оттуда выходит Болик.

Елена. Вы свободны! А где твой босс? Что с ним?

Болик. Он мне больше не босс.

Елена. Почему?

Болик. Он меня уволил.

Елена. И тебя тоже? За что?

Из комнаты выскакивает Юрий Юрьевич. Он в ярости.

Юрий Юрьевич. И вы еще спрашиваете? Кругом обман! (Болику.) Почему ты мне не сказал, что завалил экзамен по стендовой стрельбе и тебе дали лицензию только на газовый пистолет?

Болик. Вы бы меня тогда на работу не взяли.

Юрий Юрьевич. Конечно, не взял! Зачем мне дурачок с хлопущкой? А если бы люди Калманова напали? Тогда что?! Ладно, допустим, газовый пистолет... Но почему со слезоточивым газом? Есть же, в конце концов, нервнопаралитический!

Болик. Нервнопаралитический газ опасен для здоровья.

Юрий Юрьевич. Нет, вы слышали! Опасен для здоровья... Это такие телохранители, как ты, опасны для здоровья.

Елена. Юрий Юрьевич, вы не только должны восстановить Болика на работе, но просто обязаны выдать ему премию.

Юрий Юрьевич. Премию? Какую премию? За что?!

Елена. Как за что? Если бы в пистолете были настоящие патроны — вы бы застрелили человека. Моего отца... Понимаете?

Юрий Юрьевич. Да, в самом деле... Но если бы не мой бронежилет, то ваш отец убил бы меня!

Юрий Юрьевич делает резкое движение и хватается за бок.

Елена (сочувственно). Больно?

Сергей Артамонович. Как ваш бок?

Юрий Юрьевич. Плохо мой бок! Один обман кругом! В рекламе написано: «Выдерживает залп картечи в упор...»

Слышали: залп картечи! (Болику.) Принеси жилет!

Федор Тимофеевич. В племени мататуев есть поговорка: тот, кто крадет чужие ракушки, однажды будет спать не на шкуре, а на голой земле...

Юрий Юрьевич. При чем тут какие-то мататуи?

Федор Тимофеевич. А при том. Тот, кто строит свое благополучие на обмане других людей, обязательно будет обманут и сам.

Болик возвращается и подает жилет.

Елена (*берет в руки жилет*). Совсем легкий!

Юрий Юрьевич (*отбирает жилет*). Вот посмотрите! Залп картечи... Какой-то пикой — и почти проткнул! Еще бы чуть-чуть и меня, как бабочку — булавкой!

Лидия Николаевна. Костя вложил в удар всю свою классовую ненависть к эксплуататорам.

Сергей Артамонович. Позвольте с вами не согласиться! Силу ему придала оскорбленная дворянская честь!

Тем временем появляется Марина. Берет, осматривает жилет.

Марина. Ерунду вы все говорите. Вот видите, здесь маленькими буквами написано: «Сделано в Польше».

Юрий Юрьевич. Вот мерзавцы! А говорили: американский...

Елена. Как папа?

Марина. Глаза еще слезятся. Он скоро выйдет. Но с вами, Юрий Юрьевич, ему встречаться не стоит.

Юрий Юрьевич. Да, конечно, засиделись мы тут у вас. Пора и честь знать. Можно только один звонок сделать? Выясню, как там с Калмановым. Я знаю, десять долларов...

Елена. Мама пошутила. Звоните!

Владимирцев набирает номер. Занято. Снова набирает.

Лидия Николаевна. Калманов... У нас в пункте приема посуды работает... Нет, его фамилия Калганов. А чем этот ваш

160 Калманов занимается?

Юрий Юрьевич (*набирая номер*). Прачечная у него. Называется «Надежный кредит».

Лидия Николаевна. Странное название для прачечной.

Юрий Юрьевич. Обычное название. Сдаешь грязные деньги — получаешь чистые. Но гораздо меньше.

Лидия Николаевна. Я что-то не пойму...

Елена. А тебе, бабушка, и не надо ничего понимать.

Юрий Юрьевич (*в трубку*). Полина, это я. Жив, кажется... Почему у тебя все время занято?... Зачем ты в милицию звонила?... Что-о? А ты-то где была?... В какую еще парикмахерскую? Я же сказал: от телефона не отходи. Потом поговорим. Что там с Калмановым?... Так и не нашли? Плохо, очень плохо! Перезвоню... Что я забыл?... Да, конечно, целую.

Елена хмурится. Владимирцев вешает трубку.

Садится обескураженный.

Елена (*ехидно*). И что же случилось, пока ваша Полина ходила в парикмахерскую?

Юрий Юрьевич. Люди Калманова залезли в наш офис. Все перерыли...

Елена. А что они искали в офисе?

Юрий Юрьевич. Меня. А взяли львиную шкуру...

Елена. Шкуру?

Федор Тимофеевич. Шкуру? Я так и знал...

Елена. Но почему именно львиную шкуру? У вас в кабинете хорошая видеотехника. И Малевич висит...

Марина. Малевич? Ого!

Елена. Да! «Малый черный квадрат». Зачем им шкура?

Юрий Юрьевич. Вы хоть знаете, сколько стоит эта шкура? А в «черных квадратах» черные не разбираются. Я, честно сказать, тоже не разбираюсь. Ну, квадрат и квадрат...

Елена. Думаете, шкуру они из-за денег взяли?

Юрий Юрьевич. А из-за чего еще! Все из-за денег... Скоро и до моей шкуры доберутся. Как же погано, когда за

тобой охотятся! Бедные львы...Я только сейчас понял, как им тяжело живется! Выслеживают, караулят, идут по пятам... А потом — хрясь разрывной пулей в сердце. Вот сюда! Ладно, Болик, пошли! *(Надевает бронжилет.)* Проверь свою семизарядную вонючку! Встретим врага в чистом поле...

Елена *(заступая дорогу)*. Стойте! Я никуда вас не пущу!

Юрий Юрьевич *(оглядывая ее)*. А вам идет этот брючный костюм...

Елена. Мама, бабушка, не отпускайте их!

Лидия Николаевна. Почему?

Елена. Они не завтракали. А я блинчики сделала.

Марина. С творогом?

Елена. Да.

Марина. Изюм не забыла?

Марина и Елена уходят на кухню.

Сергей Артамонович *(глядя вслед Елене)*. Какая грация! Порода! Одно слово — графиня!

Юрий Юрьевич. Вы считаете?

Сергей Артамонович. Конечно! Порода выражается во всем! Посмотрите на Федора Тимофеевича. Вроде бы обычный старичок на стремянке. Но приглядитесь — как сидит!

Болик. А ведь верно, если приглядеться...

Лидия Николаевна. Вместо того чтобы приглядываться — лучше бы освободили человека!

Болик. У вас есть ножовка по металлу?

Федор Тимофеевич. Лида, посмотри в прихожей...

Лидия Николаевна уходит в прихожую. Марина и Елена приносят еду, расставляют на столе. Все рассаживаются вокруг стола.

Елена. Надо папу позвать.

Марина. Захочет — сам выйдет.

Возвращается Лидия Николаевна с ножовкой.

Болик начинает пилить наручники.

Сергей Артамонович (*поедая завтрак*). Какие дивные блинчики!

Лидия Николаевна. Это Леночка у нас так вкусно готовит! Федя хочешь? С кофейком?

Федор Тимофеевич. Я же просил!

Болик. Вот черт — крепкие наручники!

Юрий Юрьевич. Пилите, Болик, пилите!

Елена. Пусть Болик поест.

Юрий Юрьевич. Перепилит — тогда поест. Он не заслужил еще такие восхитительные блинчики. Елена Константиновна, вы изумительная хозяйка!

Елена. А вы, оказывается, умеете говорить комплименты!

Юрий Юрьевич. Я и не такое умею. Надеюсь, у вас еще будет возможность оценить меня по-настоящему. Вот только надо с Калмановым разобраться...

Елена. Вряд ли у вас будет такая возможность.

Юрий Юрьевич. Почему же?

Елена. Вам нельзя довериться!

Юрий Юрьевич. Откуда такое убийственное мнение?

Елена. Из ваших финансовых документов. Человек, который так нагло обманывает государство и клиентов, способен обмануть и женщину...

Сергей Артамонович. Это верно. Когда государыне императрице Екатерине Алексеевне доложили о взятках, которые светлейший князь Потемкин-Таврический берет с купцов...

Лидия Николаевна. Опять?

Сергей Артамонович. Никакой свободы слова!

Юрий Юрьевич. Значит, по-вашему, лучше быть бедным, но честным?

Елена. Конечно! Дедушка, помнишь, ты говорил эту поговорку про чистую совесть...

Федор Тимофеевич. Да. В страну предков ничего с собой нельзя унести из этого мира, кроме чистой совести.

Болик. Не шевелитесь, профессор! Ну вот... пилка сломалась.

Елена. Дикари — а лучше некоторых бизнесменов понимают!

Юрий Юрьевич (*вскакивает из-за стола*). К черту! Все к черту! Вы, думаете, это легко — не спать по ночам, соображая, как бы обмануть кого-нибудь до того, как он обманет тебя? Думаете, это просто — постоянно изобретать, как ловчее всунуть взятку чиновнику... Я однажды десять тысяч долларов в вазу спрятал и одному хмырю на День цветов презентовал, а он ничего не понял и подарил вазу жене министра. Прихожу к нему через неделю за лицензией, он на меня смотрит и ждет... Я спрашиваю: ну как ваза? А он отвечает: «Ваша ваза жене министра понравилась, так понравилась...»

Марина. У нас на рынке тоже. Без взятки не суйся. Лицензию то он вам выдал?

Юрий Юрьевич. Выдал. Содрал с меня еще пять штук и выдал. А министр его через месяц представил к ордену «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени... Решено! Я больше не занимаюсь бизнесом. Ищу себе другую работу.

Лидия Николаевна. Зачем вам работа? У вас, небось, в Швейцарии счет!

Юрий Юрьевич. Ошибаетесь. У меня ничего нет. Недвижимость была записана на бывшую жену. Для сохранности. И теперь сохранять эту недвижимость ей помогает половина мужского населения Кипра...

Марина. А квартира? Шестикомнатная, на Плющихе!

Юрий Юрьевич. Квартиру скоро отберут. Я взял под нее кредит.

Марина. Продайте Малевича. Я читала, что он стоит бешеных денег!

Юрий Юрьевич. Это подделка... Правда, очень хорошая подделка.

Федор Тимофеевич. Малевича плохо подделать невозможно.

Елена. А вы говорили — настоящий...

Юрий Юрьевич. Мало ли что я говорил. Так нужно. Когда в офис приходит потенциальный инвестор, что он делает

164 прежде всего?

Лидия Николаевна. Что?

Юрий Юрьевич. Смотрит на твою секретаршу в приемной. Потом на твой костюм. Потом на картины в кабинете. После этого решает: иметь с тобой дело или нет.

Федор Тимофеевич. А в глаза он вам не смотрит?

Юрий Юрьевич. Смотрит. Поэтому очки должны быть дорогие и очень стильные.

Елена. А вы знаете, что у вашей Полины грудь силиконовая?

Юрий Юрьевич. Конечно. Я ей эту грудь и купил. Да вы же сами проводили деньги по статье представительские расходы.

Елена. Какой вы все-таки...

Оскорбленно встает из-за стола.

Марина. И у вас теперь ничего нет?

Юрий Юрьевич. Почти ничего. Разве что удастся с Калманова хоть что-нибудь содрать...

Марина. Значит, вы обманывали нас, когда обещали купить нашу квартиру?

Юрий Юрьевич. Это был не обман, а смелый бизнес-план!

Марина. И что же вы теперь делать будете?

Юрий Юрьевич. Я же сказал: найду себе работу.

Елена. Какую?

Юрий Юрьевич. Не знаю. Я ведь умею только делать деньги. А больше я ничего не умею...

Сергей Артамонович. Напрасно. На свете столько увлекательных профессий!

Юрий Юрьевич. А вот вы, Сергей Артамонович, чем вы на жизнь зарабатываете?

Сергей Артамонович. Я целуюсь.

Лидия Николаевна. Нечто в этом роде я и подозревала!

Елена. В каком смысле — целуетесь?

Сергей Артамонович. В прямом. В Москве большой спрос на людей, владеющих искусством троекратного поцелуя.

Марина. Искусством?

Сергей Артамонович. Да, именно искусством!

Лидия Николаевна. При всем вашем омерзительном монархизме должна сознаться, целуетесь вы приятно.

Юрий Юрьевич. Я тоже заметил.

Елена. А что в этом искусстве самое важное?

Сергей Артамонович. О, я бы мог прочесть целую лекцию о троекратном поцелуе! О его истории и роли в жизни общества.

Марина. И какая еще такая роль у поцелуя?

Сергей Артамонович. Очень важная! Вы замечали, что на приемах и званых обедах всегда возникает неловкая пауза перед приглашением к столу. Дело в том, что самый главный гость обычно опаздывает...

Юрий Юрьевич. Верно! Я замечал. Тянут, тянут...

Сергей Артамонович. По-другому нельзя, иначе к приезду главного гостя на столах ничего не будет. Икры уж точно не останется. Моя задача — скрасить это ожидание. Я вхожу и всех троекратно перецеловываю... Некоторые понимают приветственный поцелуй упрощенно. Мол, обнялись и обслюнявили друг другу щеки. Нет, нет и еще раз нет! Троекратный поцелуй — это самый сложный обмен тонкими энергиями... Кроме того, у меня есть свое «нау-хау». Фирменный прием.

Марина. Какой же?

Сергей Артамонович. Во время поцелуя я слегка шевелю усами. Вот так!

Марина. Я заметила.

Сергей Артамонович. Женщинам, особенно одиноким, очень нравится. Некоторые несколько раз подходят. Меня постоянно приглашают на приемы, презентации, званые вечера, торжественные обеды... Нарасхват! И неплохо платят. Иной раз я даже всюду не поспеваю и начал подумывать о помощнике. Дублере, так сказать. Юрий Юрьевич, идите ко мне в дублеры! За два месяца я научу вас так троекратно целоваться, что вам не придется думать о хлебе насущном.

Юрий Юрьевич. А что?! Это идея! Леночка, как вы считаете?

Елена. Почему бы и нет? Потренируетесь с Полиной!

Юрий Юрьевич. А если с вами?

Елена. Никогда!

Болик (*отчаявшись*). Не перепиливаются наручники. Автогена в доме нет?

Марина. Где-то был напильник.

Уходит в поисках напильника.

Сергей Артамонович. Занятия можем начать прямо сейчас. Для этого нам никто не нужен. Расслабьтесь! Подумайте о чем-нибудь хорошем!

Юрий Юрьевич. Не могу. Не могу расслабиться! Сначала мне нужно разобраться с Калмановым...

Лидия Николаевна (*вскакивая*). Вспомнила! Ну, конечно! Как же я забыла? Инночка Калманова! Она была моей аспиранткой, писала диссертацию об организации социалистического соревнования в пионерском отряде. Сначала за ней ухаживал Коля Иванов с кафедры русского фольклора. Федя, помнишь, такой обходительный мальчик? Сейчас большой человек — депутат израильского кнессета. Но вышла она замуж не за Колю, а за журналиста Леву Калманова. Инночка сдавала кандидатский минимум уже беременной, а потом даже приносила своего мальчика на кафедру. И звали его... звали...

Юрий Юрьевич. Игорь?

Лидия Николаевна. Да, именно — Игорек. Изумительный мальчик. Такой живой! Я носила тогда античную камею. Николай Ферাপонтович во время Гражданской войны в какой-то дворянской усадьбе... нашел. Так вот, Игорек все ручонки тянул к камее...

Юрий Юрьевич. Он всегда к чужому ручонки тянет. А потом вы с ними общались?

Лидия Николаевна. Конечно, перезванивались. Инночка работала в горкоме и всегда поздравляла меня с 7 ноября.

Юрий Юрьевич. А когда вы в последний раз перезванивались?

Лидия Николаевна. Недавно. Она поздравляла меня с шестидесятилетием.

Елена. Бабушка! Это же было двенадцать лет назад.

Лидия Николаевна. В самом деле? Как летит время!

Елена. Бабушка, у тебя должен быть ее телефон!

Лидия Николаевна. Конечно, я никогда ничего не выбрасываю... *(Ищет, потом листает записную книжку.)* Когда-то давно я выкинула одну бумажку. Оказалось, это уникальное письмо Миклухо-Маклая с Огненной земли в Русское географическое общество. Федя со мной чуть не развелся. С тех пор я ничего не выбрасываю. Вот он — телефон...

Елена. Звони, бабушка!

Юрий Юрьевич. Бессмысленно. Прошло двенадцать лет. Все изменилось...

Лидия Николаевна. Это у вас, новых русских, все изменилось. А у нас, старых советских, все осталось по-прежнему: и квартиры, и телефоны, и мужа, и принципы...

Лидия Николаевна набирает номер. Все, зажав дыхание, ждут.

Лидия Николаевна *(огорченно)*. Неправильно набран номер.

Юрий Юрьевич. Я же говорил: все бессмысленно...

Елена. Бабушка, дай сюда книжку! *(Берет книжку.)* Ну, конечно: в этих номерах изменилась первая цифра. Вместо единицы нужно набирать девятку.

Елена набирает, а услышав гудки, отдает трубку бабушке.

Лидия Николаевна. Алло! Инночка! Алло! Здравствуй, Инночка! Не узнаешь?.. Ай-ай-ай! Забыла свою старую научную руководительницу... Ну, конечно же, я! Да, Лидия Николаевна... И я очень рада тебя слышать! Ну как ты живешь, милая? Почему не звонишь?.. Нет, я жива, как слышишь. Давно уже на пенсии... И ты тоже на пенсии? А Лева?.. Тоже на пенсии. То-то я его статей в «Правде» давно не вижу... Теперь печатается в еженедельнике «Путеводитель по сексу»? Да уж — седина в бороду, бес в ребро... Совершенно

лысый и толстый? А был спортивным и кудрявым... Шнурки себе завязать не может? Кто бы мог подумать! Ох, эти мужчины без женщин никуда! В детстве мама шнурки завязывает, а в старости — жена...

Федор Тимофеевич. Я сам себе шнурки завязываю.

Елена. Бабушка, какие шнурки! Спроси ее про сына!

Лидия Николаевна. Сейчас, спрошу... *(В трубку.)* Инночка, я давно хотела тебя спросить, как ты относишься к тому, что вместо социализма с человеческим лицом сделали нам капиталистическую козью морду?

Слушает ответ, удовлетворенно кивая.

Елена. Бабушка, о чем ты спрашиваешь!

Юрий Юрьевич. Все правильно! Бабушка — молодец. Это написано во всех учебниках по бизнесу: прежде чем выудить нужную информацию, надо сначала установить с человеком неформальный контакт на основе общих интересов.

Лидия Николаевна. Ты за кого, Инночка, голосовала на выборах? Ты... Ты? Как ты могла! *(Ехидно.)* Значит, ты теперь стоишь на позициях правых оппортунистов. Поздравляю! Не ожидала от тебя, не ожидала! Прав был Ленин: классовое сознание определяет все! У твоего сына, кажется, своя прачечная?.. Как это — нет прачечной? А я слыхала...

Юрий Юрьевич. Не надо про прачечную, это я образно выразился.

Лидия Николаевна. Кто сказал про прачечную? Да так один... Не будем об этом... Как мы живем? Как все: боремся, ходим на демонстрации... Что Федор Тимофеевич поделывает? Сидит... Нет, не в том смысле. Он сидит на стремянке и передает тебе привет... Костя? С Костей просто беда. Пьет... Лев Соломонович тоже? А кодировать пробовали?.. Сам себя раскодировал? На какой день?.. На двадцать пятый? Ну, это еще ничего! Костя сам себя раскодировал на третий день. Он же у нас ученый!

Федор Тимофеевич. Лида, не надо об этом! Это наши семейные дела. Зачем ей знать!

Елена. Про Игоря спроси?

Лидия Николаевна. Сейчас спрошу. А как там Игорек, не пьет?.. Играет? Пусть играет. Мужчины — большие дети. Федя тоже в шахматы играет... Сколько? Сто тысяч долларов в казино проиграл! Кошмар...

Юрий Юрьевич. Вот они где, мои денежки!

Возвращается Марина. Вручает Болику напильник.

Лидия Николаевна. А жена куда смотрит?.. До сих пор холостой? Может, и правильно. (*Смотрит на Марину.*) Если бы Костя не женился — не пил бы...

Марина. Ну конечно, я во всем виновата!

Лидия Николаевна. А кто еще? Ты и демократы... Нет, Инночка я это не тебе... Да, представляешь, до сих пор не развелся... Я тоже, как и ты, считала, что это у него ненадолго. Оказалось, всерьез и надолго... Леночка? Леночка выросла. Работает бухгалтером. Работала... У одного мерзавца. Он ее уволил за то, что она отказалась подделывать финансовые документы... Все подделывают? Но ведь это ужасно, ужасно...

Юрий Юрьевич. Я больше не буду!

Елена. Бабушка, он больше не будет! Спроси ее про Игоря! Где он?

Лидия Николаевна. Инночка, а где твой Игорек?.. Прячется? От кого же он прячется?.. Его Владимирцев заказал?.. Курганским! Какой ужас!.. Сначала кинул, а потом заказал!

Юрий Юрьевич. Врет! Не кидал я его! Это он меня кинул на пол-лимона!

Федор Тимофеевич. Джунгли!

Сергей Артамонович. Лидия Николаевна, предложите, чтобы они встретились и решили свои проблемы у барьера согласно кодексу генерала Дурасова. Я готов секундировать.

Лидия Николаевна. Да идите вы со своим Дурасовым!.. Нет, нет, Инночка, это я не тебе. Это я Лукошкину, предводителю дворянства... Да, тому, который целуется. Ты его

знаешь? Его все знают! (Сергею Артамоновичу.) Инночка передает вам привет и говорит, что вы забываемо шевелите усами.

Сергей Артамонович. Слышали! Юрий Юрьевич, идите ко мне в дублеры! Озолотимся!

Елена. Бабушка, ну при чем тут усы? Вспомни, зачем ты звонишь!

Лидия Николаевна. Инночка, а я ведь к тебе с просьбой... Нет, ты неправильно поняла. Деньги мне не нужны. Я неплохо зарабатываю... На чем? Представь, на пустых бутылках... Что? Твой знакомый сделал на этом состояние... Очень перспективный бизнес! Согласна. Представляешь, человечество четверть всех энергоресурсов тратит на упаковочные материалы...

Елена. Бабушка! Спроси телефон Игоря!

Лидия Николаевна. Инночка, вот что я хотела тебя попросить. Ты не дашь мне телефон Игорька?.. Нет, кредит мне не нужен... Нет, черного нала у меня тоже нет... Понимаешь, у твоего Игоря с Владимирцевым вышло недоразумение. Хочу их помирить... Почему это меня волнует? Нет, никакого бизнеса у меня с ним нет и быть не может. Особенно после дуэли... Какой дуэли? Костя и Юрий Юрьевич бились насмерть с семи шагов по всем правилам кодекса генерала Дурасова... Слава богу, живы... Юрий Юрьевич стоит рядом. Костя чуть было не проткнул его пикой. Да, дедушкиной... Согласна: жаль, что не проткнул. Почему прошу за него? Не знаю даже как тебе сказать...

Елена. Скажи: он мой жених.

Юрий Юрьевич. Спасибо! Вы — друг!

Лидия Николаевна. Он мой жених... Как к этому Федор Тимофеевич относится? Плохо относится. Он считает Юрия Юрьевича террористом... Сексуальным террористом! У тебя всегда был острый язычок... Сколько мне лет? Семьдесят два... А почему меня должна волновать разница в возрасте?.. Да, я знаю, на Западе сейчас в моде большая разница в возрасте. На Западе модно все противоестественное... Да, да, это ужасно! По телевизору одни американские фильмы — про секс, про грабежи, про

заложников... Да! Инночка, самое главное тебе не сказала! Мы заложники... Нет, в буквальном смысле! Представляешь, утром звонок в дверь. Открываю. Входят Юрий Юрьевич и Болик... Болик? Приятный молодой человек, но он потерял ключ... Нет, не от квартиры. От наручников, которыми Федор Тимофеевич прикован к стремянке... Как это зачем прикован? Я же объяснила: мы все теперь заложники: и я, и Федор Тимофеевич, и Костя, и Леночка, и Марина... Да, и Марина. Она из Царьграда прилетела...

Федор Тимофеевич. Из Стамбула. Инна решит, что ты сошла с ума.

Сергей Артамонович. Я тоже заложник. Спросите, как у них там с дворянством. Могу поспособствовать. Недорого.

Лидия Николаевна. Фу, какая гадость! Нет, Инночка это я не тебе!.. Что я хочу от тебя? Совсем запуталась... Не знаю...

Юрий Юрьевич. Пусть Игорь даст черным отбой!

Лидия Николаевна. Инночка, надо дать черным отбой... Каким черным? Я уже сама ничего не понимаю...

Елена (*в отчаянье отнимает трубку*). Инна Петровна! Это — Лена! Нет, бабушка пошутила: мы больше не заложники. Инна Петровна, дайте мне телефон вашего сына... Запретил? Хорошо! Пусть Игорь Львович позвонит нам! Умоляю! Это вопрос жизни и смерти. Они должны помириться... Нет, не бабушка выходит замуж. Я! Я выхожу замуж за Юрия Юрьевича... Да, я хорошо подумала... Нет, он не козел. Просто у него есть недостатки... Спасибо, спасибо, Инна Петровна! Мы ждем звонка. (*Кладет трубку, поворачивается к Владимирицеву.*) Она обещала. Надеюсь, вы все правильно поняли? Мне пришлось солгать. Первый раз в жизни.

Юрий Юрьевич. Да! Понял... (*Целует ей руку.*)

Елена. Иначе она не согласилась бы...

Юрий Юрьевич Чем дальше я на вас смотрю, Елена Константиновна, тем больше убеждаюсь: все люди состоят на девяносто процентов из воды, а вы на сто процентов из достоинств!

*Услышав про воду, профессор в изнеможении
отворачивается.*

Лидия Николаевна. Не надо про воду!
Федор Тимофеевич. Не могу я больше!
Лидия Николаевна. Федя, потерпи! Сейчас, мы что-нибудь придумаем.

Все сообща снимают профессора и уводят. Владимирцев, Лукошкин и Болик несут стремянку следом за ним. За сценой грохот.

Лидия Николаевна. Такая болтушка, эта Инночка!
Марина. Вы друг друга стойте.
Лидия Николаевна. Ты еще здесь?
Марина. Сейчас уеду.

Берет сумку и чемодан. Возвращаются Владимирцев и Лукошкин.

Юрий Юрьевич. Кажется, получилось...
Марина. С вас причитается.
Юрий Юрьевич. Я не останусь в долгу.
Лидия Николаевна. Ладно уж! Тоже мне бизнесмены, не можете договориться. Все за вас делать приходится.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Открывается дверь. Входит Костя, одетый в новый спортивный костюм.

Сергей Артамонович. Граф, рад видеть вас живым и здоровым! Как самочувствие?

Костя. Глаза еще слезятся... А где папа? Где лестница?

Лидия Николаевна. Сейчас вернется. Вместе с лестницей.

Сергей Артамонович (*торжественно*). Господа, во время дуэли вы оба проявили мужество, показали себя людьми чести. Таким образом, ссора исчерпана, и вы смело можете подать друг другу руки!

Юрий Юрьевич. Я готов.

Костя. А зачем? Нам с Юрием Юрьевичем детей не крестить.

Сергей Артамонович. Кто знает... Но так предписывает кодекс генерала Дурасова!

Марина. Костя, не вредничай!

Елена. Папа!

Костя. Ну, если вы с генералом Дурасовым настаиваете...

Протягивает руку Владимицеву. Тот горячо пожимает.

Сергей Артамонович. А по такому поводу можно и выпить! У нас немного осталось. По чуть-чуть, граф!

Костя. Нет, друзья, я твердо решил: больше не пью.

Лидия Николаевна. Молодец, сынок!

Елена. Папа, а ты не передумаешь?

Марина. Нет, папа не передумает!

Елена. Откуда ты знаешь?

Марина. Я его закодировала. Насовсем.

Елена. Как это?

Марина. Вот выйдешь замуж — тогда расскажу!

Елена. Я никогда замуж не выйду.

Марина. Напрасно ты так говоришь. Пойдем я тебе кое-что покажу!

Марина и Елена уходят.

Юрий Юрьевич. Вы, Константин Федорович, правильно решили. В наше время важно иметь трезвую голову, тем более если это такая замечательная голова, как у вас.

Костя. Не надо лести!

Лидия Николаевна. Он прав, сынок! Капитализм в России погубит пьянство, как оно уже погубило социализм.

Сергей Артамонович. Совершенно верно! Государь император Петр Федорович злоупотреблял спиртным — и его свергла собственная жена...

174 Лидия Николаевна. Опять вы за свое? Просто Костя решил начать здоровый образ жизни. Верно, сынок? Будем

бегать по утрам. Каждая пробежка удлиняет жизнь на сутки. Укрепляет сердце. А инфаркт страшно помолодел...

Костя. Наука выделяет две самые распространенные причины смерти.

Сергей Артамонович. Какие же?

Костя. Вовремя не завязал и вовремя не выпил.

Юрий Юрьевич. Константин Федорович, хочу вас спросить...

Костя. Спросите!

Входит Марина, с интересом прислушивается.

Юрий Юрьевич. Вы еще не запатентовали ваш фунговит?

Костя. Нет. Чтобы запатентовать — нужны деньги. А я умею разводить только грибы. Деньги разводить не научился.

Юрий Юрьевич. Но это же так просто! Могу вам помочь. Мы организуем акционерное общество с ограниченной ответственностью и завалим страну неограниченным количеством белых грибов! Как вам название «Фунговит-интернейшнл»?

Костя. Нет уж, спасибо, я как-нибудь обойдусь.

Лидия Николаевна. Сынок, ты подумай! Впрочем, у Юрия Юрьевича нет денег. Стартового капитала. Правильно?

Юрий Юрьевич. Я возьму кредит.

Марина. Подо что? У вас же ничего нет.

Юрий Юрьевич. Возьму под изобретение Константина Федоровича.

Лидия Николаевна. Где возьмете?

Юрий Юрьевич. Пока не знаю. Найду. Кредиты это такая непредсказуемая вещь... Что-то вроде вдохновения. Вот вы, Константин Федорович, как изобрели фунговит?

Костя. Не знаю... Сидел в пивной и вдруг придумал.

Юрий Юрьевич. С кредитами то же самое. Сидишь, бывает, в ресторане... Вдруг он идет мимо. Кредит. Подходишь и берешь. Решайтесь! Договор подпишем прямо сейчас.

Марина. Я принесу бумагу.

Появляется Федор Константинович. Следом за ним Болик несет стремянку.

Федор Тимофеевич. Никаких договоров. С этим человеком у нас не будет ничего общего. А с тобой, Марина, мы, кажется, обо всем условились?

Марина. Сейчас уеду.

Лидия Николаевна. Да ладно, Федя!

Федор Тимофеевич. Нет — не ладно! Ступайте из нашего дома! Оба.

Юрий Юрьевич. До свидания!

Марина. Прощай, Костя... Я с вами, Юрий Юрьевич!

Костя. Ты никуда не уедешь!

Марина. Уеду. Они считают, что я погубила твою жизнь!

Костя. Они ничего не понимают. Я сам решаю за себя.

Сергей Артамонович (*троекратно целует Владимирцева*). Не забывайте, если что — возьму вас в дублиеры. Перецелуем всю Российскую Федерацию!

Болик. А куда мы теперь, шеф?

Юрий Юрьевич. Не знаю...

Лидия Николаевна. Федя, Игорек Колманов сюда будет звонить.

Федор Тимофеевич. Хорошо. Но сразу после звонка, чтобы духу их здесь не было!

Все садятся. Некоторое время сидят молча. Болик помогает профессору устроиться на стремянке и снова начинает пилить наручники.

Сергей Артамонович. Когда государю императору Николаю Александровичу телефонировали о беспорядках в Петрограде...

Лидия Николаевна. О революции.

Сергей Артамонович. Хорошо. Так вот, когда телефонировали о революции, которая на самом деле была беспорядками, организованными на германские деньги...

Лидия Николаевна. Вы, между прочим, можете идти. Вас никто не держит!

Сергей Артамонович. Я заложник. Ведь так, Юрий Юрьевич?

Юрий Юрьевич. Нет, теперь я — заложник.

Сергей Артамонович. Значит, я могу идти?

Юрий Юрьевич. Конечно!

Сергей Артамонович. Я совершенно свободен?

Юрий Юрьевич. Абсолютно.

Сергей Артамонович (*встает, глубоко вздыхает*). Боже, как прекрасно быть свободным! (*Садится.*) Когда Великий князь Василий Иванович Темный вышел из узилища, куда его вверг злодей Шемяка...

Раздается телефонный звонок.

Лидия Николаевна. Да, квартира Куропатовых... Это ты, Игорек. Очень рада тебя слышать! Да, Юрий Юрьевич у нас. Сейчас дам трубку... (*Юрию Юрьевичу.*) Вас!

Владимирцев хватается трубку.

Юрий Юрьевич. Игорь, ты совсем охренел! Какого черта! Зачем ты натравил на меня черных! Мы же обо всем договорились!.. Да, курганских я нанял... А что оставалось делать, если твои мордороты на меня наехали. Шкуру сперли. Львиную... Я тоже не знаю, зачем им эта шкура... Что значит, не нанимал никаких черных? А кто их тогда нанял?.. Титаренко? Не говори ерунду! Я ему должен всего двести тысяч. За такие копейки не убивают... Теперь — убивают. Значит, Титаренко. Как же я не допер! А шкура, выходит, — последнее предупреждение. Прости, что на тебя подумал! Сейчас же дам отбой курганским... Да, надо встретиться. Лучше, в «Золотом шансе». Заодно — пообедаем. (*Понизив голос.*) Кстати, как ты относишься к белым грибам?.. Нет, не в смысле пожрать, а в смысле бизнеса. Есть охренительный проект!

Озолотимся! Выезжаю! Позвони Титаренко. Нет, он со мной разговаривать не будет. Пусть уймет черных. Скажи, я все ему верну. Или лучше возьму в дело. Пятнадцать процентов. Пусть тоже приезжает в «Золотой шанс». Договорились! *(Кладет трубку.)*

Лидия Николаевна. Помирились?

Юрий Юрьевич. Конечно. Еще звоночек. *(Набирает номер.)* Полина, это я. Срочно отбой курганским. В приемной сидят? Дай им трубку!.. Алло, курганские? Да, я снимаю заказ. Расплачусь, не волнуйтесь... Нет, денег у меня пока нет... Не надо меня ставить на счетчик! Возьму вас в дело. Очень прибыльное. Даже не представляете себе! Десять процентов... Хорошо, пятнадцать. Подъезжайте в «Золотой шанс»! Жду... Полина, это снова ты? Что я забыл? Полина, какие поцелуи? Работы по горло. *(Вешает трубку.)* Уф-ф! Кажется, всех развел. Осталось грибы теперь развести.

Марина. Ну, кажется, все уладилось. Я пошла...

Лидия Николаевна. Ключи повесь на гвоздик в прихожей!

Марина направляется в прихожую. Костя бросается следом.

Костя. Я никуда тебя не пущу!

Скрываются в прихожей.

Лидия Николаевна. Теперь точно запьет. На месяц.

Болик *(прекращая пилить наручники)*. И у вас тоже есть гвоздик в прихожей?

Лидия Николаевна. Конечно, в каждом приличном доме есть гвоздик в прихожей.

Из прихожей Костя вытаскивает за руку Марину.

Марина. Почему ты не даешь мне повесить ключи на гвоздик!

Костя. Не дам — и все...

Костя. А я не хочу.

Болик. Вспомнил! Я повесил ключ от наручников на гвоздик в прихожей. Я же дома всегда так делаю!

Юрий Юрьевич. Я тебя все-таки уволю! Быстро неси!

Болик бросается в прихожую.

Лидия Николаевна. Слава богу, нашли ключ. Сейчас, Феденька!

Юрий Юрьевич (*озираясь*). А где Елена Константиновна? Я хочу с ней проститься. Мне нужно ехать на переговоры.

Марина. Подождите, она сейчас выйдет. Я позову. (*Уходит.*)

Болик. Вот, шеф, ключ. На гвоздике висел.

Юрий Юрьевич. самого тебя надо на гвоздик повесить. Беги — лови такси. Быстро!

Болик скрывается.

Сергей Артамонович. Вы куда направляетесь?

Юрий Юрьевич. На Тверскую?

Сергей Артамонович. Мне туда же. Подбросите? У меня встреча с геральдистом. Я для барона Эвертова генеалогическое древо заказал. Недорого. Федор Тимофеевич, вам заказать генеалогическое древо? Можно прямо от Рюрика. Вообразите, такое раскидистое древо, а вместо листочков — графы, князья, августейшие особы. Внизу Рюрик, а вы на самом верху!

Федор Тимофеевич. Я и так на самом верху. Отстегните меня, наконец!

Юрий Юрьевич. Одну минутку, профессор. Константин Федорович, так как насчет договора?

Костя. Я должен подумать. Посоветоваться...

Федор Тимофеевич. С Мариной?

Костя. Да, с Мариной. Я не понимаю, за что вы ее так не любите?

Федор Тимофеевич. Лучше тебе не понимать.

Юрий Юрьевич. Хорошо. Не будем пока подписывать договор. Заключим соглашение о намерениях. Я буду представлять ваши интересы.

Костя. Не знаю даже...

Лидия Николаевна. Пока вы не отстегнете Федора Тимофеевича, никакого соглашения о намерениях.

Юрий Юрьевич. Хорошо. Я отстегиваю...

Появляется Марина, она выводит упирающуюся Елену.

На девушке восхитительное свадебное платье.

Юрий Юрьевич. Ух, ты!

Марина. Ну чего ты, дурочка, стесняешься. Пусть, пусть посмотрит, какая ты у меня красивая! Вот ведь повезет какому-нибудь охламону!

Елена. Мама, ну как тебе пришло в голову купить мне свадебное платье?

Марина. Сама не знаю... Шла, увидела в витрине и просто ошалела — какое красивое! Понимаешь, я не могла его не купить!

Елена. Оно, наверное, дорогое?

Марина. Жутко дорогое!

Елена. Но я не собираюсь замуж!

Марина. А на вырост? Я же покупала тебе в детстве платьица на вырост. Вот и подумала: куплю Ленке свадебное платье на вырост...

Сергей Артамонович. После смерти государыни императрицы Елизаветы Петровны в гардеробах нашли четыре тысячи двести тридцать шесть платьев... Некоторые на вырост.

Звонок в дверь. Лидия Николаевна идет отпираться.

Юрий Юрьевич. Елена Константиновна... Я... Я... Прошу вас стать моей... бухгалтершей!

Елена. Я подумаю.

Федор Тимофеевич. Вы, кажется, собирались ехать на переговоры?

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Тем временем из прихожей появляется испуганная Лидия Николаевна. Затем Болик. Его сопровождают два огромных негра. Один из них держит длинный нож у горла телохранителя. В руках другого — пистолет Болика и спортивная сумка. Все парализованы страхом. Немая сцена.

Елена (*в ужасе*). Что происходит?

Болик. Не знаю. Я спустился, а эти... из большой негроидной расы во дворе караулили. Отобрали пистолет. Ну и вот...

Лидия Николаевна. Товарищи, это какое-то недоразумение! Если вы от Игоря Калманова, имейте в виду, я разговаривала с Инной Петровной. Все улажено. Почему вы молчите?

Федор Тимофеевич. Они не от Калманова.

Юрий Юрьевич. Конечно, не от него. Это люди Титаренко. Надо же, негров нанял! Вот скотина! Ребята, отбой, с Титаренко все тип-топ.

Елена. Я вам говорила, предупреждала...

Костя. Не трусьте! Я как-то неделю пил с неграми. Они нормальные ребята. Хау а ю, бойз? Мей би, дринк самсинг?

Марина. Костя, ты обещал!

Костя. Это я просто так... Ребята, а что вы молчите как мертвые?

Сергей Артамонович. Господа, в самом деле, представьтесь!

1-й киллер. Я Батуалла, сын великого вождя племени тунгаев Иатуаллы. (*Показывает на второго злоумышленника.*) Это Матуалла, брат моей жены...

Сергей Артамонович. Ах, шурин! Рад познакомиться! Сергей Артамонович Лукошкин — предводитель районного дворянства.

Костя (*ернически*). Граф Константин Куропатов, к вашим услугам. Откуда прибыли-с?

1-й киллер. Из Африки.

Костя. Ах, вот как? И должно быть, сейчас в этой самой Африке жара страшная!

Сергей Артамонович. Разрешите, дорогие друзья, от имени районного дворянства поприветствовать вас на гостеприимной московской земле!

Лидия Николаевна (*тихо*). Костя, не дурачься! Это — психи. Нужно делать вид, что мы им верим. Бери пример с Сергея Артамоновича. Он хоть и монархист, а не дурак!

Сергей Артамонович троекратно целует злоумышленников и явно производит на них впечатление.

Сергей Артамонович (*светски*). Какими судьбами в наши края? Да вы спрячьте ножик-то! Все-таки здесь дамы...

1-й киллер. Не спрячем. Но женщины могут не бояться. Мы никого не повредим, кроме этого вора. (*Показывает на Владимирцева.*)

Елена. Вора? Юрий Юрьевич, отдайте им все, что вы взяли!

Юрий Юрьевич. Да отдам я вашему Титаренко двести тысяч. Отдам!

Батуалла. Мы не знаем Титаренко.

Юрий Юрьевич. Так вы не от Титаренко?

Батуалла. Мы от великого вождя Иатуаллы.

Костя. Та-ак! Юрий Юрьевич, что вы у великого вождя Иатуаллы сперли?

Юрий Юрьевич. Ничего я у него не брал!

1-й киллер. Брал!

Елена. Что он у вас украл?

1-й киллер. Дух нашего племени.

Елена. Какой еще дух?

Сергей Артамонович. Вероятно, это метафора?..

Марина. Вы нас разыгрываете? Никакой вы не Батуалла. Прекрасно говорите по-русски. Костя, это твои собутыльники? Шутка, да? Похмелиться не на что. Скажи им, что ты больше не пьешь!

Костя. Марина, честное слово, я пил с другими неграми.

1-й киллер. Это не шутка. Я Батуалла, сын вождя племени тунгаев великого Иатуаллы. Я окончил Московский

стоматологический институт. Еще при советской власти. Мы приехали, чтобы вернуть дух нашего племени. Мы долго выслеживали этого человека. И нашли!

Юрий Юрьевич. Значит, все-таки Калманов. Вот гад! Кидала! А сказал, что никого не нанимал.

Елена. Одну минутку! Мы вас сейчас соединим по телефону с Инной Петровной. Она все объяснит...

Федор Тимофеевич. Не надо их соединять с Инной Петровной. Они не от Калманова и не от Титаренко. И они не разыгрывают нас. Нечто в этом духе я и предполагал.

Елена. Дедушка, что, что ты предполагал?

Федор Тимофеевич. Твой Юрий Юрьевич застрелил священного льва, в котором обитал дух этого племени. Тунгаи верят, что дух племени переселяется в того, кто убил льва, и тогда племя становится беззащитным перед силами природы и чужими людьми.

1-й киллер. Старый человек, сидящий на лестнице, говорит правду. Мы пришли, чтобы взять дух нашего племени!

Юрий Юрьевич. Откуда вы это знаете, профессор?

Федор Тимофеевич. Я же сравнительный мифолог. Только эта профессия теперь никому не нужна.

Елена. Нужна, дедушка, очень нужна!

Юрий Юрьевич. Чушь какая-то! Я не знал, что это их священный лев. На нем же не написано!

Федор Тимофеевич. Написано, только читать надо уметь! Для этого и вплетают ленточки в гриву. Это предупреждение чужим — не трогать! А вы... Хоть бы книжку какую про тунгаев полистали, прежде чем на охоту ехать. Там все написано.

Юрий Юрьевич. Я верну шкуру. Я заплачу...

1-й киллер. Шкуру мы уже взяли. Теперь нам нужен дух племени!

Юрий Юрьевич. Где же я возьму им дух племени?

Федор Тимофеевич. Они сами его возьмут.

Елена. Дедушка, ты меня пугаешь!

Юрий Юрьевич. Где они его возьмут?

Федор Тимофеевич. У тунгаев есть особый ритуал возвращения духа племени. Очень оригинальный. Профессор Корнуэлл даже посвятил ему целую монографию. Она у меня где-то была...
(Шарит по полкам.)

Юрий Юрьевич. Профессор, некогда читать! Расскажите своими словами!

Федор Тимофеевич. Вот оттого что вам некогда читать, вас теперь и зарежут как барана.

Елена. Дедушка! Объясни сейчас же!

Федор Тимофеевич. Все очень просто. Надо найти вора, перерезать ему горло, а кровь собрать в высушенную тыкву. Потом поймать львенка и дать напиться ему этой крови. Когда львенок подрастет, ему вплетают в гриву косички и отпускают в саванну. Он становится священным львом племени.

1-й киллер. О, старый человек, сидящий на лестнице, хорошо знает наши обычаи! Да будет так... Матуалла, энги банг!

*Второй негр достает из спортивной сумки большую сушеную тыкву.
Оба тунгайца сбрасывают длинные кожаные плащи и остаются голыми — в набедренных повязках.*

Лидия Николаевна. Господи!

Елена. Дедушка, что же будет?

1-й киллер. Не беспокойся, юная красавица в белом платье, Матуалла сделает быстро. Он лучше всех в нашем племени режет антилоп. Матуалла, энги банг!

*Матуалла приступает к ритуалу. Он подносит тыкву к горлу
Владимирицева и замысловато взмахивает ножом.*

Елена *(в ужасе)*. Подождите! Неужели нет другого способа вернуть дух племени?

1-й киллер. Нет, другого нет.

Юрий Юрьевич. Прощайте, Елена Константиновна... Простите меня за все!

184 Елена. Юра!

Сцена из спектакля «Халам-бунду» Иркутского драматического театра
им. Н.П. Охлопкова

Юрий Юрьевич. Я буду теперь часто вспоминать, какая вы красивая в этом платье!

Сергей Артамонович (*мечтательно, Косте*). В человеческих жертвоприношениях есть какая-то жестокая красота. Вы не находите?

Костя. Нет, не нахожу.

Елена. Папа, дедушка! Сделайте что-нибудь!

Федор Тимофеевич. А что мы можем сделать? Мы же конченные, никчемные люди. Вымирающий вид, не способный бороться за существование. Боритесь, Юрий Юрьевич! Вы молодой, сильный!

Юрий Юрьевич. Жестокий вы старик!

Елена. Дедушка, нельзя быть таким бездушным!

Федор Тимофеевич. Душа — в наше время такая же роскошь, как часы «роллекс» с бриллиантами. Не так ли, господин Владимирцев?

Лидия Николаевна. Федор, по-моему, Юрий Юрьевич достаточно наказан.

Федор Тимофеевич. Я так не считаю.

Марина (*тунгайцам, деловито*). Мальчики, значит, так: выдаю каждому по отличной меховой куртке. (*Вынимает из своей сумки и показывает куртку.*) И мы расходимся по нулям.

1-й киллер. Нам не нужны куртки — у нас жарко. Это вам нужны куртки. Я, когда учился в стоматологическом институте, очень замерзал. У вас в России всего два времени года. И оба — зима.

Костя. Как это — оба зима?

1-й киллер. Конечно, оба: белая зима и зеленая зима.

Сергей Артамонович. Какое точное наблюдение!

Костя. Скажите, Батуалла, а в вашем племени едят грибы?

1-й киллер. О да! Особенно гриб «чок-чок». Он очень редко растет. От него мужчина становится могучим, как лев. А женщина нежной, как новорожденная антилопа.

Костя. Я дам вам чудесный порошок. Фунговит. И вся саванна покроется грибами «чок-чок».

1-й киллер. Я балдею от этих белых людей! Если вся саванна покроется грибами «чок-чок» и все мужчины будут неутомимыми, как львы, а женщины нежными, как новорожденные антилопы, то кто будет охотиться и рыхлить землю? Вы хотите, чтобы мы вымерли? Нет! Нам нужен дух нашего племени. Матуалла, энги банг!..

Елена. Болик, вы же телохранитель, сделайте что-нибудь!

Болик. В инструкции сказано: «в случае невозможности выполнения своих служебных обязанностей телохранитель обязан сохранять спокойствие». Вот я и сохраняю.

Елена. Неужели ничего нельзя сделать?

Сергей Артамонович. Боюсь, юная графиня, ничего.

1-й киллер. Матуалла, энги банг!

Елена (*бросается к Владимирцеву*). Пощадите его! Он больше не будет. Он хороший... Дедушка, спаси его! Ты можешь, я знаю!

Федор Тимофеевич (*как бы нехотя*). А ведь ты, Батуалла, сказал не всю правду! Ты забыл еще один способ возвращения духа племени.

1-й киллер. Нет, я помню: если человек, убивший священного льва, женится на девушке из племени тунгаев, дух племени во время первого «халам-бунду» возвращается назад. Конечно, при условии, что девушка никогда до этого не обнимала мужчину ногами. Но какая нормальная девушка из племени тунгаев выйдет замуж за этого урода?

Юрий Юрьевич. Вы, конечно, можете меня зарезать, но за чем же оскорблять, тем более в присутствии женщин.

Елена. Ваши девушки ничего в мужчинах не понимают!

Федор Тимофеевич. Напрасно ты, внучка, так думаешь! У тунгаев еще очень сильны пережитки матриархата, и поэтому тамошние девушки чрезвычайно разборчивы.

1-й киллер. Ты хорошо знаешь наши обычаи! Я бы с удовольствием поговорил с тобой, но нам надо торопиться. Матуалла, энги банг!

Елена. Стойте! Дедушка! Я прошу тебя! Умоляю! Дедушка!

Федор Тимофеевич. Батуалла, а если бы девушка вашего племени согласилась выйти замуж за этого, прямо скажем, не лучшего представителя белой расы, ты бы отпустил его?

1-й киллер. Отпустил бы, клянусь этим священным амулетом!

Сергей Артамонович. Простите, а что это за амулет?

1-й киллер. Мешочек из кожи змеи «семь шагов» с порошком из сушеного гриба «чок-чок».

Федор Тимофеевич. Такой амулет носит на груди каждый мужчина из племени тунгаев, не так ли, Батуалла?

1-й киллер. Так!

Федор Тимофеевич. Лида, принеси черную шкатулку из моего секретера!

Лида Николаевна уходит.

Елена. Дедушка, что ты задумал?

Федор Тимофеевич. Сейчас узнаешь. Но ты уверена, что в самом деле хочешь спасти этого человека?

Елена. Уверена.

Федор Тимофеевич. Подумай хорошенько!

Марина. Мы уже подумали.

Возвращается Лидия Николаевна.

Лидия Николаевна. Я не нашла.

Федор Тимофеевич. Как же так! Ах, ну да... Я боялся, что ты опять выбросишь, и куда-то ее спрятал. Куда же я ее спрятал? Отстегните меня!

Юрий Юрьевич. Сейчас. Где же ключ? Куда же я его дел?..

Болик. Ну вы, босс, прямо Маша-растеряша!

Юрий Юрьевич. Уволю!

Болик. Не успеете.

Елена. Ну где же ключ!

Марина и Елена шарят по карманам Владимирцева.

Юрий Юрьевич. Вот он!

Отстегивает профессора. Тот неторопливо спускается, расправляет руки и ноги. Осматривает экипировку дикарей, нож, тыкву...

Федор Тимофеевич. Нож ритуальный, из черного обсидиана? 1-й киллер. Как положено. Мы чтим обычай.

Федор Тимофеевич. Думаете, поместится вся кровь в тыкве? 1-й киллер. Конечно, не в первый раз!

Елена. Дедушка!

Федор Тимофеевич (*шарит на полках, напевая*). Енги-банг кара-линду. Дунду-ран халам-бунду...

1-й киллер. Откуда ты, мудрый старик, знаешь нашу свадебную песню?

Федор Тимофеевич. Я слышал ее в вашем племени.

Батуалла. Ты говоришь неправду!

Федор Тимофеевич. Батуалла, профессора Корнуэлл в своей монографии переводит эту песню так: «Убивать львов и ласкать женщин — вот счастье мужчины...» Верно?

Профессор находит шкатулку и вынимает оттуда амулет, такой же, как у тунгаев. Дикари внимательно осматривают амулет.

1-й киллер. Откуда он у тебя?

Федор Тимофеевич. Мне вручил его великий вождь Иатуалла, когда принимал меня в почетные члены племени тунгаев.

1-й киллер. Ты врешь! Мне в прошлом году стало тридцать пять больших дождей — и при мне никого не принимали в почетные члены нашего племени. Ты купил это! На Арбате можно купить все, даже наш амулет.

Елена. А песня? Откуда в таком случае дедушка знает вашу песню?

1-й киллер. Старый хитрый человек прочитал ее у профессора Корнуэлла!

Федор Тимофеевич. Нет, я не покупал! А песню пела мне жена великого вождя Иатуаллы. Ровно тридцать шесть лет назад я принимал участие в международной конференции «Ученые за свободу Африки». Мой доклад о роли мифа в африканской культуре так понравился великому вождю Иатуалле, что он пригласил меня погостить в своем племени.

1-й киллер. Старый белый человек мудр и думает, что обманет Батуаллу. Нет! Мой отец — великий вождь Иатуалла жив и здоров, хотя скоро ему будет восемьдесят больших дождей. Сейчас я спрошу у него, правду ли ты сказал...

Лидия Николаевна. Как же вы спросите, ведь ваш папа в Африке?

Сергей Артамонович. О, африканская черная магия все-ильна!

1-й киллер. Зачем черная магия? Черная магия нужна, если жена обнимает ногами другого мужчину... *(Говоря это, Батуалла достает спутниковый телефон.)* Иатуалла! Син да сан Батуалла...

Батуалла отходит в сторону и разговаривает по телефону. Все напряженно следят за этим.

Елена. А если вождь забыл?

Сергей Артамонович. Ну что вы! У монархов исключительная память. Порода!

Батуалла (*захлопнув телефонную крышку*). Это правда. Тридцать шесть больших дождей назад русский по имени Федор был принят в почетные члены племени тунгаев. Здравствуй, брат! (*Обнимает профессора.*)

Федор Тимофеевич. Итак, Батуалла, по обычаю, я и мои потомки становятся членами вашего племени.

1-й киллер. Воистину так!

Сергей Артамонович. Это несколько неожиданно! Единственный в нашем районе граф и вдруг член племени тунгаев...

Костя. Не переживайте, предок Пушкина Ганнибал тоже был из Африки.

Сергей Артамонович. Убедительно!

Федор Тимофеевич. Ну что ж, внучка, тебе решать. Неужели ты согласна выйти за него замуж?

Марина. Соглашайся!

Юрий Юрьевич. Елена Константиновна, я умоляю вас стать моей...

Елена. Секретаршей?

Юрий Юрьевич. Женой!

Елена. Юрий Юрьевич, чтобы спасти вас, я согласна... дать согласие!

Юрий Юрьевич. А если бы к моему горлу не был приставлен нож?

Елена. Не знаю...

Юрий Юрьевич. И на том спасибо.

Елена. Но у меня есть одно условие.

Юрий Юрьевич. Какое?

Елена. Сейчас... (*Набирает номер телефона.*) Алло, Поленька, это Лена Куропатова... Нет, я не о выходном пособии. Сейчас соединю тебя с шефом. Да, он у меня. А чему ты так удивляешься? Хочу тебя предупредить, от стрессов силикон

иногда пропадает, как молоко... *(Протягивает трубку Владимир-цеву.)*

Юрий Юрьевич. А что я ей должен сказать?

Елена. Вы не догадываетесь?

Юрий Юрьевич. Нет.

Елена. Тогда, к сожалению, я не смогу дать согласие.

1-й киллер. Матуалла, энги банг!

Юрий Юрьевич *(схватив трубку)*. Алло, Полина Викторовна, это я... Да, все нормально... Вы уволены!

Марина. Молодец, Ленка! Как чувствовала, свадебное платье купила. Будем считать, что сегодня у нас обручение, а завтра — в ЗАГС.

Лидия Николаевна. Это мы еще посмотрим.

Сергей Артамонович. Ну и прекрасно! Видите, Юрий Юрьевич, как все удачно вышло! А вы, Батуалла, не переживайте, свидетельство о браке мы вам по факсу вышлем. У вас в племени есть факс?

1-й киллер. У нас в племени все есть. Но так нехорошо!

Елена. Почему?

1-й киллер. Потому что это у вас, белых людей, сначала ЗАГС, потом факс. А у нас, тунгаев, по-другому. Сначала гриб «чок-чок», а потом сразу — «халам-бунду».

Лидия Николаевна. Что значит «халам-бунду»?

Марина. Я, кажется, догадалась! *(Шепчет на ухо свекрови, потом Елене и Юрию Юрьевичу.)*

Лидия Николаевна. Какой ужас! Федя, неужели это правда?

Федор Тимофеевич *(пожимает плечами)*. Тунгаи — дети природы...

Юрий Юрьевич. Ну почему сразу — ужас?

Елена. Нет. Я думала, это просто...

Костя. Соглашение о намерениях?

Елена. Да! О намерениях... *(Юрию Юрьевичу.)* Я ведь даже не знаю, любите ли вы меня?

Юрий Юрьевич. До гроба!

Елена. Вы говорите правду?

Юрий Юрьевич. Перед смертью не лгут. А вы? Вы меня любите?

Елена. Не знаю...

Юрий Юрьевич. Не знаете? Батуалла, энги банг!

Елена. Люблю! Давно уже люблю! А ты ничего не замечал...
Ничего!

Лидия Николаевна. Понаблюдательнее надо быть, молодой человек!

Елена плачет. Марина и Лидия Николаевна ее успокаивают.

Костя. Марин, а помнишь, как я тебе в любви объяснился?

Марина. Конечно, помню! *(Обнимает мужа.)*

Юрий Юрьевич. Марина, Костя, Лидия Николаевна, Федор Тимофеевич! Я прошу у вас руки Елены Константиновны!

Марина. Соглашайся, дочка!

Костя. Соглашайся. Он, конечно, жучила, но не трус!

Лидия Николаевна. Соглашайся, внучка! Мы его перевоспитаем.

Сергей Артамонович. Соглашайтесь, молодая графиня! Конечно, это — мезальянс. Но ведь и граф Разумовский был простым певчим. Тем не менее государыня императрица...

Лидия Николаевна. А вас никто не спрашивает! Федя, ты-то что молчишь?

Федор Тимофеевич *(помедлив)*. Если любишь — соглашайся.

Елена. Я согласна. Но я еще никогда не обнимала мужчину... ногами.

Марина. Леночка, какая разница сегодня или завтра. Все равно без «халам-бунду» в браке не обойтись!

Елена. Ладно, я попробую...

1-й киллер. По обычаю, первый «халам-бунду» должен совершиться на глазах всего племени на шкуре священного льва. *(Разворачивает на полу шкуру.)* Чтобы без обмана.

Елена. При всех? Ни за что!
Юрий Юрьевич. Действительно, неловко как-то. Боюсь,
у меня не получится...

1-й киллер. И это говорит мужчина! Матуалла, энги банг!

Матуалла снова достает нож.

Елена (обреченно). Хорошо, хорошо пусть будет по-вашему...

*Батуалла и Матуалла дают молодым по шепотке порошка
«чок-чок», потом что-то начинают оживленно обсуждать.*

*При этом Батуалла показывает один палец,
а Матуалла два...*

Марина. О чем они спорят?

Федор Тимофеевич. Не знаю. У профессора Корнуэлла об
этом не написано.

1-й киллер. Перед первым «халам-бунду» мы теперь устраива-
ем тотализатор и делаем ставки.

Лидия Николаевна. Какие еще ставки?

Марина. Я поняла! (*Шепчет на ухо свекрови.*)

Лидия Николаевна. Кошмар!

Марина. Мама, ну почему же кошмар? Даже интересно...

Лидия Николаевна. Ох, Маринка!

Федор Тимофеевич. Не могу я на это смотреть!

Костя. Да, конечно, пойдете.

Лидия Николаевна (*мечтательно*). Федя, а помнишь?

Федор Тимофеевич. Лида!

1-й киллер. Куда вы?

Костя. У нас принято, наоборот, оставлять молодоженов на-
едине.

1-й киллер. Все у вас не по-людски.

Все идут к двери. Остаются только молодые,

Сергей Артамонович и тунгаи.

Елена и Владимирцев робко целуются.

Московское сафари, или Халам-бунду

Лидия Николаевна (*останавливаясь в дверях*). Сергей Артамонович! Вы разве член племени тунгаев?

Сергей Артамонович. Простите, графиня, увлекся... (*Нехотя уходит.*)

Батуалла. Погоди, человек с живыми усами! Мне понравилось, как ты целуешься! У нас скоро юбилей великого вождя Иатуаллы. Будет большой прием под священным баобабом. Жареные антилопы. Огненная вода из гриба «чок-чок». Приезжай! Расходы мы оплатим.

Сергей Артамонович. Всегда к вашим услугам. (*Владимирицеву.*) Вот видите, нарасхват!

Щелкает каблуками и удаляется вместе со всеми.

Лена и Юрий Юрьевич обнимаются уже вполне темпераментно. Вокруг них кругами бегают тунгаи, стуча в барабанчики и напевая:

Енги-банг маара-линду.

Дун-дуран халам-бунду.

Заметив страстные поцелуи молодых, тунгаи смотрят друг на друга, качают головами. Батуалла показывает три пальца. Матуалла — пять. Молодые начинают стремительно раздевать друг друга.

Батуалла. Куда вы спешите! Сначала мы должны допеть до конца свадебную песню... Подождите! Я балдею от этих белых! (*Укоризненно глядит на почти уже голых молодых, поворачивается к зрителям.*) А вы чего смотрите! Вы пока еще не члены племени тунгаев. Идите домой!

Гаснет свет. Опускается занавес.

ОДНОКЛАССНИЦА, или СОВРЕШЬ — УМРЕШЬ!

Мелодрама в двух действиях

Действующие лица:

Светлана Погожева

Анна Фаликова

Михаил Тяблов

Федор Строчков

Борис Липовецкий

Виктор Черметов

Иван Костромитин

Евгения Петровна Костромитина — его мать.

Ольга — дочь Светланы.

Окопов — майор

Солдат

1-й телохранитель

2-й телохранитель

Одноклассники

Сцена из спектакля «Одноклассники» Центрального академического театра Российской армии. Постановка Б.А. Морозова

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната типовой трехкомнатной квартиры, неплохо обставленной по стандартам восьмидесятых годов прошлого века. Направо кухня с балконом. Налево дверь во вторую комнату, прямо дверь в третью комнату, так называемую «запроходную». На стене фотопортрет улыбающегося бойца-интернационалиста, одетого в «песчанку» и тропическую панаму. В одной руке у него «калашников», в другой — гитара. Под портретом на тумбочке лежит гитара — та самая. В квартире полным ходом идет подготовка к застолью. Евгения Петровна и Светлана носят из кухни в «запроходную» комнату тарелки и блюда. Разговаривают...

Светлана. ...И Чермет приедет?

Евгения Петровна. Звонили от него, сказали: обязательно приедет, если сможет!

Светлана. А разве он не за границей?

Евгения Петровна. Наверное, вернулся. Ему ж за границу слетать, как мне на рынок сходить. Богатый! Вон охрана-то с самого утра во дворе крутится. Иду из магазина, а меня у подъезда спрашивают: «Вы к кому?» — «К себе!» — говорю. Не верят!

Светлана (*смеясь*). Пропустили?

Евгения Петровна. Пропустили. Но в сумку заглянули.

Светлана. Террористов боятся!

Евгения Петровна (*как на митинге*). Социальной несправедливости надо бояться! Терроризм — следствие. Раньше один вохровец с пустой кобурой целый завод охранял! А теперь? Везде эти... сик... сик...

Светлана. Сикьюрите...

Евгения Петровна. Вот именно! С автоматами. В универсаме — охрана, в школе — охрана, даже в детском саду — охрана! Миллионы молодых мужиков, если в масштабах страны брать, баклуши бьют! От кого, спрашивается, охраняют? Ясно дело: от народа. Но, если народ поднимется...

Евгения Петровна. Почему же это он не поднимется?

Светлана. Народ у нас умный стал — понял: чем чаще поднимаешься, тем ниже тебя опускают. А вот охранников, думаю, поднять можно. Да! Особенно тех, которые богатых стерегут!

Евгения Петровна. Ты считаешь? Почему?

Светлана. Ну, сами подумайте: они же видят, как эти «новые русские» от дурных денег бесятся, свинячат, надуваются. И втайне их всех ненавидят. Кто в революцию помещиков громил? Дворян. Даже у Александра Блока усадьбу сожгли. Исторический факт. Вот вы, Евгения Петровна, охранников-то и поднимайте! Оружие у них, кстати, уже есть...

Светлана смеется, открывает дверь на балкон, смотрит вниз.

Евгения Петровна. А что, интересная мысль! Армия деморализована. Крестьяне спиваются. Пролетариат спился. Интеллигенция... Ну, она у нас всегда была профессиональной предательницей народных интересов. А вот охранники! Как же я сама не додумалась? Надо будет в «Правду» письмо написать!

Светлана *(с балкона)*. Собаку привезли. Такую рыженькую! Бомбу ищут. Значит, Чермет точно придет...

Евгения Петровна. А чего это ты так Черметом интересуешься?

Светлана. Он мне, Евгения Петровна, очень нужен.

Евгения Петровна. Зачем это?

Светлана *(вздыхает)*. Муж в бизнес вступил. Хотела попросить... совета. Может, даст... Одноклассник все-таки!

Евгения Петровна. Ну, попроси, попроси... Может, и даст. А как в школе дела?

Светлана. Нормально. Работаю. Прислали новый учебник истории. Теперь снова можно детям говорить, что Сталин лучше Гитлера... Чуть-чуть.

Евгения Петровна. А раньше запрещали?

Светлана. Не рекомендовали.

Евгения Петровна. То ли еще будет! А как у тебя с Павликом? Что-то он, говорят, в Москву зачастил!

Светлана (*холодно*). Нормально у меня с Павлом. Я же говорю вам, бизнес у него теперь...

Евгения Петровна (*тормошит ее*). Ну, что ты сегодня такая тусклая? Помнишь, Ванечка тебя всегда Светлячком называл!

Светлана. Значит, ответилась...

Евгения Петровна. И не стыдно? В сорок лет, при живом муже да с дочерью-красавицей ответилась она! Нет, вы послушайте! Что ж мне теперь с моим-то горем совсем не жить?!

Светлана. Евгения Петровна, простите! Я не хотела. Я... Понимаете... Если со мной что-нибудь случится, вы за Ольгой присмотрите!

Евгения Петровна. Да что ж с тобой может случиться-то?

Светлана. Мало ли что...

Евгения Петровна (*с тревогой*). Заболела?

Светлана. Нет, я так, на всякий случай.

Евгения Петровна. Замолчи! Накличешь! Эх, ты! Ванечка очень бы огорчился! Он так тебя любил! Так любил.

Светлана. Я его тоже любила. Его все любили. Он был замечательный!

Евгения Петровна. Господи, ну, за что мне это, за что?!

Роняет полотенце, закрывает лицо руками.

Светлана. Ну, Евгения Петровна... прошу вас! Не плачьте!

Евгения Петровна. Расстроила ты меня, Света, разбередила!

Светлана. Ну, не надо! Такой день сегодня...

Евгения Петровна. Какой день? Какой?! Господи, столько лет прошло! Я уже все, что только можно, отдумала, отплакала, привыкла даже. А иногда вдруг, как током в самое сердце! Ну, почему именно с моим сыночком это случилось? С самым умным, самым добрым, самым чистым! Все мои подруги давно с внуками.

А я? А мой Ванечка... Почему?!

Светлана. Наверное, потому что он был самый умный, самый добрый, самый чистый...

Евгения Петровна. А Бог тогда зачем?

Светлана. А это вы у Мишки Тяблова спросите, если придет.

Евгения Петровна. Обязательно спрошу, как же Господь допустил, чтоб от такого мальчишка ничего на свете не осталось — ни кровиночки?! Я ж как мечтала: вернется он из армии, вы поженитесь, детишек заведете... *(С обидой.)* А ты — и полгода не прошло — замуж вылетела!

Светлана. Вы мне этого, наверное, никогда не простите!

Евгения Петровна *(успокаиваясь)*. Простила, Светочка, давно простила. На жизнь долго обижаться нельзя.

Раздается звонок в дверь.

Светлана. Кто это?

Евгения Петровна. Как — кто? Федя Строчков. Он всегда раньше других приходит. *(Вздыхнув.)* И всегда со стихами...

Снова звонок, немного нервный.

Светлана *(мечтательно)*. Наш великий Федя! Помню, уже звонок на большую перемену, в коридоре топот, крик, а Галина Остаповна нас из кабинета не выпускает, говорит: «Продолжай, Феденька! А вы все, слушайте и гордитесь вашим одноклассником!» Его Чермет потом чуть не убил...

Евгения Петровна. За что же это?

Светлана. Как за что? Чермет с Анькой Фаликовой каждую перемену бегали в раздевалку...

Евгения Петровна. Зачем?

Светлана. Зачем... Целоваться! Спрячутся между пальто — и целуются. Взасос. Их даже на педсовет за это вызывали.

Евгения Петровна. Свет, а Свет, а вы с Ванечкой, ну... целовались?

Светлана. А он вам разве не рассказывал?

Евгения Петровна. Ну что ты! Он был такой благородный мальчик. Сказал мне только: когда вернется, вы поженитесь. И все!

Светлана отворачивается. Снова звонок, на этот раз продолжительно-нервный.

Светлана. Какой Федя нервный стал!

Евгения Петровна. Ванечка Федины стихи наизусть знал.

Светлана (*мечтательно*).

Дразнилки, драки, синяки, крапива.
Соседний двор. Мальчишечья война.
А в том дворе, невысказано красива,
Была в ту пору девочка одна!

Евгения Петровна. Хорошо! Вроде обычные слова, а сердечко сжимается, и мурашки по коже...

Истошно-бесконечный звонок в дверь.

Светлана. Это, Евгения Петровна, талант называется. Не пускайте его, пожалуйста, в квартиру!

Евгения Петровна. Не могу, он в окно влезет. Ты же знаешь Фёдю!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Идет открывать. В комнату врывается трясущийся с похмелья Строчков с букетом. Одет он как бомж, а цветы явно подобраны на помойке.

Федя. Евгения Петровна, скорблю и взыскую суровости! Сочинил стихи к Ванечкиному сорокалетию. (*Галантно целует ей руку, вручает букет.*)

Евгения Петровна (*опасливо смотрит на цветы*). Эх, Федя, Федя...

Федя. Светик, дай обойму от полноты души! Неужели тебе тоже сорок?

Светлана. У тебя есть какие-нибудь сомнения? (*Отшатываясь.*) Федя, ты где теперь живешь?

Федя. Где тепло — на вокзале.

Светлана. А твоя комната?

Федя. Сперли на рынке жилья. А-а, поэту жилплощадь ни к чему. Отвлекает. Евгения Петровна, реанимационные сто грамм. Немедленно!

Евгения Петровна. Федя! Только когда все соберутся.

Федя. А вы знаете такую песню? (*Поет.*) «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...» Знаете?

Евгения Петровна. Знаем, знаем. «Пусть солдаты немного поспят...»

Федя. А кто сочинил, знаете?

Евгения Петровна. И кто же?

Светлана. Алексей Фатьянов.

Федя. Правильно, отличница! Фатьянов. Гений русской песни! А от чего умер, знаете?

Светлана. От чего же?

Федя. А-а, не знаете! Жена похмелиться не дала! Всю жизнь потом каялась. Понятно?

Светлана. Евгения Петровна, надо помочь таланту! Гибнет на глазах!

Евгения Петровна. Ну, если это вопрос жизни и смерти...

Евгения Петровна разрешительно машет рукой.

Светлана наливает. Федя выпивает и преображается.

Федя. Взыскую суровости! Требуется ваша цензура. Немедленно!

Светлана. Цензура? Зачем?

Федя. Литература без цензуры, как собака без поводка.

Светлана. Федя, опомнись! Кто же это Пушкина или Достоевского на поводке-то водил?

Федя. А зачем на поводке водить? Поводок может и в кармане лежать. У хозяина. (*Хлопает себя по карману.*) О-бя-за-тель-но!

Светлана. Ну, ты, Федя, прямо как Фаддей!

Федя. Какой еще Фаддей?

Светлана. Булгарин. Лучше уж стихи читай!

Федя встает в позу, напоминающую позу конькобежца перед стартом, читает, профессионально завывая и обращаясь к портрету воина-афганца.

Федя. По мрачным скалам Кандагара
Шли танки и броневики,
Ты с автоматом и гитарой
Нес свет и счастье в кишлаки.
В последний бой шагнул ты смело.
Кругом благоухал июль.
Ты принял в голову и в тело
Смертельный рой душманских пуль...
И пал на землю, пораженный...

Евгения Петровна (*перебивая*). Феденька, это случилось в августе...

Федя. Что? Эх, жаль! Хорошая рифма: июль — пуль. Август — хуже. Хрен срифмуешь. Цензура — страшная вещь! Но нужна, сволочь! Еще, пожалуйста, сто грамм для вдохновения!

Евгения Петровна. Нет, Федя, нет!

Федя. Драматурга Теннесси Уильямса знаете?

Евгения Петровна. Кого?

Светлана. Знаем, знаем! «Трамвай “Желание”».

Федя. Подавился пробкой от пузырька с лекарством. На-смерть.

Евгения Петровна. Господи, Твоя воля...

Светлана. Ну и что?

Федя. А то, что я немедленно иду в аптеку, покупаю настойку боярышника. И не одну! А там пробки. Риск очень велик!

Евгения Петровна. Федя, ты же себя губишь!

Федя. Лучше умереть от отчаянного пьянства, чем от
202 трезвого отчаянья!

Светлана. Хорошо сказал! *(Наливает ему еще.)* Но это — последняя.

Он выпивает и, бормоча, идет в угол комнаты.

Федя. Ав-густ — агав хруст. Ав-густ — мангуст...

Садится по-турецки, достает блокнот и карандашик.

Светлана. Август — стакан пуст.

Федя. Поэта легко обидеть!

Евгения Петровна. Отвлеклись мы с тобой, Светочка! Что нам еще нужно сделать?

Светлана. Вы говорили, чеснок порезать.

Федя *(из угла)*. Учтите, чеснок — растение мистическое! Чертей отгоняет.

Светлана. Работай над словом, мистик без определенного места жительства! Скоро уже все соберутся.

Федя. А Чермет будет?

Светлана. Обещал. Зачем тебе-то Чермет?

Федя. Затем же, зачем и всем. Деньги просить буду.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Снова звонок в дверь. Евгения Петровна открывает. Входит Анна Фаликова, эффектная, но потрепанная жизнью дама. Она с цветами и большим круглым тортом.

Евгения Петровна. Анечка! Красавица наша. Легка на помине!

Анна. Женечка Петровна, с именинником вас!

Целует ее, отдает торт и цветы.

Евгения Петровна. Спасибо, что вспомнила! Спасибо, королева! А мы про тебя только что со Светочкой говорили...

Светлана *(наставительно)*. Именинник — это тот, у кого именины. А у кого день рожденья, тот — новорожденный.

Анна. Неправда! Я сама по телевизору слышала...

Светлана. Лучший способ разучиться говорить по-русски — слушать телевизор. Запомни, королева!

Анна. Ух, ты, строгая, наша! Ну, здравствуй, одноклассница! *(Целует Светлану.)* А что вы про меня тут говорили?

Светлана. Вспоминали, как ты с Черметом в раздевалке целовалась.

Анна. Жалко, только целовалась! Кто ж знал, что он олигархом станет...

Евгения Петровна. Замуж-то не вышла, королева? Или все ищешь своего принца?

Анна. С принцами в Отечестве хреново. Одни нищие и пьющие. Федя *(из угла)*. А чем это тебе пьющие нищие не нравятся?

Анна. И ты здесь, стихоплет? Как жизнь?

Федя. Как в вагине у богини!

Светлана. Федя! Фу! Как не стыдно!

Федя. У бомжей ничего нет, даже стыда.

Евгения Петровна *(чтобы замаять неловкость)*. Ах, какой торт!

Анна. А там еще и написано!

Евгения Петровна. Что написано?

Анна. Сейчас посмотрим! Сама не знаю... *(Развязывает коробку.)* Я еще и свечки купила. Четыре десятка. Вот... *(Читает надпись на торте.)* «В сорок лет жизнь только начинается!»

Евгения Петровна закрывает лицо руками и уходит на кухню.

Федя *(из угла)*. Красота без мозгов погубит мир!

Анна. Заткнись, гад!

Светлана. Ну, ты, Анька, совсем...

Анна. Черт, я же не знала! Я по телефону торт заказывала. Говорю: напишите, что обычно к сорокалетию пишут. *(Всхлипывает.)* Вот всегда у меня так...

Светлана *(успокаивая)*. Ну, ладно, будем считать, ты этот торт нам с Федей привезла. У нас-то все еще впереди! Правда,

Федя (*из угла*). Впереди — зима. Мне бы теперь в Сочи! Там в парке на лавочке даже зимой спать можно. А вот странно, девочки! Для инвалидов Олимпийские игры проводят. А для бомжей нет. Почему?

Анна. По кочану. Водки с олимпийской символикой на вас не напасешься.

Федя. Грубо, но честно. Одноклассницы, пожертвуйте на билет до Сочи инвалиду творческого труда!

Светлана. Придет Чермет, попросишь. Он у тебя всегда сочинения списывал.

Анна (*оживляясь*). А что, и Чермет будет?

Светлана. Обещал.

Анна. То-то, я смотрю: суета во дворе. Охрана. Собаки. Подиум строят.

Федя. Тебе, королева, теперь везде подиумы мерещатся!

Анна. Заткнись, Строчок! Тебя-то как пропустили?

Федя. Меня его служба безопасности знает. Один раз говорю им: «Не пускаете к хозяину, тогда хоть налейте!»

Анна. Налили?

Федя. Насыпали.

Появляется Евгения Петровна. Слушает.

Анна. А меня вот спросили, к кому иду. Торт «пикалкой» проверили.

Светлана. Это после взрыва на кладбище. Боятся.

Анна. Да, я что-то слышала, но забыла...

Федя. Есть такая народная мудрость: не подкладывай тринитротолуол другому, сам в него попадешь. Чермет рванул Гуковского, вот теперь и боится.

Анна. А Гуковский это кто?

Федя. Ты с какой кровати упала, баядера?

Анна. С какой надо, помоешник!

Евгения Петровна. Мальчики, девочки, не ссорьтесь! А ты, Федя, лучше объясни!

Федя. Объясняю: Гуковский — его партнер. Был. Тоже, между прочим, афганец. Они на двоих наш чугунолитейный комбинат купили.

Евгения Петровна. С ума сойти! Весь Советский Союз две пятилетки комбинат строил, а они на двоих купили. Как? На что? Я не понимаю...

Федя. А тут и понимать нечего. Арифметика! Если есть люди, у которых, как у меня, совсем нет денег, значит, есть и такие, у которых денег птеродактили не клюют.

Анна. Это правда, Евгения Петровна, богатые мужики попадают. Но все почему-то женатые. И чем богаче, тем женатее...

Евгения Петровна. С охраной ходят...

Анна. А как же! Мужчина без охраны, как женщина без косметики.

Евгения Петровна (*переглянувшись со Светланой*). Обязательно напишу в «Правду»! И это даже хорошо, что богатые друг друга теперь уничтожают.

Светлана. Почему же — хорошо?

Евгения Петровна. Это Господь для нового социализма предпосылки готовит...

Светлана. Вы только при Чермете про эти предпосылки ничего не говорите! Не поймет.

Федя. Я что-то не усваиваю, Евгения Петровна, вы вообще-то коммунистка или верующая?

Евгения Петровна (*строго*). Я — верующая коммунистка.

Светлана. Так не бывает.

Евгения Петровна. Бывает. Чего нет у Ленина, есть у Иисуса, а чего нет у Иисуса, есть у Ленина.

Федя. А чего нет ни у Ленина, ни у Иисуса — есть на помойке. Особенно после праздников...

Анна. Я же говорю, помоешник! Так за что он этого Галковского взорвал?

Светлана. Гуковского. Но доказательств того, что этот взрыв устроил Чермет, не нашли.

Федя. Не факт!

Светлана. Факт. У моего ученика отец в прокуратуре работает.

Федя. Доказательства, отличница, — это не окурки, их не ищут, а продают и покупают.

Евгения Петровна. Я тоже не верю. Витя, конечно, был трудным мальчиком, но потом в Афганистане, как Ванечка, воевал. У него орден...

Федя. За ордена, Евгения Петровна, убивают врагов, а за акции — друзей. Но следствие не закончено. Вот он в мэры и собрался. За неприкосновенностью. Взял власть — и живи всласть!

Анна. Ты-то откуда все знаешь?

Федя. Газеты надо читать!

Евгения Петровна. Это верно, Феденька, раньше я все газеты выписывала и читала. Особенно — «Литературку». В почтовый ящик не помещались. А теперь — дорого стало...

Федя. Да бросьте вы, Евгения Петровна! На улице всяких газет полно валяется. Обчитайся! Вот вы послушайте лучше, как я стихи переделал! (*Встает в свою «конькобежную» позу, декламирует.*):

Был август. В бой шагнул ты смело.
И пал на землю, словно куль,
Приняв и в голову, и в тело
Смертельный рой душманских пуль...

Здорово? А?!

Светлана. Не очень. «Словно куль»... Про героя так нельзя.

Федя. Сразу учительницу литературы видно! Можно... нельзя... В искусстве можно то, что нельзя, и нельзя то, что можно! Понятно?

Анна. А мне не нравится: «приняв в голову...» Это как?

Федя (*подступая к ней*). А ты, глупая королева, вообще заткнись!

Анна (*отворачиваясь*). Федя, ты хоть когда-нибудь моешься?

Федя. Нет. К невымытым грязь жизни не пристаёт!

Евгения Петровна. Вот что, Федор, пошли-ка в ванную! Нехорошо: люди соберутся, а ты... Я тебе подарю

Ванечкин спортивный костюм. Ему выдали, когда он в «Олимпийских резервах» тренировался.

Федя. Святая вы женщина, Евгения Петровна! Еще сто граммов, чтобы от мыла не содохнуть! Умоляю вас, как мать героического сына!

Евгения Петровна. Ни капли, пока все не соберутся!

Федя. Нет, не святая...

Она силой уводит Федю. Анна и Светлана некоторое время молчат.

Светлана. Боже, что жизнь с людьми делает! Помнишь, Федька к нашему выпускному вечеру сочинил:

Сегодня мы зрелы, у нас аттестаты,
Мы рады, мы даже как будто крылаты...

Анна (*с усмешкой подхватывает*).

И словно огромные легкие крылья
Нам в чистое небо дорогу открыли...

Светлана. Если бы мне тогда сказали, что наш замечательный Федя станет алкоголиком и бомжем, никогда бы не поверила!

Анна. Знаешь, Свет, мне вообще иногда кажется, что жизнь — это просто какое-то специальное издевательство над мечтами. А разве можно поверить в то, что с Ванечкой случилось?

Светлана. Я и не верю.

Анна. Такого мальчика погубили, сволочи! Как мы все на тебя с Ванькой тогда смотрели, завидовали! Прямо Ромео и Джульетта. С первого класса. Слушай, Свет, колись: у тебя с Ванькой хоть что-нибудь было? Только честно! Помнишь, как мы в детстве говорили: соврешь — умрешь!

Светлана. Какая, Ань, теперь разница: было — не было. Через двадцать лет все теряет смысл, даже самое главное... А вот ты что-то, одноклассница, давно сюда не приходила?

Анна. Моталась, работала...

Светлана. Кем же может работать королева?

Анна. Как бы тебе попроще, отличница, объяснить.

208 Если у женщины качественное тело, она может работать

сопровождающим лицом. Поездила по миру. Потом замуж за одного мерзавца вышла...

Светлана. За мерзавца? Зачем?

Анна. Ну, не всем же, как тебе с Павликом, повезло! Мой, правда, тоже сначала ничего был: веселый, щедрый. Но мужиков запоминаешь не такими, какими они были в начале, а какими они стали в конце. А в конце все они сволочи! Ни одной юбки мимо не пропускал. Секс-коллекшн — называется...

Светлана. Ну, и правильно, что ты его бросила!

Анна. Вообще-то все гораздо хреновей получилось: застукал меня с барменом. Ох, какой мальчик! Нос мне сломал, скотина!

Светлана. Бармен?

Анна. Да не бармен — мой дурак. Нет, ты подумай: когда он — это секс-коллекшн, а когда я чуть-чуть, с горя, — это уже измена. Мужской шовинизм! Пластику пришлось делать. Такие деньги отдала! Заодно нос подправила. Посмотри: лучше стало? (*Предъявляет нос.*)

Светлана. Совсем незаметно!

Анна. Вот за это с меня столько и слупили. Мой гад ни копейки не дал!

Светлана. Ну, хоть мир посмотрела!

Анна. А-а, везде одно и то же. Только деревья разные: там — пальмы, здесь — елки. Ты-то как?

Светлана. Нормально. Школа — семья. Семья — школа. Ученики ко мне ходят. Репетирую. Тем и кормимся. Вот еще Евгению Петровну навещаю. Помогаю, как умею. Ольга выросла...

Анна. Сколько ей?

Светлана. Двадцать. Сложный возраст...

Анна. Еще бы! Моему первому аборту тоже скоро двадцать. Как Павлик-то поживает? Когда ты его из Москвы сюда привезла, все просто отпали... Вот вам и Светка-тихоня!

Светлана. Не спрашивай! Сидел, сидел на своей кафедре и вдруг бизнесом занялся! На нашу голову. Занял денег. Теперь не знаю, что и делать!

Анна. Перемелется. Весь мир в долг живет. А Чермет... Он-то как?

Светлана. Что именно тебя интересует?

Анна. Женат, наверное? Пятеро детей. Богатые любят размножаться.

Светлана. По-моему, у него сын. Один. Но с женой, слышала, недавно развелся. Говорят, она с этим взорванным Гуковским путалась.

Анна. Да ты что! Вот сучка...

Светлана. Может, просто слухи. Про богатых и знаменитых любят разные глупости выдумывать.

Анна. Свет, как ты считаешь, я еще ничего?

Светлана. Очень даже ничего!

Анна. А нос?

Светлана. Замечательный нос!

Анна. Знаешь, Светка, Чермет был в меня страшно влюблен. Он ведь, когда из Афгана вернулся, меня замуж звал! Так звал! Умолял!

Светлана. Тебя, замуж?

Анна. Меня. А что ты так удивляешься? Я тебе разве не рассказывала?

Светлана. Нет. Не помню...

Анна. Ну, конечно, ты же в Москве училась. А я — с конкурса на конкурс, с подиума на подиум. Я тогда, Свет, как с ума сошла...

Светлана. Еще бы! Наша одноклассница Анька Фаликова — областная королева красоты! Виват!

Анна. Вот тебе и виват... Думала, весь мир у ног, а я на вершине, почти на небе. Сама теперь не понимаю, чего хотела, чего ждала?! погоди! *(Достает из сумочки маленькую корону, примеривает.)* Вот!

Светлана. Ух, ты! Та самая?

Анна. Она! Когда я в Турции работала, у меня ее
210 один... ну, я его сопровождала... чуть не спер. Значит, го-

воришь, разведенный Чермет в мэры собрался? Ладно, достану корону в ответственный момент!

Раздается звонок. Из ванной выбегает Евгения Петровна.

Светлана. Как там Федя?

Евгения Петровна. Отмокает...

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Идет открывать. Входят два человека.

Один, облаченный в рясу, священник Михаил Тяблов.

Другой — тоже бородатый, одет, как рейнджер: замшевая куртка с бахромой, джинсы, мокасины, ковбойская шляпа. На боку футляр с любительской видеокамерой.

Отец Михаил. Мир вашему дому!

Светлана. Благослови, отец Михаил!

Благословляет собравшихся.

Анна. Если бы мне в десятом классе сказали, что Мишка Тяблов будет меня благословлять, я бы со смеху сохла. А это что еще за Крокодил Данди?

Отец Михаил. Не узнаете? Эх, вы! Борьку Липовецкого не узнали!

Евгения Петровна. Боренька!

Анна. Точно — Липа! Откуда?

Борис (*с легким эмигрантским акцентом*). Из славного города Канберра.

Евгения Петровна. Это где ж такой?

Светлана. В Австралии, Евгения Петровна!

Борис протягивает перевязанный ленточками сверток.

Борис. Это вам!

Евгения Петровна. А что это?

Борис. Копченая кенгурятина. Очень вкусно!

Евгения Петровна. Спасибо, Боренька. С нашей пенсии на курятину-то не всегда наскребешь. А тут Бог кенгурятины послал! Побалуюсь!

Анна. Ну, ни фиги себе! Липа из Австралии! Даже я там не была. Ты-то как туда попал?

Борис. Сначала мы уехали к маминой тете в Польшу. Потом к другим родственникам в Германию, а оттуда уж в Австралию к двоюродному дяде перебрались.

Анна. Интересно, почему у тебя, Липа, родственники везде, а у меня только в Кимрах и Воркуте?

Борис. Это неполиткорректный вопрос, мэм.

Анна. А что ты там, в Австралии делаешь?

Борис. Живу. Деньги зарабатываю, мэм.

Анна. И много заработал? Или это снова неполиткорректный вопрос?

Борис. Нам хватает, мэм. У нас свой ресторан. Еще мы с отцом газету выпускаем. «Русский австралиец».

Евгения Петровна. С охраной, наверное, ходишь?

Борис. Почему с охраной? В Австралии низкая преступность. Но если надо, можем нанять. Сами понимаете, пресса это большая политика, расследования, разоблачения...

Светлана. Ну да, ты же у нас на журфаке учился. А отец твой в областной газете работал. Кажется, в отделе коммунистического воспитания?

Анна. Молодец, Борька! Взял-таки жизнь за вымя! А что ты мне все: «мэм» да «мэм»... Я плохо выгляжу?

Борис. Выглядишь как королева! Только у тебя нос теперь другой. Предыдущий тебе лучше подходил!

Анна *(с обидой, но игриво)*. Это неполиткорректный ответ, сэр! Миш, ты где нашел этого невежу?

Отец Михаил. Возвращаюсь с утренней службы. В облачении. Мне еще колесницу шестицилиндровую освятить надо. Смотрю: у двери гражданин неправославной наружности топчется.

212 Спрашиваю: «Вам кого?»

Борис. А я отвечаю: у меня тут раньше друг жил... Мишка Тяблов... Знаете?

Отец Михаил. Знаю, — говорю: я — Мишка Тяблов. А ты кто таков?

Борис. Я в шоке! Я же Тяблика с бородой и в рясе никогда не видел. Говорю: я — Борька Липовецкий!

Отец Михаил. Присмотрелся: Липа! Только бородатый. Ну, обнялись. Быстренько съездили — освятили машину. И к вам!

Борис. Хороший у Миши бизнес! *(Показывает, как батюшка машет кадиллом, а потом пересчитывает деньги.)* А колесница... Новейшая модель. Я таких у нас в Канберре еще не видел!

Отец Михаил. Это — Россия, Липа... Привыкай!

Светлана. Сколько ж ты у нас не был?

Борис. Целую жизнь! Шестнадцать лет...

Анна. Мать честная, курица рябая! Как одна ночь с хорошим мужиком пролетели!

Светлана. А у Ванечки на дне рождения ты был? Я что-то не помню...

Борис. Только один раз. Когда его привезли... оттуда... Тогда весь класс у вас собрался.

Евгения Петровна. Да, Боренька, сначала все приходили. Я у соседей даже стулья просила. Потом меньше, меньше. Жизнь... Не до нас. Бывало, и никто не придет. Только — Светочка и Федя. Они ни одного дня рождения не пропустили. Светочка специально из Москвы приезжала, когда там училась. А сегодня у Ванечки сразу столько гостей — одноклассников! Даже Витя Черметов обещал прийти...

Отец Михаил. И Чермет придет? Ну, конечно: все-таки сорокалетие.

Светлана. Скорей уж сороковины. Бесконечные сороковины...

Анна. Ах, святой отец, не говори этих слов: сорокалетие. Мне двадцать один, в крайнем случае, если накануне повеселилась, двадцать семь.

Отец Михаил. «Святой отец», дочь моя, это у католиков. А у нас, православных, ба-тющ-ка.

Анна. Миш, не смейся, ну какой ты батюшка? Ты Тяблик, который полез в школьный сад за яблоками, зацепился штанишками за ветку и повис. Помнишь, как тебя всем классом снимали?

Отец Михаил. Сладчайшее детство...

Анна. А как тебя в попы-то занесло?

Отец Михаил. Это промыслительная история...

Анна (*нетерпеливо*). Понятно! Ну, и где же ваш Чермет? Слушайте, а как его по отчеству?

Светлана. Не помню...

Евгения Петровна. Семенович.

Анна. Во, память-то!

Евгения Петровна. На память не жалуясь. Я ведь от родительского комитета над Витиным отцом, Семеном Ивановичем, шефствовала. Ну, чтобы пьяным на собрания в школу не приходил. Буянил, страшное дело!

Борис. А что это вы все так Чермета ждете?

Анна. Ты хоть знаешь, австралиец, кто он теперь?

Борис (*с иронией*). Ну и кто же?

Анна. Самый богатый человек в области!

Борис (*изумленно*). Чермет?! Его же из школы два раза выгоняли.

*Появляется свежeweмытый Федя
в старомодной советской олимпийке.*

Отец Михаил. М-да... И последние станут первыми.

Борис. Он же Чичикова с Чацким на экзамене перепутал.

Федя. Зато он эмиссию с эмитентом никогда не перепутает!

Борис. Можно воды?

Анна. Лучше выпей водки.

Федя. Кто сказал «водка»?! Вы знаете, что слово материально? (*Вглядывается в Бориса.*) Минуточку! Липа? Ну, ни хрена себе! Откуда?

Анна. Из Австралии!

Федя. Окенгуреть можно! Дай обниму от полноты души! Не бойся, я вымылся в трех шампунях!

Борис (*высвобождаясь с недоумением*). А это кто? Голос знакомый...

Светлана. Федя Строчков.

Борис. Федя?! Совсем на себя не похож.

Светлана. Жизнь у него тяжелая.

Отец Михаил. Жизнь у всех тяжелая. У меня вон в храме трубы потекли. А водочки, отцы честные и жены непорочные, пора бы! Ноги после службы гудят, а выпьешь — отпускает. Сосуды расширяются...

Федя. Расширим сосуды и сдвинем их разом!

Анна. А разве святым отцам... сорри... батюшкам можно водочку-то?

Отец Михаил. Нам курить нельзя. А от водки в телесах бодрение.

Раздается звонок, требовательный. Все настораживаются.

Евгения Петровна. Наверное, Витенька... Наконец-то!

Светлана (*негромко*). Витенька? Евгения Петровна, вы же только что охранников хотели против капиталистов поднимать? По-моему, вы поступаете принципами!

Евгения Петровна. Ах, Света, какие могут быть принципы, если пенсия сто долларов?! (*Торопится к двери.*)

Анна. Точно, он! Богатые даже в дверь по-особенному звонят. (*Делает пальцы веером.*) Что же вы не открываете, это же я — сам Чермет!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Евгения Петровна идет открывать. Вбегает Ольга, дочь Светланы.

Ольга. Ой, тетя Женя, здрасте!

Евгения Петровна. Здравствуй Оленька! Ну, прямо невеста! Хорошо, что пришла!

Ольга. Где же моя мамочка? Ах, вот она... (*Решительно направляется к Светлане.*) Мам, что за хрень?

Федя, воспользовавшись тем, что общее внимание переключено на Ольгу, скрывается в «запроходной» комнате.

Светлана. Наверное, надо сначала со всеми поздороваться!

Ольга (*издевательски раскланивается*). Здравсьте, кого не видела!

Анна. Ух, ты какая стала! Не пойму только в кого?

Борис. Дочь? Твоя?! Совсем на тебя не похожа...

Ольга. Я реально ни на кого и не похожа! Я чудовище и враг семьи.

Светлана. Ольга, думай, что говоришь!

Из «запроходной» комнаты выглядывает Федя. Он с рюмкой.

Федя. Весь класс опередив,

Я пью аперитив!

Ну, где вы там? Идите сюда! Борь, Миш! Водка стынет.

Анна. Пошли! Не будем мешать воспитательному процессу!

Все скрываются в «запроходной» комнате.

Светлана. Что случилось, чудовище?

Ольга. Что случилось! Я приехала, никто не открывает. Вещи куда девать? Хорошо — соседка взяла. Я не догоняю, мам, вы чего? Где человек, похожий на моего отца?

Светлана. Не смей так про него!

Ольга. Ладно, проехали. Но в квартире-то я пока еще прописана!

Светлана. Не надо было ключи швырять, когда ты к своему брокеру уезжала! Навсегда.

Ольга. Байкеру. Ну, уезжала! Всем хочется фонтанчиков. А потом... облом.

Светлана. Конкретнее?

Ольга. Что именно ты хочешь знать?

Светлана. Что произошло? Подлежащее — сказуемое! Ну!

Ольга. Я не виновата, что он оказался жадным тормозом и меня от него тошнит.

Ольга. Ой, только не лечи меня! От вас и сейчас тошнит, но от него сильнее. Козел на мотоцикле. Ну, серьезно, где отец? Ты же говорила, он из дому никуда не выходит — ему нельзя.

Светлана. В квартире стало опасно. Они снова звонили. Угрожали. Он уехал, спрятался...

Ольга. Куда?

Светлана. Не скажу. Тебе лучше не знать.

Ольга. Не надо было бабки у бандюков брать! Как дети, честное слово! Что теперь делать-то будете, ботаники?

Светлана. Не знаю. Может, достану денег. А ты как догадалась, что я здесь?

Ольга. Я, конечно, не такая дочь, о какой ты мечтала, но, когда надо, соображаю. Где же ты еще можешь быть в та-акой день? Конечно у тела! Вам же, совкам, обязательно надо на какую-нибудь мумию молиться...

Светлана. Замолчи! Что ты понимаешь?

Ольга. Я? Больше, чем ты думаешь. Ключи!

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Незаметно появляется Черметов. С изысканным букетом цветов. За ним два телохранителя. Он прикладывает палец к губам и взмахом руки отпускает охранников. Стоит, слушает объяснения матери и дочери.

Светлана (*отдает ключи*). На, возьми — и убирайся!

Ольга. А деньги?

Светлана. Денег нет. Ты же знаешь!

Ольга. Ни тебе родительской ласки, ни денег. Полный отстой! Может, мне тут остаться, а? У вас я, чувствую, сегодня круто будет!

Светлана. Почему?

Ольга. Там внизу аппаратуру разгружают.

Светлана. Какую еще аппаратуру?

Черметов. Скоро узнаете!

Светлана (*испуганно оборачивается*). Чермет!

Черметов. Счастливые люди, живете с незапертыми дверями.
А сколько нужно денег юной леди?

Ольга. А сколько пожилому джентльмену не жалко?

Черметов (*оценивает Ольгу взглядом, сравнивает с матерью*).
Для такой красивой девушки ничего не жалко! (*Протягивает купюру.*)

Светлана. Виктор, не надо! Ольга, не смей брать!

Смотрит на Чермета, потом на дочь.

Ольга. Щас! И не мечтай!

Ольга хватает деньги, показывает матери язык и убегает.

Черметов теперь с интересом рассматривает Светлану.

Она явно смущена.

Черметов. Ну, здравствуй, Светлячок! Сколько же мы не виделись? А ты все такая же строгая!

Светлана. Здравствуй... Ты зря ей дал деньги.

Черметов. Почему?

Светлана. Ветер в голове. Живет как вздумается. Не знаю, что с ней делать! Мы такими не были!

Черметов. А какими мы были? Ты помнишь?

Светлана. Помню...

Черметов. Хорошо помнишь?

Светлана. Чермет, может, сейчас не самое удачное время, но я хотела...

Черметов. погоди! Успеем еще! Надо сначала со всеми познакомиться! (*Во весь голос.*) Это квартира героя-афганца Ивана Костромитина?!

На его крик все высыпают из «запроходной» комнаты.

Евгения Петровна. Витенька, заждались!

Обнимает его, он протягивает ей букет.

Евгения Петровна. Ой, спасибо, родной! Я сейчас, мы сейчас...

Уходит в боковую комнату. Черметов смотрит на Фаликову, заслоняясь рукой, как от яркого света.

Черметов. Королева, это ты?

Анна (*с тревогой*). Я. А что такое? Меня трудно узнать?

Черметов. Наоборот. Ты несколько не изменилась!

Анна (*подходя к нему*). А вы, Виктор Семенович, наверное, ду-мали, женщины в сорок лет уже старухи? В сорок женщина стоит двух двадцатилетних! Вы это знаете?

Черметов. Ну, какой я тебе «Виктор Семенович»? Зови, как раньше! Здравствуй, королева! (*Обнимает ее.*)

Федя. Ты, Фаликова, стоишь не двух, а трех двадцатилетних!

Черметов. А, Федя! (*Пожимает ему руку.*) Как жизнь?

Федя. Как в вагине у богини!

Черметов. Неплохо, надо запомнить. Что-то ты давно не воз-никал?

Федя. Возникал. Охрана не пустила. Недобрые они у тебя!

Черметов (*с улыбкой*). Ну, ничего — я им скажу. (*Замечает Тяблова.*) О, и батюшка тут! Отец Михаил, рад тебя видеть! Благо-слови чадо недостойное!

Отец Михаил. Во имя Отца и Сына и Святого Духа... (*Тихо.*) Вить, трубы совсем никакие. Разморозу храм по зиме, прихожане благочинному нажалуются. Снимет меня с прихода. Вить, обещал же помочь!

Анна (*подслушав*). А у вас, я смотрю, в церкви дисциплина. Как в армии!

Черметов. Если бы в армии была такая дисциплина, как в церкви, королева, мы бы жили в другой стране! Отец Миха-ил, не журишь, в понедельник перечислю. Честное капиталисти-ческое!

Отец Михаил. Спаси тебя Бог!

Черметов. Слушай, Миш, а давай я лучше владыке позвоню! Даст тебе нормальный приход. Я как раз новый храм до-страиваю. В центре города. А?

Отец Михаил. Не стоит. У каждого свой крест. А что-то ты давно не исповедовался и к причастию не ходил?

Черметов. Зайду, зайду...

Черметов отстраняет батюшку и вглядывается в Липовецкого, который с изумлением наблюдает за происходящим.

Черметов. Липа, ты что ли!

Борис. Узнал!

Черметов. Ты откуда такой?

Борис. Из Австралии.

Черметов. Хороший островок. У меня там пара гостиниц. А у тебя?

Борис. Сеть ресторанов. Газетный холдинг «Русский австралиец». Ну и еще кое-что по мелочам.

Черметов. Газетный холдинг? Значит, в пиаре соображаешь!

Борис. Оф кос! Большой опыт работы на двух континентах!

Черметов. Это хорошо! Мне сейчас нужны свои, надежные люди с таким опытом! В мэры иду.

Борис. Я вообще-то отдохнуть прилетел. Сам понимаешь: родина, релакс, ностальгия...

Черметов. Поговорим. Не обижу!

Федя (*торжественно и пьяно*) Внимание, господа! Кавалер ордена Красной Звезды гвардии сержант Иван Алексеевич Костромитин!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Все замирают. Евгения Петровна из спальни вывозит коляску с Ванечкой. На нем китель с наградами, тельняшка, голубой берет. Борис торопливо достает видеокамеру и начинает снимать. Ванечка полностью парализован и, на первый взгляд, безучастен. Однако на его лице все-таки отражаются некие тени эмоций.

Евгения Петровна (*как маленькому*). Вот, Ванечка, твои друзья, одноклассники! Они пришли поздравить тебя

с сорокалетием. Даже Витя Черметов пришел! (*Кивая на сына.*) Вот, видите — улыбнулся!

Светлана. Вам показалось...

Продолжительная пауза. Все вглядываются в лицо героя.

Вдруг Фаликова глупым голосом запекает: «Happy birthday to you!» Борис, продолжая снимать на камеру, подхватывает. Но все остальные на них смотрят как-то странно — и они смущенно замолкают. Липовецкий даже убирал камеру.

Черметов. Эх, Ванька, прости, что давно не был! Дела, знаешь, всякие... А ты почти не изменился. Только похудел.

Светлана. И поседел.

Анна. Морщины появились.

Борис. Он постарел. А что, так ничего и нельзя было сделать?

Евгения Петровна. Ничего. Каким только врачам ни показывали. В Москве лежал. Экстрасенсы брались. Последнее им отдала. Даже в Германию возили. Спасибо Витеньке! (*Целует его в плечо.*) Посмотрели и отказались. Необратимые процессы. Медицина бесильна. Зато я рейхстаг увидела...

Борис. А он хоть что-то слышит или чувствует все-таки?

Евгения Петровна. Одни доктора сказали: совсем ничего. Другие считают, он вроде только на прием работает, а выразить ничего не может. Разве только улыбнется, нахмурится... Плачет иногда. От шума. Особенно на Новый год, когда петарды запускают. Но большинство докторов говорит: сознание утрачено. Одно тело осталось...

Федя. Эх, Ваня, Ваня... Был человек, а стал те-ло-век.

Светлана. Как ты сказал?

Федя. Теловек. Человек без души.

Отец Михаил. Человека без души не бывает. Господь душу дарует. Душа бессмертна.

Анна. Лучше бы тело было бессмертно.

Евгения Петровна. А я вот с Ванечкой все равно разговариваю, рассказываю, что происходит у нас во дворе,

в городе, в России, ну и вообще в международном масштабе. Знаете, мне иногда кажется: все, что я сыночку говорю, прямо к Богу уходит...

Отец Михаил. А куда ж еще? Конечно, к Нему. Господь всеведущ.

Евгения Петровна. Нет, серьезно! Рассказывала я Ванечке, какой у нас губернатор — хапуга. Рассказывала, рассказывала... Услышал! Губернатора нашего сняли!

Светлана. В Москву министром перевели. Если Господь всеведущ, как же Он такое позволяет?

Отец Михаил. Не позволяет, а попускает. И не будем о суетном. Вспомним, зачем мы собрались!

Федя. Вот именно! Разрешите стихи прочесть!

Светлана. Федя, не надо! Слышали уже.

Черметов. Я не слышал. Читай!

Федя (*встает в свою позу*).

По мрачным скалам Кандагара
Шли танки и броневики,
Ты с автоматом и гитарой
Нес свет и счастье в кишлаки...
Был август. В бой шагнул ты смело.
И пал на землю, как герой,
Приняв и в голову, и в тело
Душманских пуль смертельный рой ...

Произнеся последние строки, он с достоинством смотрит на Светлану.

Борис. Какую свободу он нес? Ты чего, Федя? Это же все имперские амбиции...

Федя. Липа, не пыли!

Черметов. Нет, ребята, все не так было. Они в засаду попали — в ущелье. Его взрывом на камни бросило и переломало. А через пять минут наши вертушки прилетели и спасли. Мне рассказывали...

Pilgrim Entertainment Group presents
Театр «Пилигрим» представляет

Одноклассники The Classmates

Юрий Поляков | Yuri Polyakov

Игорь Левитан
Татья Пакулова
Саша Дуганов
Ура Ингманн
Андрей Тихонов
Элина Доронкина
Миша Дубинин
Таня Лагошина
Владимир Перегудов
Данил Макки
Сергей Винниченко

Dates and time (начало спектакля):
23 ноября – 20.00 | **23 November – 8 pm**
24 ноября – 19.00 | **24 November – 7 pm**

Address:
Phoenix Theatre, 101 Glen Huntly Rd, Elwood
 Билеты/Tickets: \$30 Tel: 0425 275 762, 0421 896 554
 Email: tickets@russianpilgrim.org
 More info: www.facebook.com/PilgrimEntertainmentGroup

Афиша спектакля «Одноклассники» театра «Пилигрим». Австралия. 2012

Сцена из спектакля «Одноклассники» театра-студии В.Н. Шиловского

Федя. Жаль. «Душманских пуль смертельный рой» — хороший образ. Правда, Свет?

Светлана. Хороший.

Евгения Петровна. Ну и пусть остается. Смерть должна быть красивой. Иначе зачем человек живет? Господи, если бы Ванечку тогда из отпуска не отозвали, может, и обошлось бы...

Отец Михаил. Не нам судить промысел Божий.

Федя. Миш, давно хотел спросить: а чем Божий промысел от пощущения отличается?

Отец Михаил. Как бы тебе объяснить, сын мой... Прямо не знаю...

Федя. Да уж постарайся, отче!

Отец Михаил. Вот, например, ты большой талант, стихи сочинишь. Это промысел. А то, что пьешь до самоизумления, — это пощущение. Понял?

Федя. Понял. Но лучше б наоборот было.

Евгения Петровна. Ладно, богословы, давайте уж к столу!

Федя (*радостно катит коляску с Ванечкой*). К столу-у!..

Евгения Петровна. Не надо, Феденька! Он от шума расстраивается. Пусть лучше здесь побудет. Один.

Все уходят в «запроходную» комнату. Остается только Ванечка в кресле. Слышен сначала голос Тяблова, читающего молитву, потом звон бокалов. Шум застолья. В это время появляются два телохранителя. Они что-то проверяют, заглядывают в углы, проходят на балкон, попутно с удивлением осматривают Ванечку. Затем покидают квартиру, бессловесно объясняясь характерными для службы безопасности жестами. Тем временем выходит обиженный Федя, пошатывается, замечает удаляющихся телохранителей и грозит им пальцем. Один из охранников показывает ему кулак. Поэт устало садится у ног Ванечки.

Федя. Вань, представляешь, они сказали, что мне
224 уже хватит! Мне! Да я могу выпить бочку и сохранить

абсолютную ясность ума. Вань, как тебе мои стихи? *(Словно ждет ответа, взглядывается в лицо героя.)* Хмуришься? Мне тоже не очень. Но, чтоб ты знал, даже Пушкин писал на случай, а Державин вообще был лютый конъюнктурщик. Тебе-то хорошо: сидишь там у себя внутри, а мы живем снаружи! Знаешь, как тут дерьмово? Особенно по утрам. Да, кстати, спасибо, за «олимпийку». Теплая! Это правильно, Вань, что ты не пьешь. И не начинай! Хочешь спросить, почему я пью? Объясняю: у меня после первого стакана в голове такие метафоры, такие гиперболы! Маяковский отдыхает. Если бы я на первом стакане, ну, в крайнем случае, на втором, остановился, давно бы Нобелевку взял. Но не могу остановиться. Не могу! А «душманских пуль смертельный рой» — хорошо! Скажи, хорошо?! Ну, хоть улыбнись! *(Вглядывается в лицо.)* Спасибо! Эх, Ванька, Ванька, теловек ты мой любимый! *(Целует его.)* Поехали к столу. С тобой они меня не прогонят. Ты же у нас герой!

В это время раздается звонок. На шум выходят гости. Евгения Петровна идет открывать. Федя, воспользовавшись этим, увозит Ванечку к столу.

Евгения Петровна. Кто же это еще может быть?

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Входят офицер и рядовой в сопровождении двух телохранителей.

Окопов. Майор Окопов. Из военкомата. Где наш герой?

Борис. А что — на переподготовку хотите забрать?

Черметов. Майор, в чем дело?

Окопов. Хочу поздравить с заслуженным сорокалетием и вручить подарок от некоммерческого фонда «Сын Отечества».

Евгения Петровна. Мой сын не может... Он...

Окопов. Понимаю. Устал. Юбилей. Тогда прошу ему передать! Боец!

Солдат пытается передать коробку, перевитую георгиевскими лентами. Чермет кивает — телохранители забирают коробку.

Евгения Петровна. Что это?

Чермет снова кивает, телохранители осторожно открывают коробку — там протез руки.

Окопов. То, что доктор прописал! Протез правой руки. Новейшая модель. Облегченный каркас. Сенсорное управление. Современные крепления. Голландия. Родина помнит ваш подвиг!

Евгения Петровна. Нам не нужен протез правой руки.

Окопов. Минуточку! Разве ваш сын не инвалид войны?

Евгения Петровна. Инвалид. Но руки у него целы...

Окопов. Не может быть! *(Заглядывает в какие-то бумаги.)* Как ваша фамилия?

Евгения Петровна. Костромитин Иван.

Окопов. Виноват! В канцелярии что-то напутали! Честь имею! Боец!

Телохранители по кивку шефа возвращают напрасный дар. Солдатик укладывает протез в коробку, и все четверо уходят. Гости некоторое время стоят молча. Появляется Федя с рюмкой, которую тут же выпивает, и с коляской, в которой сидит безучастный Иван.

Федя. Это кто был?

Анна. Идиот какой-то! Протез Ванечке приносил.

Борис. Дикая страна!

Федя. Что ж ты, австралопитек, в нашу дикую страну притащился? Сидел бы в своей цивилизованной Австралии.

Борис. Соскучился. По дикости.

Светлана. Ладно тебе, Борь, перепутали — бывает! Ведь не забыли же!

Борис. Лучше б забыли!

Федя. Слушай, Липа, и за что ты так нашу Россию не

Борис. А ты любишь?

Федя. А то! Проснусь зимой среди ночи в подвале и чувствую: не могу жить без Родины. Аж, трясусь! Пошли, Борька, выпьем за Россию!

Евгения Петровна. Федя, тебе хватит!

Федя (*строго*). За Родину мне никогда не хватит! Ясно?

Евгения Петровна. Уж куда ясней!

Отбирает у него коляску с сыном и ставит на прежнее место. Все снова отправляются к столу. В последний момент Черметов задерживается, достает мобильный, набирает номер. Аня, Светлана тоже останавливаются. Дамы явно хотят поговорить с олигархом.

Черметов (*в трубку*.) Ну, что мне тебя вместе с твоим долбаным фондом закопать?.. Ты что прислал, баран?! ...Кому? Однокласснику моему, Ваньке Костромитину! (*Дамы неловко переглядываются.*) Час тебе даю! И не серди меня больше! (*Черметов прячет телефон и замечает одноклассниц.*) При социализме, по-моему, дураков было меньше!

Светлана. Просто у них не было денег — и они не так бросались в глаза.

Черметов. Возможно. А что вы обе на меня так смотрите?

Светлана. Да нет... ничего...

Анна. А что, теперь на тебя и смотреть нельзя?

Светлана пожимает плечами и оставляет их наедине.

Точнее, в присутствии безучастного Ванечки.

Черметов. Как жизнь королевская?

Анна. Нормально. А у тебя?

Черметов. Тоже нормально.

Анна. Ты, говорят, развелся?

Черметов. Да, так получилось...

Анна. Разлюбил?

Черметов. Да, очень сильно разлюбил.

Анна. Я тоже развелась.

Черметов. Что так?

Анна. Измена. Простить невозможно. Понимаешь?

Черметов. Понимаю. Дети есть?

Анна. Нет.

Черметов. А у меня парень. Володька...

Анна. Он с тобой живет?

Черметов. Нет, с матерью. Отсудила. Вижусь с ним два раза в неделю. Ну, ничего. Еще не вечер! После выборов посмотрим!

Анна. В мэры, значит, собрался?

Черметов. Да, так спокойнее.

Анна. А ничего, что ты в разводе?

Черметов. Не критично. Но и хорошего тоже мало. Конкуренты могут на этом сыграть.

Анна. А сколько лет Володеньке?

Черметов. Двенадцать.

Анна. Замечательно!

Черметов. Конным спортом увлекается.

Анна. Потрясающе!

Черметов. Я специально ему маленький ипподром построил.

Анна. Фантастика!

Черметов. Тренера из Англии выписал. Он раньше с принцем Гарри занимался.

Анна (*оправившись от восхищения*). ...А ты помнишь, как мы в раздевалке целовались?

Черметов. Помню. Но потом ты стала королевой. Снежной...

Анна. Да, так глупо... Лучше бы я тогда проиграла! Я тебя потом часто вспоминала.

Черметов. Неужели?

Анна. А знаешь, что написано на торте, который я принесла?

Черметов. Что?

Анна. «В сорок лет жизнь только начинается».

Черметов. В шестьдесят, говорят, тоже.

Черметов. Поэтому ты торопишься?
Анна. Я? Тороплюсь?! С чего ты взял?
Черметов. Иди сюда!
Анна. Куда?
Черметов. В раздевалку...

*Чермет обнимает ее, долго целует в губы,
потом почти отталкивает.*

Анна. Какой сюрприз...
Черметов. Настоящий сюрприз впереди!

*Он быстро уходит в комнату, где шумит застолье.
Анна некоторое время пытается перевести дыхание.*

Анна. А целоваться он так и не научился. Это хорошо!

Она подходит к Ванечке, осторожно гладит по голове.

Анна (*вглядывается в его лицо*). Ванечка, не сердись! Так надо! Как ты думаешь, я могу снова ему понравиться? Еще пять, ну, десять лет — и на меня уже никто не взглянет. Ты чистый, хороший мальчик. Даже если у тебя со Светкой что-то и было, ты все равно ничего в этом не понял. Не успел! А я поняла. Видишь, мое тело! (*Подпирает груди.*) Немножко силикона. Ну и что? За красоту надо бороться. Помнишь, как я была счастлива, когда стала королевой? Где она эта чертова корона? (*Достает из сумочки и прилаживает к прическе.*) Будь она проклята! Сначала подиумы, презентации, дефиле, потом сауны с каруселью. Ванечка, это даже удивительно, как незаметно королева может превратиться в шлюху! И замужем я не была. Просто один мерзавец таскал меня за собой дольше, чем другие. А порядочная женщина должна побывать замужем хотя бы один раз. Лучше два. Чермет, Ванечка, это мой шанс! Честное слово, я бы и Володеньку любила, как родного. Между прочим, один доктор сказал, что я еще могу родить! Ну, вот, ты, кажется, и улыбнулся. Да, могу! Если очень захочу. Есть способы. Но это стоит дорого! А у Чермета есть деньги, понимаешь?

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Уходит к гостям. Костромитин остается один. Слышен звонок мобильного. Появляется Чермет, за ним следом — Борис с камерой и Светлана.

Черметов (*в телефон*). Прилетел? Отлично! Как будете готовы, звони! Без моей команды не начинать!

Светлана. Чермет...

Борис (*перебивая ее*). Виктор, я хотел обсудить условия нашего возможного сотрудничества...

Светлана пожимает плечами, поворачивается и уходит.

Черметов (*кивая на камеру*). Условия? А своего телеканала у вас в Австралии случайно нет?

Борис (*с достоинством*). Нет. Но мы с папой подумываем.

Черметов (*жестко*). Понятно. Значит так. Условие первое: никогда не перебивай женщину!

Борис. Что? Ну, знаешь... в таком тоне...

Черметов. Условие второе: кто платит — тот выбирает тон. Ясно?

Борис. Нет... Я не привык...

Черметов. Условие третье: догони и приведи ее сюда! (*Задумавшись*.) Я тебя очень прошу, Липочка, как друга!

Борис. Ну, если ты просишь! (*После самолюбивых колебаний*.) А если она не пойдет?

Черметов. Тогда мы не будем обсуждать условия нашего возможного сотрудничества.

Борис (*с натушной веселостью*). Хорошо, я попробую, босс...

Борис уходит. Черметов рассматривает Ванечку, сравнивает с портретом.

Черметов. Да, Ванечка, да, пока ты благородно отсутствовал, мы тут превратились... Сам знаешь, во что. Я иногда думаю, люди стареют и умирают только оттого, что накапливают в себе всю эту жизненную дрянь. Ты, правда, тоже постарел, но

это, наверное, из-за того, что Евгения Петровна тебе про все рассказывает. Зря! Если б не рассказывала, ты бы остался молодым...

Появляется Борис. Он буквально тащит Светлану за руку.

Борис. Я сделал это!

Светлана. Да отпусти же ты меня!

Черметов. Ступай! Я тобой доволен.

Борис уходит.

Светлана. Слушаю вас, Виктор Семенович!

Черметов. Это я вас слушаю, Светлана Николаевна! Вы же хотели меня о чем-то попросить?

Светлана. Откуда ты знаешь, что я хочу попросить?

Черметов. У человека, который собирается просить, глаза, как у голодной собаки. А потом мне давно уже никто ничего не предлагает, все только просят. Ну, проси!

Светлана. А ты психолог!

Черметов. Работа такая. С деньгами. Ну, смелее!

Светлана. Чермет... Помоги мне! Понимаешь, мы... я... попала в трудную ситуацию...

Черметов. Попала? Понятно. А что же случилось?

Светлана. Павел хотел бизнесом заняться, взял деньги под проценты...

Черметов. Заняться бизнесом? Занимаются любовью. А в бизнес идут, как на войну. Как в Афган! Сколько же он взял?

Светлана. Много. За одни проценты квартиру теперь хотят забрать.

Черметов. На счетчик, что ли, поставили?

Светлана. Поставили...

Черметов. А у кого он взял?

Светлана. У Мочилаева.

Черметов. У Мочилаева?! Он дурак, что ли, твой Павлик? Зря ты за него вышла!

Светлана. Что теперь говорить...

Черметов. А дочка хорошая получилась!

Светлана. Помоги! Если квартиру отнимут, не знаю, что делать...

Черметов. С Федькой вместе бомжевать — вот что делать!

Светлана. Я верну. Постепенно. Меня зовут в лицей. Там хорошо платят...

Черметов. Не смейся! Она вернет...

Светлана. Чермет, но ведь мы...у нас... мы же одноклассники... У тебя хоть что-то святое осталось?

Черметов. Конечно, осталось: деньги. И денег просто так я не даю даже одноклассникам.

Светлана. Ну, что мне перед тобой на колени стать?

Черметов. Если тебе так удобнее...

Делает вид, что расстегивает ремень. Светлана на некоторое время теряет дар речи.

Светлана. Ты, что — Чермет? Ты дурачишься? Это неудачная шутка...

Черметов. Это не шутка. За это я дам тебе денег.

Светлана. Чермет, я тебе не верю...

Черметов. Чему не веришь? Что дам денег?

Светлана. Не верю, что ты мне это предлагаешь!

Черметов. Лучше поверь! Будет, где жить, — тебе и твоей дочери.

Светлана. Как у тебя только язык повернулся? При нем... *(Кивает на неподвижного Костромитина.)*

Черметов. Объяснить или сама догадаешься?

Светлана *(жалобно)*. Чермет, мне сорок лет... Тебе молодых мало?

Черметов. А может, мне интересно, как моя одноклассница в сорок лет голой выглядит? Чему научилась за эти годы?

Светлана. Тебе же потом самому стыдно будет!

Черметов. Вот! Вот! Может, я хочу испытать это забытое, сладкое, детское чувство стыда? Помоги мне, Светлячок!

232 А я верну твой долг...

Светлана. Господи, Витя, ты сошел с ума со своими деньгами!
Черметов. Это ты сошла с ума, когда брала деньги у Мочилаева. Смотри, я и расхотеть могу!

Светлана (*колеблясь*). Хорошо. Завтра. Лучше в отеле, за городом...

Черметов. Нет, отличница, сегодня. Здесь!

Светлана. Ты ненормальный!

Черметов. Нормальный. И не просто здесь, а на глазах у твоего Ванечки!

Светлана. Никогда.

Черметов. Почему? Он же не понимает. Он теловек. Овощ из мяса.

Светлана. Никогда. Никогда. Никогда.

Черметов. А знаешь, как Мочилаев долги выбивает? Твой Павлик зря прячется. Увезут дочь — сама все отдашь...

Светлана (*пугается*). Господи, какая же я дура! Что я наделала!

Бросается к телефону, набирает номер, путается, нервничает.

Чермет тем временем подходит к Ванечки, поправляет на нем десантный берет.

Черметов. Видишь, Ванька, как женщины детей любят! Тебе не понять. Ну, не хмурься!

Светлана. Алло! Оленька... Слава Богу! Почему не брала трубку? ...Какую голову мыла? Зачем! Срочно собери вещи и уезжай назад к своему брокеру! ...Ну да — байкеру! ...Знаю, что жадный тормоз. Скажи: простила... (*Нетерпеливо слушает, срывается на крик.*) Ну и что — что голова мокрая!

Черметов. По пути перехватят.

Светлана. Нет, сиди дома, никому не открывай. Я скоро приеду...

Бросает трубку, направляется к выходу.

Черметов. Бесплезняк. Войдут под видом милиции. С липовым ордером. Увезут вас обеих...

Светлана. Ну, что мне делать? Что-о!!.

Черметов. Я тебе, кажется, объяснил — что!

Светлана. Хорошо! Я согласна... Помоги!

Черметов. М-да, попала ты, одноклассница! Я к твоей квартире своих людей пошлю. Они никого не подпустят.

Светлана. Спасибо...

Черметов. Пока не за что.

Светлана (*спохватившись*). Адрес... Запиши адрес!

Черметов. Расслабься! Я помню адрес. Это ты все забыла.

Светлана. Забыла... Мне прямо сейчас раздеться?

Черметов. Не делай из меня дурака! Я, может, и скотина, но не дурак. Разденешься, когда скажу. А сейчас иди к гостям и улыбайся, улыбайся! Выпей — проще будет. Может, и не вспомнишь потом ничего...

Светлана. Мне кажется, выпить надо тебе! И как можно больше...

Светлана уходит. Чермет достает телефон, набирает номер.

Черметов. Анвар, ну как там, все нормально? Сколько эта байда продлится? ...Набрось-ка минут десять. Нет, пятнадцать! (*Подмигивает Ванечке.*) ...Что значит — если откажется? Удвой гонорар! Будешь готов — звони! Погоди! Пробей-ка мне такого Липовецкого Бориса... отчества не помню. Живет в Австралии, в Канберре... Что-то не нравится он мне. Работай!

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Чермет прячет телефон, берет гитару, лежащую под портретом, перебирает струны, настраивает.

Черметов (*Ванечке*). Слышал, как твоя любимая Светочка согласилась на все! На твоих, Ваня, глазах готова... Она, конечно, мать, ее можно простить. Но каков, Ваня, мир! Если через

у Него здесь помойка получилась и каких Он крыс по своему образу и подобию наплодил. Думаешь, если бы ты вернулся здоровый, остался человеком? Видел я, как из таких вот чистеньких, сволочи вылуплялись. Оч-чень быстро! А теловеком быть хорошо, спокойно, благородно. Это человек может в крысу превратиться, а теловек никогда. Знаешь, Ванька, я тебе даже иногда завидую. Честное слово!

Несколько раз бьет по струнам, громко, на разрыв. Лицо Ванечки плаксиво морщится. На звуки гитары из «запроходной» комнаты шумно выходят Борис, Тяблов, Евгения Петровна, Федя. Анна тянет за руку Светлану.

Анна. Ну, чего ты? Пойдем! Чермет, спой!

Евгения Петровна. Ванечкину любимую...

Черметов. Спеть, Светочка?

Светлана. Как знаешь...

Черметов (*поет*).

На поле битва грохотала,
Солдаты шли в последний бой,
А молодого командира
Несли с пробитой головой...

...Подхватывают все. Борис поет и снимает на камеру. (Кстати, автор не настаивает на том, чтобы исполнялась именно эта песня, и полагается на интуицию господ актеров.) Допев, Чермет обнимает Светлану и Анну.

Черметов. Девчонки, ребята, как же я вас всех люблю, если бы вы только знали! Ванька, слышишь? Я всех вас лю-блю-ю-ю!

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Та же комната. Все расселись возле неподвижного Костромитина. Черметов перебирает струны гитары.

Анна. Чермет, ну, и где же твой сюрприз?

Черметов. Потерпи! Мне тоже очень хочется, а я жду. И Светочка ждет! *(Напевает под гитару.)* «А я так ждал, надеялся и верил, что зазвонят опять колокола, и ты войдешь в распахнутые двери...»

Светлана отворачивается.

Евгения Петровна. Ванечка тоже хорошо играл на гитаре...

Черметов. Так ведь я, тетя Женя, у него научился. Подумал: что, я хуже, что ли! Попросил — он мне аккорды и показал.

Анна. Конечно, если парень с гитарой, все девчонки с ним! *(Напевает.)* «Кто этот, кто этот, кто этот парень с гитарой...»

Борис. А если парень с деньгами?

Анна. Тебе видней. Ты же теперь первый парень на континенте!

Борис. Что, Австралия по сравнению с Россией! Настоящие деньги теперь здесь! Правда, Чермет?

Черметов. Это кому — как...

Светлана. Что ж ты тогда, Боренька, от нас уехал?

Борис. Погромы обещали — вот и уехали.

Анна. Погромы? А тебе-то что?

Борис. Как что? Я, мэм, к вашему сведению, еврей.

Светлана. Борь, ну какие у нас погромы?! Что ты говоришь?

Борис. А что ни одного не было?

Светлана. Ни одного.

Борис. Странно, обещали...

Светлана. Кто обещал?

236 Борис. По телевизору.

Федя. Телевизор, Липа, — это окно в коллективное бессовестное.

Анна. Сам придумал?

Федя. Нет, у тебя списал!

Светлана. А знаете, ребята, я однажды классный журнал случайно на какой-то странице открыла. Там все наши национальности были указаны. Смотрю, напротив Липовецкого написано «еврей». Я так удивилась! Честное слово! Мы же тогда вообще об этом не думали, кто русский — кто нерусский. Просто одноклассники. Здорово было!

Отец Михаил. Во Христе нет ни эллина, ни иудея...

Федя. У нас в бомжатнике тоже интернационал. Правда, центральную свалку почему-то кавказцы держат. Чермет, купи у них свалку, а?

Черметов. Я подумаю. Так почему ты, Липа, все-таки уехал?

Федя. Я знаю: потому что в армию не хотел идти!

Борис. Врешь! Я — лейтенант запаса. А вот ты, Строчок, не служил.

Федя. Мне нельзя. Я — больной.

Анна. Мой бывший тоже от армии откосил. Тоже больной! Сам железный, хрен стальной!

Евгения Петровна. Анечка, нельзя же так! И что вы все к Бореньке пристали. Уехал и уехал... Судьба такая...

Борис. Не знаю, может, и судьба... Понимаете, тогда казалось, здесь уже ничего хорошего не будет. Конец! Ведь все развалилось. Отца из газеты уволили. А там можно было начать совсем новую жизнь. Не выпрашивать, не доставать — а зарабатывать столько, сколько ты стоишь на самом деле.

Черметов. Большинство стоит гораздо меньше, чем предполагает.

Федя. Ясно, Липа, за длинным долларом погнался!

Отец Михаил. В Евангелие сказано: «Там, где твое сердце, там и твое сокровище...»

Черметов. То-то я смотрю, твой благочинный на новом «марседесе» рассекает!

Отец Михаил. Зато владыка на «Волге» ездит. Смиряется...

Федя. Хорошо, что поэту не нужны деньги. Только небо над головой!

Анна. И вокзальная лавка под головой...

Федя. Хлебников был нищим, а Верлен — пьяницей. Свет, скажи им!

Светлана. Не всякий нищий — Хлебников, и не всякий пьяница — Верлен.

Федя. И ты против меня! Что с тобой? Ты какая-то не такая стала! Эх, а еще друг называется!

Евгения Петровна. Федя, не расстраивайся! Почитай нам лучше стихи!

Федя (*ерничая*). «По мрачным скалам Кандагара...»

Евгения Петровна. Нет, не эти. Другие...

Федя. Какие?

Светлана. Про девочку из соседнего двора.

Федя. А-а! Помните! Знаете, я ведь благодаря Ванечке поэтом стал!

Анна. А бомжом ты благодаря кому стал?

Федя. Дура ты, Анька! Ничего не понимаешь. У тебя, наверное, теперь и в голове силикон.

Анна. Какой еще силикон? Ты что говоришь, помоешник!

Черметов. Помолчи, королева! Рассказывай, Федя!

Федя. В девятом классе, помните? Я уже много стихов написал, целую тетрадь, а показывать боялся. Это же как перед всеми догала раздеться...

Светлана вздрагивает и смотрит на Чермета.

Анна. Подумаешь! Если тело красивое...

Светлана. А если некрасивое?

Черметов. Девочки, о телах потом. Попозже... (*Смотрит на Светлану, та опускает голову.*) Не перебивайте поэта!

Федя. ...Ванечка однажды заметил, как я на уроке стихи в тетрадку записываю, и попросил почитать. Через два

дня вернул. Молча. Я сразу понял: не понравились. Потом в школе концерт был к 8 Марта... Свет, а сейчас в школах есть концерты, какая-нибудь самодеятельность, как у нас?

Светлана (*очнувшись от своих мыслей*). Что? А-а... Есть, но мало...

Евгения Петровна. Почему?

Светлана. Потому что мы теперь воспитываем свободных граждан. Заставлять нельзя — можно нечаянно раба вырастить. А если не заставлять — какая же самодеятельность?

Борис. Правильно, раба из человека надо с самого детства выдавливать! Нельзя железной метлой загонять в счастье...

Федя. Липа, у меня такое впечатление, что ты эти двадцать лет в холодильнике с включенным телевизором пролежал!

Светлана. Боренька, я не знаю, как у вас в Австралии, а у нас в России, если не заставишь — ничего не будет. Это плохое само к человеку прилипает, а хорошее нужно к нему пришивать суровыми нитками...

Черметов. Суровыми?

Светлана. Суровыми! А раба у нас из себя если и выдавливают, то почему-то вместе с совестью.

Некоторое время они молча смотрят друг другу в глаза.

Евгения Петровна. Феденька, а что дальше-то было?

Федя. Дальше? Ну, Ванечка вышел и стал читать стихи. Мои. Я сижу в зале и понимаю: сейчас умру, потому что стихи отвратительные! И вдруг все захлопали. А Ванечка заставил меня выйти на сцену. Ну и...

Анна. И все узнали, что у нас в школе есть свой гений!

Федя. А через неделю эти стихи напечатали в областной газете...

Борис. Это я отца попросил. Мне тоже можешь сказать «спасибо»!

Федя. Спасибо, Липа!

Борис. Пожалуйста, Строчок!

Евгения Петровна. Феденька, почитай нам эти стихи!

Федя. Эти? Даже не знаю... Совсем юношеские...

Черметов. Давай-давай! У нас сегодня вечер воспоминаний.

Федя. Ну, хорошо... Сейчас... *(Закрывает глаза, встает в свою позу.)*

Дразнилки. Драки. Синяки. Крапива.
Соседний двор. Мальчишечья война.
А в том дворе — немыслимо красива —
Была в ту пору девочка одна.
Я жил, учебник не приоткрывая,
Я потерял надежду и покой.
Граница меж дворами — мостовая.
Я вдоль бродил, но дальше ни ногой.
Пришла метель на смену летней пыли
Велись слезопролитные бои...
А во дворе у нас девчонки были.
Конечно, не такие, но свои.
В руках — синица, и мало-помалу
Любовь пропала. Где-то к февралю.
И девочка-красавица пропала.
Квартиру, видно, дали журавлю.
Смешно сказать, через дорогу жили.
Я был труслив, она была горда...

(Забывает текст, трет лоб.)

Я был труслив... труслив...

Борис. Это мы уже слышали.

Светлана. Не мешай!

Федя. Черт... Забыл... свои стихи. Такого со мной еще не было!

Светлана. Напомнить?

Федя. Нет! Я сам. Просто надо еще выпить...

Евгения Петровна. Не надо, Феденька!

Федя. Эх, да что вы понимаете!

Убегает в «запроходную» комнату — выпить.

Черметов. Бесплезно. Я его два раза в больницу клал. Убегал. А насильно лечить теперь нельзя. Свобода, понимаешь ли!

Евгения Петровна. В Серпухов его надо везти.

Борис. А что там в Серпухове?

Отец Михаил. Там чудотворная икона «Неупиваемая чаша».

Борис. И что?

Евгения Петровна. Помогает. Соседка наша так зятя вылечила. Пил страшно. Жену, дочку соседкину, бил смертным боем. Повезла, приложила его к образу — и как отрезало. Правда, теперь жалеет она.

Анна. Почему?

Евгения Петровна. Зять с пьяных-то глаз жену лупцевал, а с трезвых сразу бросил. Но все равно чудо!

Борис. Я в чудеса не верю...

Отец Михаил. Просто ты с настоящим чудом еще никогда не сталкивался.

Борис. Сталкивался! Прилетаю на родину, а мой одноклассник Тяблик, с которым мы за девчонками в душе подглядывали, поп! Разве не чудо?

Отец Михаил. Чудо, что Ванечка в десятом классе дал мне почитать Библию. Через Ванечку меня Господь и позвал...

Борис. Откуда у него Библия взялась? Тогда трудно достать было. Моему отцу в обкоме партии выдали, как бойцу идеологического фронта, чтобы знал опиум по первоисточнику.

Евгения Петровна. От деда моего осталась. Он церковным старостой был до революции. Но я скрывала, а Библию прятала. Но Ванечка мне говорил: нечестно такую книгу от людей прятать! Такой справедливый мальчик...

Светлана. Чермет, а помнишь, как в шестом классе ты Борьке глаз подбил?

Черметов. Конечно, не помню! Я много кому чего подбивал...

Борис (*радостно*). Я помню! Только это в седьмом было. На контрольной по алгебре. Я Вите... Виктору неправильный результат подсказал.

Черметов. А-а, вспомнил! Нарочно, гад, наврал!

Борис. Ну, вот опять! Конечно, не нарочно!

Черметов. А почему тогда мне пару поставили, а тебе тройку?

Светлана. Потому что Борькин папа чуть что, сразу Гестаповне звонил!

Евгения Петровна. Кому он звонил?

Анна. Галине Остаповне. Директрисе. Она его как огня боялась.

Евгения Петровна. А-а... хорошая женщина. Как она, жива?

Отец Михаил. Преставилась. У нас в храме отпевали. Лежала на одре, как школьница. *(Встает.)* Пойду с Федей поговорю. Может, поедет в Серпухов?

Черметов. Денег, скажи, на дорогу дам!

Тяблов уходит в «запроходную» комнату.

Борис. Гестаповна как увидела меня с фингалом, сразу заверещала и стала разбираться: кто, где, когда? Я молчу, Чермета не выдаю!

Анна. Да ладно уж, пионер-герой! Он бы тебя просто убил! Правда, Вить?

Черметов. Это точно! Предательства не прощаю никому!

Светлана. Тогда Гестаповна собрала наш класс на допрос. Никто не сознается. Все на тебя, Чермет, смотрят. А ты молчишь, трусишь — отца в школу вызовут.

Черметов. Да, у бати рука тяжелая была!

Светлана. А Гестаповна психует — Борькиного отца боится...

Евгения Петровна. Боренька, а как твой папа? Жив, здоров?

Борис. Жив! Кипучий старик! За права аборигенов теперь борется...

Евгения Петровна. Не скучает по России?

Борис. Скучает. Советские песни каждый день слушает. Даже плачет иногда...

Анна. Погоди, Свет, а чем тогда все закончилось?

Светлана. А вот чем: Гестаповна сказала, если виновного не выдадим, на майские праздники в поход на озеро не

пойдем. А мы всю зиму готовились. Вот тогда Ванечка встал и объявил, что это он Липовецкому глаз подбил, когда они боксерские приемы отрабатывали. Гестаповна, конечно, не поверила, но Борька подтвердил.

Борис. Точно! Я сразу подтвердил. И отцу то же самое сказал.

Светлана (*Чермету.*) А Ванечка потом в лицо назвал тебя трусом...

Черметов. И мы дрались за гаражами. По-настоящему.

Евгения Петровна. Господи, вот и узнала через столько лет! Ваня тогда домой пришел — живого места не было. Ему даже губы зашивали...

Черметов. Мне тоже хорошо досталось, Ванька крепкий был парень! Зуб мне вышиб. А потом отец еще добавил за порванную форму. (*Обходит неподвижного героя.*) Спасибо тебе, Ванечка! Спасибо! Смотрите, кажется, улыбнулся!

Светлана. За что же — спасибо?

Черметов. Ну, как же! Если бы я в Афган не попал, кем бы сегодня был? Никем. Там всему научился: и дружить, и ненавидеть, и до конца идти!

Светлана. И убивать.

Черметов. И убивать. До сих пор по ночам душманов мочу и кишки однопризывнику моему Сереге Рыбину в брюхо назад засовываю. Спасибо, Ванечка! Ты же первым в Афган попросился. Ну, как же от тебя отстать? (*Смотрит на Светлану.*) Никак нельзя! Мне сначала в военкомате отказали. Чтобы башку под пулю подставить, оказывается, надо еще и характеристику хорошую иметь! Добыл, спасибо Гестаповне! На смерть послали, как наградили! Умела советская власть мозги компостировать...

Евгения Петровна. Ты советскую власть, Витенька, не ругай — она тебя выучила!

Светлана. И завод чугунолитейный подарила.

Черметов. Не подарила, а расплатилась со мной! (*Поднимает рубаху и показывает шрам.*) Вот за это!

Анна. Ух, ты! (*Гладит шрам.*) Бедный Черметик...

Светлана. Что ж она с Ванечкой заводом не расплатилась? А только вот этим? *(Показывает на Ванечку.)* Поделится бы с героем!

Евгения Петровна. Это ты зря, Светочка! Витенька давно счет на Ванечку открыл и каждый месяц деньги переводит...

Светлана. И много?

Евгения Петровна. Нам хватает.

Светлана. Вы мне этого никогда не говорили!

Евгения Петровна. Не велел...

Анна. Кто бы на мое имя счет открыл?

Черметов. Королева! О чем разговор!

Анна. А знаете, я ведь королевой тоже благодаря Ванечке стала. Он прочитал где-то про областной конкурс и уговорил меня пойти. Сама бы я ни за что не решилась. Мне казалось, у меня нос длинный. Я даже по утрам перед зеркалом плакала. Представляете? А Ванечка принес какой-то журнал и стал показывать, какие некрасивые носы у фотомоделей. И я решилась...

Борис. Нет, королевой ты стала... благодаря мне!

Анна. Как это?

Борис. А вот так. Я отца за тебя попросил. Он был председателем жюри.

Анна. Да? Я не знала. Я думала... То-то он меня потом за кулисами обнимал. Еле отвязалась.

Черметов. Правильно думала! Ты и была самая красивая! А жюри это просто по достоинству оценило. А вообще-то интересно получается: все мы тут, оказывается, чем-то Ванечке обязаны. Только одна Светочка молчит, скрывает, ничего не рассказывает...

Борис. Я тоже еще не рассказывал, чем Ванечке обязан. А ведь он научил меня...

Черметов *(презрительно)*. Иди-ка лучше посмотри, чтобы Федя с батюшкой в хлам не надрызгались!

Борис *(растерянно)*. Да, конечно, сделаю...

Анна. Чермет, он у тебя просто ручной стал, наш гордый австралиец!

Черметов. За деньги можно кого угодно приручить! Правда, Светик? Ну, давай — рассказывай, чем ты Ванечке обязана! Со-врешь — умрешь!

Светлана. Я перед Ванечкой очень виновата. Очень...*(Всхлипывает.)*

Возвращаются Борис с Тябловым. Они поддерживают Федю.

Евгения Петровна *(обнимает Светлану)*. Ну, ладно, ладно... Что было, то было. Жизнь есть жизнь *(Сыну, с наигранной веселостью.)* Видишь, Ванечка, какие у тебя одноклассники! Не забыли, помнят, какой ты хороший был!

Федя *(с трудом ворочая языком)*. Евгения Петровна, ну какие мы одноклассники? Одноклассники — это люди одного класса. Богатые... Бедные... Нищие... А мы здесь все давно уже разноклассники!

Звонит мобильный телефон. Чермет берет трубку.

Черметов *(слушает, смотрит на Бориса)*. Я так и думал. Неважно. Через минуту начинайте!

Анна. Что, что начинается?

Черметов. Как что? Сюрприз! Фейерверк в честь Ванечкиного сорокалетия!

Федя. Фейерверк — реликт сакральных инициаций в честь бога огня...

Черметов. Реликту больше не наливать!

Евгения Петровна. Витенька, но фейерверк — это же, наверно, дорого!

Борис *(готовя камеру)*. В Австралии жутко дорого.

Черметов. Когда душа просит, ничего не дорого! Запомни, это австралиец, если хочешь у меня работать! А потом — концерт!

Анна. Какой еще концерт?

Черметов. Узнаешь, зайка моя!

Анна. Ну, кто, кто? Скажи!

Черметов изображает известного певца (или певицу).

Анна (*потрясенная*). Настоящий? Не может быть! У нас во дворе? Не верю! Двойник, наверное?!

Черметов. Двойник? Ну, нет... у меня все натуральное!

Анна (*изриво*). У меня тоже!

Федя. Врет!

Черметов. Проверим!

Федя. Чему ты радуешься, глупая королева? Безголосый балбес будет орать под фанеру какую-нибудь чепуху... «Киска моя, я твой хвостик!»

Анна. Ну и не ходи!

Федя. Не-ет! Я пойду, буду слушать и презирать!

За окном с визгом взвиваются первые гроздьи фейерверка.

Черметов. Начинается! Все во двор!

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Все бросаются к выходу. Черметов в суматохе удерживает за руку Светлану. Они остаются вдвоем, если не считать Ванечку. Его лицо искажено ужасом. Некоторое время они стоят молча, смотрят на фейерверк за окном. Черметов хочет развернуть Ваню так, чтобы и ему были видны грозди огней.

Светлана. Не надо! Он боится этого...

Она затыкает Ване руками уши — его лицо успокаивается.

Черметов. А ты?

Светлана. Мне все время кажется, вот сейчас ты засмеешься и скажешь, что это просто жестокий розыгрыш.

Черметов. Зачем ты вспомнила про ту драку?

Светлана. Захотелось почему-то...

Черметов. Я ведь для тебя тогда с Ванькой подрался.

246 Чтобы ты не думала, будто я трус.

Светлана. А ты не трус?

Черметов. Нет, не трус. Раздевайся!

Светлана. Значит, это не розыгрыш. Тогда дверь запри!

Черметов запирает дверь. Она отнимает руки от ушей инвалида и расстегивает блузку. Лицо Вани снова искажается ужасом.

Светлана. Закрой балкон! Видишь, ему плохо!

Черметов. Сейчас ему будет хорошо! *(Закрывает, в комнате становится тише.)* А почему ты даже не спрашиваешь, зачем мне это нужно?

Светлана. Ты уже объяснил, что хочешь посмотреть на свою голую сорокалетнюю одноклассницу.

Черметов. Да, хочу!

Светлана. Чермет, я не виновата, что твоя жена спала с этим... Гуковским.

Черметов. Виновата. Раздевайся!

Светлана. Ну что ж, смотри... *(Продолжает раздеваться.)*

Черметов *(оценивая)*. А ты еще очень даже ничего! *(Разворачивает Ванечку.)* Ванечка, гляди, как наша с тобой Светочка хорошо сохранилась! Улыбается!

Светлана. Я рада, что не разочаровала тебя. Чего ты еще хочешь?

Черметов. Всего!

Светлана. Хорошо. Пойдем в спальню!

Черметов. Нет, здесь! При нем!

Светлана. Хорошо, при нем...

Снова поворачивает Костромитина лицом к окну.

Черметов. Нет, чтобы он видел!

Чермет разворачивает кресло с Ванечкой.

Светлана. Чермет, ты — извращенец?

Черметов. Ну, почему же? Может, я хочу дать Ванечке шанс!

Светлана. Какой еще шанс?

Черметов. Последний! Я недавно по телевизору видел: жена привела домой любовника, а муж у нее такой же никакой, после аварии. И что ты думаешь? Увидел соперника, очнулся, вскочил... Потом, правда, опять вырубился. От огорчения. Может, и Ванечка... если увидит... А?

Светлана. Ну, ты и скотина!

Черметов. Почему же? *(Подходит, обнимает ее, целует в шею.)* Разве ты не хочешь вылечить Ванечку?

Светлана. Они сейчас вернутся...

Черметов. Нет, не вернутся. Фейерверк еще не кончился. А потом будет концерт звезды. Все соседи откроют окна, выбегут на улицу, не веря своему счастью! Деньги, конечно, жуткая дрянь, но на них можно купить счастье... для других. Помнишь, как мы во дворе орали под гитару. *(Поет.)*

Птица счастья завтрашнего дня
Прилетела крыльями звеня.
Выбери меня, выбери меня,
Птица счастья завтрашнего дня!

Светлана. А на тебя с балкона водой плеснули? Чтобы спать не мешал.

Черметов. А попали на бедную Светочку. Ты была в такой беленькой кофточке, тоненькой. Кофточка сразу стала прозрачной, как стекло. И я увидел, что у нашей отличницы есть тело. Настоящее. Женское. Красивое. Ты засмушалась, покраснела, как первомайский шарик, и убежала домой — переодеваться. А грудь у тебя с тех пор почти не изменилась! *(Гладит ее грудь.)*

Светлана. Все изменилось. *(Кивает на Ванечку.)* А он тогда, между прочим, отвернулся.

Черметов. Ну, Ванечка, что же ты теперь не отворачиваешься?

Светлана. А ты все смотрел, смотрел, смотрел... Я хотела тебя возненавидеть. Но почувствовала совсем другое.

Черметов. Что же ты почувствовала? *(Снова обнимает и целует ее.)*

Светлана. Это нельзя объяснить. Но именно этим объясняется то, что потом с нами случилось.

Черметов *(целует ее в шею)*. Ты умная! Ты строгая. Ты чистая. Я именно о такой мечтал. Если бы ты меня не предала, я бы сегодня был совсем другим. Как ты думаешь, Ванечка видит сейчас, что мы делаем? А?!

Светлана. Чермет, ты кому хочешь отомстить — ему или мне?

Черметов. За что мстить Ванечке? Он святой теловечек. Таким и останется. Или нет? Погоди, кажется, пошевелился? Неужели очнулся? *(Подходит ближе, глядывается.)* Нет, померещилось...

Светлана. Значит, ты мстишь мне?

Черметов. Да, тебе! И ты отлично знаешь за что! Ну, давай, давай — пока ты разделась только на половину того, что занял твой Павлик.

Светлана. Чермет, не надо! Ты же на самом деле не такой!

Черметов. Ах, ты даже еще помнишь, какой я на самом деле?

Светлана. Помню...

Черметов. Значит, помнишь? Ну, Ванька, смотри, что сейчас будет!

Валит ее на пол.

Светлана. Отпусти!

Она вырывается, вскакивает, прячется за коляской с безучастным Иваном.

Черметов. Сейчас он восстанет и спасет тебя! *(Трясет афганца.)* Ну, вставай! Нет, не спасет. Может, он тебя, Светик, не очень-то и любил? Просто приехал в отпуск, отдохнул. Иногда так смешно бывает...

Светлана. Что тебе смешно?

Черметов. Ну, когда въезжаешь в отель, тут же звонят, спрашивают: «Молодой человек, не хотите с девушкой

отдохнуть?» А разве с женщиной отдыхают? С настоящей женщиной работают, вкалывают! До седьмого пота, до кровавых волдырей на сердце! Светик, а давай по-другому... Ты с Ванечкой попробуй! Потормоши героя! Вдруг ему как раз этого для жизни не хватает? Я отдельно заплачу. А?

Светлана подходит и бьет Черметова по лицу.

Черметов. Ай, как больно!

Светлана. Не надо мне твоих денег! Какая же я дура!

Черметов. О дочери подумай!

Светлана. Я о ней и подумала!

Светлана хватается свою одежду, выбегает из квартиры.

Черметов. Куда? Сама же вернешься!

В открытую дверь врывается шлягер. Чермет нервно ходит по комнате, потом гневно оборачивается к Ивану, лицо которого от шума снова сделалось плаксивым.

Черметов. Доволен? Ты всегда был первым. Но с ней был первым я. Я! Ну, почему тебя не шарахнуло на месяц раньше? Зачем ты в отпуск приперся? Молчишь, героический баклажан? Ну и молчи! Я ее найду. Приведу! Понял? Ты увидишь! Все увидишь! *(Вдруг словно спохватившись, вынимает телефон, набирает номер.)* Анвар, срочно бери людей и езжай на квартиру к Погожевой... Да, туда... Там девчонка. Ольга. Привезешь сюда, но из машины не выпускать. Работай! *(Костромитину.)* Вот так вот, Ванечка!

Черметов выходит из квартиры. Ванечка сидит неподвижно. Только блики от цветомузыки играют на его плачущем лице. Появляется отец Михаил, прикрывает дверь — музыка стихает. Он подходит к Ванечке, крестится, садится рядом с ним.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Отец Михаил. Не могу смотреть на этот срам... Нравится! А не должно нравиться! Грех! Знаешь, Ванечка, грешен я. И все как-то мелко грешен. На прихожанок молоденьких заглядываюсь, а одна, взыскующая, ко мне все ходит, мол, растолкуй, отец Михаил, что имел в виду Спаситель в притче про пятерых мудрых невест, которые с одним женихом на брачном пиру затворились? Говорю: аллегория это! А взыскующая не унимается: аллегория чего? А кто ж знает? Я экзамены перед рукоположением экстерном сдавал. Все хочу в толкование заглянуть, да недосуг: служу каждый день да храм ремонтирую. Деньги вот у Чермета на ремонт взял. Да и себе толику оставил. Что, Ванечка, делать? Матушка сердится, мол, детей в школу как положено одеть не на что. Были бы у тебя дети, ты бы меня понял! А ведь есть, Ванечка, люди безгрешные, как ангелы. Я недавно в храме бумажку скомканную нашел. Прихожанка, видно, к исповеди грехи свои припоминала. И под циферкой «один», значит, написала: гневалась на кошек. А под циферкой «два» — ничего. Пусто! Понимаешь?! Она гневалась на кошек — и все! И все, Ванечка! Тебе-то хорошо: нет соблазна — нет и греха...

Возвращается заплаканная Светлана. Она успела одеться.

Светлана. А где Чермет?

Отец Михаил. Не знаю. Наверное, концерт слушает. Что с тобой сегодня, матушка моя? Присядь! Успокойся! Расскажи...

Светлана. Отец Михаил... Ми-иша, я не знаю, что мне делать...

Отец Михаил. А что случилось? Чего от тебя Чермет хочет?

Светлана. Этого я даже тебе не могу сказать.

Отец Михаил. Не можешь — не говори. А чего тебе от Чермета надо, можешь сказать?

Светлана. Павел деньги занял. Большие. Под проценты. Хотел бизнес начать...

Отец Михаил. М-да, сказано во «Второзаконии»: «Не давай в рост брату своему ни серебра, ни хлеба... Иноземцу отдавай в рост, а брату своему не отдавай».

Светлана. Значит, мы для них иноземцы. А Павел уехал, спрятался. Мне теперь надо долг отдавать. Денег нет.

Отец Михаил. Как это Павел спрятался — от жены с дочерью?

Светлана. Миш, понимаешь... Ольга не его дочь.

Отец Михаил (*присвистывает от удивления, крестится*).
А чья?

Светлана. Не важно... Сейчас не важно.

Отец Михаил. Как это не важно! Ну, ты, отличница, даешь! В тихом омуте, прости Господи... Ты что ж, с пятью женихами на брачном пиру затворялась?

Светлана. С какими женихами? Не понимаю!

Отец Михаил. Ладно, это — аллегория. Павлик-то знает?

Светлана. Конечно. Я за него уже беременная выходила. Мы с ним в Москве на одном курсе учились. Влюбился в меня. Но я ему сразу сказала: у меня парень в Афгане — и я его жду. А Павел все равно надеялся...

Отец Михаил. Свет, дело прошлое, ты мне в седьмом классе тоже очень нравилась. Но я и в мыслях ни-ни. Все ведь знали, что вы с Ванечкой...

Светлана. А откуда все знали-то?

Отец Михаил. Ну, как же, вы с первого класса...

Светлана. Ясно! Два учительских идеала нашли друг друга. Знаешь, Миш, что крепче всего держит вместе мужчину и женщину? Нет, не постель, не привычка и даже не дети. А то, что все вокруг уверены, будто эти двое созданы друг для друга.

Отец Михаил. А разве вы не были созданы друг для друга?

Светлана. Кто же теперь скажет? Для этого надо годы вместе прожить. А я прожила их совсем с другим мужчиной, который оказался...

Светлана. Нет, не устроится. Знаешь, когда я помогаю Евгении Петровне мыть Ванечку и гляжу на него... мне становится страшно и смешно от мысли, что это то самое тело и что мы с ним... Как там у вас говорится, были «единой плотью»...

Отец Михаил. «И прилепится жена к мужу, и станут они еди-на плоть...» Это у вас еще до армии началось или когда он в отпуск приезжал?

Светлана. В отпуск. А я домой на каникулы...

Отец Михаил (*грозит пальцем Костромитину*). Ой, какой озорник! Смотри, Свет, вроде он улыбнулся!..

Светлана. Тебе показалось.

Отец Михаил. Значит... Слава тебе Господи! Зачем же ты от Евгении Петровны столько лет скрывала? Счастье-то ей какое! Внучка. Продолжение рода Костромитиных!

Светлана. Нет, Миш, все гораздо хуже... Грешней!

Отец Михаил. Не понял... Почему? Обоснуй!

Светлана. Потому что сначала провозжали в Афган Чермета. Помнишь?

Отец Михаил. Ох, я тогда и напился, прости Господи! Отец его, Семен Иванович, мне все подливал. Крепок был! Пил как дышал.

Светлана. Я тоже выпила. Чермет пошел меня провожать. А родители мои на дачу уехали. Ванька, прости меня, дорогой! (*Подходит, целует его посветлевшее лицо, обращается к нему.*) Я тобой восхищалась, я верила, что мы будем вместе, но с тобой голова у меня не кружилась. А с ним закружилась! И я ничего не смогла с собой поделать. Ничего! Это оказалось сильней меня...

Отец Михаил. Ух, ты! Надо же... Ванечка, надеюсь, об этом не узнал?

Светлана. Узнал...

Отец Михаил. Неужели Чермет, гад, растрепал?

Светлана. Нет, я сама Ванечке рассказала...

Отец Михаил. Зачем? Да разве так можно!

Светлана (*с усмешкой*). Соврешь — умрешь. Ванечка через неделю после Чермета приехал. Евгения Петровна нарочно к подружке ушла, чтобы нас вдвоем оставить. Я не хотела... Но он был такой нервный, нетерпеливый. Даже грубый. Он очень изменился. Все про войну рассказывал, про убитых товарищей... Я осталась. Думала, если любит, простит. Не простил. Потом всю ночь я плакала, а он молчал. А на следующий день сразу уехал. Сказал, срочно в часть вызвали. Если бы он весь свой отпуск пробыл, как положено... Понимаешь, Миша?

Отец Михаил. Теперь понимаю.

Светлана. Это я виновата в том, что он...

Отец Михаил. Не вини себя! Как же ты с такой тяжестью жила-то? Пришла бы, исповедалась, легче стало бы...

Светлана. Стыдно же!

Отец Михаил. Стыдно? Ко мне убийцы ходят. Такое рассказывают!

Светлана. А я и есть убийца! Ванечка уехал. Ни строчки от него. А от Чермета каждый день по конверту. Я рвала не читая. Написала ему только, чтобы забыл обо всем. Вдруг позвонили из военкомата, сказали: Ванечка тяжело ранен. Мы полетели с Евгенией Петровной в Термез, в госпиталь. И я его увидела... вот такого... Мне стало плохо, затошнило... В общем, я поняла, что беременна. Хотела сначала избавиться от ребенка. А потом подумала: вдруг все-таки — Ванечкин?

Отец Михаил. Да-а, Светка, удивила ты меня! Я на исповеди разное слышу. Чего только не бывает с людьми. И, понимаешь, давно заметил: в такие вот истории почему-то чаще всего влипают отличницы вроде тебя. Просто какая-то женская загадка!

Светлана. Никакой загадки. Не надо быть отличницей.

Отец Михаил. Погоди, а Чермет? Вдруг это его дочь?.. Ты же могла...

Светлана. Не могла! Ну, какой, какой после всего случившегося Чермет? Вы бы на меня пальцем показывали!

Светлана. А тут снова Павел... Умолял выйти за него, клялся, что будет самым лучшим отцом. Своим родителям сказал, что ребенок его.

Отец Михаил. Благородный поступок!

Светлана. А потом проболтался. Они обиделись, отказали от дома. Мы после института сюда перебрались — к моим. А здесь никто ни о чем и не догадался. Ну, приехала из Москвы с мужем и дочерью...

Отец Михаил. Евгения Петровна на тебя только сильно обиделась...

Светлана. Простила. А Павел поначалу даже радовался, говорил: Россия живет провинцией. Знаешь, Миш, есть люди, которым нельзя совершать благородные поступки. Они от этого опустошаются. С ним так и получилось. Меня он разлюбил. Не сразу, конечно... Ольгу так и не полюбил. А ведь я была ему верной женой. Даже чересчур верной...

Отец Михаил. У апостола Павла сказано: «Каждый имей свою жену и каждая имей своего мужа, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим...»

Светлана. Миш, ты помнишь нашего историка?

Отец Михаил. Рабкрин? Конечно!

Светлана. А помнишь, почему мы его так прозвали?

Отец Михаил. Он чуть что сразу на Ленина ссылался и чаще всего на статью «Как нам реорганизовать Рабкрин?».

Светлана. Так вот ты мне сейчас этого нашего Рабкрин напоминаешь.

Отец Михаил. Ну, ты скажешь тоже, матушка! Нет, правда, что ли?

Светлана. Извини, похож.

Отец Михаил. Обдумаю. А Рабкрин в 93-м умер. От огорчения.

Светлана. Ты-то откуда знаешь?

Отец Михаил. Его в нашем храме отпевали. Я тогда уже пономарем служил. Родственники сказали: смотрел по телевизору расстрел Верховного Совета — и не выдержало сердце...

Светлана. А я вот, Миша, выдержала. Прожила с Павликом почти двадцать лет. Люди, которым плохо вдвоем, почему-то больше всего страшатся одиночества. Но, ты думаешь, Павлик не мог мне забыть чужого ребенка? Нет! Знаешь, чего Павел не смог мне простить по-настоящему?

Отец Михаил. Чего?

Светлана. Того, что я его из Москвы увезла. Если бы он там остался — говорил — у него бы вся жизнь по-другому пошла.

Отец Михаил. По-другому? Сомневаюсь. У Афанасия Великого... Хм... Неважно... Свет, а может, тебе генетическую экспертизу сделать?

Светлана. Ага, чтобы весь город потом судачил: завуч 13-й школы Погожева выясняет, от кого она двадцать лет назад родила.

Отец Михаил. Ну, конечно, это ведь надо Чермета и Ванечку привлекать. Не скроешь. Мд-а, ситуация... Ну, а все-таки, Свет, неужели ты сама не чувствуешь, чья Ольга дочь? Ведь есть же какая-то женская интуиция!

Светлана. Интуиция? Ты, батюшка, посмотри сначала на Ольгу, а потом на Ванечку, а потом на Чермета. Вот тебе и вся интуиция!

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вбегает Черметов в сопровождении охранников. На какое-то мгновение становится слышна очередная песня. Он кивком приказывает закрыть дверь.

Черметов (*Светлане*). Ах, вот ты где? (*Охранникам*.) Всем — отбой!

Охранники, переглядываясь и жестами показывая друг другу, что шеф не в себе, уходят.

Отец Михаил (*смотрит на него внимательно*). А где же нам быть, грешным?

Отец Михаил. Любуюсь.
Черметов. Вы что здесь делаете?
Отец Михаил. Гневаемся на кошек.
Черметов. На каких еще, к черту, кошек?
Отец Михаил. Это так, аллегория...
Черметов. Не до аллегорий! (*Светлане.*) А тебя, между прочим, все ищут! Я уже начальника охраны уволил.
Светлана. За что?
Черметов. За то, что не заметили, как ты из подъезда вышла!
Светлана. Я из подъезда не выходила. Поднялась этажом выше, поплакала и вернулась...
Черметов. Зачем вернулась?
Светлана. Ты сам знаешь зачем!
Черметов. Миш, пойдика послушай концерт!
Светлана. Отец Михаил, прошу тебя, не уходи!
Отец Михаил. Вить, «не зачинай в сердце своем грех и не породжай чад беззакония!»
Черметов. Какие еще чада? Что ты мне голову морочишь?! Тяблов, ты храм ремонтировать собираешься?
Отец Михаил. Господь милостив, может, трубы еще зиму и продержатся.
Черметов. А я вот сейчас благочинному позвоню и расскажу, как тебе уже два раза на ремонт давал. Где деньги, падре?
Отец Михаил. Так ведь стройматериалы втрое подорожали.
Черметов (*достает телефон*). Втрое, говоришь?
Отец Михаил (*с вызовом*). Звони, звони, Виктор Семенович! Потом вместе покаемся.
Светлана (*устало.*) Ладно, Миш, иди! Мы люди взрослые — разберемся.
Отец Михаил. Когда разбираться будешь, не о себе, о дочери своей думай! Она теперя главная...

*Отец Михаил крестит Светлану и уходит. Снова
доносятся звуки концерта.*

Черметов. Ты что, ему все рассказала?

Светлана. Исповедовалась.

Черметов. Зачем?

Светлана. А-а, стыдно стало! Не рассказала. Не бойся! Мне самой до тошноты стыдно. Ну что, одноклассник, продолжим вечер воспоминаний!

Светлана начинает раздеваться.

Черметов. Погоди! Не надо!

Светлана. Почему ж не надо? Надо, Чермет! Мне очень нужны деньги.

Черметов. Не думай больше об этом!

Светлана (*продолжая раздеваться*). Тогда, может, хоть Ванечку оживим. Посмотри, как он?

Черметов. А меня ты не хочешь оживить?

Светлана. Тебя? А это еще возможно?

Черметов. Возможно! Знаешь, что со мной было, когда ты написала: «Все случившееся — ошибка. Я люблю Ванечку». Знаешь? Хорошо, в учебке нам оружия в караул не давали, а то бы меня раньше Ваньки привезли. И не теловеком, а трупом в цинке. Я же без тебя не мог! Совсем не мог, понимаешь?

Светлана. Ты и без королевы не мог! В раздевалке...

Черметов. Да при чем здесь королева? При чем здесь раздевалка?! Ты мне была нужна. Ты! Я и в Афгане-то выжил для того, чтобы вернуться и посмотреть тебе в глаза!

Светлана. Поэтому, когда вернулся, Аньку замуж позвал!

Черметов. А кого звать? Тебя? Ты — в Москве, с мужем и ребенком. Анька для меня всегда была... протезом. Вроде того, что этот майор приносил. А что мне оставалось? Ты же с самого начала была для Ванечки. Ах, какая пара! Ах, они созданы друг для друга! Я привык. Смирился. И вдруг ты дала мне надежду! И какую надежду! Зачем? Скажи мне, зачем?!

Черметов. Пьяна? Ерунда! Ты этого хотела! Я это сразу понял. Мы, мы с тобой были созданы друг для друга! Почему ты меня не дождалась? Почему? Я бы на тебя молился. И как Пашка никогда бы с тобой не поступил!

Светлана. А как он со мной поступил?

Черметов. Как? Ты хоть знаешь, зачем Павлик занял столько денег?

Светлана. Хотел заработать. Затеял бизнес. Я же объясняла. Ему стыдно было, что мы так плохо живем.

Черметов. Неужели? Перед кем же?

Светлана. Передо мной, перед дочерью...

Черметов. Беденькая моя одноклассница! Никакого бизнеса у Павлика нет и никогда не было. Зато у него есть вторая семья. В Москве. Юная подруга и ребеночек. Вот такусенький. Деньги он взял для них! Больно?

Светлана (*закрывшись как от удара*). Нет. Не очень...

Черметов. А должок свой он на тебя оформил!

Светлана. Откуда ты знаешь?

Черметов. Знаю... Но ты-то о чем думала, отличница?

Светлана (*растерянно*). Так многие делают. На жен оформляют...

Черметов. Правильно. Многие. У меня тоже вот на бывшую жену кое-какое имущество было оформлено. Поэтому она сейчас в полном порядке. Имущество, а не долги. Разница, надеюсь, понятна?

Светлана. Понятна...

Черметов. И квартира ведь на тебя записана. Так?

Светлана. Так. Она же родительская...

Черметов. Ты понимаешь теперь, что он просто отдал тебя с дочерью бандитам?

Светлана. Ничтожество...

Черметов. Я знаю, где он.

Светлана. Откуда?

Черметов. Знаю. Хочешь, его привезут сюда? Я поставлю его на колени перед тобой и заставлю лизать твои туфли.

Светлана. Ты бы лучше Гуковского заставил...

Черметов. Да не взрывал я его! Не взрывал! Меня подставили.

Светлана. Я верю тебе, Чермет! Ты добрый.

Черметов. Ну, привезти Пашку? *(Достает телефон.)*

Светлана. Ты лучше Ольгу сюда привези!

Черметов. Зачем?

Светлана. Узнаешь. Ты сегодня многое узнаешь интересного!

Звонок мобильного телефона.

Черметов *(в трубку)*. Что? Пусть еще поет. Заплати, сколько просит!

Светлана. Не разоришься?

Черметов. Я? Нет. У меня много денег. Кстати, твой долг я уже вернул. Ни о чем не беспокойся.

Светлана. Спасибо, Чермет, ты настоящий друг! Дай, пожалуйста, телефон. *(Набирает номер, напрасно ждет ответа, начинает нервничать.)* Странно, очень странно! Я же сказала ей никуда не выходить... Что-то случилось? Ты же обещал послать своих людей!

Черметов. Не бойся, все нормально — ее уже везут сюда.

Светлана. Ну ты даешь!

Черметов. Да, Светочка, да! Вот так бы мы и жили: ты еще не успела попросить, а я уже выполнил твоё желание. Представляешь? А то ли еще будет! Когда к деньгам добавляется власть, можно землю перевернуть!

Светлана. Вот вы и перевернули. Вместе с нами. И все мы теперь ходим вниз головой. А откуда ты все-таки знаешь, что долг оформлен на меня?

Черметов. Я же объяснил.

Светлана. Нет, не объяснил!

Черметов. Я скажу, но ты ведь тоже мне что-то хотела сказать. Интересное.

Светлана. Ты первый. Но помни: соврешь — умрешь!

Черметов. Ну, если все так серьезно! Ладно... Мочи-лаев — мой человек. Я с самого начала все знал.

Светлана. Ты... знал? Значит, все это... устроил ты!

Черметов. Да, я очень хотел тебя наказать.

Светлана. За что? За ту ночь? За мое несчастье?

Черметов. За то, что ты меня предала!

Светлана. Я себя предала. И Ванечку погубила... Знаешь, Чермет, а ведь это ты взорвал Гуковского. Ты и со своей бывшей женой что-нибудь сделаешь, как только власть получишь...

Черметов. Не говори ерунду! Я бы его по-другому наказал. Не так шумно.

Светлана. Ну, почему же? Ты ведь любишь, как моя Ольга говорит, зажигать! Ну, где же она?

Светлана распахивает балконную дверь, смотрит вниз. Как раз заканчивается популярная песня. Гром аплодисментов во дворе.

Голос певца. Спасибо, друзья! Как я люблю ваш прекрасный город на великой русской реке! А сейчас я хочу пригласить на сцену человека, который сделал невозможное — подарил вам мой концерт. Это кандидат в мэры, ваш земляк, можно сказать, ваш одноклассник... Встречаем: Виктор Черметов!

Аплодисменты. Крики.

Светлана (*вернувшись с балкона*). Чермет, ты гений! Все в одном флаконе: и сладкая месть, и встреча одноклассников, и выборы... Я тобой горжусь!

Черметов. Нет, понимаешь, я не специально... Так получилось!

Светлана. Отлично получилось! Иди — тебя ждут избиратели!

Черметов. Я скоро вернусь. Скажу им какую-нибудь ерунду и вернусь. А ты оденься! Сейчас привезут твою дочь...

Светлана. Твою дочь.

Голос певца. Виктор Семенович, мы вас ждем!

Черметов. Что-о? Ты что сказала?

Светлана. А ты как думал? Испортил отличницу — и никаких следов!

Черметов. А Павел?

Светлана. Час убавил...

Черметов. Так... Стой! Теперь понятно, почему он тебя кинул. Теперь все — логично... У меня дочь! *(Хватает ее за плечи.)* А знаешь, я, когда ее сегодня увидел, у меня внутри что-то дрогнуло!

Голос певца. Ну, где же вы Виктор Семенович? Давайте все хором: Чер-мет-ов! Чер-мет-ов!

Толпа за окном подхватывает. Раздается звонок мобильного.

Черметов *(в трубку)*. Сейчас. Иду! Выпусти пока Аньку Фаликову. ...Кого-кого! Королеву красоты. Областную. *(Тихо, отвернувшись.)* Привезли? Приведите сюда. Вежливо.

Светлана. Смотри-ка, все пригодились. Даже королева. А ты говорил — протез. Пусть еще и Федя стихи прочтет!

Черметов. Так вот из-за чего ты замуж выскочила! Но почему мне сразу не сказала? Ведь все, все было бы по-другому! Светка! Почему?

Светлана. Мне перед ним было стыдно!

Она кивает на Ванечку. Черметов обнимает ее и крепко к себе прижимает, долго не отпуская. Это даже начинает казаться взаимностью.

Голос певца. Сейчас на сцену выйдет друг и соратник Виктора Семеновича — Анна Фаликова. Королева красоты! Встречаем!

Светлана *(освобождаясь от его объятий)*. Иди, кандидат! Королева долго не продержится...

Аплодисменты. Крики.

Голос Фаликовой. Голосуйте за Виктора Черметова! Он знает, как жить! Ур-р-ра-а-а!

Черметов. Я сейчас... я быстро... *(Уходит и тут же возвращается, наклоняется к Ванечке.)* Моя дочь. Понял? Моя! *(Убегает.)*

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Светлана (*подходит к Ванечке*). Я должна была ему это сказать, Ванечка! Прости! Ну, что ты на меня так смотришь? Да, я плохая... Очень плохая женщина. Но знаешь, как мы все эти годы жили? Ольгу еле подняла. Пусть хоть у нее будет по-другому. Я знаю, о чем ты молчишь. Грязные деньги счастья не приносят! Приносят, Ванечка, оказывается, приносят! Счастье покупают почему-то именно за грязные деньги. И если не себе, то уж детям точно. А за честные деньги, мой милый герой, можно купить только интеллигентную нищету. И это, Ванечка, главное, что я поняла за эти проклятые годы... Ты улыбаешься? Почему?

Телохранители вводят Ольгу. Все трое некоторое время смотрят на полураздетую Светлану. Охранники с интересом, девушка с изумлением.

Ольга. Мама! У вас здесь групповой фитнес?

Светлана. Да что же это?! Да как же это...

Она спохватывается, прикрывается. Телохранители неохотно уходят.

Ольга. Я не догоняю, что случилось? Столько народу во дворе! (*Замечает Ванечку, разглядывая, щелкает перед его лицом пальцами.*) Ух, ты! (*Смотрит на портрет.*) Это и есть твой афганец? И сколько он уже так кемарит?

Светлана (*одеваясь*). Да, это наш Ванечка...

Ольга. А в молодости он ничего был! (*Теряет к нему интерес.*) Кстати, кто эти гоблины, которые меня привезли? Тачка, конечно, у них крутая, но фейсы кислотные. Всю дорогу ждала — сейчас скажут: «Это похищение!» Ну, думала: продадут в гарем — оттянусь!

Светлана. погоди! Оленька, будь серьезной, хоть сейчас! Это очень важно!

За окном слышен голос Черметова, усиленный микрофоном.

Черметов. Дорогие земляки! Я вырос в этом дворе и потому мне особенно приятно, что сегодня здесь собрались люди, которые знают меня с детства, с которыми я мужал, вступая в трудовую жизнь...

Ольга. А-а, у вас тут митинг! Кого впаривают пиплу?

Светлана закрывает балконную дверь. Голос Чермета теперь еле слышен.

Светлана. Оля, дочка, послушай! Я перед тобой очень виновата...

Ольга. Да ты что?! Это прямо какие-то новые песни о главном...

Светлана. Не перебивай! Прошу... Мне тогда было столько же, сколько сейчас тебе. И я просто запуталась, растерялась...

Ольга. Пока, мама, запуталась я. Соберись! Представь, что занимаешься с отстающим дебилом. Подлежащее — сказуемое. Ну, давай!

Светлана. Оля, твой отец — не твой отец...

Ольга. Неслабое подлежащее! Можно не падать в обморок? Я это знаю.

Светлана. Ты? Откуда?

Ольга. Оттуда! Или ты думаешь, за моей партией плохо слышно? Ладно, с подлежащим разобрались. Теперь сказуемое. И кто же фирма-производитель?

Входит Борис с видеокамерой.

Светлана. Тебе чего?

Борис. Чермет сказал, с тобой посидеть.

Светлана. А ты у него теперь на побегушках?

Борис *(показывая камеру)*. Я у него теперь пресс-секретарь.

Светлана. Липа, уйди, мне с дочерью поговорить надо!

Борис. Говори, я не слушаю. *(Затыкает уши.)*

Ольга. Липа? Какое странное у дяденьки имя!

Светлана. Это не имя. Это диагноз...

Светлана берет Ольгу за руку и уводит в «запроходную» комнату, закрыв за собой дверь. Липовецкий сначала прислушивается. Потом подходит к неподвижному Костромитину.

Борис. Вань, смотри, обиделась твоя отличница! Зря. В России все такие обидчивые! Это потому, что в эмиграции не были. Там обижаться не на кого, только на себя. Я вот не обижаюсь, что ресторан наш прогорел. Ну, не ресторан... Забегаловка... «Борщ и слезы» называлась. Это еще мама покойная придумала. Наверное, потому, что не хотела уезжать из России. А газету мы с отцом в самом деле издавали. Раз в месяц. Сто экземпляров. Постоянным клиентам дарили. Не помогло. Жена моя Оксана — ну ты помнишь, она в нашей школе классом моложе училась — на почте теперь работает. Два сына у нас. Старший, Марк, еще здесь родился. И знаешь, у него улыбка абсолютно русская. Да, русская! Чего ты удивляешься! А у младшего, Володьки, совершенно австралийская. Вот такая! *(показывает)* Но Марк не хочет возвращаться в Россию! А мы с женой хотим. И папа тоже очень хочет. Он переживает, что без него у вас в России демократия не туда завернула...

Шумно, обсуждая концерт, входят Евгения Петровна, отец Михаил, Фаликова с цветами, Федя. Впереди Черметов с огромным букетом цветов.

Евгения Петровна. Какой концерт! Спасибо, Витенька!

Федя. Пчелка моя, я твой трутень! Тьфу!

Анна *(виснет на Чермете)*. Вить, а правда мы с тобой на сцене хорошо смотрелись? Все потом интересовались, спрашивали: кто я тебе?

Черметов. Им же ясно сказали: соратница.

Анна. А как я выглядела в короне? *(Прикладывает корону к прическе.)*

Федя. Как принцесса Диана. После катастрофы...

Анна. Я тебя убью, стихоплет несчастный!

Борис (*снимая их на камеру*). А что, босс? Сильный предвыборный ход: одноклассники — король чугуна и королева красоты — находят друг друга через двадцать лет! Делаем ролик для телевидения...

Черметов. Где Светлана?

Борис. Там...

Черметов. Позови! Быстро!

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Борис зовет. Из комнаты выходят Светлана и Ольга. Отец Михаил переводит взгляд с Ольги на Ванечку и Черметова.

Евгения Петровна. Девочки, что с вами?

Светлана (*смотрит в глаза Черметову*). Все хорошо! Все хорошо...

Евгения Петровна. Оленька! Что стряслось?

Ольга. Ничего. 425-я серия «Санта-Барбары».

Ольга, не отрываясь, глядит на Черметова. Евгения Петровна перехватывает ее взгляд.

Евгения Петровна. Витенька, что случилось? Ты хоть объясни!

Черметов (*радостно*). Случилось! Стряслось! Сейчас Светлана все вам объяснит. Говори! (*Весело.*) Соврешь — умрешь!

Все с недоумением смотрят на Светлану. Она молчит.

Ольга. Мама, ну! Подлежащее... Сказуемое...

Светлана (*через силу*). Я давно должна была это сказать. Я скрывала. Я думала, так будет лучше для всех. Я ошибалась... Но теперь я поняла и я хочу, чтобы все знали... Мой муж... бывший... Павел... не отец Ольге...

Федя. Как же это так, белоснежная ты наша?

Анна (*сделав характерный жест*). Ес-с! Так я и знала!

Евгения Петровна (*опускаясь на стул*). А кто же отец?

Светлана. Оля... моя Оля — дочь Ванечки. Моего любимого, единственного Ванечки!

Ольга (*визжит*). Мама, ты что, с мозгами поссорилась?

Светлана. Замолчи! (*Светлана с плачем опускается на колени перед Костромитиным, на его лице выражение ужаса.*) Прости меня, Ванечка... Прости! Знаешь, как трудно было с этим жить! Но теперь все, все... (*Плачет.*)

Евгения Петровна. Господи! Услышал! Мишенька, он услышал!

Целует руки священнику. Тот удивленно смотрит на Светлану.

Отец Михаил. Вот вам и чудо Господнее!

Черметов. Это не чудо, а вранье!

Светлана. Это правда!

Черметов. Но ты же сама...

Светлана. Я тебе лгала. Из-за денег...

Борис. Евгения Петровна, требуйте генетическую экспертизу! У нас в Австралии...

Евгения Петровна. Да зачем же, Боренька, экспертиза-то? Я и без экспертизы от счастья сердца не чую! Внушенька, внушенька...

*Обнимает, целует растерянную Ольгу,
которая все время озирается то на мать, то на Черметова.*

Черметов. Да, срочно нужна экспертиза! Я сейчас позвоню начальнику Облздрави! (*Вывхватывает телефон.*) Ольга не его дочь!

Евгения Петровна. А чья же еще, Витенька?

Отец Михаил. Не надо, Чермет, звонить! Я про это давно уже знаю.

Черметов. Ты? А почему молчал?

Отец Михаил. Тайна исповеди. Слышал про такую? (*Подходит к Костромитину.*) Ванечка, посмотри, это твоя дочь! Оленька, подойди к отцу!

Анна. Ну, просто как две капли!

Ольга медленно неуверенно, оглядываясь на Черметова, подходит к неподвижному Костромитину.

Евгения Петровна. Внучка, поцелуй папу!

Ольга качает головой и медленно пятится.

Федя. Ванька, очнись, у тебя дочь! Понимаешь ты, дочь! Сейчас. Ага! Вот...

В последний бой шагнул ты смело... э-э-э

Судьбу не в силах превозмочь.

Но вдалеке ...э-э-э... родное тело

Уже вынашивало дочь!

Ну, как?

Ольга. Пафосно!

Светлана. «Тело вынашивало...» — плохо.

Федя. Ну тебя! Сразу видно: учительница! Лучше налей! Счастье надо запить.

Борис (*снимает на камеру*). Какой информационный повод! Недвижный герой через двадцать лет обретает свою дочь. А ты им, босс, что-нибудь даришь к этому событию. Новую инвалидную, допустим, коляску... А? Делаем ролик для телевидения!

Черметов. Пошел вон, дурак! Ты уволен!

Борис (*в отчаянье*). За что?

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ

Раздается звонок в дверь. Евгения Петровна открывает. Входят майор Окопов и рядовой в сопровождении двух телохранителей.

Окопов. Виноват. Все разъяснилось. Теперь как положено... Боец!

Солдат бережно передает телохранителям красивую коробку, которая вдвое больше прежней. Те с предосторожностями распаковывают и достают оттуда протез ноги.

Окопов. То, что доктор прописал! Протез правой ноги. Новейшая модель. Титановый каркас. Сенсорное управление. Современные крепления. Голландия. Распишитесь в получении!

Отдает Евгении Петровне накладную. Идет с ногой к Ванечке.

Окопов (*подойдя к Ванечке*). А ну, герой, примерь! Зачем молчишь, воин?

Ольга (*дотронувшись до протеза*). Готика!

Евгения Петровна (*потрясая бумажкой*). Вы что — издеваетесь?

Борис (*снимая на камеру*). Дикая страна!

Ванечка неподвижен. Окопов, начиная догадываться о своей новой невольной оплошности, с опаской озирается, пятится.

Черметов взывает по-волчьи.

Черметов. Я тебе сейчас распишусь! (*Телохранителям.*) Дайте сюда протез!

Окопов. Прибор казенный...

Анна. Не давайте ему ногу! Он возбужден после митинга!

Один телохранитель хочет выполнить приказ шефа. Второй, указывая на нервное состояние начальства, препятствует.

Все это — жестами.

Черметов. Уво-олю!

Вырывает протез у телохранителей.

Федя. Ну, теперь будет настоящий фейерверк!

Отец Михаил. Витя, не «порождай чад беззакония»!

Черметов. Породил. Убью-ю!

Бросается на Окопова. Рядовой в ужасе падает на землю, накрывшись коробкой. Черметов бьет майора протезом.

Окопов (*закрываясь руками*). Отставить! Голландия!
Титановый каркас...

Светлана (охранникам). А вы что стоите! Он же покалечит!

Евгения Петровна. Охрана! Вяжите эксплуататора!

Охранники, обменявшись знаками, кидаются на шефа. Потасовка.

Черметов. А-а... Восстали!

Анна. Витя, не надо! Умоляю! У нас выборы! Рейтинг! Липа, выключи камеру, гад!

Борис (продолжая снимать). Я уволен, королева!

Черметов сражается с Окоповым и телохранителями. Анна вырывает камеру у Липовецкого и бросается на помощь кандидату в мэры. Феде, тоже попытавшемуся вмешаться, хорошенько досталось.

Ольга. Реально живут!

Федя (утираясь). Как у нас, в бомжатнике...

Светлана. Чермет! Господи, зачем? Миша, останови его! Что он делает?!

Отец Михаил (разводя руками). Гневается на кошек...

Во время драки все как-то забыли о Ванечке. От крика и грохота борьбы на его лице, повернутом к зрителю, сменяются одно за другим выражения безмолвного недоумения, отчаянья, ужаса... И вдруг он начинает хохотать. Все громче и громче. Его тело, ранее неподвижное, сотрясается в коляске. Услышав странный звук, все прекращают потасовку, оборачиваются на содрогавшегося героя и застывают, точно камня. А он все хохочет...

Конец

КАК БОГИ, или КИТАЙСКИЙ ДОМОВОЙ

Мелодрама в двух действиях

Действующие лица:

Вера Николаевна Гаврюшина, 39 лет, консультант по этикету.

Леонид Иванович Гаврюшин, 60 лет, ее муж, отставной дипломат.

Алена, их дочь, 20 лет, студентка.

Алевтина Мак-Кенди, 55 лет, первая жена Гаврюшина, в девичестве Чумина.

Максим, 35 лет, их сын, начинающий бизнесмен.

Артем Михайлович Бударин, 30 лет, самородок из Сибири.

Эдуард Никитич Непочатый, 60 лет, крупный бизнесмен.

Китаец, 2000 лет.

Действие происходит в Москве в недавнем прошлом.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Гостиная в просторной квартире. Много книг. Направо — двери в спальню и детскую. Налево — арка, ведущая в кухню-столовую. Прямо — застекленный выход в лоджию. Видна старинная липа, опустившая желтые ветви на ограду. Осень. На каминной полке стоят по ранжиру три сосуда на коротких ножках, позеленевшие от времени, а также фигурка пузатого Будды. В углу — красивая ширма, расписанная красочными драконами. В гостиной никого, кроме Китайца, осторожно стирающего пыль с сосудов. Одет он в длинный средневековый белый халат с широкими рукавами. Волосы собраны на затылке в пучок и скреплены старинной заколкой. (Автор лишь обозначает участие Китайца в сюжете. Остальное зависит от воображения постановщика и актеров.) С лоджии доносится разговор.

Голос Непочатого. Вера Николаевна, выходите за меня замуж!

Голос Гаврюшиной. У вас уже есть жена, Эдуард Никитич! Молодая.

С лоджи входят Гаврюшина и Непочатый. Они не видят Китайца. Но тот из конфуцианскй вежливости кланяется им и скрывается за ширмой.

Непочатый. Ну и что? Когда не можешь найти настоящую женщину, приходится жениться на молодых. Разведусь. Не впервой!

Гаврюшина. Ого! Даже так? Но ведь и я... как это там у Гоголя... в некотором роде замужем.

Непочатый. Бросайте вы к чертовой матери своего Гаврюшина! Зачем вам, такой наркотической женщине, пьющий бездельник?

Гаврюшина. Он не бездельник, он переводит великих китайских поэтов. Ли Бо, Ду Фу...

Непочатый. Фу! Какая же это работа?!

Гаврюшина. Надомная. И потом — мы венчаные.

Непочатый. Давно?

Гаврюшина. Еще при советской власти.

Непочатый. Ого! А разве тогда на его должности можно было?

Гаврюшина. Мы потихоньку, в сельской церкви...

Непочатый. Развенчают. У меня в Патриархии связи.

Гаврюшина. Если бы вы сказали, что у вас и на небесах связи, я бы не удивилась. Нет, от Леонида Ивановича я не уйду...

Непочатый. Тогда будьте мне любовницей! Многого не обещаю, но скучно не будет!

Гаврюшина. Не могу. Леонид Иванович обидится.

Непочатый. Не обидится. Куплю ему домик с видом на горы и воды. Какая разница, где водку хлебать и Ду Фу переводить. А мы с вами...

Гаврюшина. Интересно, сколько же вы мне в месяц положите?

Непечатый. Вера, что за вопрос! Содержание должно соответствовать форме! Выдам золотую карточку: трать до изнеможения. Но сначала махнем в Ниццу, у меня там квартира на Английской набережной, с балкона можно в море плевать!

Гаврюшина. Эдуард Никитич, а почему вы такой богатый?

Непечатый. Сам удивляюсь!

Гаврюшина. Скажите, только честно, смогли бы вы за деньги убить человека?

Непечатый. За деньги? Человека? Нет! Если только из ревности... *(Пытается обнять ее и поцеловать.)*

Гаврюшина *(резко отстраняется)*. Предложение заманчивое, но есть одна проблемка.

Непечатый. Проблемка? Устраним!

Гаврюшина. Боюсь, не получится. Любовник, он ведь от какого слова?

Непечатый. От какого? Ну, ясно, от какого! *(Снова хочет ее обнять.)*

Гаврюшина. От слова «любить». А вы мне даже не нравитесь.

Непечатый. Странно! А тогда в Завидово, ночью, мне показались... Помните?

Гаврюшина. Не помню. Вам показалось.

Непечатый. Зря! Я добрый и горячий.

Гаврюшина. Когда денег много, добрым быть легко. А с тех пор, как придумали виагру, все мужчины горячие... до смерти.

Непечатый. Унижаете? Все равно никуда вы от меня не денетесь!

Гаврюшина. Эх, Эдуард Никитич, когда десять лет назад вы приехали из Старосибирска, на вас приятно было смотреть: робкий, милый, неуклюжий... А теперь! Куда что подевалось? Вы в который раз мне все это предлагаете?

Непечатый. Уж и не помню.

Гаврюшина. Тогда запоминайте: еще раз заикнетесь, получите по лицу, и ноги вашей тут не будет. Я не шучу! Кстати, если леди дает джентльмену пощечину, что он должен ответить?

Непечатый. «Спасибо, не ожидал!»

Гаврюшина. Правильно! Не забыли. Значит, это и есть то важное дело, по которому вы заехали?

Непечатый. Нет, это я так, на всякий случай. Не обижайтесь, но даже у самых замужних женщин бывают минуты, когда их можно взять голыми руками. Из-мено-пауза, так сказать, нежная беззащитность. Как у креветок, когда они панцирь меняют. Ведь правда же?

Гаврюшина. Вам видней. Это все?

Непечатый. На самом деле у меня просьба: нужно одного человечка быстренько окультурить. Ну, как меня когда-то...

Гаврюшина. Быстренько? А кто это?

Непечатый. О, парень с небом над головой! Самородок!

Гаврюшина. Где же вы его откопали?

Непечатый. Есть у меня в Старосибирске заводик. Никудышный. Лет пять назад там работяги забузили, вышли, перекрыли федеральную трассу. Сразу журналисты слетелись, как воронье. Дошло до Кремля. А Кремль у нас, сами понимаете, главный регулятор рынка.

Гаврюшина. С чего же это они вдруг забузили?

Непечатый. Из-за ерунды: зарплату полгода не получали.

Гаврюшина. Что ж вы так? Надо делиться!

Непечатый. Эх, Вера Николаевна, бизнес — это когда берешь сразу, а отдаешь потом.

Гаврюшина. Или совсем не отдаешь.

Непечатый. Ну, это идеальный бизнес! Так вот, примчался я на завод. Ко мне сразу делегация. Орут, руками машут, плакатами тычут, а я прикидываю: кто закоперщик? Понял: сменный мастер. Фамилия Бударин. Жесткий. В Чечне воевал. И вот что интересно, все требуют: дай, дай, дай! А он мне стал объяснять, почему производство на боку лежит. Послушал я его и говорю: если такой умный — сам и управляй!

Гаврюшина. Смело!

Непечатый. Я давно понял: если враг не сдается, его покупают. Безоткатно!

Гаврюшина. Ну, и как — справился ваш Дубарин с заводом?
Непечатый. Бударин! Справился? Не то слово! Завод в полном ажуре.

Гаврюшина. А что там производят?

Непечатый. Какая вам разница! Главное — покупают. Теперь вызвал я его в Москву. Нужен помощник. Устаю: все сам да сам. Так нельзя. А вдруг вы согласитесь, и мы поедем в Ниццу, должен же я кого-то на хозяйстве оставить. Буду делать его своей левой рукой.

Гаврюшина. Все на «изменоплаузу» надеетесь? Напрасно. Почему ж тогда не правой рукой?

Непечатый. Не-е! Правая рука — моя! *(Помахивает правой рукой.)* Так спокойнее. Ну, берете парня? Надо его обтесать. С работягами он говорить умеет, а вот столичного обхождения не понимает. Простоват.

Гаврюшина. Даже и не знаю. У меня сейчас много учеников...

Непечатый. Надо, Вера Николаевна, очень надо!

Гаврюшина. Ладно. Но и у меня к вам просьба. Макс решил бизнесом заняться...

Непечатый. Опять?!

Гаврюшина. Опять... Поддержите его! Одолжите денег! Он отдаст...

Непечатый. Не могу: все вложено, крутится. Ни копейки лишней!

Гаврюшина. А на что же вы меня в Ниццу везти собирались?

Непечатый. Понимаете, у каждого делового человека есть два кармана. В одном деньги для бизнеса, в другом для удовольствий. Тот, кто путает эти карманы, быстро разоряется. Я не путаю. У меня строга: или — или.

Гаврюшина. А если деньги для Макса провести по статье «Удовольствия»?

Непечатый. Легко! Только согласитесь, наркотическая женщина!

Гаврюшина. Снова за свое? *(Делает вид, что хочет его ударить.)*

Непочатый (*притворно закрывается*). Виноват!

Гаврюшина. Ну, тогда хоть советом помогите!

Непочатый. Это — пожалуйста! Передайте Максусу: пусть забудет само слово «бизнес».

Гаврюшина. Это почему же?

Непочатый. Вашему пасынку заниматься бизнесом — то же самое, что безногому — балетом.

Гаврюшина. Ну, вы и скажете тоже!

Непочатый. Поверьте, он не нашей породы. Вот Артем — нашей!

Гаврюшина. Какой Артем?

Непочатый. Бударин.

Гаврюшина. Ладно, присылайте вашего Артема Бударина.

Непочатый. Может, я его прямо сейчас позову? Очень хочет заниматься. Прямо трясется. В машине ждет. (*Вынимает телефон.*)

Гаврюшина. А почему вы его сразу с собой не взяли? Стеснительный?

Непочатый. Бударин? Не смешите! Наоборот. Не дал бы поговорить.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Из спальни выходит похмельный Гаврюшин, одетый в старый китайский халат. Из-за ширмы выскальзывает Китаец, что-то шепчет ему на ухо, Гаврюшин кивает.

Гаврюшина. Ладно: завтра в двенадцать тридцать.

Непочатый. А, может, все-таки?.. (*Снова хочет обнять ее.*)

Гаврюшина (*отстраняясь*). Завтра!

Гаврюшин (*вяло*). Ну, и что там у вас на завтра? Измена?

Непочатый (*отпрянув*). Леня, привет! Это я так... в шутку...

Гаврюшин. Эдик, кто же пристаёт к женщине в шутку? Это неприлично! В девятнадцатом веке пришлось бы с тобой, кобелем, стреляться, а теперь можно просто занять денег.

Гаврюшин. Тогда я тебя зарежу! Где мой кинжал эпохи Борющихся царств?

Гаврюшина. Ты его продал, Леня. В трудную минуту...

Гаврюшин. Да, в очень трудную... Почему-то все считают, что русские никогда не доводят дело до конца. Чушь! Если мы напиваемся, то до ненависти к водке. Так и быть: я задушу тебя, Эдик, шелковым шнурком, как красавицу Ян Гуйфэй.

Китаец с готовностью подает ему длинный шнурок.

Непочатый. Леня, брось, не ревнуй!

Гаврюшин. Ревнуют юных жен и любовниц, а ревновать соратницу по совместному старению — это глупо. Обедать останешься?

*Гаврюшин делает Китайцу едва заметный знак,
и тот разочарованно скрывается за ширмой.*

Непочатый. Нет, спасибо, у меня бизнес-ланч в «Мариотте».

Гаврюшина. А по-русски нельзя сказать?

Непочатый. Как это по-русски?

Гаврюшина. Обыкновенно: у меня деловой обед.

Непочатый. Виноват! Надо учить русский язык. Вера Николаевна, прошу вас об индивидуальных занятиях!

Гаврюшин. Где моя сабля эпохи Тан? Ах, да...

Непочатый, смеясь, целует руку Гаврюшиной и уходит.

(С показной ревностью.) Ну, и что у вас там завтра?

Гаврюшина. Ничего нового. Придет какой-то паренек от Непочатого.

Гаврюшин. Будешь облагораживать свиное рыло русского капитализма?

Гаврюшина. А у нас есть другой источник доходов?

Гаврюшин. Понял. Странно, что ты еще ни к кому от меня не сбежала.

Гаврюшина (устало). Ты же знаешь, мне никто не ну-жен.

Гаврюшин. Обычно после этого добавляют «кроме тебя».

Гаврюшина. Кроме тебя...

Гаврюшин. Не ври! Не умеешь.

Гаврюшина. Как ты сказал: «соратница по совместному старению»? Неужели я такая старая?

Гаврюшин. Чтобы влюбиться — еще нет. Чтобы начать новую жизнь, увы, — да. А где Алена?

Гаврюшина. Отсыпается.

Гаврюшин. И давно вернулась?

Гаврюшина. Утром.

Гаврюшин. Одна?

Гаврюшина. Нет, с каким-то пьяным барменом.

Гаврюшин. Почему ты решила, что с барменом?

Гаврюшина. Он тряс вот этим. *(Показывает на большой серебряный шейкер на столе.)*

Гаврюшин *(оживая)*. Шейкер!

Гаврюшина *(с укором)*. Смеситель, Леня, смеситель! *(Отходит к окну, задумчиво смотрит на липу.)*

Муж встряхивает шейкер и радостно обнаруживает: там что-то есть.

Гаврюшин. Он еще здесь, этот бармен?

Гаврюшина. Нет, я его выгнала. Не дом, а проходной двор. Сначала был художник с Арбата. Этудик до сих пор в прихожей стоит. Потом культурист из тренажерного зала. Раньше таких качками называли. И что она только делала с этой горой мускулов, бедная девочка!

Гаврюшин, пока жена смотрит в окно, пытается отвинтить крышку шейкера. Торопится. Нервничает.

...Потом появился байкер. В ванне после него оставалось столько грязи, будто мыли мотоцикл. Они что, никогда не моются, байкеры? *(Оборачивается.)*

Гаврюшин (*успевает, вернув шейкер на стол, напустить на себя отрешенность*). Вряд ли... В лучшем случае обтираются бензинчиком.

Гаврюшина (*снова отворачивается к окну*). И в кого она у нас такая? Помнишь, мы с тобой уже заявление в ЗАГС подали, платье заказали, а мама все равно не разрешала мне у тебя оставаться.

Гаврюшин. Наверное, боялась, что передумаешь...

Гаврюшина (*смотрит в окно*). Осень в этом году красивая! Знаешь, я бы хотела жить там, где всегда солнечный сентябрь. Но скоро зима, наша бесконечная зима! На лоджии утром был иней. И еще прилетала большая птица с черными крыльями. Она смотрела на меня так, словно хотела о чем-то предупредить... Что ты молчишь? С Аленой надо что-то делать!

Гаврюшин (*наконец отвинчивает крышку, трясущимися руками подносит шейкер ко рту, залпом выпивает содержимое и оживает*). Может, лучше еще родить кого-нибудь? Улучшенный вариант. От пожилых отцов случаются гении...

Гаврюшина. Да? Мысль интересная, но я не припомню, чтобы от храпа появлялись дети.

Гаврюшин. В Поднебесной говорят: вино дарит желанья, но отнимает силы.

Гаврюшина. Умеют китайцы красиво — о грустном! Нет уж, давай как-нибудь разберемся с нашим ухудшенным вариантом.

Гаврюшин (*отдышавшись*). Ее надо срочно выдать замуж.

Гаврюшина. «Выдать» — плохое слово. Напоминает предательство. За кого? Художник, кажется, был самым приличным из всех, кого она водила. Если придет за своим этюдником, будь с ним полубезней!

Гаврюшин. Что-то не приходит. Обидела его, наверное. Она это умеет. Может, нам ее пороть по субботам? Хотя нет... Недужных бить нельзя.

Гаврюшина. Чем же она больна?

Гаврюшин. Девушка из интеллигентной семьи — это диагноз.

Гаврюшина (*поворачивается и смотрит сначала на посветлевшее лицо мужа, а потом на шейкер, качает головой*). Тогда и дипломат — тоже диагноз.

Гаврюшин. Какой, интересно узнать?

Гаврюшина. Фуршетный алкоголизм. Мог бы и до обеда дотянуть! Придут люди. Неудобно.

Гаврюшин (*нервно*). Значит, не мог! Не первый год с алкоголиком живешь. Пора привыкнуть. А кто будет к обеду?

Гаврюшина. Макс.

Гаврюшин. Что это он вдруг про отца вспомнил?

Гаврюшина. Не догадываешься?

Гаврюшин. Опять? Нет! Не-ет! Никогда!

Гаврюшина. Да, Леня! Да! И у него снова надежный бизнес-план.

Гаврюшин. В прошлый раз его затея стоила нам тещиной квартиры.

Гаврюшина. Мама не любила, когда ты называл ее «тещей». Максим будет не один.

Гаврюшин. Неужели нашел себе богатую невесту? Тогда пусть чудит...

Гаврюшина. Нет, он нашел себе богатую мать.

Гаврюшин (*меняясь в лице*). Алевтина в Москве? Яду мне, яду!

Гаврюшина. Яд ты только что принял. Можно подумать, до меня ты десять лет жил с крокодилом!

Гаврюшин. С крокодилом? Это было бы счастьем! Я жил с Чумой!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Открывается дверь комнаты, выходит растрепанная, полуодетая Алена.

Алена. Сколько времени?

Гаврюшин. Рабочий полдень, дочка.

Алена. А где Ашотик?

280 Гаврюшина. Наверное, протирает свою барную стойку.

Алена. Мам, почему тебе не нравятся мои друзья? Они такие прикольные!

Гаврюшин. Оденься! Постеснялась бы. Все-таки я мужчина.

Алена. Неужели?

Гаврюшин. Где мой кнут эпохи Перемен?

Алена (*встряхивает пустой шейкер*). Там же где и сабля эпохи Тан.

Гаврюшин. Грубо. Без уважения к старшим. Не по-конфуциански...

Алена. А выхлебать мой коктейль — по-конфуциански?

Гаврюшин (*бормочет*).

Сыновья, дармоеды, родному отцу

Никакого почтения не кажут.

И вопят, и ругаются, что на обед,

Как всегда, не хватило им риса!*

Китаец почтительно провожает его до спальни и скрывается за ширмой.

Алена. Ты понял, что он сказал?

Гаврюшина. Поняла. Это из Ду Фу.

Алена. Сюр какой-то! Черт, башка трещит! Это все коктейль «Добрый лось». Говорила я Ашотке: водку, текилу, ром, абсент, кальвадос, коньяк и виски нельзя смешивать... с томатным соком. Экспериментатор долбаный! (*Заглядывает в шейкер.*) Ни капли не оставил. Отец называется! Так обломиться! Нажрусь нурофена...

Гаврюшина. погоди! Сядь!

Дочь садится на стул, а мать начинает делать ей массаж головы.

Алена. Ой, больно!

Гаврюшина. Зато пройдет. Разве так можно?! От тебя разит, как...

* Стихи Ду Фу в переложении автора.

Алена. ...от папы?

Гаврюшина. Речь о тебе! В твоём возрасте я читала книжки, а не сшибала парней по ночным клубам.

Алена. Я не сшибаю, а коллекционирую.

Гаврюшина. Знаешь, как это называется?

Алена. Знаю! И о том, что вы с папочкой познакомились в очереди на выставку Петрова-Водкина, тоже знаю...

Гаврюшина. Да, в очереди. Заметь, к Петрову-Водкину, а не за водкой.

Алена (*взвешивая на руке шейкер*). А что, разве за водкой раньше в очереди стояли? Жестяк! Ну и правильно, что ваш Совок гавкнулся. Сейчас очереди только в крутые клубы. А правда, в Совке секса реально не было?

Гаврюшина. Конечно, не было. Откуда? Нас с отцом вывели в инкубаторе, как цыплят. А тебя нашли....

Алена. В капусте?

Гаврюшина. В конопле!

Алена. Mam, после того раза я с дурью завязала. Честно!

Гаврюшина. Надеюсь. Снова поймать тебя за шиворот можем и не успеть.

Алена. Ну, прости, я была козой! Мне теперь в лоджию даже выйти страшно. Mam, а почему ты не изменяешь папе?

Гаврюшина (*после молчания*). Зачем?

Алена. Ну, не знаю, для тонуса хотя бы. Ты молодая, красивая женщина, а он пьяная развалина.

Гаврюшина. Не надо так! Он пьёт, потому что ему сломали карьеру!

Алена. Мама, он выпил уже за тысячу сломанных карьер. И тебе жизнь испортил. Я бы, между прочим, право на измену включала в брачный контракт. Отдельным пунктом. «В случае невыполнения обязанностей можно нарушать супружескую верность в одностороннем порядке...»

Гаврюшина. Измена от слова изменить, а не переспать. Можно свою жизнь так изменить, что мало не

покажется. Кстати, а любовь в брачный контракт надо включать или тоже не обязательно?

Алена. Любовь?

Гаврюшина. Не верти головой!

Алена. Любовь не обязательно. Это же просто такое настроение. Сегодня одно, завтра другое. Даже если на кого-то запала, ничего страшного. Клин клином вышибают...

Гаврюшина. Насмотрелась я твоих клиньев. Больше в дом не води. Ясно!

Алена (*вздыхнув*). Ясно.

Гаврюшина. Особенно — байкера.

Алена. Не приведу. От него бензином воняет.

Гаврюшина. Марку Захаровичу снова звонить не надо?

Алена. Мама, сколько можно! По глупости залетают один раз. Теперь все под контролем. Да здоровствует секс, безопасный, как бритва!

Гаврюшина. Алена, ты шлюха, что ли?

Алена. Мама, я просто живу. А настоящих шлюх ты еще не видела!

Слышен звонок в дверь.

Гаврюшина. Иди — оденься прилично! Ходишь, как девка по утреннему борделю. У нас гости.

Алена. Mamочка, ты бывала в борделях?

Гаврюшина. Читала. Уйди с глаз моих!

Алена. Какие еще гости?

Гаврюшина. Максим с матерью.

Алена. Это не гости. Это чума!

Гаврюшина. Поговори еще у меня! И не сутулься, а то швабру вставлю!

Алена. Яволь, мой фюрер!

Гаврюшина. Как ты сказала?

Алена. Шутка. Со скинхедом я больше не встречаюсь.
Честное слово!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Снова звонок. Нервный. Алена уходит, а Гаврюшина открывает дверь. Появляются экстравагантная молодая дама в шляпе и мужчина лет тридцати пяти. Дамы целуются.

Мак-Кенди. Верочка, здравствуй!

Гаврюшина. Здравствуй, Алевтина!

Мак-Кенди. Сколько же мы не виделись? Три года?

Максим. Мама...

Мак-Кенди. Что-о-о?

Максим. Извини, Тина, в последний раз ты была в Москве пять лет назад.

Мак-Кенди. Да? Время летит, как деньги. Верунчик, а почему ты так хорошо выглядишь? Прямо девочка! Молчи! Сама догадуюсь *(Вглядывается в ее лицо.)* Подтяжка? Нет, не похоже. Поняла: золотые нити!

Гаврюшина. Нет.

Мак-Кенди. Стволовые клетки?

Гаврюшина. Никогда!

Мак-Кенди. Почему?

Гаврюшина. Наш батюшка отец Никон категорически против.

Мак-Кенди. Мракобес! Когда я училась в школе, ходить в мини-юбке мне запрещал секретарь райкома. А теперь, значит, батюшка!

Гаврюшина. Я тоже носила мини-юбку, но мне никто не запрещал.

Мак-Кенди. Во-первых, ты училась позже на.... Ну, не важно! А во-вторых, какая у тебя была юбка?

Гаврюшина *(показывает рукой немного выше колен)*. Вот такая...

Мак-Кенди. Какая же это мини? Это макси. Не сбивай меня! Значит — крем. А-а, знаю: вытяжка из простаты тигровой акулы!

Гаврюшина. Не угадала.

284 Мак-Кенди. А что же тогда еще?

Гаврюшина. По утрам я просто умываюсь ледяной водой.
Мак-Кенди. Просто? Ледяной? Бр-р-р... Но почему ты так выглядишь?

Входит Гаврюшин. Он переоделся и стал похож на дипломата.

Гаврюшин. Потому что не меняет мужей, как палочки для еды. (Сыну.) Здравствуй, Макс!

Максим. Здравствуй, папа!

Мак-Кенди. А со мной ты не хочешь поздороваться?

Гаврюшин. Ты сейчас за кем замужем?

Мак-Кенди. За лордом Мак-Кенди.

Гаврюшин. How do you do!

Мак-Кенди. Не завидуй, Гаврюшин! А ты, вижу, как всегда, с утра пораньше? Посол пьет рассол.

Гаврюшин. Кто пьян с утра — тот счастлив целый день.

Мак-Кенди. Это твой Ду Фу?

Гаврюшин. Вряд ли... Ты надолго?

Мак-Кенди. Не бойся — завтра улетаю.

Гаврюшин. Алевтина, тебе чего надо? Просто так ты не приходишь.

Мак-Кенди. Мне? Ничего. У меня все есть. Но я мать...

Гаврюшин. Ты уверена?

Максим. Папа, понимаешь, мама хочет, чтобы я...

Мак-Кенди. Что-о-о?!

Максим. Извини! Папа, Тина, хочет, чтобы ты мне помог...

Гаврюшин. Сынок, тебе уже никто не поможет. И с каких это пор ты зовешь родную мать Тиной?

Мак-Кенди. А ты хочешь, чтобы этот лысеющий обалдуй звал меня мамой и все знали, сколько мне лет?

Максим. Папа, дай мне шанс!

Гаврюшин. Шанс? Ты еще наморщи лоб, как эти голливудские дебилы, когда наугад обезвреживают атомную бомбу под детским садиком. И почему ты говоришь «папа»? Зови меня Лейней! А то все догадаются, что у меня цирроз. Слушай, Вера,

пусть Алена зовет тебя по имени, а то все поймут, что тебе уже тридцать девять!

Мак-Кенди. Shit-faced!*

Гаврюшин. Что-о?!

Мак-Кенди. Что слышал!

Максим. Папа, в этот раз все будет по-другому!

Гаврюшин. У идиотов по-другому не бывает...

Алевтина передергивает плечами, отходит к батарее и греет руки.

Гаврюшина. Ладно, вы пообщайтесь по-родственному. А я стол накрою. (*Уходит через арку на кухню.*)

Мак-Кенди (*вдогонку*). Веруша, поставь чайку — никак не согреюсь. В Шотландии такие холодные замки!

Гаврюшин. Алевтина, что тебе от меня нужно?

Мак-Кенди. Мне? Ничего. А вот нашему сыну нужны деньги.

Гаврюшин. У тебя богатый муж. Попроси у него.

Мак-Кенди. Лорды жмоты. Но мой особенно! Камин разводит через день, а центрального отопления в замке вообще нет. Я когда-нибудь задушу эту шотландскую сволочь каминными щипцами!

Гаврюшин. Это который твой муж?

Мак-Кенди. Четвертый... Нет, пятый. Но точно — не последний. Старость я хочу встретить с кем-нибудь теплолюбивым.

Гаврюшин. Папуаса у тебя еще, точно, не было.

Мак-Кенди. Леня, мужчина должен быть добрым в быту и злым в постели. У тебя все наоборот. Но я давно простила...

Гаврюшин. Ты? Простила?! Меня?! Ну, знаешь ли...

Мак-Кенди. Знаю! Ты должен помочь сыну!

Гаврюшин. После того, что он натворил в прошлый раз!

Максим. Папа, теперь я буду гораздо экономнее!

Гаврюшин. Больше чем сэкономила на тебе природа — не получится...

Мак-Кенди. Гаврюшин, хватит издеваться! Его сверстники ездят на «лексусах» и «ягуарах», а наш бедный Макс — на старом «рено».

Максим. «Пежо»...

Мак-Кенди. Гаврюшин, и тебе не стыдно за сына?

Гаврюшин. Почему мне должно быть стыдно? Многие вообще ездят на метро. И счастливы.

Мак-Кенди. Человек, который ездит на метро, не может быть счастлив по определению. Мне больно смотреть на ребенка!

Гаврюшин. Алевтина, мальчику за тридцать! У него лысина.

Максим. Я записался на пересадку волос...

Гаврюшин. Лучше запишись на пересадку мозгов! (Мак-Кенди.) В его возрасте я был атташе. И скажи мне: когда ты бросила Макса одиннадцати лет от роду, тебе не больно было на него смотреть?

Мак-Кенди. Гаврюшин, не будь занудой! Я тебя разлюбила, так вышло...

Гаврюшин. Это лучшее, что ты сделала в своей жизни!

Мак-Кенди. Очень смешно! Да, я виновата перед сыном и хочу помочь.

Гаврюшин. За мой счет?

Максим. Папа, в этот раз все будет по-другому!

Гаврюшин. И что у нас в этот раз?

Мак-Кенди (*гордо*). Клиника для кошек!

Китаец с изумлением выглядывает из-за ширмы.

Гаврюшин. Для кошек? Вы оба ненормальные?

Максим. Папа, мы нормальные! В Москве, по данным ВЦИОМ, миллион домашних кошек. Представляешь, какой это рынок! Вот бизнес-план. (*Протягивает отцу красочный альбом.*)

Гаврюшин (*рассеянно листает*). И как будет называться твоя клиника? «Кис-кис»?

Максим. «Чик-чик».

Гаврюшин. Почему «Чик-чик»? Это название кошачьей парикмахерской.

Максим. А вот и нет! Чик — и нет проблем. Самая востребованная услуга, кстати. Это мама придумала.

Гаврюшин. Не сомневаюсь.

Максим. Вложения окупятся через пятьсот дней. Я возьму кредит. Но мне нужно немного наличными.

Гаврюшин. Зачем? Ты же берешь кредит.

Мак-Кенди. Гаврюшин, такое впечатление, что в России живу я, а не ты. Кто тебе даст хороший кредит без взятки?

Гаврюшин. Сколько?

Максим. Там написано, в графе «Представительские расходы».

Гаврюшин (*вчитывается, изумляется*). Сколько? Даже если я продам печень с почками, не хватит.

Слышен звонок в дверь, но они не замечают.

Мак-Кенди. Гаврюшин, ты столько пьешь, что твои почки с печенью ничего не стоят. Мозги, думаю, тоже. Продай вот это! (*Указывает на полку со старинными бронзовыми сосудами.*)

Гаврюшин. Жертвенники эпохи Троецарствия? Ты обалдела!

Из-за ширмы выскакивает Китаец и отчаянно машет руками.

Мак-Кенди. Твои жертвенники похожи на ночные горшки. Продай!

Гаврюшин. Что? Да ты знаешь, сколько стоят эти ночные горшки?

Мак-Кенди. Знаю! Поэтому — продай, ну хотя бы один!

Гаврюшин. Никогда! Никогда!

Он делает Китайцу знак — тот скрывается за ширмой. Снова слышен звонок в дверь. Настойчивый. Из кухни выбегает Гаврюшина в фартучке.

Гаврюшина. Сколько можно трезвонить!

Из двери справа выскакивает полуодетая Алена.

Гаврюшина (*Алене*). А поздороваться с гостями?

Алена. Общий привет родным и близким! Как вас не хватало!

Максим. Приветик!

Мак-Кенди. Аленушка, ну, совсем стала большая!

Гаврюшин. Кто же это так звонит?

Алена. Может, Тимурка за шейкером прибежал? Мельхиор все-таки.

Гаврюшина. Или художник за этюдником. Сказала же тебе: оденься поприличнее!

Алена. Ага, сейчас! Только корсет зашнурую и вуаль поглажу.

Мак-Кенди. Правильно, Аленка! Кто в молодости не чудит, тот в старости не мудрит. Веселая девочка у вас выросла.

Дочь идет в прихожую, чтобы открыть дверь.

Гаврюшина (*на всякий случай снимает фартук и вешает его на спинку стула*). Даже слишком. Кто же это может быть?

Мак-Кенди. Гаврюшин, продай горшок! Помогите ребенку!

Максим. Ну, папа-а-а...

Гаврюшин. Заткнись!

Мак-Кенди. Конфуций так бы сыну не сказал!

Гаврюшин. Конфуций его просто убил бы!

Из-за ширмы выглядывает Китаец и согласно кивает.

Мак-Кенди. Shitsky!*

СЦЕНА ПЯТАЯ

Из прихожей удивленно пятится Алена. На нее наступает молодой человек — высокий, широкоплечий, с буйной шевелюрой. В руках у него большая спортивная сумка.

Алена. Вам кого?

Гаврюшин (*смуцненно*). Шейкер мы отдадим, но он пустой...

* Дерьмо, урод (*англ.*).

Алена. Папа, это не бармен.

Гаврюшин. А-а... Понятно. Верни ему этюдник!

Алена. Это не художник. Гораздо лучше!

Максим (*тихо*). Это наводчик... Они всегда дверью ошибаются!

Артем. Мне бы Веру Николаевну...

Гаврюшина. Я — Вера Николаевна. В чем дело?

Артем. Вера Николаевна, давайте прямо сегодня, сейчас...

Гаврюшина. Что сегодня?

Артем. Ну, то самое, о чем договорились.

Гаврюшин. Интересно, о чем вы договорились?

Артем. Это вас не касается.

Максим. А повежливей нельзя?

Мак-Кенди. Верочка, у меня тоже есть молодой друг, но он не такой настойчивый...

Алена (*ей, тихо*). У мамы никого нет.

Мак-Кенди. Ну, и зря!

Гаврюшина. Ничего не понимаю! О чем мы договорились? Вы кто?

Артем. Я от Непочатого.

Гаврюшина. Ах, вот оно что!

Гаврюшин. Кто это?

Гаврюшина. Это господин... э-э-э... Бударин. Он пришел на первое занятие. Вас как по отчеству?

Артем. Можно без отчества. Просто — Артем.

Гаврюшина. Нельзя. Человеку нельзя без отчества.

Артем. Михайлович.

Гаврюшина. Артем Михайлович, я же сказала: завтра, в двенадцать тридцать. Сегодня у нас семейный обед. Приехали родственники...

Артем. Обед? Это хорошо. Я в аэропорту только булку с кофе выпил.

Алена с интересом разглядывает молодого человека.

Артем. Извините... Я кофе с булкой съел...

Алена. А кофе не едят. Какой вы смешной!

Мак-Кенди. Да, в аэропортах обычно отвратительный кофе. Я там никогда не пью. За исключением Вены и Рима. Вы откуда такой прилетели?

Артем. Из Старосибирска.

Мак-Кенди. А-а... Ну, извините, извините...

Максим. Он еще и гастарбайтер.

Гаврюшин. Если человек из Сибири, надо его накормить!

Алена. И напоить.

Гаврюшина. Спиртного в доме нет.

Артем. У меня с собой. Наш продукт! *(Вынимает из сумки огромную бутылку водки.)* «Старосибирская!» По рецепту Григория Распутина.

Алена. Ух ты, какая большая!

Артем. При царе четвертью называлась. Григорий Ефимович за обедом один выкушивал.

Гаврюшина *(строго)*. Во-первых, Распутин пил мадеру. Во-вторых, Артем Михайлович, жду вас завтра в двенадцать тридцать и без бутылки. Всего доброго!

Гаврюшин. Вера, нельзя же так! Человек издалека. Что он подумает? Представь, ты приезжаешь в Сибирь, и с тобой вот так же! За это Москву и не любят. Проходите, молодой человек, раздевайтесь и немедленно к столу! Обычно я пью «Путинку». По праздникам. А тут целая «Распутинка!» *(Забирает бутылку.)* Алена, помоги гостю раздеться! Конфуций высоко ценил гостеприимство...

Гаврюшина *(обреченно)*. И всегда ходил в гости с четвертью.

Артем *(снимая куртку)*. Спасибо. А где тут у вас?..

Гаврюшин. Дочка, проводи молодого человека к богине Цзы Гу!

Алена. Пошли, распутинец, покажу!

Они уходят. Гаврюшин уносит в столовую бутылку, держа ее бережно, как младенца.

Мак-Кенди (*глядя ему вслед*). I shit a brick!*

Гаврюшина (*с укором*). Алевтина, не ругайся!

Мак-Кенди. Я в бешенстве! Ленька не хочет помочь Максус!
Скажи ему — он тебя слушается!

Гаврюшина. Ты видела, как он меня слушается.

Мак-Кенди. Я подам на него в Европейский суд!

Максим. Мама, это очень долго!

Мак-Кенди (*истерично*). Какая я тебе мама? Просила же!

Максим. Прости, Тина!

Гаврюшина. Не ссорьтесь! Алевтина, а ты что, своего первого мужа совсем уже забыла?

Мак-Кенди. Конечно, забыла. Когда часто выходишь замуж, все они в голове перемешиваются. Это как в кризисе, уже и не помнишь, где какой музей или замок и у кого какой шпиль...

Гаврюшина. Я напомним. Когда он трезв, с ним лучше не разговаривать. После двухсот граммов теплеет. Между тремястами и полулитром щедр до неузнаваемости. Потом резко мрачнеет и засыпает. Вспомнила?

Мак-Кенди. Вспомнила! Сынок, мы можем опоздать! Скорее! К нему!

Мать и сын, налетая на мебель, мчатся в столовую. Гаврюшина уходит на кухню. Из ванной появляются, слившись в пещелу, Алена и Артем. Возвращается Гаврюшина.

Гаврюшина. Брек!

Алена (*отскакивая*). Уп-пс!

Артем (*отдышавшись*). Повеситься на два месяца.

Гаврюшина (*рывком снимает со стула забытый передник; дочери*). Марш в детскую, коллекционерша!

Алена понуро бредет в свою комнату, оглядываясь на Артема.

Артем (*смущенно*). Это не то, о чем вы подумали...

Появляется Гаврюшин с рюмкой в руке.

Гаврюшин. К столу! Заждались...

Гаврюшина (*Артему*). Вам, молодой человек, лучше уйти.

Гаврюшин. Вера, он же из Сибири!

Гаврюшина. Артем Михайлович, жду вас завтра. В двенадцать тридцать.

Артем обиженно удаляется. Гаврюшина, посмотрев ему след и покачав головой, уходит на кухню, захватив фартучек.

Из-за ширмы появляется Китаец и декламирует.

Китаец.

Случайно встретились они,
Как два листка в реке.
Что суждено им — вместе плыть?
Расстаться навсегда?

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Та же гостиная. Все по-прежнему. Правда, на полке теперь только два старинных сосуда-жертвенника. Алена шваброй протирает пол. В кресле сидит Артем и наблюдает.

Артем. Давай помогу!

Алена. Не надо. Я наказана.

Артем. За что?

Алена. Сам знаешь, за что!

Артем. Ты первая начала.

Алена. Просто хотела проверить твою реакцию.

Артем. Я думал, эрекцию.

Алена. У вас, в Сибири, все такие простые?

Артем. А что я такого сказал?

Алена. Разве можно порядочной девушке напоминать про ее слабости. Она и так все помнит. В отличие от непорядочной девушки. Кстати, твоя реакция запоминается. (*Смотрит на пол.*) Господи, откуда же столько грязи?

Артем. Осень. Вы бы хоть тапочки гостям выдавали.

Алена. Мама говорит: в приличном доме гостей не переобувают.

Артем. Она у вас всегда опаздывает на занятия?

Алена. Никогда... Очень редко.

Артем. Папа-то жив после вчерашнего? Четверть — не четвертинка все-таки.

Алена. Ты его недооцениваешь. Для дипломата алкоголь — часть профессии. Прикинь, он однажды самого Ельцина перепил!

Артем. Если твой отец дипломат, почему дома сидит, а не за границей?

Алена. Он в отставке. Но посол — это как генерал — на всю жизнь.

Артем. Ясно. За что выгнали?

Алена. За правду!

Артем. А-а... Я думал за это! *(Щелкает пальцем по кадыку.)*

Алена *(вздыхнув)*. Кто же на трезвянку правду скажет? Ельцин приехал с государственным визитом, подписал что-то, а вечером собрались в узком кругу, в посольстве. Раскрасили мир. Ну, он и приказал: «Говори, Леонид Иванович, мне всю правду! А то мои чубайсы врут, как враги!» Ну, папа ему и вывалил: про шоковые реформы, обнищание народа, предательство геополитических интересов...

Артем. И про предательство?

Алена. И про предательство! Ельцин папу обнял и заплакал. Сказал, что давно не встречал такого порядочного человека и место ему в Москве! Потом его унесли...

Артем. Папу?

Алена. Ельцина. А папа стал ждать красный халат.

Из-за ширмы появляется Китаец в красном халате. Он подходит к полке и оглаживает оставшиеся сосуды, горюя об утрате.

Артем. Чего?

Алена. Красный халат. В Древнем Китае в красном ходили самые крутые боссы. И, знаешь, президент слово

сдержал: папу действительно отозвали в Москву. Лет пять он почтительно ожидал назначения. Это китайцы так выражаются. А потом его уволили из МИДа. Вот и все!

Артем. Повеситься на два месяца! Президентам, как и девушкам, правду лучше не говорить. А это что это там за кастрюли?

Алена. Сам ты кастрюля! Это жертвенники. Знаешь, сколько стоят?

Артем. Сколько?

Алена. Каждый, как новый «мерин».

Артем. Да ладно!

Алена. Ты больной? Это же эпоха Троецарствия. Им две тысячи лет!

Артем. И откуда дровишки?

Алена. Из Китая. Папа на рынке купил. За сто баксов.

Китаец хватается за голову.

Артем. Врешь!

Алена. Девушки не врут, а экономят правду. Но это — правда. Там же во время культурной революции всех преподавателей разогнали, поэтому в артефактах никто вообще не шарил. А на сто долларов семья могла целый год прожить. У нас ведь тоже раньше можно было у бабульки икону семнадцатого века почти даром взять...

Артем. Это точно! Но моя бабушка продавать отказалась, и у нее украли, пока она огород полола. Дверей-то не запирали. Но воры честные оказались. Оставили пять банок тушенки и бутылку кагора. Вместо денег. Вот времена были! Теперь еще и дом бы спалили — для смеха. А как же он провез эти горшки через таможню?

Алена. Дипломатов не досматривают. Так ты, значит, из крестьян?

Артем. А ты что — из дворян?

Алена. Мама точно из дворян.

Артем. Вот откуда она этикет знает!

Алена. Нет, она в протоколе работала. Потом стала послухой: приемы, официальные завтраки, то да се... А вот папа у нас из простых. Гаврюшин. Смешная фамилия, да?

Артем. Нормальная. Русская. (*Осматривает сосуды, вызывая страдания Китайца, берет с полки пузатого Будду.*) Почти мой однофамилец! Будда.

Алена. Да, у тебя фамилия красивая — Бударин.

Артем. Мне тоже нравится. Фамилия с будущим. Слушай, а про какую богиню твой отец вчера говорил?

Алена. Цзы Гу.

Артем. Она, что, в сортире живет?

Китаец оживленно кивает головой.

Алена. Можно и так сказать. Цзы Гу — богиня отхожего места. У китайцев реально за каждую ерунду отвечает какой-нибудь божок. И к этим жертвенникам тоже дух приставлен.

Артем. Ясно: китайский домовый.

Алена. Он ходит по дому, бродит, как призрак... Папа, если сильно выпьет, с ним разговаривает...

Она насмешливо, но довольно точно показывает, как ходит Китаец. Тот обижается и уходит за ширму.

Артем (*ставит на место Будду, снимает с полки томик, листает*). Ты все это прочитала?

Алена. Что я — крейзи? А мама точно прочитала.

Артем. Значит, она крейзи?

Алена. Скоро узнаешь.

Артем (*смотрит на часы*). Да уж поскорей бы! Время — деньги.

Алена. Не будь буржуем! Это скучно.

Артем. Ладно, не буду... Отдохни! (*Отбирает у нее швабру, драит пол.*)

Алена (*садится, любуется им*). Здорово у тебя получается!

Артем. Еще бы! Школа молодого бойца! А какая у тебя

Алена. «Гарри Поттер». Прикинь, я даже плакала по ночам, что не могу стать «принцем-полукровкой».

Артем. Почему?

Алена. Я же девочка.

Артем. А по-моему, женщиной быть интереснее, чем мужчиной.

Алена. Если тебя любят — да. Но если не любят, быть женщиной ужасно! А тебе какие книжки в детстве нравились? Про трансформеров?

Артем. Почему про трансформеров? «Мифы Древней Греции». Мне мама на день рождения подарила. Сказала: «Прочтешь, пока я в больнице буду лежать. Выпишусь, перескажешь своими словами». Не выписалась... Она у меня тоже учительницей была. В младших классах.

Алена *(после сочувственной паузы)*. А отец?

Артем. Отец? Лучше спроси: кто мне из древнегреческих богов больше всех нравился?

Алена. Знаю. Аполлон!

Артем. Какие вы тут в Москве все — с подъездыком! Не угадала.

Алена. Тогда Геракл.

Артем. Почему Геракл?

Алена. Из-за тринадцатого подвига.

Артем. Тринадцатый подвиг? В книжке было только двенадцать.

Алена. Это потому, что книжка твоя — для детей. А тринадцатый подвиг для взрослых. Геракл за одну ночь лишил невинности сорок девственниц.

Артем. Так не бывает!

Алена. Почему? Он же Геракл!

Артем. Да хоть сам Шварценеггер! Где он взял столько девственниц? Из Красной книги? Мне за всю жизнь только одна попала. Я от удивления чуть не женился...

Алена. Почему «чуть»?

Артем. Меня в армию взяли, а она... Ладно, проехали.

Алена. А тебе так важно быть у женщины первым?

Артем. Первым надо быть в жизни. У женщины надо быть последним.

Алена. Круто!

Артем. А из богов мне больше всех нравился Гермес.

Алена. Почему?

Артем. Во-первых, у него были крылатые сандалии, и он мог летать, как истребитель пятого поколения. Во-вторых, Гермес мог выпутаться из любого положения и всегда добивался своего. Любой ценой! Помнишь, как он украл коров у Аполлона?

Алена. Не помню.

Артем. Я читал эту книжку и думал: когда вырасту — буду жить как боги.

Алена. Это как?

Артем. Просто! Хочешь — сделай. Нужно — возьми. Боишься — преодолей себя или умри. Мешают — отодвинь. Сопротивляются — победи. Любишь — обними и не думай о том, что будет потом. В общем, живи, как душа просит.

Алена. Ого! Ну, и зачем тебе тогда мамины занятия?

Артем. Мне? Незачем. Но Никитич говорит, без этого в большом бизнесе делать нечего. Она у тебя строгая?

Алена. Жуть! В детстве я сутулилась и досутулилась до искривления позвоночника. Знаешь, как мама меня вылечила? Смотри! *(Продевает ручку швабры между спиной и руками.)* Понял? Я даже уроки со шваброй делала. Поэтому у меня теперь такая осанка. Как у балерины. Заметил?

Артем. Заметил.

Алена. Нравится?

Артем. Нравится! *(Пытается ее обнять.)*

Алена. А Макс у нас сутулый.

Артем. Это твой брат?

Алена *(уклоняется)*. Сводный.

Артем. Значит, он сын той лахудры в шляпе?

Артем. Почему?

Алена. Ее девичья фамилия Чумина. Теперь-то она Мак-Кенди. Но как была чумой, так и осталась. Она сбежала от папы к шведскому журналисту, а Максика на память оставила. Был жуткий скандал. Разведенным за границей тогда работать запрещали, но ведь папа не виноват, что его жена бросила. Прикинь, порядочки были? А ты после того раза так и не женился?

Артем. Нет.

Алена. Никто не берет?

Артем. Никому не даюсь.

Алена. Ну прямо «Дикая орхидея»! В общем, отца вызвали и сказали: дуй в отпуск и без новой жены не возвращайся. Он прилетел в Москву и пошел прогуляться. Видит около Третьяковки очередь, спрашивает: «Кто крайний и что дают?» А последней стояла мама, она, конечно, поняла, что он прикалывается, и ответила: «Дают Петрова-Водкина. Но Водкин кончился. Остался только Петров». Папа сразу в нее и влюбился...

Артем (*наступая на нее*). С первого взгляда?

Алена. С первого.

Артем. Как я...

Алена. А разве ты?..

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Пользуясь беззащитностью девушки, руки которой скованы шваброй, он долго целует ее в губы. Из прихожей торопливо входит Гаврюшина в плаще.

Гаврюшина. Закрепляете пройденное?

Молодые люди отскакивают друг от друга.

Алена. Мама, я показывала, как ты меня отучала сутулиться.

Гаврюшина. Да-а? У тебя, кажется, зачет по исторической грамматике?

Алена. Да. Но...

Гаврюшина. Вот и позанимайся! А я займусь Артемом Михайловичем.

Алена нехотя уходит в свою комнату.

(Снимает плащ, уносит в переднюю, возвращается.) Артем Михайлович! *(Обходит его вокруг, рассматривая.)* Должна извиниться за опоздание. Вы деловой человек, у вас каждая минута на счету...

Артем. Все нормально. Мы тут с Аленой о книжках разговаривали...

Гаврюшина. Видела. Еще раз извините! Мы отработывали с учеником этикет делового завтрака. В его загородном доме. Попали в пробку. Интересно, когда у нас будут строить нормальные дороги?

Артем. Когда все начальники построят себе загородные дома. А можно как бы начать занятие?

Гаврюшина. Конечно. Однако за каждое «как бы» я буду вам сбавлять оценку. Договорились?

Артем. Не обсуждается.

Гаврюшина. Итак, вы хотите научиться вести себя в обществе?

Артем. Это Эдуард Никитич хочет. Мне и так хорошо.

Гаврюшина. В самом деле, зачем самородку манеры? Присаживайтесь! *(Он садится.)*

Первая ошибка. Нельзя садиться в присутствии дамы. Надо предложить ей сесть первой.

Артем *(вскакивает, смущается)*. Извините, присаживайтесь!

Гаврюшина. Вы очень любезны! *(Садится.)*

Он садится рядом.

Ошибка вторая: надо дождаться, пока дама предложит вам сесть.

Артем *(вскакивает)*. Пардон!

Гаврюшина. Вы говорите по-французски?

Артем. Нет.

Гаврюшина. Тогда присаживайтесь! Скажите, чем вы занимаетесь в свободное время?

Артем. У меня и времени-то свободного нет. Работы много. Никитич все соки выжимает. ГУЛАГ отдыхает.

Гаврюшина. Значит, вы трудоголик?

Артем. А что в этом плохого? Алкоголик, наверное, хуже...

Гаврюшина (*сухо, поняв намек*). Да, конечно. Кстати, носки должны быть такой длины, чтобы, когда вы сидите, не выглядывала голая нога.

Артем (*одергивает штанину*). Понял. (*Откровенно рассматривает Гаврюшину.*)

Гаврюшина. И когда вы с кем-то разговариваете, не отводите взгляда, смотрите в глаза, это вызывает доверие. А вот если вы уставитесь на грудь женщины, как некормленный младенец, она решит, что вы наглец. У вас в Сибири так принято — приставать к девушке, едва войдя в незнакомый дом?

Артем. Я не приставал.

Гаврюшина. Я видела!

Артем. Вы не все видели! (*Встает.*) Сколько я должен за первое занятие?

Гаврюшина. Нисколько. Первый урок я даю бесплатно. А вот за последний беру дорого!

Артем. Последнего не будет. Я больше к вам не приду. За унижения не платят. (*Решительно направляется к двери, останавливается, возвращается, бросает в жертвенник крупные купюры.*)

Гаврюшина. Платят, Артем Михайлович, еще как платят! И если это наше первое и последнее занятие, тогда вот вам прощальный совет: когда говорите кому-то неприятные слова, обязательно улыбайтесь! Лучше действует. Ведь что такое улыбка? Это оскал зверя, облагороженный человеческой цивилизацией...

Артем (*удивленно оборачиваясь*). Вы серьезно? Улыбка? Повеситься на два месяца.

Гаврюшина (*морщась*). Я редко шучу. А вам, Артем Михайлович, пора отвыкать от старосибирских прибауток. Это не комильфо.

Артем. Что?

Гаврюшина. Не катит. Так понятнее?

Артем. Понятнее.

Гаврюшина. И учитесь правильно улыбаться! Улыбкой можно выразить все, любой оттенок чувств и мыслей. Я давно заметила: чем разнообразней и тоньше улыбается человек, тем успешней его жизнь. А вы мужчина видный. Вас будут любить женщины. Вам надо обязательно овладеть искусством прощальной улыбки. Ну-ка, повторите: «Я больше к вам не приду!» И улыбнитесь!

Артем (*поколебавшись, повторяет, улыбаясь*). Я больше к вам не приду!

Гаврюшина. Добавьте немного иронии!

Артем. Я больше к вам не приду!

Гаврюшина. Уже лучше! Немного вежливой скорби!

Артем. Я больше к вам не приду.

Гаврюшина. Почти то, что надо! А теперь скажите так, чтобы женщина вам не поверила!

Артем. Я больше к вам не приду!

Гаврюшина. Отлично, Артем Михайлович! Схватываете на лету.

Артем (*зло*). И хватаю я тоже на лету! (*Уходит.*)

Гаврюшина смотрит ему вслед, пожимает плечами и уходит в спальню. Из-за ширмы осторожно выходит Китаец, достает из сосуда деньги, смотрит купюры на свет, пересчитывает и хихикает.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Та же гостиная. В окно видно, как на перила лоджии старая липа опустила заснеженные ветки. Зима. Китаец разглядывает игрушки на новогодней елке. Услышав шум в прихожей, скрывается за ширмой. Входят Артем и Гаврюшина. Она в вечернем платье. На нем хороший костюм с ярким галстуком.

Артем. Почему вы хмуритесь? Опять мною недовольны?

Гаврюшина (*поправляет ему галстук*). Галстук ярко-

Артем. Это все?

Гаврюшина. Нет. На вешалке дубленка Максима, а после его приходов Леонид Иванович обычно запивает. От огорчения. Но и вы меня сегодня не порадовали. Ставлю вам четыре с минусом.

Артем. Почему с минусом?

Гаврюшина. А почему четыре, вам неинтересно?

Артем. Нет. Пятерки вы мне никогда не ставите.

Гаврюшина. Объясняю. Во-первых, вы трижды сказали «как бы».

Артем. Черт!

Гаврюшина. Нечистая сила тут ни при чем. Надо следить за своей речью. Во-вторых, вы держали бокал с красным вином за ножку. А надо?

Артем. Снова забыл! За ножку держат шампанское и белое. А красное надо — за емкость. Вот так... *(Показывает, растопырив пальцы.)*

Гаврюшина. Правильно!

Артем. Теперь запомню.

Гаврюшина. Ничего не надо запоминать. В этикете все логично. Нужно понять эту логику. Она проста: делай так, чтобы удобно было тебе и не мешало другим. Почему бокал с шампанским держат за ножку? Да потому, что шампанское подают холодным. Пальцы отморозишь. А красное вино пьют...

Артем. Теплым!

Гаврюшин. Комнатной температуры. Третья ошибка. На приемах не ведут споры об организации производства в депрессивных районах и не хватают за локоть гостя, если он хочет наконец от вас отойти. На приемах просто знакомятся, обмениваются карточками. Потом можете встречаться и спорить до хрипоты. И уж, конечно, нельзя спрашивать у постороннего: «Кто эта хохочущая выдра с силиконовым бампером?» Тем более если это хозяйка приема...

Артем. Повеситься на два месяца!

Гаврюшина. Артем Михайлович, мы же договаривались!

Артем. Виноват. Но ведь она же дура!

Гаврюшина. Разумеется, если даром кормит и поит таких неблагодарных гостей, как вы. Кстати, когда едите устриц, вовсе не обязательно из пустых раковин строить на тарелке что-то вроде Пизанской башни.

Артем. Исправлюсь.

Гаврюшина. Ну, и последнее. Когда вы, наконец, запомните: в лифт первым входит мужчина, а выходит первой женщина.

Артем. Почему?

Гаврюшина. Давайте рассуждать логично!

Артем. Как с бокалами?

Гаврюшина. Да, как с бокалами. Лифт — место опасное вроде лодки. Вдруг она дырявая? Ведь в лодку-то вы сначала прыгнете сами, а потом уже пригласите туда даму, предложив руку? Так?

Артем. Так...

Гаврюшина. Теперь допустим, лифт сломан. Оборвался трос. Вы мужчина и принимаете опасность на себя. Ясно? А доехав до нужного этажа, можно без опаски пропустить вперед женщину, как в дверь. Это понятно?

Артем. А если в подъезде или возле квартиры ждет наркоман с бритвой?

Гаврюшина. Ну, это вы придумываете. Маловероятно.

Артем. Гораздо вероятнее, Вера Николаевна, чем оборванный трос.

Гаврюшина. Неприятная история... Алена мне рассказала. У нас такой тихий, интеллигентный подъезд. Все-таки кооператив МИДа. Их было четверо?

Артем. Двое.

Гаврюшина. Странно. Алена говорила, четверо. *(С уважением смотрит на него.)* У вас в Сибири все так хорошо дерутся?

Артем. Все... кто в спецназе служил.

Гаврюшина *(поколебавшись)*. Артем Михайлович, я убеждена, что мать не должна вмешиваться в личную жизнь взрослой

304 дочери, но тем не менее...

Артем (*участливо*). Что-нибудь случилось? Алена снова не ночевала дома? Вернулась утром с большим букетом?

Гаврюшина. Нет, теперь она ночует дома, но у нее заплаканные глаза.

Артем. А раньше с ней такого никогда не было?

Гаврюшина. Такого? Никогда. С Аленой что-то происходит. Не замечаете?

Артем. Нет.

Гаврюшина. Странно... Могли бы заметить: ведь все это из-за вас!

Артем. Почему же — странно? Вы тоже не замечаете, что происходит со мной. Из-за вас!

Гаврюшина (*отводя взгляд*). Артем Михайлович, вы о чем?

Артем. О том же, о чем и вы, Вера Николаевна!

Они долго смотрят друг другу в глаза. Артем пытается взять ее за руку, даже обнять — она отшатывается. Но тут из комнаты с грохотом выбегает Максим. За ним гонится отец. На шум из-за ширмы выглядывает Китаец.

Гаврюшин. Стой, урод, все равно убью!

Максим прячется за спины Гаврюшиной и Артема.

Гаврюшина. Что случилось?

Гаврюшин. Он снова просит денег!

Гаврюшина. Это продолжается уже двадцать лет. Мог бы и привыкнуть!

Максим. Папа, меня посадят!

Гаврюшин. И очень хорошо! Вот, смотри, стоит человек! Твой ровесник. И все у него нормально. Он благородный муж. А ты? Попрошайка!

Гаврюшина. Объясните, в чем дело?

Максим. Мне нечем гасить кредит!

Гаврюшин. Слышала? Я продал жертвенник эпохи Троецарствия, а этому солитеру нечем платить по кредиту!

Гаврюшин подбегает к полке и стучит кулаком по опустевшему месту. Из-за ширмы выныривает Китаец и тоже возмущенно стучит по полке. Гаврюшин делает ему знак, и тот удаляется в свое укрытие.

Гаврюшина. Макс, отец дал тебе кучу денег. Как же так?

Максим. Я сейчас все объясню...

Гаврюшин. Нет, это я вам сейчас все объясню! Артем Михайлович, не сочтите за труд, скажите, какой на вас костюм?

Артем. А что плохо сидит? *(Косится на Гаврюшину.)*

Гаврюшин. Отлично сидит. Как влитой. Фирма какая?

Артем. Фирма... Мы с Верой Николаевной вместе выбирали...

Гаврюшина *(смущенно)*. «Хьюго Босс».

Гаврюшин. Вот! Вице-президент холдинга носит скромный «Хьюго Босс». А этот кошкодав напялил «Бриони». Кастрированному коту, видите ли, крайне важно, что его мучитель одевается у Бриони! *(Хватает сына за лацканы.)* Годовая зарплата учителя!

Гаврюшина. Макс, можно бы и поскромнее!

Максим. Вера Николаевна, вы поймите, это философия моего бизнеса.

Гаврюшин. Философия? Шопенгауэр недорезанный! А снять помещение для кошачьего абортария на Кутузовском проспекте, в доме, где жил Брежнев, — тоже философия?

Максим. Конечно! Я хотел привлечь випов. Они же не повезут кисок в Тропарево. Я лично принимаю каждого клиента, и они должны видеть, что обратились в крутую фирму, что цены соответствуют уровню. Ну, Артем, ну, скажи им, что галстук, костюм, часы... Все это очень важно! Иначе нельзя...

Гаврюшин. Часы-ы! Ага! Покажи, мерзавец, часы! *(Хватает его за руку.)* Так и знал: «Брегет». А перстень-то, перстень, как у цыганского барона! Вера, отдай ему бусы, которые мы купили в Калькутте!

Гаврюшина. Леня, успокойся, что сделано, то сделано!

Гаврюшин. Ха-ха! Сделано? Ты еще не знаешь, что сделано!

Скажи сынок, а ремонт обязательно делать в древнеегипетском стиле?

Максим. О да! Ведь наши киски произошли от нильского камышового кота.

Гаврюшин. Убью!

Артем. Погодите, Леонид Иванович, по маркетингу пока все нормально. Конечно, Макс, с представительскими расходами ты переборщил. Но теперь должна пойти прибыль. Ты в каком банке брал кредит?

Максим. В «Эльбрусе».

Артем. У Мусаева?

Максим. Да, у Вахи Джохаровича. Ты его знаешь?

Артем. Я с ним воевал. Попрошу: он немного подождет.

Гаврюшин. Какая, к дьяволу, прибыль! У него все кошки сдохли!

Артем. Как сдохли?

Гаврюшин. А как кошкидохнут? Мяу — и лапки кверху.

Гаврюшина. Почему сдохли?!

Гаврюшин. А вот это самое интересное! Рассказывай, плевков природы!

Гаврюшина. Леня, успокойся! Не надо употреблять такие выражения. Где твоя конфуцианская сдержанность?!

Гаврюшин. Где? Чтобы это объяснить, мне нужны и не такие выражения!

Гаврюшина. Прошу тебя: остынь! Макс, отчего сдохли кошки?

Максим. Они не сдохли, а умерли.

Гаврюшина. Хорошо, отчего они умерли?

Максим. От препарата «Анти-март».

Гаврюшина. Что за препарат?

Максим. Новейшая разработка. Нанотехнология. В инструкции написано: «радикально избавляет котов от либидо».

Гаврюшин. А у котов есть либидо?

Максим. Конечно, папа! Поэтому они в марте так страдают. Я и подумал: если хозяин любит своего пушистого друга — он заплатит любые деньги, чтобы обойтись без «чик-чик». Дал объявление — и клиенты просто валом повалили. А потом вдруг...

Артем. Где ты взял препарат?

Максим. На фирме «Котовасия».

Артем. Ты их нашел или они — тебя?

Максим. Они. Сказали, клинические испытания закончены, но бумаги оформляются долго, и на рынке «Анти-март» появится только в следующем году. Понимаете, это же эксклюзив!

Гаврюшин. От этого эксклюзива весь Интернет теперь взорвется: Максим Гаврюшин — живодед и враг всего прогрессивного кошачества! Охрана животных устроит пикеты возле «Чик-чика», а хозяева усопших подадут в суд. Вера, ты понимаешь, сколько они слупят с нашего дебила?

Гаврюшина. Какой ужас!

Артем. Макс, дай мне адрес этой «Котовасии». Мы их тряхнем!

Максим. Я туда ездил. Нет там никакой фирмы. И никогда не было.

Артем. Подстава. Плохо! Как же ты так повелся? Надо было проверить!

Максим. Они предложили хорошую скидку, если я возьму всю партию.

Артем. И ты взял?

Максим. Взял. Хотел стать монополистом на рынке. Так во всех учебниках по бизнесу написано.

Гаврюшин. Учиться бизнесу по книжкам — то же самое, что учиться любви по «Камасутре». Значит, денег нет?

Максим. Нет. Совсем нет.

Гаврюшина. Артем Михайлович, сделайте одолжение, поговорите с Вахой Джохаровичем об отсрочке. Все-таки вы однополчане...

Артем. Поговорю. Думаю, к батарее Макса приковывать не будут. Только вы не поняли, мы не однополчане. Наоборот. Мы воевали друг с другом, а познакомились под Хасавюртом, когда пленных обменивали. Правда, тогда у него другое имя было. Но мужик он нормальный и не хочет, чтобы о нем лишнее узнали.

Гаврюшина. Спасибо!

Артем. Не за что. Но долги все равно надо возвращать.

308 Это только отсрочка.

Входит Алена.

Алена (*бросается на шею Артему*). Артемон, а почему ты не сказал, что у тебя новая тачка?

Гаврюшин (*подозрительно*). Какая еще тачка?

Алена. Красный «ягуар».

Артем. Это не мой. Мы с Верой Николаевной на такси приехали.

Алена. А чей же? В нашем доме ни у кого такого нет.

Максим. Наверное, у кого-нибудь гости...

Все невольно смотрят на Макса. Тот опускает голову.

Гаврюшин. А «ягуар» ты, вошь череповецкая, зачем купил? Котов кастрированных по домам развозить? Убью!

Максим. Папа, это философия моего бизнеса! Ягуары тоже из семейства кошачьих...

Гаврюшин бросается на сына, тот выбегает из квартиры.

Отец — за ним. Неловкая пауза.

Гаврюшина. Ну, мне надо к следующему занятию готовиться. Скоро придет ученик. А вы бы, дети, сходили куда-нибудь! (*Уходит в спальню.*)

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Алена. Точно! Почему бы детям и не сходить куда-нибудь, а? Может, Артем Михайлович, изучим, как следует вести себя в подпольных казино Москвы?

Артем. У меня много работы.

Алена. И поэтому ты не звонишь? Раньше у тебя не было столько работы! А может, ты просто коллекционер? Поймал бабочку, приколот иголочкой к стенке. В старости будешь сидеть в кресле-качалке и вспоминать: вот эта, с белыми крылышками, попала мне...

Артем. Я не по этой части.

Алена. Артем, ну, поедем к тебе! Ну, что ты смотришь? Да, я проходила с мамой краткий курс девичьей гордости. Знаешь, чем воспитанная девушка отличается от невоспитанной?

Артем. Чем же?

Алена. Невоспитанной приходится вести себя так, чтобы думали, будто она воспитанная. А воспитанная может делать все, что захочет. Она же воспитанная, ей наплевать, если кто-то что-то подумает. Артем, ты не понимаешь? Я же тебя люблю!

Артем. Ты разве умеешь?

Алена. Я научусь! Я хочу, чтобы ты был моим последним мужчиной!

Артем. У меня не получится.

Алена (*после долгого молчания*). Значит, расфрендились?

Артем. Нет, почему же? Дружить мы будем, если хочешь...

Алена. Нашел другую... А мы к тебе так привыкли. Мама раз десять спрашивала, не делал ли ты мне предложение. Чтобы я ни в коем случае не отказывалась. Знаешь, раньше я всем отказывала. Ночь, проведенная вместе, не повод для замужества. Ночь можно провести с кем угодно, а жизнь — только с одним человеком. Я думала, этот человек — ты!

Артем. Ты ошибалась.

Алена. Жаль, я не залетела! Была бы теперь зеленая от токсикоза, а ты, как порядочный человек, женился бы на мне. Правда же?

Артем. Как порядочный человек, я бы обеспечил ребенка.

Алена. Значит, мы больше не увидимся?

Артем. Ну, почему же? Вера Николаевна хочет заняться со мной деловым английским. Я буду приходить к вам...

Алена. Нет, не будешь!

Артем. Почему?

Алена. Не получится! С дочерью — постельным английским, а с матерью — деловым! Тоже мне, молодой бог! Гермес старосибирский! Вылетишь отсюда в своих крылатых валенках! Ты меня не знаешь! Я сейчас заору, позову родителей и скажу, что ты со мной такое сделал... такое...

Артем. И что же такое я с тобой сделал, чего ты не знала?
Алена. А этого я не скажу. Буду рыдать, вопить, царапаться, и они вообразят самое жуткое. Так страшнее! Ну, едем к тебе?

Артем. Нет.

Алена. Подумай! Не будет делового английского. Ничего не будет!

Артем. Алена, ты сама не понимаешь, что говоришь!

Алена (*спокойно*). Значит, нет? Хорошо... (*Источно визжит.*)
Папа! Мама! А-а-а!

На крик прибегают Гаврюшины: мать — из спальни, отец — из прихожей. Китаец тоже появляется из-за ширмы.

Гаврюшина. Что случилось?

Гаврюшин. Артем, в чем дело?

Алена (*торжественно*). Он... Артем.... Артем Михайлович...
Сейчас... Он сделал... мне предложение...

Гаврюшин. Наконец-то! Поздравляю!

Гаврюшина (*удивленно*). Это правда?

Все смотрят на Артема. Каждый по-своему. Он молчит.

Алена (*хихикая*). Шутка! Обманула, а вы и поверили! Идиоты!
Они поверили! Уроды! Уроды! Уроды! (*Смех переходит в хохот.*)

Родители бросаются на помощь. Китаец обмахивает лицо Алены большим веером.

Гаврюшина (*Артему*). Ну, что вы стоите? Несите воду! У нее истерика...

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Та же гостиная. Но на полке остался единственный жертвенник. Рядом стоит Китаец и с тоской смотрит на последний сосуд. В окне видно, как старинная липа опустила на перила лоджии зеленые ветви. Лето. В кресле сидит Гаврюшин. Перед ним бутылка водки и рюмка. Раздается звонок в дверь. Гаврюшин не реагирует. Китаец бежит в прихожую, потом скрывается за ширмой.

Входит Непочатый, он в деловом костюме.

Непочатый. Леня, у тебя дверь нараспашку!

Гаврюшин. Не исключено. Ходил за недостающим звеном и не запер.

Непочатый. За чем ты ходил?

Гаврюшин. За водкой. Рюмка водки иногда кажется мне недостающим звеном, без которого нельзя понять смысл жизни. Выпьешь — и поймешь. Выпиваешь...

Непочатый. И не понимаешь...

Гаврюшин. Верно! Думаешь: зато уж следующая — точно недостающее звено! *(Наливает.)* Выпьешь?

Непочатый. Нет, спасибо.

Гаврюшин. Зачем тогда пришел?

Непочатый. Ехал мимо. Позвонила секретарша: переговоры на полтора часа перенесли. Ну, думаю: зайду к тебе по-русски. Без предупреждения.

Гаврюшин. Если зашел по-русски, пей!

Непочатый. Говорю тебе: переговоры.

Гаврюшин. Ты кому рассказываешь, мне, карьерному дипломату? Переговоры без алкоголя, как большой спорт без допинга.

Непочатый. Ладно, только одну рюмку.

Гаврюшин наливает. Они чокаются, выпивают.

Гаврюшин. Рекомендую! Маринованный имбирь. Человечество лучшей закуски еще не придумало!

Непочатый. А соленые огурцы?

Гаврюшин. Вторично! Вот чем еще хорош алкоголь: избавляет от лишних дел. Ну, теперь понял — нужны тебе эти переговоры?

Непочатый. Нет, пока не понял.

Гаврюшин. Тогда еще по рюмке!

Выпивают снова.

Непочатый (*смотрит на одинокий жертвенник*). Ну что, расплатился Максим с долгами?

Гаврюшин (*вздыхнув*). Расплатился. Ты не представляешь, почему теперь дохлые кошки! Да еще судья оказалась кошатницей, вкатила за моральный ущерб по полной программе. Семьям убитых милиционеров столько не выплачивают. Я сказал Макс: больше никаких котов!

Непочатый. И чем он теперь занимается?

Гаврюшин. Открыл ресторан «У Хеопса».

Непочатый. Почему у Хеопса?

Гаврюшин. Ну как же! Клинику он отделал в древнеегипетском стиле. Ну, и чтобы деньги не пропадали, там теперь восточная кухня. У входа живой верблюд пасется...

Непочатый. Неплохо придумано. И с рестораном, и с верблюдом.

Гаврюшин. Артем подсказал. Договорился с Мусаевым об отсрочке, даже купил у Макса «ягуар», чтобы мой раздолбай кредит вернул. Толковый Артем парень. Жаль, у них с Аленой не сладилось...

Непочатый. Слишком толковый! Оборзел! Всюду лезет. С Мусаевым этим связался. Боюсь у него головокружение от успехов...

Гаврюшин. Главное, чтобы головокружения не было... Ну, что ты решил с переговорами?

Непочатый. Не пойду. К черту! Наливай!

Гаврюшин. Правильно!

Чокаются. Выпивают. Закусывают.

Непочатый (*озирается*). А-а-а... где?..

Гаврюшин. Где я беру маринованный имбирь?

Непечатый. М-м-м... Да!

Гаврюшин. В китайском магазинчике. Недалеко. Могу показать.

Непечатый. Спасибо! А-а-а...

Гаврюшин. Как здоровье Алены?

Непечатый. М-м-м... Да!

Гаврюшин. Лучше. Конечно, нервный срыв на почве неразделенной любви никому на пользу не идет, но теперь она, кажется, успокоилась. Мы ее подлечили, осенью снова в институт пойдет, замуж вроде бы собралась...

Непечатый. За кого?

Гаврюшин. За художника. Он у нас этюдник забыл. Пришел забирать... Ну и как-то сладилось. В этом возрасте шрамы на сердце заживают, как в детстве ссадины на коленках.

Непечатый. Давай за Аленку, чтобы счастлива была!

Гаврюшин. Давай!

Выпивают, закусывают, переводят дух.

Непечатый. А где?..

Гаврюшин. Вера Николаевна?

Непечатый. Да! Да! Да!

Гаврюшин. Работает. Она теперь редко бывает дома.

Непечатый. Много учеников?

Гаврюшин. Я бы не сказал. С Артемом много занимается. Теперь вот приучает его к консерватории. Шопен, Бетховен, Стравинский...

Непечатый. Под Шопена хорошо думается. Я под Шопена несколько схем ухода от налогов сообразил. Но вообще-то странно...

Гаврюшин. Что — странно?

Непечатый. Меня Вера Николаевна всего за три месяца окультурила. А с Будариним возится и возится.

Гаврюшин. Она всегда хотела сына. Вот и возится...

Непечатый. И чем же они теперь занимаются, кроме

Гаврюшин. Этикет давно кончился. Деловой английский тоже. Наверное, деловым французским. А может, любовью...

Непочатый. И ты так спокойно об этом говоришь?

Гаврюшин. Эдик, мудрые китайцы советуют: если берешь молодую жену, приготовь на ложе место для третьего.

Китаец выглядывает из-за ширмы и часто кивает.

Твоей-то Елене сколько?

Непочатый. Марине.

Гаврюшин. Прости, не уследил. В дочки годится или уже во внучки?

Непочатый. Не важно. Я покупаю все только самое свежее. И не волнуйся, она у меня под колпаком. Круглосуточно!

Гаврюшин. В каком смысле?

Непочатый. Как Штирлиц у папаши Мюллера. Нанял ветерана наружного наблюдения. Он еще Солженицына пас.

Гаврюшин. Дорого?

Непочатый. Недешево. Зато надежно.

Гаврюшин. Выброшенные деньги. Следить за своей женой, как за своим здоровьем, — все равно не уследишь.

Непочатый. А ты бы все-таки последил, куда они ходят, что делают?

Гаврюшин. Мне некогда. Я китайцев перевожу. Хочешь, прочту?

Непочатый. Не хочу.

Гаврюшин. Тогда слушай! *(Декламирует нараспев, стараясь подражать тонике китайского стиха.)*

Выпал снег молодой.

В небесах засияла луна.

И на белом пушистом снегу

Даже старая лошадь прекрасна!*

Непочатый. Ты к чему это прочитал?

Гаврюшин. Ни к чему. Просто такие стихи.

* Из классической китайской поэзии. — Переложение автора.

Непочатый. Хочешь, мой ветеран и за твоей присмотрит? Безоткатно.

Гаврюшин. Зачем? Что нового я узнаю? Мне уже изменяла жена. Алевтина. Причем в особо крупных размерах. Сначала такое чувство, что обрушился мир, а потом... словно воспользовался чужой зубной щеткой. Но если тебе, Эдик, так хочется — пусть последит.

Непочатый. С чего ты взял, что мне хочется? Я только — ради тебя.

Гаврюшин. Эдик, кому ты врешь? Я дипломат, меня специально учили честно лгать и чуять чужую ложь. Первому я, увы, так и не научился, а вот вторым овладел неплохо. Отстань ты от Веры! Купи себе еще свежего мяса в стрингах и успокойся.

Непочатый. Леня! В чем дело? Я? Вера?! Ты сошел с ума!

Гаврюшин. У тебя есть квартира в Ницце?

Непочатый. Допустим...

Гаврюши. Ты звал туда Веру, предлагал заняться непристойными вещами?

Непочатый. Ты о чем?

Гаврюшин. Я? Я — о плевании с балкона в Средиземное море!

Из-за ширмы выглядывает Китаец и хихикает.

Непочатый. Клевета! Откуда знаешь?

Гаврюшин. У меня тут живет китайский домовый. Где же он? (*Вертит головой.*) Вышел куда-то... Он все слышит и мне докладывает.

Непочатый. Леня, ты много пьешь и стал подозрительным. Надеюсь, твой домовый донес, что мне было отказано. В резкой форме.

Гаврюшин. И это правильно! Если бы я был Верой и выбирал, с кем мне изменить... я бы тоже выбрал Артема. Ты, Эдик, староват, с тобой можно изменить только Родине!

Непочатый. Леня, ты из позапрошлого века! Сегодня мужчина с каждым заработанным миллионом становится моложе на пять лет!

Гаврюшин. Значит, Абрамович еще не родился?

Гаврюшин. Но главное не возраст. Ты нечистоплотен.
Непечатый. Я?! У меня в квартире сауна с джакузи, а на даче каскадный бассейн.

Гаврюшин. Да хоть Ниагарский водопад. Повторяю: ты нечистоплотен. В бизнесе. А Вера из хорошей семьи — и очень щепетильна.

Непечатый. В бизнесе по-другому нельзя.

Гаврюшин. М-да, в России богатство, как дизентерия...

Непечатый. В каком смысле?

Гаврюшин. Болезнь грязных рук. Давай выпьем за то, чтобы в России бизнес стал прозрачным, как слеза налогового инспектора!

Непечатый. Давай!

Выпивают, закусывают.

Гаврюшин. Вот скажи мне, Эдик, только честно: если бы ты был Верой, с кем бы ты мне изменял, — с собой или с Артемом?

Непечатый. Что? Если бы я был Верой... Хм... погоди, попробую представить себя Верой...

Из прихожей слышен звук открываемого замка.

Гаврюшин. Ладно, не тужься! Вот она — дверь отпирает. У нее и спросим.

Непечатый. Откуда ты знаешь, что отпирает она? Может, Алена...

Гаврюшин. Сразу видно, ни одной своей бабы ты толком не прочувствовал. Когда долго живешь с женщиной, знаешь про нее все: когда правду говорит, когда обманывает, когда вздыхает от счастья, когда от скуки, знаешь, как дверь отопрет, как войдет, как посмотрит и что скажет...

Непечатый. Ну и что она сейчас скажет?

Гаврюшин. Она спросит: «Леня, ты опять пьешь без закуски?»

Непечатый. А имбирь?

Гаврюшин. Это не закуска.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Появляется Гаврюшина. Она явно чем-то взволнована.

Гаврюшина. Здравствуйте, Эдуард Никитич! Давненько вы у нас не были...

Непочатый. А что мне к вам заходить-то? Вы теперь все больше по консерваториям...

Гаврюшина (*резко*). Это не ваше дело!

Гаврюшин (*встревоженно*). Вера, да что с тобой?

Гаврюшина (*очнувшись*). Все нормально... Извините! Просто голова болит. Погода меняется. Ты опять пьешь без закуски?

Гаврюшин (*гордо глядя на собутельника*). А вот — имбирь.

Гаврюшина. Имбирь не закуска. Я вам сейчас что-нибудь приготовлю. (*Хочет идти на кухню.*)

Гаврюшин. Вера, погоди! Эдик хотел тебя спросить. Спрашивай!

Непочатый. Не хочу спрашивать.

Гаврюшин (*грозно*). Спрашивай! А то я сам спрошу!

Гаврюшина. Эдуард Никитич, вы бы уж спросили.

Непочатый. И спрошу! Вера Николаевна, можно мы пойдем куда-нибудь посидим. У нас очень интересный разговор.

Гаврюшина. Леониду Ивановичу надо не посидеть, а полежать.

Гаврюшин. Ты меня недооцениваешь. Но в одном права: древние были ближе к природе и пировали лежа. Но «куда-нибудь» я не хочу...

Непочатый. А куда ты хочешь?

Гаврюшин. К Хеопсу.

Непочатый. Я знаю места получше. Есть один загородный ресторан: сам ловишь стерлядь на удочку, а потом жарить на мангале...

Гаврюшин. Нет, хочу к Хеопсу! Там верблюды. И могу я увидеть, наконец, на что ухлопал два жертвенника эпохи Троецарствия?!

Гаврюшина. Ладно уж, идите к Хеопсу! Это недалеко. Но под вашу, Эдуард Никитич, личную ответственность. Сами привезете

Леонида Ивановича домой, живым или мертвым. Максимум привет! Вам все понятно?

Непечатый. Нет.

Гаврюшина. Что непонятно?

Непечатый. Почему вы не моя жена?

Гаврюшина. Идите, идите, многоженец!

Гаврюшин (*встает, шатается, опираясь на Непечатого*). Эдик, ты пьян, за руль тебе нельзя. Вызывай верблюда!

Поддерживая друг друга, они покидают квартиру. Оставшись одна, Гаврюшина садится на диван, трет пальцами виски. Звонит мобильный телефон. Она его выключает. Потом долго дребезжит городской. Она выдергивает шнур из розетки. Затем кто-то терзает входной звонок. Она затыкает уши. Сидит, уставившись в одну точку. Смахивает с глаз слезинки, роется в сумочке, находит платок, удивленно достает из сумки красную коробочку, открывает, смотрит на кольцо, захлопывает и швыряет в сумочку. Ложится ничком на диване. Из-за ширмы появляется Китаец и бережно укрывает ее пледом.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вдруг шторы раздвигаются, и с лоджии в комнату бесшумно проникает Артем, одетый в джинсы и дорожную кожаную куртку. Через плечо сумка. Китаец скрывается за ширмой. Бударин подкрадывается и гладит Гаврюшину по волосам.

Гаврюшина (*вскрикивает*). Ты?! Как?

Артем. Сержант Бударин. Полковая разведка. Ваш третий этаж — пустяки. Я однажды в Чечне на сторожевую башню залез. Там снайпер сидел...

Гаврюшина. Убил?

Артем. Зачистил.

Гаврюшина. Зачистил... Как много зависит от слов...

Артем. Вера, что с тобой? У нас сегодня такой день!

Гаврюшина. Какой день?!

Артем. Не-за-бы-ва-е-мый! (*Достает из сумки шампанское, обдирает фольгу с горлышка.*)

Гаврюшина (*с горечью*). Хочешь отметить победу? Убери!

Артем (*нехотя прячет бутылку в сумку*). Вера, чем я тебя обидел? Почему ты не отвечаешь на звонки?

Гаврюшина. А ты не понимаешь?

Артем. Нет, не понимаю! Что плохого случилось? Нам было так хорошо! Ведь хорошо? Ты же не притворялась?

Гаврюшина. Нет, я не притворялась...

Артем. Тебе понравилась моя квартира?

Гаврюшина. Что?.. А ведь ты обещал: «Мы только посидим-поговорим».

Артем. Ты еще скажи, что никогда мужу не изменяла!

Гаврюшина. Не поверишь?

Артем. Не поверю. И в любовь с первого взгляда в очереди за Петровым-Водкиным я не верю. ...

Гаврюшина. Это тебе Алена рассказала?

Артем. Какая разница!

Гаврюшина. Да, это была не любовь. Это была месть с первого взгляда.

Артем. Месть! Кому?

Гаврюшина. А кому мстят? Не знаешь? Тем, кого любят. И чем сильнее любят, тем страшнее мстят!

Артем. И кого же ты так сильно любила?

Гаврюшина. Такого же, как ты — мальчика с небом над головой. И он меня любил, кажется. Но женился не на мне, а на однокурснице со связями.

Артем. Он что — совсем козел?

Гаврюшина. Нет, он был очень умным, все рассчитал и составил хитрый план: мы продолжаем встречаться тайком, а как только его карьера становится необратимой, он разводится и возвращается ко мне! Ну не смешно?!

Артем. Нет, не козел, хорек!

Гаврюшина. ...Я так долго смеялась над этим планом, что сошла с ума, и, наверное, что-нибудь с собой сделала бы...

320 Но я была начитанная девочка с фантазиями и ждала

свадьбы, чтобы испортить ему этот день. На всю жизнь! И вдруг — Леонид Иванович. Несчастный. Забавный. Дипломат. Обещает: из ЗАГСа — прямо за границу. А знаешь, что значило тогда слово «за-гра-ни-ца»? Не знаешь... Мой глупый карьерист ради этого и женился. Я поняла: вот она, настоящая месть! Мама отговаривала, умоляла! Но мне так хотелось отомстить! И я отомстила. Себе. На всю жизнь.

Артем. А он?

Гаврюшина. Не знаю. Мы с мужем уехали в Китай. Я его больше не видела. Потом, на вечере выпускников, кто-то сказал, что жена его бросила, он искал меня, сильно пил и умер от инфаркта в метро. Наверное, это очень больно, потому что он насквозь прокусил себе губу...

Артем. Ты его до сих пор любишь?

Гаврюшина. Артем, нельзя любить прошлое. Можно помнить. Я помню.

Артем. Я теперь тоже прошлое?

Гаврюшина. К сожалению, настоящее...

Артем. Почему «к сожалению»?

Гаврюшина. Не понимаешь? Что мне теперь делать? Раз в неделю тайком прибегать к тебе — «посидеть-поговорить»?

Артем. Каждый день!

Гаврюшина. А потом попасться, как блудливая домохозяйка? Нет, так я не хочу, а изменить свою жизнь не могу. И помолодеть не могу...

Артем. Тебе не надо молодеть. Я люблю тебя такой, какая ты есть...

Гаврюшина. Спасибо не сказал, что будешь любить меня такой, какой я стану через десять лет. Не поверила бы!

Артем. Мы уедем!

Гаврюшина. Когда люди не знают, что делать, они обычно так и говорят: мы уедем. Куда?

Артем. Не важно. Куда захотим! У меня есть деньги.

Гаврюшина. Откуда?

Артем. Непочатый был мне должен.

Гаврюшина. Непочатый?! Тебе? Странно. Раньше все были должны ему.

Артем. А теперь по-другому...

Гаврюшина. Напрасно ты подложил мне это кольцо. Если я сказала: «не возьму», значит, не возьму. А тебе когда-нибудь пригодится... *(Насильно вкладывает ему в руку коробочку с кольцом.)*

Артем. Уедем, Вера! Денег хватит. Мы будем жить как боги!

Гаврюшина. А ты знаешь, мальчик, как жили боги? Ты внимательно читал эту свою книжку? Боги! Они ради власти и похоти убивали, лгали, обманывали, предавали, оскопляли друг друга, как Макс этих бедных котов. Они крали друг у друга коров, жен, наложниц... А несчастные женщины, которые на свою беду приглянулись блудливым небожителям, гибли или превращались в паучих, в змей, в камни... Иногда всего за одну ночь страсти!

Артем. Но ты же любишь меня, Вера!

Гаврюшина. И что теперь?

Артем. Но ведь любовь главнее всего!

Гаврюшина. Кто сказал тебе эту чушь? Главней чего? Жизни? Чьей? Твоей, моей или жизни близких людей? Ты как себе все это представляешь? Мы тайком удерем и дадим телеграмму: «Привет с Лазурного берега? До моря можно с балкона доплюнуть...»

Артем. С какого балкона?

Гаврюшина. Не важно. Ты понимаешь, что будет с Аленой, с Леонидом Ивановичем?

Артем. А что будет с нами, тебе не интересно?

Гаврюшина. Ничего с нами не будет. Остынем. Сначала ты. Потом и я.

Артем. Не решай за меня! Я не остыну. Почему ты не хочешь это понять?

Гаврюшина. Потому что Алена тебя до сих пор любит. Не заметил?

322 Артем. У нее художник...

Гаврюшин. Ты так ничего и не понял, хитроумный Гермес! Кому-то для мести нужен брошенный дипломат, а кому-то хватает уличного художника. Если она про нас догадается, не знаю, что будет... Я останусь без дочери.

Артем. Никто не узнает. Мы будем осторожны...

Гаврюшина. Осторожны? Как сегодня? Не смейся! Боже, что я наделала! Господи, почему, ну почему так поздно, почему так не по-людски?!

Артем. Неужели нет выхода?

Гаврюшина. Есть. Это наше последнее занятие. Ты оказался способным учеником, чересчур способным. Познал все, что хотел. Мне больше нечего тебе дать. Ты очень вежливо попрощаешься с моей семьей и больше никогда здесь не появишься. Это единственный выход.

Артем. Ты сдержала обещание.

Гаврюшина. Какое?

Артем. Что последнее занятие будет стоить мне дорого.

Гаврюшина. Уходи, Артем, пожалуйста!

Артем (*улыбаясь*). «Я к вам больше никогда не приду»?

Гаврюшина. Не смешно! Скоро вернется Алена.

Артем. Вера, зачем ты себя обманываешь? Ты же теперь не сможешь, как ни в чем не бывало, жить со своим вечно пьяным Леонидом Ивановичем. Ты не сможешь без настоящего мужчины, без меня не сможешь! Ты же сама мне шептала...

Она с размаху бьет его по щеке.

(*Опешив.*) Спасибо не ожидал...

Гаврюшина. Вон отсюда! Настоящие мужчины так себя не ведут!

Артем. Именно так они себя и ведут!

Хватает ее, бросает на диван. В прихожей раздается грохот.

Любовники вскакивают, приводят себя в порядок.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Входят, поддерживая друг друга, Непочатый и Гаврюшин.

Непочатый. Видишь! Что я тебе говорил?

Гаврюшин. А что ты мне говорил?

Непочатый. Забыл?

Гаврюшин. Вспомнил! (*Артему и жене.*) Чем это вы тут занимаетесь? Практическое занятие по адюльтеру?

Гаврюшина. Леонид Иванович, ты совсем пьян. Иди — ложись!

Гаврюшин. Когда лежишь — еще обиднее.

Поддерживаемый Китайцем, выскочившим из-за ширмы, он медленно уходит в спальню.

Непочатый. Артем, нельзя брать чужое, даже если оно... хорошо лежит!

Артем. Вы о чем, Эдуард Никитич? Я беру только свое.

Непочатый. Ой ли?! Артем, с огнем играешь! Я тебя любил, как сына...

Гаврюшина. Я думала, вы только деньги любите...

Непочатый. Да, я люблю деньги. Деньги не изменяют, как жена. Не предадут, как друг. Не обворуют, как подлый партнер. Не бросят в старости, как неблагодарные дети. Что такое деньги? Это твой ум, труд, упорство, превращенные в волшебные цифры, исполняющие все желания. Безоткатно!

Гаврюшина. Да вы поэт! Но хочу вас огорчить: не все желания!

Непочатый. Вы хоть и наркотическая женщина, но лучше помолчите!

Артем. Почему вы так разговариваете с Верой Николаевной?

Непочатый. Как хочу, так и разговариваю. Не твое дело, сопляк! Ты ей не муж.

Артем. Согласно деловому этикету, Эдуард Никитич, к младшим партнерам следует обращаться с подчеркнутый веж-

Непечатый. Окультурила на мою голову! Мальчишка, ты еще не знаешь, что я с тобой могу сделать!

Артем. Эдуард Никитич, когда угрожаете, надо улыбаться. Так страшнее! Ведь улыбка — это звериный оскал. Правда, Вера Николаевна!

Непечатый. Ах, ты сволочь! Обокрал, да еще издевается! *(Бросается на него, хватая за грудки.)*

*Артем умелым движением выворачивает ему руку,
втыкая лицом в диван.*

Гаврюшина. Вы все с ума сошли! Прекратите!

На шум из спальни, опираясь на Китайца, появляется Гаврюшин.

Гаврюшин. Ага! Стреляться! Немедленно! Через платок!

*Из передней входит Алена с цветами и небольшой картиной,
упакованной в бумагу. Увидев ее, Артем отпускает Непечатого.
Тот тяжело дышит.*

Алена. Что происходит? Мама, это новая методика деловых переговоров?

Гаврюшина. Алена, заткнись!

Гаврюшин. Делят годовую прибыль, дочка. Дикий капитализм.

Алена. Жесть! Артем Михайлович, а что это там за верблюд плюет на ваш «ягуар»?

*Китаец бежит в лоджию, смотрит вниз и возвращается,
удивленно кивая.*

Артем. Верблюд? Не знаю...

Гаврюшин. Это наш верблюд! Макс дал нам до дому доехать.

Непечатый *(хрипло)*. Врешь! Ты без спроса взял, верблюдокрад!

Гаврюшин. Взял. Имею право! Из-за этого двугорбого губошлепа я продал жертвенники эпохи Троецарствия,

а он, сволочь, не знает правил дорожного движения. Прет на красный свет...

Алена. Как же вы доехали?

Гаврюшин. Пришлось дворами пробираться. Верблюд может заменить автомобиль, но только страшно воняет. (*Кивает на картину.*) Что это у тебя?

Алена. Мой портрет.

Гаврюшин. Жених нарисовал? Покажи!

Алена распаковывает портрет.

Ну-ка, ну-ка!

Все смотрят на картину — нелепо авангардную.

Китаец качает головой.

Артем. Повеситься на два месяца!

Гаврюшин. Разве это ты, дочка?

Непочатый. У девушек не бывает так много глаз...

Гаврюшина. Это авангард, наверное...

Алена. Вы ничего не понимаете! Авангард — прошлый век. Это актуальное искусство!

Артем. По-моему, даже слишком актуальное...

Алена. Ой, Артем Михайлович, вы теперь даже в живописи разбираетесь! Знаете уже, кто такой Петров-Водкин?! Мама, ты прошла с ним краткий курс истории искусства? Когда же успели?..

Непочатый. Долго ли умеючи!

Гаврюшина. Эдуард Никитич, в чем дело? Подите вон!

Непочатый. Вера Николаевна, вы хоть и наркотическая женщина, но еще пожалеете! Леня, берешь моего ветерана?

Гаврюшин. Зачем? Как говорят в Поднебесной, любовь женщины — это рябь на воде.

Китаец скорбно подтверждает сказанное.

Алена. Какая рябь? Какой ветеран? Папа, я ничего не понимаю!

Гаврюшин. А тут и понимать нечего. Запомни и передай своим детям: художник, изображая любимую, обязан быть реалистом! В противном случае он просто не умеет рисовать, и его надо гнать из искусства поганой метлой!

Алена. Папа, а как же Пикассо и Кандинский?

Гаврюшин. Пикассо надо гнать первым!

Непочатый. Кандинского вторым.

Артем. А твоего жениха третьим!

Алена. Прошу не лезть копытами в мою личную жизнь!

Гаврюшина. Так! Хватит! Всем спокойной ночи!

Гаврюшин. До завтра, Артем! Пивка прихвати, ладно? Для ремонтно-восстановительных работ...

Артем. Не получится.

Гаврюшин. Почему?

Артем. Я больше к вам никогда не приду!

Алена. Какая жалость! А ко мне на свадьбу?

Артем. Нет.

Алена. Почему?

Артем. Сегодня у нас с Верой Николаевной было последнее занятие.

Непочатый. А вот это правильно!

Гаврюшина. Артема Михайловича больше учить нечему. Он готов к покорению олимпов.

Гаврюшин. Последнее занятие — это повод. Где недостающее звено?

Гаврюшина (*строго*). В доме спиртного нет!

Артем. Есть. (*Достает из сумки бутылку шампанского.*)

Алена. Какая предусмотрительность!

Артем. Хотел отметить... последнее занятие.

Гаврюшина. Хватит!

Гаврюшин. В самом деле, хватит слов. Открывай!

Бударин открывает шампанское, разливает по бокалам, поданным Аленой. Китаец тоже подставляет чашечку, но ему не наливают, и он обиженно уходит за ширму.

Артем. Ваше здоровье, Вера Николаевна!

Гаврюшина. Вы неправильно держите бокал, Артем Михайлович!

Артем. Значит, вы еще не всему меня научили!

Гаврюшин. И не научит!

Непочатый. Почему?

Гаврюшин (*осушив бокал*). Потому что женщина — это биологический вид, еще не известный науке... (*Накрывается.*)

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Непочатый, Гаврюшина уведят его в спальню.
Оставшись одни, Артем и Алена некоторое время молчат.

Артем. Цветы он подарил?

Алена. Он.

Артем. А портрет и вправду хреновый. Извини...

Алена. Знаю.

Артем. Когда свадьба?

Алена. Еще не решили. Он готовит выставку на «Винзаводе».
Потом...

Алена. А ты помнишь, какие цветы я тебе дарил?

Алена. Они мне не нравились.

Артем. Почему?

Алена. Не помещались в лифте. Купеческий размах...

Артем. Теперь я знаю: букет должен быть небольшой. И каждый цветок что-то означает. Ландыш — невинность, маргаритка — скромность, фиалка — скрытность, алая роза — страсть, желтая — измена, барбарис — обида...

Алена. Барбарис — обида? Не знала... Мама с тобой хорошо поработала! Ты действительно к нам больше не придешь?

Артем. Никогда.

Алена. Жаль.

Артем. Почему?

328 Алена. Ты смешной. Был. Прощай!

Артем. Можно, я тебя поцелую?

Алена. Зачем?

Артем. На прощание.

Алена. Раньше ты не спрашивал.

Артем. Я был не окультурен. Можно?

Алена. Попробуй...

Он целует. Она роняет цветы и обнимает его за шею, но вдруг вырывается и отскакивает в сторону.

Алена.. Зачем, зачем тебе это?

Артем. Я без тебя не могу!

Алена. Врешь!

Артем. Честно!

Алена. Но ты же меня бросил! Меня!

Артем *(обнимает ее)*. Я сам не знаю, что со мной было! Знаешь, Москва — это как болезнь! Но я выздоровел. Это — тебе... *(Протягивает ей коробочку с кольцом.)*

Алена *(недоверчиво берет, открывает, рассматривает, надевает на палец, любуется)*. Красивое кольцо. Неужели ты делаешь мне предложение?

Артем. Да!

Алена. Жаль...

Артем. Почему — жаль?

Алена. Потому что поздно. *(Пытается снять кольцо с пальца, но у нее не получается.)*

Артем. Я никогда не опаздываю!

Алена. Ах, я и забыла: у тебя сандалии с крылышками.

Артем. Выйдешь за меня?

Алена. Нет.

Артем. Я так и думал! *(Кричит.)* Вера Николаевна! Леонид Иванович! Все сюда! Скорее!

Непочатый и Гаврюшина возвращаются, ведя пьяного дипломата. Китаец тоже появляется из-за ширмы.

Гаврюшина (*холодно*). В чем дело? Вы еще не ушли?

Артем. И не уйду! Теперь я всегда буду с вами.

Гаврюшина (*замечая кольцо на пальце дочери*). П-почему?

Артем. Потому что Алена Леонидовна согласилась стать моей женой.

Все смотрят на Алену.

Гаврюшина. Это правда?

Алена (*не сразу*). Да, мама!

Гаврюшина. А как же твой художник?

Алена. Он не умеет рисовать. Правда, красивое кольцо? Это мне Артем подарил.

Непочатый (*рассматривает камень на кольце*) Так можно сорить только чужими деньгами.

Гаврюшин. Артем — реалист! За это надлежит выпить!

Гаврюшина. Шампанское кончилось. Больше ничего нет.

Гаврюшин. Столько лет живешь с пьющим мужем и не знаешь, что мы, алкоголики, всегда делаем запасы, как белочки — на зиму.

Гаврюшина. И где у тебя дупло, белочка?

Гаврюшин. Никогда не догадаешься!

Делает знак, и Китаец, достав из жертвенника бутылку водки, почтительно подает ему.

Непочатый. Как можно! После шампанского водку!

Гаврюшин. Мне можно. Я эклектик.

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Та же гостиная. За окном видна желтеющая липа. За столиком сидят Гаврюшин и Китаец. Они пьют из маленьких чайных чашечек.

Китаец. Сиятельный господин, прошу, не продавай последний жертвенник! Не хочу покидать твою семью. Я привык

330 к вам, как месяц к шуршанию ночного тростника.

Гаврюшин. Не волнуйся, мой благородный друг! Без тебя и я как утреннее озеро без тумана. Не продам. В деньгах мы теперь не нуждаемся. Алена вышла за богатого и достойного мужа. Знаешь, где играли свадьбу?

Китаец. В кипарисовом павильоне?

Гаврюшин. Подымай выше — в «Метрополе»! *(Мечтательно.)* Какая была закуска! Ты видел когда-нибудь осетра размером с торпеду?

Китаец. Никогда!

Гаврюшин. Но люди, знаешь, стали меньше пить. На столах осталось столько водки, что я плакал, когда уходил...

Китаец. Рисом посыпали новобрачных?

Гаврюшин. У нас принято пшеном.

Китаец. Рисом надежнее. Говорят, ты произнес речь, достойную древних мудрецов!

Гаврюшин. Ну, это, конечно, преувеличение, однако несколько занятных мыслей мне, действительно, пришло в голову...

Китаец. Сиятельный господин, я стораю от любопытства, как свеча юноши, который за полночь читает «Проделки праздного дракона»!

Гаврюшин. Я уж и позабыл, что говорил тогда. Погоди! Ну вот хотя бы такая мыслишка: «Счастливый брак — это сложение судеб, несчастный брак — вычитание».

Китаец. О, мой мудрый господин, я должен это записать для потомков!

Китаец разворачивает свиток, отвинчивает крышку тушицы, достает кисточку и чертит иероглифы. Гаврюшин любит его искусством.

Гаврюшин. Ты отменный каллиграф!

Китаец. Меня учил великий Гао Фэ! А еще? Что ты еще сказал, мудрый господин?

Гаврюшин. Еще? Ну вот хотя бы... «Женщина намного лучше того, что ты о ней думаешь, но гораздо хуже того, что ты о ней не думаешь»...

Китаец несколько мгновений смотрит на Гаврюшина, тщетно пытаясь понять смысл сказанного, потом записывает.

Китаец. Глубоко, как горное озеро!

Входит Гаврюшина.

Гаврюшина. Опять пьешь?

Китаец убегает за ширму.

Гаврюшин. Я пью чай.

Гаврюшина. Чай? (*Подносит чашку к носу, морщится.*) Леня, доктор сказал, твоей печени можно пугать студентов!

Гаврюшин. Вера, не волнуйся, медицина развивается так стремительно, что скоро люди будут умирать практически здоровыми. А что там молодожены?

Гаврюшина. Собираются в свадебное путешествие. Обещали заехать — проститься. Леня, приди в себя! После того, что ты отчуждился на свадьбе, пусть хоть перед отъездом они увидят тебя в человеческом состоянии!

Гаврюшин. Я действительно наговорил лишнего?

Гаврюшина. Неужели не помнишь?

Гаврюшин. Конечно, помню! Пятнами...

Гаврюшина. А как ты утверждал, что моногамия — это подвиг без награды, помнишь?

Гаврюшин. Я? На свадьбе? О Боже! Пойду — прилягу... (*Удаляется в спальню.*)

Гаврюшина (*неуверенно подходит к телефону, колеблется, снимает трубку и не решается набрать номер; наконец, набирает; в трубку*). Алло, Марк Захарович? Добрый день... Это Гаврюшина. Узнали?.. Нет-нет, с Аленой все в порядке. Вышла замуж. Представьте себе... На этот раз помощь нужна мне... Восемь недель... Да, понимаю, что это большая радость. Особенно в моем возрасте... Я все обдумала... Спасибо, буду ждать вашего звонка!

332 (*Кладет трубку, ходит по комнате.*)

*Раздается звонок в прихожей. Она открывает.
Вваливаются Алевтина Мак-Кенди в трауре и понурий Макс.*

Мак-Кенди. Зашла попрощаться! Где этот штопаный Цицерон?

Гаврюшина. Болеет.

Мак-Кенди. Еще бы! Все выпили — на то и свадьба. Я тоже утром не могла вспомнить, с кем уехала...

Максим. Со мной.

Мак-Кенди. С тобой? Значит, старею. Но Ленька отчердачил! Во-первых, так долго не говорят. Люди раз пять хряпнули, пока он тост приканчивал. А что городил? (*Передразнивая.*) «Господь очень смеялся, когда придумывал способ размножения для людей!» Нет, я согласна: чем меньше любишь мужика, тем глупее выглядит то, что вытворяешь с ним в постели. Но зачем на свадьбе-то? Перед первой брачной ночью? Алена еще не беременна?

Гаврюшина (*вздвигнув*). Нет, кажется...

Мак-Кенди. Странно. Раньше девушки выходили замуж невинными. Иногда. А теперь чаще всего — беременными.

Гаврюшина. Она мне ничего не говорила.

Мак-Кенди. Не важно. Был бы муж — ребенок напихается. А ты, обормот, когда женишься? До пенсии гулять собираешься, пока стручок не отсохнет?

Максим. Мама...

Мак-Кенди. Что-о-о?

Максим. Прости, Тина, но я еще не встретил женщину, удовлетворяющую моим требованиям.

Мак-Кенди. Ты сначала сам удовлетвори хоть одно требование женщины, лузер! Да, Верочка, все забываю спросить: идет мне траур?

Гаврюшина. Стройнит.

Мак-Кенди. И бодрит!

Гаврюшина. Что я такое говорю! Прими еще раз мои соболезнования!

Мак-Кенди. Да ладно! В идеале женщина так и должна жить: замужество — траур — замужество — траур... Белое — черное — белое — черное...

Гаврюшина. Алевтина, извини, на свадьбе не удалось поговорить. Как же это случилось? Так неожиданно...

Мак-Кенди. В восемьдесят два смерть — долгожданная неожиданность. К тому же идиот Мак-Кенди все свои деньги держал в офшоре. Открыл утром газету, прочитал заголовок «Финансовый апокалипсис в офшорах», схватился за сердце, пискнул: «О, my God!» и помер. Был бы русским, гаркнул от души: «Распротак вашу мать-перемать!» Глядишь, выжил бы...

Гаврюшина. Мне очень жаль, Алевтина! Очень...

Мак-Кенди. А уж мне-то как жаль! Замок и все имущество оказались под залогом. Теперь-то я понимаю, почему он жался с дровами. В общем, на Британщине у меня ничего не осталось, кроме дурной репутации.

Гаврюшина. И что ты собираешься делать?

Мак-Кенди. Хотела пожить в Москве на иждивении богатого сыночка. Ну, что молчишь, растяпа? Рассказывай!

Максим. А что говорить?

Мак-Кенди. Правду!

Максим. Я не хотел... То есть, наоборот, я хотел... заработать...

Мак-Кенди. Перевожу с балбесского на русский. Этот недоумок получил договор на кормление делегатов Всероссийского съезда фермеров. Ему даже аванс перечислили...

Гаврюшина. И что в этом плохого?

Мак-Кенди. Ничего, если б делегаты не подхватили «У Хе-опса» синегнойную палочку.

Гаврюшина. Что подхватили?

Мак-Кенди. Как тебе объяснить? Зараза такая, от нее в животе клокочет реактивный двигатель и весь организм вылетает через прямую кишку...

334 Гаврюшина. Кошмар!

Максим. Это конкуренты подсыпали! В соседнем доме ресторан «Привал бедуина», кухня там жуткая, их клиентура перешла ко мне, вот они и...

Мак-Кенди. Может, и так, но санэпидемстанция сказала: из-за верблюда. Его, оказывается, надо регулярно мыть.

Максим. Где его мыть, где? В ванной, что ли?

Гаврюшина. В ванной нельзя мыть даже байкера. А если на автомойке?

Максим. На автомойке? В самом деле... Как же я не догадался!

Мак-Кенди *(дает ему подзатыльник)*. Чучело! С санэпидемстанцией мы договорились. Недорого. А вот с прокуратурой никак. Даже странно, что в государственной организации работают такие жадные люди!

Гаврюшина. А при чем тут прокуратура?

Мак-Кенди. Как при чем? Не мне, подданной Ее Величества, рассказывать тебе, Вера, как мало в России фермеров. Наперечет. Почти все приехали на съезд и вдруг поголовно, точнее, покишечно подхватили синегнойную палочку. Это что? Ясно, диверсия. Как они там в своем протоколе написали?

Максим *(тоскуя)*. «...нанесен злонамеренный урон продовольственной безопасности Российской Федерации...»

Мак-Кенди. Вот, слышала, злонамеренный! Взяли с ребенка подписку о невыезде. Если не расплатимся в течение недели, посадят.

Гаврюшина. А много запросили?

Мак-Кенди. Ужас! Опять приходится рассчитывать только на себя. Снова надо замуж идти. Но теперь я твердо решила — только за русского. Русские добрее и не едят по утрам овсянку.

Гаврюшина. Ну что ж, в Москве много богатых женихов.

Мак-Кенди. Вера, окстись! Кто же это в Москве ищет русского мужа?

Гаврюшина. А где же?

Мак-Кенди. Ну, я не знаю, в Баден-Бадене, в Монте-Карло, в Ницце, в Коста-Брава. Махну в Испанию! Намерзлась я в этой голоногий Шотландии.

Гаврюшина. А почему не в Москве?

Мак-Кенди. По кочану! Я тебе не говорила, как Гаврюшина охомутила?

Гаврюшина. Нет.

Мак-Кенди. И он не рассказывал?

Гаврюшина. Никогда. Леня про тебя вообще редко вспоминал.

Мак-Кенди. Странно! Про мою жизнь эпос надо складывать. Я ведь сама-то из Гладких Выселок...

Максим. Тина, это где?

Мак-Кенди. Корни свои, сынок, знать надо! Как из Гуся Железного выедешь, сразу направо. В общем, после десятого класса я в институт поехала поступать. В Рязань. Провалилась, конечно. Деревня! У нас все предметы директор школы преподавал, кроме физкультуры. Без ноги был. Фронтовик. Ну, вернулась к себе на выселки — коров доить.

Максим (*потрясенно*). Мама, ты?!

Мак-Кенди. Я, сынок, я... Затемно вставала. Петухов будила. Придешь ни свет ни заря в хлев, сядешь на табурет, подставишь под вымя ведро, смажешь соски вазелином и — цык, цык, цык... (*Показывает.*) Потом — идешь огород полоть. Вдруг к нам из Москвы студенты приезжают, из Института международных отношений, новый коровник строить. Мы доим. Они раствор таскают, кирпич кладут. Никто никого не замечает. Каждый своим делом занят. Потом объявляют: в воскресенье в клубе танцы! Ну, одолжила я у подружки финские джинсы. А югославский батник — вот с таким вырезом — у меня был: в Рязани, в вокзальном туалете у спекулянтки купила. Накрутила волосы, высушила голову в печи...

Максим. Почему в печи?

Мак-Кенди. Не было у нас, милый, в деревне фенов. Не было. Нарисовала польской косметикой глаза, вылила на себя пузырек духов «Быть может», чтобы коровий дух перешибить, и пошла

в клуб. Гаврюшин-то на меня сразу стойку сделал! Я ведь, **336** ух, какая была: кровь с молоком, грудью стену пробить

можно, а задом... Ты, сынок, вот что, иди уже к папе, начинай рассказывать про синегнойную палочку!

Максим. Может, вместе?

Мак-Кенди. Я скоро подтянусь. И возьми с собой... *(нюхает чашку с «чаем»)* чайник. Про это без наркоза нельзя!

Максим уходит с чайником и чашкой.

Гаврюшина. И что потом?

Мак-Кенди. Повела я его наши края осматривать. Луна. Стога. Духмянь. Соловьи верещат, что резаные. Разгорячились. Молодые. Кровь гудит, как высоковольтные провода. Остудились в пруду. Я без купальника. Вроде дома забыла... А через три месяца приехала в Москву со справкой из женской консультации. Мол, ребенку нужен отец. Он: тыр-пыр, восемь дыр... А куда денешься? При советской власти с этим строго было: или в ЗАГС, или в партком. А какой партком, если он будущий боец невидимого фронта? Ясен хрен: в ЗАГС! Поженились. Поначалу ничего — слезались. Добрый Ленька мужик, безвредный, хоть и не стахановец в смысле отбойного молотка. Ну ты сама знаешь. Зря я его, конечно, бросила! Синдром советской бабы: на импорт потянуло. А что такое импорт? Одна упаковка... К чему я тебе это говорю? Забыла...

Гаврюшина. Не знаю, просто рассказываешь.

Мак-Кенди. Нет, не просто. Ты для головы что-нибудь пьешь?

Гаврюшина. Нет, не пью.

Мак-Кенди. Надо пить. Ага, вспомнила! Наши русские олигархи здесь в Москве вроде как коровник строят, а мы, интересные женщины, вроде как буренок доим. Они нас не замечают. А вот в Марбелье или в Ницце у них глазенки сразу открываются, как в сельском клубе на танцах. Там их брать и надо, тепленькими! Одно плохо: нельзя выглядеть бедной. Большие деньги ловят на маленькие, как щуку на живца. Самая дорогая бадья, наверное, осталась?

*Кивает на последний жертвенник. Из-за ширмы
вылетает Китаец и закрывает сосуд своим телом.*

Гаврюшина. Очень! Эрмитажная вещь.

Мак-Кенди. Ну и что? В конце концов, сын дороже!

Гаврюшина. Алевтина, давно хотела тебя спросить: Максим — точно сын Леонида Ивановича? Или к вам после стройотряда еще кто-нибудь на картошку приезжал?

Мак-Кенди (*молчит, потом подходит к ней вплотную*). Точно! Во-первых, такой же бестолковый. А во-вторых, Верочка, я хоть из Гладких Выселок, но крепко знаю, с чем можно баловаться, а с чем нельзя!

Гаврюшина. Ты это к чему?

Мак-Кенди. Не поняла?

Гаврюшина. Нет. Не поняла.

Мак-Кенди. Ты, Веронька, лучше на зятя вообще не смотри! От твоего равнодушного взгляда скоро лампочки начнут взрываться! Молодые-то надолго уезжают?

Гаврюшина (*растерянно*). На две недели...

Мак-Кенди. Куда едут?

Гаврюшина. По Европе...

Мак-Кенди. На красном «ягуаре»?

Гаврюшина. Да, на красном «ягуаре».

Мак-Кенди. Шикарно! А вернутся — где жить собираются? С вами?

Гаврюшина. Нет, у Артема Михайловича квартира.

Мак-Кенди. Правильно: двум курицам на одном насесте нельзя. Хорошая квартира-то?

Гаврюшина. Хорошая... Кажется... Не знаю...

Мак-Кенди внимательно смотрит на нее, потом пытается снять с полки жертвенник. Но Китаец не отдает.

Мак-Кенди. Прилип, что ли?

Дергает жертвенник с такой силой, что Китаец падает. Взяв сосуд, она уходит в спальню. Гаврюшина без сил опускается на стул. Звонок в дверь. Она, пошатаваясь, идет открывать.

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Входит Непочатый. Китаец, потирая ушибленное место, уходит за ширму.

Непочатый. Здравствуйте, Вера Николаевна! Какая-то вы бледная! Не заболели?

Гаврюшина. Немного. Проходите!

Непочатый. Вы одна?

Гаврюшина. Нет. Но они там, у Леонида Ивановича. У вас ко мне что-то срочное? Надеюсь, вы явились не в Ниццу меня звать?

Непочатый. И не надейтесь! Кстати, как там наш златоуст в отставке? Ну, отчудил, ну, порадовал! «Лучше холодная жена в постели, чем холодный ужин на столе!»

Гаврюшина. Вы пришли восхищаться его свадебным спичем? Он был пьян. Давайте в другой раз. У меня болит голова...

Непочатый. Еще бы! И головная боль у нас с вами общая: Бударин! Что будем делать?

Гаврюшина. Вы о чем?

Непочатый. Ну, не о любви же! О моих деньгах, которые он увел через банк «Эльбрус». Вера Николаевна, зря он связался с Вайхой. Это опасный человек...

Гаврюшина. Опаснее вас?

Непочатый. Сравнили! Артему трудно будет вынуть мои деньги из его банка.

Гаврюшина. Артем не мог взять чужое.

Непочатый. Видимо, решил, это его деньги. Бывает. Поговорите с ним!

Гаврюшина. Говорите с ним сами.

Непочатый. Говорил. Смеется. Кем он себя вообразил? Суперменом, что ли? У него даже в кабинете стоит этот уродец с крылышками. Знаете, скольких суперменов я опустил на землю? Могу уничтожить его хоть сейчас! Но мне не нужна война. Пусть отдаст! Вас он слушает.

Гаврюшина. Почему вы обращаетесь ко мне, а не в милицию?

Непочатый. Какая милиция? У вас, точно, сегодня с головой нехорошо. Деньги, которые он взял, их как бы и нет, но они все мои. Безоткатно!

Гаврюшина. Ничего не понимаю.

Непочатый. И не поймете! Для этого надо знать передовую экономическую мысль!

Гаврюшина. Неужели? А может быть, достаточно Уголовного кодекса?

Непочатый. Хватит! Не до шуточек. Скажите ему, чтобы вернулся!

Гаврюшина. Почему я?

Непочатый. Потому у него головокружение. Из-за вас!

Гаврюшина. Из-за меня? Что за чушь!

Непочатый. Она еще делает вид, что не понимает! Закрутила парню башку!

Гаврюшина. Что-о-о? Вы забываетесь! Видимо, я вас плохо учила...

Непочатый. Да ладно, глазами-то сверкать! Отлично учила. Но весь этот твой этикет хорош, пока все тип-топ. А когда у меня увели два миллиона зелени, к черту цирлих-манирлих! Скажи ему, влюбленная курица: пусть вернет по-хорошему!

Гаврюшина. Вон! И больше никогда...

Непочатый. Уйду, уйду. Но сначала покажу одну вещицу. (*Достает из кармана маленький фотоаппарат.*) Вот ведь как пудреница, а снимает, что твой «Никон»! Дорогая вещица. Дарю!

Гаврюшина. Мне от вас ничего не надо! Наши отношения закончились.

Непочатый. Они только начинаются. Дарю со всем содержимым.

Гаврюшина. С каким еще содержимым?

Непочатый. Вот сейчас и посмотрим!

Он нажимает кнопки и показывает ей экранчик. Заинтригованный Китаец выскальзывает из-за ширмы и заглядывает через плечо Непочатого.

Гаврюшина. Думаю, там ничего интересного.

Непочатый. Сейчас посмотрим. Ой, и где же это мы? Это мы в ресторане. Сладкая парочка. А это? В парке целуемся. А это? Нет, это детям до восемнадцати нельзя! *(Китаец, закрыв лицо ладонями, убегает за ширму.)* Не думал, что вы такая затейница! Смотрите, там еще есть, там много всего!

Гаврюшина *(растерянно смотрит на экран)*. Зачем?

Непочатый. Из любопытства. Да и ваш муж меня попросил.

Гаврюшина. Лжете!

Непочатый. Ей-богу! Правда, мой человек начал вас снимать еще до того, как он попросил. Я всегда работаю на опережение. Безоткатно!

Гаврюшина. Леонид Иванович видел?

Непочатый. Ему-то зачем показывать? Он философ. Посмотрит и скажет: «Измена — это профилактика брака». А вот Алена — совсем другое дело!

Гаврюшина. Какой же вы, Непочатый, подлец!

Непочатый. Я, Вера Николаевна, початый подлец. Давно уже початый. И по сравнению с тем, что мне приходилось раньше делать ради денег, это — пустячок.

В прихожей слышен звук открываемой двери.

Голос Алены. Эй, мы пришли! Мы торопимся...

Гаврюшина *(протягивает руку за фотоаппаратом)*. Отдайте!

Непочатый *(прячет камеру за спину)*. Ну, показываем дочери? Или все-таки поговорите с Будариным, вместе снимочки посмотрите? Возбуждает!

*Она хочет его ударить. Он перехватывает ее руку,
больно заламывает.*

Гаврюшина. Хорошо, я все сделаю...

Непочатый. Быстро на лоджию! И запоминайте, что ему надо объяснить! Слово в слово...

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ

Непечатый и Гаврюшина поспешно уходят в лоджию. В гостиной появляются молодожены, одетые для путешествия. Алена в расшитой джинсовой курточке, Артем в дорогом спортивном костюме с надписью «Сделан в СССР».

Алена. Эй! Где же все? Эй, обитатели моей прошлой жизни! Где же вы, где? Почему нас не встречаете? Мы пришли проститься! Мы уезжаем! Вместе! Мы теперь муж и жена, единая плоть! Вы даже не представляете себе, как это прекрасно: проснуться утром женой и, сладко потягиваясь, ждать, когда любимый муж принесет в постель кофе. А потом, подкрепившись, снова и снова сливаться с ним в космическом счастье, торопя миг, когда в твоём теле, наконец, взорвется сверхновая звезда любви!

Артем. Не кричи! Они могут услышать...

Алена. А я хочу, чтобы все услышали!

Артем. Не надо, прошу тебя!

Алена. Почему? А как же боги из твоей любимой книжки? Они никогда не стеснялись своих страстей — ни счастья, ни горя? Артемончик, что с тобой?

Артем. Ничего. Поехали! Говорил: не надо прощаться. Позволим с дороги.

Алена. А ты знаешь, где мы сегодня ночуем?

Артем. В Смоленске.

Алена. А конкретнее?

Артем. Где?

Алена. В монастыре. Там теперь гостиница. Я заказала нам келью.

Артем. Почему келью?

Алена. Потому! Еще я купила в магазине «Все для карнавала»...

Артем. Что?

Алена. Одежду монашки.

Артем. Зачем?

Алена. Как зачем? Не догадываешься? Правильно сказал папа на свадьбе: «Брак — это холодильник любви». Хочу в келью!

342 Скорее, скорее в келью! Артемончик, можно я поведу?

Артем. Ты уже водила. Еле успели к отъезду отремонтировать. Если бы Ваха своих башибузуков в автосервис не послал, так бы и копались еще с жестянкой.

Алена. Артемончик, ну я аккуратненько поведу!

Артем. Хорошо, выедем за Окружную — сядешь за руль.

Алена. Нет, я хочу от дома, чтобы все видели. Ну, пожалуйста, дай ключи!

Артем (*отдает ключи*). Бери и поедем. Скорее!

Алена. В келью?

Артем. В келью, в келью...

Раздается телефонный звонок.

Алена (*подходит и берет трубку*). Алло! О, Марк Захарович, это вы? Здравствуйте! А я вышла замуж, да!.. Спасибо! ...Я скажу маме, что вы звонили. До свидания!

Артем. Кто это?

Алена. Наш дамский доктор. Маму спрашивал.

Артем. Маму?

Алена. Артемончик, умоляю: только не зови ее мамой. Это как-то по-деревенски. Улыбнись! Помнишь, папа на свадьбе выдал: «Жена от Бога, а теща от черта».

Артем. Мне понравилось: «Брак — это двуспальная неволя».

Алена (*наступая на него*). Неволя?

Артем. Это не я сказал.

Алена. Но запомнил!

В гостиной появляются Мак-Кенди, Максим и Гаврюшин, прижимающий к груди жертвенник.

Алена. Всем привет!

Гаврюшин. Нет, никогда не продам! Я обещал! Здравствуй, дочка!

Мак-Кенди. Хэлло, ребятки, как спалось? Гаврюшин, Макса посадят!

Максим. Папа! Не хочу в тюрьму! Доброе утро, Артем, у тебя классный костюм!

Гаврюшин. Достоевский сидел, и это пошло ему на пользу.

Мак-Кенди. Shithead!*

Артем. Видно, утро не такое доброе. Опять проблемы?

Максим. Я не виноват...

Артем. И на сколько же ты теперь попал?

Максим понуро подходит к нему и шепчет на ухо.

Не слабо! Ладно, потяни время. Я вернусь — что-нибудь придумаем.

Максим. Спасибо!

Гаврюшин. Артем, не делай этого! Он не человек, он печь для сжигания денег!

Артем. Да ладно, мы же теперь родственники.

Мак-Кенди. Наконец-то в этой скупердяйской семейке появился хоть один щедрый член!

Артем. А пока, чтобы тебя не закрыли, отдай им вот это! (*Достает из барсетки пачку купюр и протягивает Максиму.*)

Мак-Кенди перехватывает деньги. С лоджии входят Непочатый и Гаврюшина: она прижимает к груди камеру, он ревниво смотрит на пачку денег в руках Мак-Кенди.

Максим. Тина, почему?

Мак-Кенди. Не бойся, сынок, у меня, как в банке.

Максим. Этого я и боюсь!

Непочатый. Откуда у тебя столько денег?

Артем. Заработал.

Непочатый. Где же, интересно узнать?

Артем. У вас, Эдуард Никитич, у вас!

Гаврюшина (*решившись*). Артем, мне надо с вами поговорить!

Алена. Мама, он все знает...

Гаврюшина (*опешив*). Что он знает?

Алена. ...что в Амстердаме меня нельзя пускать в кофейни, где продают травку. Ты это хотела сказать?

Сцена из спектакля «Халам-бунду» Хабаровского краевого театра драмы

Гаврюшина. Да, но не только...

Алена. Остальное потом. Нас ждет келья!

Мак-Кенди. Правильно, Верочка, очень правильно!

Гаврюшина. Что правильно?

Мак-Кенди. Камера! Надо сняться вместе. На память. Свидимся ли еще! Может, и нет! Вот мой Мак-Кенди — раз, и квас!

Гаврюшин. Бог даст, не свидимся!

Мак-Кенди. Быстренько, быстренько, встаем! Девочки впереди, мальчики сзади. Чи-и-из! Верунчик, take a picture!*

Мак-Кенди ставит родственников в ряд. Китаец тоже пристраивается сбоку. Гаврюшина, неловко обращаясь с незнакомой камерой, делает снимок. Вспышка.

Алена. Mam, вставай вместе со всеми!

* Щелкни! (англ.)

Алена выхватывает у матери из рук фотоаппарат. Китаец хочет помешать, но не успевает. Гаврюшина от неожиданности теряется.

Гаврюшина. Не надо... Вы опоздаете...

Алена. Мы уже никуда не опоздаем. Артемончик, ты что, лимон съел? Улыбаемся, жизнь прекрасна и удивительна! (*Оценивая камеру.*) Ух ты, крутая штука! У нас такой не было.

Непочатый. Это я подарил.

Алена. Спасибо! Еще разок. Для вечности. (*Вспышка.*) Та-ак, посмотрим, что получилось? (*Нажимает кнопки и вглядывается в экранчик. Вдруг на ее лице появляется ужас. Она в отчаянии смотрит сначала на мужа, потом на мать. Отшвырнув фотоаппарат, кричит: «Не-е-ет!» — и бросается вон из квартиры.*)

Гаврюшин. Алена? Ты куда? Дочка!

Китаец бросается вслед за Аленой.

Максим. А что случилось?

Мак-Кенди. Не лезь в чужой курятник!

Гаврюшина (*Артему*). Ну, что ты стоишь? Догони! Останови ее! Ради Бога! Что я наделала? Что я наделала!

Артем убегает вслед за Аленой.

Мак-Кенди. Верка, молчи! Теперь только молчи!

Гаврюшина, закрыв лицо руками, опускается на пол. Гаврюшин и Мак-Кенди бросаются к ней. Непочатый несколько раз бьет себя кулаком в лоб. Раздается грохот. Вздвигаются занавески. Видно черно-красное зарево взрыва. С лоджи, опустив голову, входит Китаец в черном халате и встает на колени перед жертвенником.

Гаврюшина. Что? Что случилось?

Максим. Я сейчас... сейчас...

Макс мчится в лоджию, смотрит вниз и медленно возвращается.

Гаврюшина. Как взорвался? Этого не может быть! Алена... что с Аленой? Не-е-ет! Они живы! *(Порывается выскочить на лоджию, ее удерживают.)*

Максим. Тетя Вера, не смотрите на это! На это нельзя смотреть!

Сцена из спектакля «Как боги...» Белгородского государственного академического драматического театра им. М.С. Щепкина

СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ (ЭПИЛОГ)

В темноте слышны печальные звуки китайской флейты. Зажигается свет. Знакомая нам гостиная, но вместо старинной липы в окне виднеется молодое зеленое деревце, едва достигшее лоджии. На каминной полке ни одного сосуда. За столом сидят трое: Вера Николаевна, Леонид Иванович и девочка-школьница. У нее очень прямая осанка, так как между спиной и руками продета швабра. Они пьют чай в молчании. В стороне сидит Китаец и играет на яшмовой флейте.

Занавес

2012

ЗОЛОТО ПАРТИИ, или ОСОБНЯК НА РУБЛЕВКЕ

Семейно-классовая комедия в двух действиях

Действующие лица:

Петр Лукич Барабаш — пенсионер всесоюзного значения
Марлен Петрович Барабаш — его сын, глава банка «Бес-
корыстье-Лимитед»

Мария — его четвертая жена, «мисс Тамбов»

Василий — его сын от первого брака

Теодор — его сын от второго брака

Мария — его дочь от третьего брака

Веня Чегеваров — отец ее будущего ребенка

Оксана Тарасовна Сметанка — сиделка с высшим образо-
ванием

Володя — водитель-охранник

Николай Карлович Турусов — полиглот

Жан Жакович Пумпянский — эксперт ФЗХ (Фонда помо-
щи злоупотребляющим художникам)

Иван Иванович Перезверев — коллектор по особо важ-
ным долгам

Майор Волковец — сотрудник ФСБ

Спецназовец

Бандит

Сантехник

Курсистка

Студент

Шпик

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ (ПРОЛОГ)

Дореволюционная ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Под газовым фонарем стоит курсистка, оглядывается, кого-то ожидая, нервничает. Из мрака появляется студент в широкополой шляпе, надвинутой на лоб.

Курсистка. Вольдемар! Наконец-то! Боже, я думала, вы уже не придете...

Студент. Надин, зачем они прислали вас? Это очень опасно. За мной хвост. Я заметил еще в Цюрихе. Но в Ревеле мне удалось оторваться.

Курсистка (*озираясь*). Вольдемар, вы уверены в этом?

Студент. Положительно уверен! (*Показывает револьвер.*)

Курсистка. И все-таки вы должны на время затаиться.

Студент. На Крестовском у нас есть конспиративная квартира. Извольте — отсижусь. (*Дает ей конверт.*) Надин, это срочно надо передать в комитет!

Курсистка. И только-то? Вольдемар, они ждут от вас совсем другого.

Студент. Провезти через границу то, о чем мы договаривались. Невозможно. Я пытался... Но верьте мне, Надин, здесь, в этом пакете, есть все необходимое для нашего дела и даже больше!

Курсистка. Здесь? (*Машет конвертом.*) Полноте, Вольдемар, вы шутите!

Студент. Отнюдь! Сегодня я архисерьезен и хочу с вами объяснить...

Мимо развязной походкой, играя тростью, проходит подозрительный субъект в котелке. Студент для конспирации привлекает к себе курсистку и долго, страстно ее целует, пока проходжий не скрывается из виду.

Курсистка (*стараясь отдышаться*). А я думала, вы меня совсем забыли!

Золото партии, или Особняк на Рублевке

Студент. Боже, Надин, забыть тебя, ту ночь в Летнем саду! Мы тотчас едем на Крестовский...

Курсистка. Меня ждут товарищи. Сначала — дело. Потом, потом...

Студент. Нет, сейчас!

Снова обнимает курсистку. Слышны голоса. Мелькают тени, свет.

Студент выхватывает револьвер, Курсистка — дамский браунинг.

Курсистка. Жандармы!

Студент. Беги, я их отвлеку! Жду тебя на Крестовском! Спросишь квартиру провизора, напротив мелочной лавки. Я архисоскучился!

Курсистка. Я приду, Вольдемар, непременно приду...

Затемнение. Всполохи света, полицейские свистки и выстрелы.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Прошло больше ста лет.

Загородный дом, возможно, на Рублевке. Зал с камином. В глубине видны прихожая и двери в комнаты. Лестница ведет на второй этаж, и там тоже комнаты. Массивный бар из красного дерева закрыт на висячий замок. В инвалидном кресле спит, храпя, мощный старик со звездой Героя Социалистического Труда на душегрейке, ноги в валенках. Рядом, на стуле, молодая женщина, с карандашом читающая журнал «Вопросы истории». Прервав занятия, она прислушивается к дыханию деда, щупает пульс и снова углубляется в журнал.

Вдруг ветеран всхрапывает и, проснувшись, озирается...

Барабаш. Где я?

Оксана. Дома, в «Супервиллидже».

Барабаш. Уф, приснится же такое!

Оксана (*закрывая журнал*). И что же вам приснилось?

Барабаш. Двадцать пятый съезд партии. Я, значит, докладываю о трудовых победах, а потом поворачиваюсь к Брежневу и говорю: «Леня...»

Оксана (*с иронией*). Прямо так, Петр Лукич, и сказали:

350 «Леня?»

Барабаш. А что? Я его еще по Малой земле знаю.

Оксана (*с обидой*). Скажите, зачем... ну зачем? Старый человек, а так врете!

Барабаш. Я никогда не вру.

Оксана. Никогда? Как не стыдно! Бои на Малой земле шли с февраля по сентябрь 1943-го. Если вы в них участвовали, вам должно быть сейчас хорошо за девяносто. А вам всего-то восемьдесят с хвостиком.

Барабаш. С хвостиком? Кто тебе это сказал?

Оксана. Вы, Петр Лукич, и сказали.

Барабаш (*смущаясь*). Ну, да, сказал... Это вам, бабам, свой дамский стаж лет до шестидесяти приходится скрывать, а после вам наплевать. Нам, мужикам, наплевать до шестидесяти, а потом надо примолаживаться.

Оксана. Зачем?

Барабаш. Для женского интереса.

Оксана. И врать?

Барабаш. Раньше это называли «корректировать контрольные показатели».

Оксана. Вам-то зачем корректировать?

Барабаш. Оксана, ты подумала над моим предложением? Я не шучу!

Оксана (*пожав плечами*). И что же вы там Брежневу сказали, Петр Лукич?

Барабаш. Сказал: так, мол, и так, дорогой Леня, мы с тобой немца одолели, страну из разрухи подняли, целину вспахали, в космос слетали, Олимпиаду провели... Пора и на покой! Пусть молодежь порулит. Стар ты стал, Леня, суперстар! Еле челюстью ворочаешь империалистам на смех.

Оксана (*удивленно*). А он?

Барабаш. Заплакал. И тут началось!

Оксана. Неужели так и сказали — про челюсть?

Барабаш. Конечно, не сказал. Крикнул, как все, «ура» и слез с трибуны под бурные продолжительные аплодисменты...

Оксана. А если бы сказали — тогда что?

Барабаш. Сняли бы с работы, из партии турнули, а может, и в дурдом упекли бы. Сбрэндил, мол, боевой соратник от трудового энтузиазма.

Оксана. А в результате все мы теперь живем в одном огромном дурдоме.

Барабаш. И не говори, Оксаночка! Я этот сон часто вижу. Проснусь, лежу и думаю: может, и не упекли бы, а наоборот — очнулись... Иногда вся жизнь от одного верного слова зависит. Ты мне сразу-то не отказывай — подумай. И накапай поскорей! Что-то сердце жмет...

Оксана. Погода. Магнитная буря. Сколько капель?

Барабаш. Как обычно. И побольше!

Оксана уходит. Дед подъезжает на коляске к окну. Смотрит.

Ворчит.

Барабаш. Наше поколение Магнитку строило. Что нам магнитная буря!

Роняет голову, снова спит. Открывается дверь. Из комнаты на цыпочках выходит парень в кожанке. Его провожает беременная девчонка.

Веня. Тише! Там этот... твой...

Маша-дочь. Дед? Он все время спит. «Пиквикский синдром». Венька, не уходи! Мне без тебя так плохо... Я боюсь...

Веня. Чего? Ты же смелая! Видел я, как ты с полицаем на митинге дралась. Помнишь, что ты ему помадой на щите написала?

Маша-дочь. Дурак ты мой, я за тебя боюсь! Понял? Сколько Дэну дали?

Веня. Пять лет общего режима.

Маша-дочь. Блин! Козлы! Мы тебя, конечно, будем ждать... *(Кладет руку себе на живот.)* Сколько надо, будем ждать, но лучше не попадайся им...

352 Веня. Прорвемся! *(Обнимает ее.)* Декабристочка ты моя!

Маша-дочь. Может, останешься, Вень? Я тебя с отцом познакомлю...

Веня. С финансовым капиталом у нас ничего общего! Ты с ним говорила?

Маша-дочь. Нет еще. Папа сочувствует оппозиции, но у него сейчас трудные времена.

Веня. Для банкира трудные времена, когда устрицы через день. Иди ко мне!

Они целуются. Маша-дочь нехотя скрывается в комнате.

Веня крадется к балкону, дергает ручку. Дед приоткрывает глаз.

Барабаш. Ты, паренек, лучше через окно попробуй. Балкон-то забили.

Веня (*растерянно*). Вы не спите?

Барабаш. Я всегда только одним глазом сплю. Привычка. С фронта.

Веня. Когда забили?

Барабаш. С вечера. Как ты залез, так сразу и заколотили.

Веня. Зачем?

Барабаш. Боятся.

Веня. Кого?

Барабаш. Вкладчиков, наверное.

Веня. Если народ восстанет, им ничего не поможет.

Барабаш. Ну и поднимай, парень, народ! Чего чешетесь?

Веня. Денег, дедушка, нет. Революция — дело недешевое.

Барабаш. Кредит возьмите!

Веня. Думали. Машка обещала у отца попросить.

Барабаш. Не даст.

Веня. Почему?

Барабаш. Профукал. Да и жадный он. С детства. Бывало, принесешь ему из спецбуфета эклер. «Марлик, дай откусить папе!» — «Не дам! Мое!» — «Как не стыдно, говорю, мы тебя в честь Маркса и Ленина назвали». — «Все равно не дам!» Но деньги в революции — дело второе. Программа-то у вас есть?

Веня. Обдумываем.

Барабаш. Тебя как звать-то?

Веня. А вас?

Барабаш. Петром Лукичом с утра был.

Веня. Я — Веня.

Барабаш. Вениамин, стало быть. А фамилия твоя как?

Веня. Это неважно. У меня подпольный ник.

Барабаш. Из евреев, стало быть...

Веня (*гордо*). Это плохо?

Барабаш. Это хорошо. Революция без евреев — как тесто без дрожжей. Главное — не переборщить. Ну и какая же у тебя подпольная кличка?

Веня (*гордо*). Че-ге-ва-ров.

Барабаш. Ишь ты! Знал я товарища Че, знал...

Веня. Врете!

Барабаш. Да что ж такое! Опять вру? В одна тысяча девятьсот шестьдесят втором году министр промышленности Острова свободы товарищ Че Гевара прилетал в СССР на переговоры по сахару. Я ему прямо сказал, как коммунист коммунисту: ваш тростниковый по сравнению с нашим из бурака — дерьмо собачье. Ох и орал же на меня потом Хрущ...

Веня. Какой сахар, какой бурак? Че Гевара — великий революционер!

Барабаш. Люди, Веня, после революции тоже кушать хотят. Даже сильнее, чем до революции. Или тебе плевать на народ? А ты, собственно, парень, из каковских будешь?

Веня. Я? Мы правый фланг леворадикального центра.

Барабаш. Как ты сказал? (*Разводит руками.*) Не понимаю. Партия должна быть одна, иначе сам запутаешься и народ с толку собьешь. Короче, с коммунистами у вас есть контакт?

Веня. Нет! Мы гораздо левее.

Барабаш. Не левее надо быть, а умнее. Одни не потянете. Когда к Машке снова полезешь, валяй через мою комнату, заодно платформы сблизим. И веник какой-нибудь захвати! Революция революцией, а девки цветы любят.

Веня. Хорошо, Петр Лукич. *(Хочет уйти.)*

Барабаш. Стой! Вы расписанные с ней?

Веня. Нет еще...

Барабаш. Плохо! Пока вхолостую балуешься, можно и так — шатуном. А пузо надо регистрировать. Понял?

Веня. Понял.

Открывает окно, встает на подоконник.

Барабаш. Не простудись!

Веня *(исчезая)*. Там тепло!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Барабаш *(оставшись один)*. Ну что за февраль? Плюс пять. Тьфу! Вот при нас зима была так зима! Настоящая. Как жажнет минус тридцать...

Оксана возвращается с рюмочкой.

Оксана. Закройте окно — простудитесь!

Барабаш. Тебя за смертью посылать.

Оксана. Еле нашла. А что вы там про зиму сказали?

Барабаш. Говорю: раньше, как жажнет минус тридцать, сразу собираем экстренное бюро обкома. Первый вопрос: «Что делать с зимой?»

Оксана *(подавая рюмку)*. А что можно сделать с зимой?

Барабаш. Много чего! Можно массовый лыжный забег устроить. *(Пьет.)* Это еще что такое?

Оксана. Как обычно, Петр Лукич...

Барабаш. Нет, не как обычно. Что за дрянь ты мне налила?

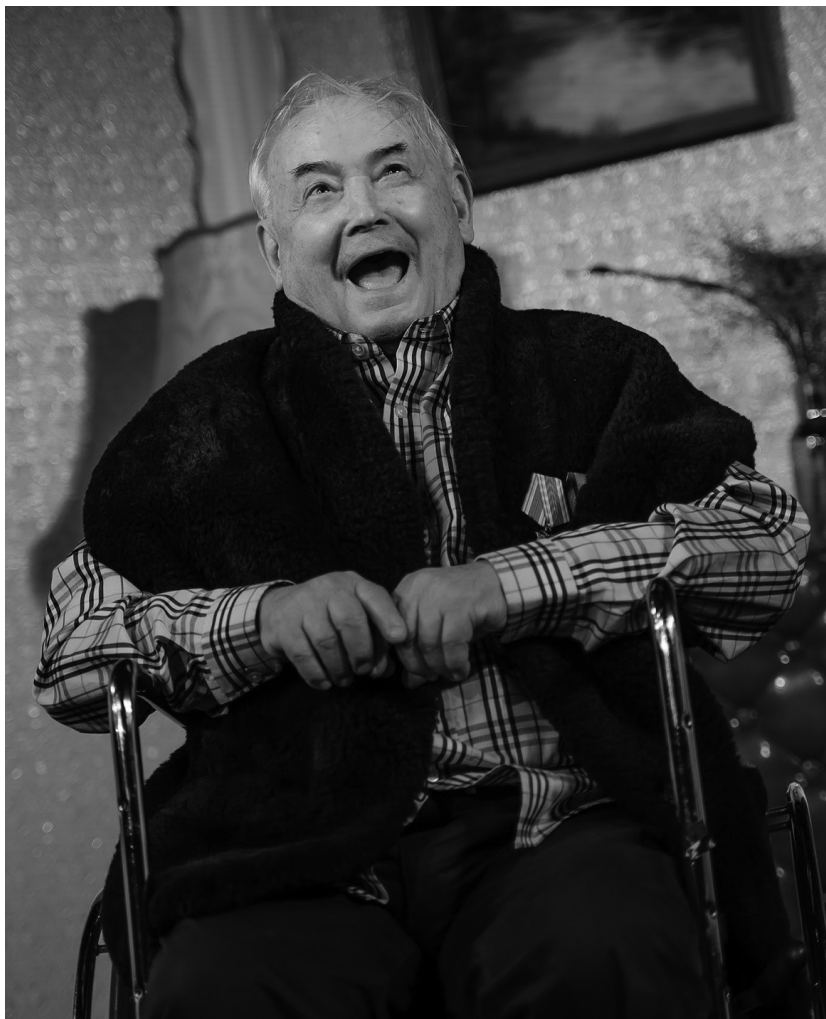
Оксана. Коньяк.

Барабаш. Какой?

Оксана. Бренди, кажется...

Барабаш. Совсем сбрендил? Измена Родине тоже с заграничного пойла начинается. Где мой армянский?

Золото партии, или Особняк на Рублевке

*Народный артист В.Н. Шиловский в спектакле «Особняк на Рублевке»
(«Золото партии»)*

Оксана. Так Армения теперь — заграница.

Барабаш. Чушь! Я в СССР родился и помру.

Оксана. Кончился ваш армянский. А у Марлена Петровича бар, видите, на замке. Этот-то еле у Турусова выпросила. Взаимы. Будить пришлось. Они с Теодором под утро вернулись. Ругался...

Барабаш. Ругался? Да ладно! Ты ж ему нравишься.

Оксана. Вот еще глупости! Скажете тоже...

Барабаш. Врешь! Баба мужской интерес за версту чувствует, как парткомиссия троцкизм. Ты замужем-то хоть была?

Оксана (*грустно*). Была.

Барабаш. И что, бросил тебя муж или объелся груш?

Оксана. Это я его бросила.

Барабаш. Ай, не ври! У тебя ж на лбу написано, как на первомайском плакате: о-дно-муж-няя. Другую, чай, твой хлопец себе нашел?

Оксана. Нашел.

Барабаш. Что за стервь?

Оксана (*зло*). Ненька Украина. Знаете такую?

Барабаш. Как не знать... Потом поговорим. Дуй в магазин за коньяком!

Оксана. Марлен Петрович денег не дает. Никому. Зарплату задерживает.

Барабаш. Разорился, что ли?

Оксана. Похоже.

Барабаш. Хорошо бы! А коньячок я и сам могу купить. Пенсию получаю.

Оксана. Ой, не смешите!

Барабаш. Что-о?.. Я пенсионер всесоюзного значения. (*Роется по карманам, вынимает платок, партбилет, конверт, отдает сиделке.*) Поддержи-ка!

Оксана (*берет в руки красную книжицу, рассматривает*). Вот, значит, какой он, партбилет! А в молодости вы очень даже ничего были...

Барабаш. А то! Сколько ко мне вашей сестры в очередь записывалось по личным вопросам!.. Ни одну не обидел.

Оксана (*листая билет*). ...Взносы большие платили. Хорошо зарабатывали.

Барабаш. Не обижала нас партия. Я и сейчас квартиру сдаю. Ты думай, дурочка, думай над моим предложением. На вот, поддержи-ка!

Старик отдает ей старый конверт и продолжает шарить по карманам.

Оксана (*рассматривает конверт*). Интересный конверт. Очень старый! «Весьма секретно. Не вскрывать без разрешения ЦК». С ятями. Значит, писали до 1918 года. А конвертик-то постарше вас будет, Петр Лукич?

Барабаш. Ты-то почему знаешь?

Оксана. Я же историк. Откуда у вас такой раритет?

Барабаш. В архиве нашли. Принесли мне: мол, как быть? Я хоть и на пенсии, а связи остались. Думал, схожу в ЦК, отдам кому следует. А тут все и кончилось: Борьку-пьяницу в Кремль занесли...

Оксана. А почему сами не вскрыли?

Барабаш. Я человек дисциплинированный. Нельзя без ЦК — значит нельзя. (*Забирает конверт.*) Пусть пока полежит. Наши придут — разберутся.

Оксана. А вдруг там ценный исторический документ?

Барабаш. Выходи за меня, Оксана, — все тебе достанется!

Оксана. Я подумаю над вашим предложением.

Барабаш. Думай скорее, а то помру.

Оксана. Ладно вам!

Барабаш. Карачун в мои годы, девонька, как строгий партвыговор. Можно схлопотать в любое время ни за что ни про что. Ах, вот она где! (*Находит кредитку, отдает сиделке.*) Бери и дуй в магазин!

Оксана. Пин-код нужен.

Барабаш. 1917. Запишешь или запомнишь?

Барабаш (*строго*). В партии у нас пили, но не пьянствовали. Три... нет, пять бутылок. Себе чего-нибудь вкусенького купи. Одна нога здесь, другая там.

Оксана. Мне отпрашиваться надо.

Барабаш. Вот ведь крепостное право развели! Володьку попроси. Он тебя мигом на своем броневике в магазин сгоняет. Никто и не заметит.

Оксана. Ладно, попробую.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Оксана идет к выходу и сталкивается с Марленом Петровичем.

Марлен. Оксана, вы куда?

Оксана (*растерянно*). Я... Марлен Петрович, я...

Барабаш. Обмочился я, сынок, вышел грех такой...

Оксана (*после паузы*). Я за памперсами. В магазин. Кончились.

Марлен. Быстро! На автобусе. И скажите Володе, пусть посмотрит унитаз в моей спальне. Там, кажется, засор...

Оксана. Марлен Петрович, простите, но мне нужно... понимаете... маме в Луганск деньги отправить...

Марлен. Будет вам зарплата. Зайдите после ужина. Обсудим. Ступайте!

Оксана уходит. Отец и сын смотрят ей вслед.

Барабаш. Сынок, рано тебя на свежатинку потянуло. Ты же только женился.

Марлен. Папа, это совсем другое.

Барабаш. Сынок, это у всех одинаковое.

Марлен. Папа, ты лучше о себе подумай!

*Марлен в раздражении подходит к балкону, пробует
рукой дверь.*

Барабаш. Ты, сынок, и окна забей! Мало ли что...

Марлен. Папа, не надо остричь! Не до этого. В бизнесе всякое бывает. Я же тебя просил: не выезжать из своей комнаты.

Барабаш. Когда меня взяли по Ленинградскому делу, и то гулять выводили. Хожу по внутреннему двору, гляжу на звезды и гадаю: если хоть одна упадет, не шлепнут. Упала! Удачливый я. Только с сыном единственным не повезло.

Марлен. Хватит! Ко мне могут приехать по делу, а тут ты со своими шутками.

Барабаш. Знаю я твои дела: трудовой люд объегоривать да обгайдаривать. Не прощу. Народ не простит!

Марлен. Папа, народ — это всего лишь люди, которые смотрят телевизор.

Барабаш. Народ, сынок, это люди, которые на улицы вываливают, если по телевизору слишком много врут. Надоело мне у тебя. Не по-русски живешь. Вези назад в ДСП!

Марлен. Куда?

Барабаш. В Дом старых пердунов. Откуда привез. Там хотя бы все наши... Валька Стрижова. Комсорг Братской ГЭС. Девчонка — огонь! Так бы и женился.

Марлен. Что ж не женился?

Барабаш. Не успел. Померла. До восьмидесяти месяц не дотянула.

Марлен. Из-за этих твоих огненных девчонок вы с матерью и собачились всю жизнь. Вырос под ваши скандалы. «Где ты был?» — «Люда, у меня экстренное выездное заседание!» Бац-бац-бац... И нет сервиза.

Барабаш. Ну, было, было... Не из железа склепан. Брак, сынок, это как пакт Молотова — Риббентропа. Лучше не подписывать, но уж если заключил — не отступай, держись!

Марлен. Вот ты и не отступал. Никогда не забуду, как мама бросила в тебя гусятницу. Ты с субботника в понедельник вернулся...

Барабаш. Да, пятно до сих пор на обоях осталось.
360 Людмила в этом смысле была не женщина, а ревтрибунал:

сначала стреляла, потом разбиралась. Зато я не женился, как ты, на каждой встречной.

Марлен. Уж лучше жениться, чем бегать, как ты, за каждой поперечной.

Барабаш. Нет, не лучше! Ты вырос с отцом и матерью. А твои дети? Чем тебе Валентина не угодила? Ваську тебе родила. Какие фуэте крутила!

Марлен. И романы еще крутила.

Барабаш. Скучала без сцены. Как она, здорова?

Марлен. Балерины долго живут.

Барабаш. Ваське теперь сколько?

Марлен. И не спрашивай. С бородой...

Барабаш. Вот ведь учудил! Повидать бы внучка перед смертью.

Марлен. Повидаешь. Я его в гости позвал.

Барабаш. Это хорошо! Ладно, допустим, с Валентиной не вышло. Первый брак ознакомительный. А вторая — Эльвира? Это ж надо жену так довести, чтобы она от тебя в Альпы с ребенком сбегала!

Марлен. Папа, ты многого не понимаешь.

Барабаш. А что тут понимать: зачал, родил, вырастил. Вот и все понимание. Я когда на Федыку смотрю, плакать хочется. Тирольский Маугли. Русского языка не знает. В тридцать лет не женат.

Марлен. Ищем невесту.

Барабаш. Эльвира-то теперь где?

Марлен. Кажется, в Гималаях, ищет Шамбалу.

Барабаш. Ясно — шамбольная. А с Еленой, Машкиной матерью, что у тебя вышло? Десять лет жили не тужили. Я уж думал, ты набегался, прилип.

Марлен. Папа, это очень интимная тема. Я бы не хотел...

Барабаш. Сынок, я тебя из твоего интима писать учил. Рассказывай!

Марлен. Елена сменила половую ориентацию. У нее теперь — жена.

Барабаш. Довел бабу!

Марлен. Я-то тут при чем? Это, видимо, в ней от природы. Гены такие. Врач сказал: переориентация сексуального вектора...

Барабаш (*ворчливо*). Вектора... Тьфу! Сынок, запомни: от хороших тычинок пестики не бегают. Машка-то с матерью общается?

Марлен. Не знаю. Замкнулась она. Не говорит, кто отец ребенка.

Барабаш. Ты про какую Машку?

Марлен. Про дочь, папа, конечно, про дочь.

Барабаш. Совсем ты, сынок, в своих Машках запутался. Могу тебе сказать, кто отец, если хочешь.

Марлен. Ты-то откуда знаешь? Ты же спишь все время.

Барабаш. Во сне увидел.

Марлен. Ну и кто?

Барабаш. Отдай людям зарплату — скажу.

Марлен. Нет денег, ты это понимаешь?

Барабаш. Куда ж они подевались?

Марлен. Форс-мажор. У нас хотят отозвать лицензию. Еще не отозвали. Но кто-то слил информацию, все бросились забирать деньги, как ненормальные.

Барабаш. А за что у тебя лицензию отбирают?

Марлен. Ой, папа, не задавай глупых вопросов! За то же, за что и у всех: рискованное кредитование, завышенные ставки, непрофильные расходы... А на самом деле — сняли нашего человека в СБК...

Барабаш. Где?

Марлен. В Совете по банковскому контролю. Ничего, скоро нашего Баксмана назначат. Главное — перекрутиться...

Барабаш. А как ты с другой Машкой, со своей мисс Тамбов, перекрутишься? Она моложе твоей дочери!

Марлен. Деньги, папа, бодрят. И Мария меня любит.

Барабаш. А спите почему врззь?

Марлен. Ее от меня тошнит. Не в том смысле. У беременных так бывает.

Барабаш. Вот когда разоришься, тогда увидим, в каком смысле...

Марлен. Папа, я как раз об этом хочу с тобой поговорить. На счету сейчас каждая копейка.

Барабаш. Так вот почему ты меня из ДСП забрал! А врал, что соскучился.

Марлен. Разумеется, соскучился. Но твою квартиру на Тверской надо срочно продать. Деньги положить к нам в банк. Так выгоднее.

Барабаш. Сынок, а может, выгоднее все к черту продать? Заводы, поля, шахты, фермы, танки, линкоры, ракеты... Деньги положить в банк в Америке и отдыхать на проценты. Правда, жрать скоро станет нечего, но можно купюры трескать. С хреном. Или худеть. Вы же все худеете!

Марлен. Папа, мне нужно перекрутиться, я вызову нотариуса.

Барабаш. Нет!

Марлен. Почему?

Барабаш. У меня там жильцы.

Марлен. Я подобрал им другую квартиру.

Барабаш. Шустро! Не продам. Ты там, пес, вырос.

Марлен. Папа, если банк лопнет — я погиб...

Барабаш. И зачем мы только засунули тебя в финансовый институт!

Марлен. В самом деле — зачем?

Барабаш. Затем... Был ты, Марлик, балбес балбесом. Всю голову сломали, что с тобой делать. Инженером — нельзя, проектируешь что-нибудь, а оно и грохнется. В доктора тем более — залечишь. В дипломаты никак не возможно: продашь Родину за двойной бурбон. Оставались финансы. Они же при советской власти были безобидные, вроде игры в шашки на щелбаны. Кто ж ду- мал, что деньги в такую силу войдут!

Марлен. Папа, меня могут грохнуть. Понимаешь? Я звоню нотариусу.

Барабаш. Понимаю, сынок, но не продам.

Марлен. Почему-у?

Барабаш. Там... там... на обоях память о нашей с Людмилой любви!

Марлен. Ну, как раз это-то я предусмотрел.

Он снимает с камина обернутую картину и разрывает бумагу, показывая отцу кусок испачканных обоев, обрамленных багетом.

Марлен. Эта память?

Барабаш. Эта. Гусь был с яблоками и красным перцем.

Марлен. Папа, мне нужны деньги. Очень!

Ставит «картину» на каминную полку.

Барабаш. Эх ты, процентщик!

Раздается тревожный сигнал. Марлен снимает трубку домофона.

Марлен. Кто меня спрашивает? Какой еще Пумпянский?.. Задержите! А Володя пусть быстро подает машину к задним воротам... Как уехал? За какими еще памперсами? Кто разрешил? Уволить! А этому Пумпянскому скажите, меня нет... Как уже пустили? При чем тут зарплата? Вы все уволены!

Марлен нервно ходит по зале, пробует на вес каминные щипцы.

Барабаш. Эх ты, банкир, штаны из дыр!

Марлен. Папа! *(Визгливо.)* Маша-а!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Из комнат выскакивают две беременные девчонки, спрашивая:

Обе. Что, папочка?

Марлен. Не ты, а ты! *(Дочери.)* Отвези дедушку в его комнату.

Маша-дочь. Хорошо, папочка. Поехали, дедушка.

Барабаш. А тебе можно? Я тяжелый.

Маша-дочь. Можно. Я по утрам еще бегаю.

Барабаш *(тихо)*. И к тебе еще по ночам бегают.

Марлен *(жене)*. Иди, киса, я тебя поцелую...

Маша-жена. Только не это, папочка!

Марлен. Не называй меня папочкой!

Маша-жена скрывается в своей комнате. Входит Пумпянский — судя по одежде, натура художественная. Озирается.

Пумпянский. Позвольте представиться: Пумпянский Жан Жакович, эксперт ФЗХ...

Марлен. Не понял?..

Пумпянский. Фонда помощи злоупотребляющим художникам.

Марлен. Барабаш Марлен Петрович, президент банка «Бескорыстье-Лимитед». Очень приятно!

Пумпянский. Извините, Марлен Петрович, что беспокою вас, так сказать, во внеурочное время, но в банке вы не появлялись неделю, а промедление, как говорится, смерти подобно.

Марлен. Приболел, знаете ли. Да и девочки мои рожать собрались.

Пумпянский. И много у вас девочек?

Марлен. Дочь и жена. А что?

Пумпянский. Нет, ничего. Просто, как говорил великий Сент-Экзюпери, мы в ответе за тех, кого приручили.

Марлен. Учту. Чему все-таки обязан?

Пумпянский. Видите ли, мы... наш фонд — давние клиенты вашего банка.

Марлен. У банка «Бескорыстье-Лимитед» много клиентов. Мы на рынке 20 лет. Как вы сказали — ФЗХ?

Пумпянский. Ну, теперь клиентов у вас не так уж и много.

Марлен. Это временные трудности.

Пумпянский. Хочется верить. Мы держим у вас большой вклад. Странно, что вы забыли...

Марлен *(спохватившись)*. Конечно, помню! А в чем дело?

Пумпянский. Хотелось бы вынуть наши деньги.

Марлен. Зачем? Мы платим вам хорошие проценты! Деньги должны работать. Можно обсудить повышение ставок. Это выгодно!

Пумпянский. В свете полученной информации лучше поскорей закончить наши взаимовыгодные отношения.

Марлен. Вы об отзыве лицензии? Не верьте! Слухи и наветы конкурентов.

Пумпянский. Слухи — это правда в кредит. Вот, я захватил наш договор... Пункт 7.5.Б. Читаем: «Банк “Бескорыстье-Лимитед” обязуется по первому требованию возвратить вклад с начисленными процентами...»

Марлен. Это невозможно! Если кто-то узнает, начнется по-вальный съем средств. Вы меня разорите.

Пумпянский. А вы встаньте на мое место! На нашем попечении более ста уникальных мастеров своего дела, к сожалению, злоупотребивших своим даром. Мы обязаны протянуть им руку помощи в трудную минуту...

Марлен. А почему наш банк должен расплачиваться за злоупотребления ваших мастеров своего дела?

Пумпянский. Нет, расплачиваться будет фонд, а вы просто вернете наши деньги. Не забывайте, речь идет о семьях, оставшихся без кормильцев, женах и малых детях, лишенных самого необходимого!

Марлен. Не надо о детях! У меня самого трое, и четвертый... так сказать... в депозитарии. Разрешите договорчик!

Пумпянский. Извольте.

Марлен (*читает*). «...по первому требованию в течение десяти дней...» Ну вот. Что же вы мне, уважаемый Жан Жакович, голову-то морочите! Через десять дней получите свои деньги. С процентами.

Пумпянский. Но через десять дней ваш банк может лопнуть, исчезнуть.

Марлен. Увы, от форс-мажора никто не застрахован. Вспомните судьбу того же Сент-Экзюпери. Улетел на самолете и пропал.

Пумпянский. Я тоже хочу вам напомнить кое о чем. Почетный президент нашего фонда — Анзор Тенгизович Гурамишвили.

Марлен (*заикаясь*). Гурам? Но ведь он же...

Пумпянский. Батоно Анзор сейчас в командировке в Мексике, куда отбыл после нашумевшей выставки своих графических работ, но даже издалека он интересуется судьбой нашего фонда. Что ему передать?

Марлен. Передайте уважаемому Анзору Тенгизовичу привет, пожелание новых творческих успехов и скорейшего возвращения.

Пумпянский. И это все?

Марлен. На сегодня все.

Пумпянский. Как знаете. Передам. И мы вас еще побеспокоим.

Марлен. Конечно! Это наша работа — беспокоиться о ваших деньгах.

Пумпянский. А наша работа — беспокоить вас.

Идет к выходу, останавливается у картины, разглядывает.

Пумпянский. Малевич?

Марлен. Вы думаете?

Пумпянский. И думать нечего — Малевич. Какая языческая витальность! Какой прорыв к первоэлементам мирового хаоса! Какая тектоническая мощь мазка! Купили?

Марлен удивленно осматривает пятно в раме.

Марлен. Наследство.

Пумпянский. Везунчик! Говорите, скоро будете сразу и отцом, и дедом?

Марлен. О да! Просто умираю от счастья...

Пумпянский. Надеюсь, доживете.

Он уходит. Банкир некоторое время смотрит на «картину», шагает взволнованно по зале, затем звонит по мобильному телефону.

Марлен (*в трубку*). Это я. Ко мне сейчас приходили из фонда Гурама... Какой-то Пумпянский... Как это не психуй? ...Да уж ты постарайся! Что там у нас с Баксманом?.. Хорошо. Жду звонка.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Возвращается Маша-дочь. Марлен подзывает ее к себе.

Марлен. Мария, мне надо с тобой серьезно поговорить.

Мария-дочь. Слушаю тебя, папочка!

Марлен. Не называй меня папочкой!

Мария-дочь. Почему?

Марлен. Нет, ты как раз можешь называть меня папочкой. Ну и как он?

Мария-дочь. Кто?

Марлен (*показывает на ее живот*). Шевелится?

Мария-дочь. Нет, тихо сидит.

Марлен. Странно, у Машки вот брыкается.

Мария-дочь. А мы тихие.

Марлен. В отца, наверное?

Мария-дочь. Это вряд ли.

Марлен. Может, мне пора с ним познакомиться?

Мария-дочь. Рожу — познакомишься.

Марлен. Я имел в виду отца ребенка.

Мария-дочь. Зачем? Да я вроде и не запомнила, кто именно...

Марлен. Как это «не запомнила»?

Мария-дочь. А разве это так важно, кто отец?

Марлен. Конечно, важно! И в кого ты такая?

Сверху доносится горловое тирольское пение.

Мария-дочь. В тебя я такая, папочка. Пошутила. Не бойся, есть отец.

Марлен. А жениться-то он собирается?

Мария-дочь. Зачем? Ты вот на всех женился. И что? (*Снова слышно тирольское пение.*) Теодор проснулся...

Марлен. Ну, не на всех, не на всех... С матерью-то видишься?

Мария-дочь. Иногда.

Марлен. Как там она?

Мария-дочь. По-моему, счастлива.

Марлен. Ну и славно.

Мария-дочь. Я вот тоже думаю: может, вместо одного отца пусть у ребенка будут две матери? А?

Марлен. Не городи ерунды! Лучше познакомя нас. Он кто по профессии?

Мария-дочь. Боюсь, тебе не понравится.

Марлен. Неважно. Зарабатывает?

Мария-дочь. Пока не очень.

Марлен. На что он семью содержать собирается?

Мария-дочь. Возьмем кредит. Дашь?

Марлен. Девочка моя, послушай банкира: никогда не бери кредит. Это мышеловка: за кусочек сыра расплачиваешься собственной шкуркой. Я бы вам подкинул на первое время, но у меня проблемы...

Мария-дочь. Знаю. Тогда придется брать власть.

Марлен. Что?

Мария-дочь. Ничего.

Марлен. Послушай, если назначат Баксмана, я выкарабкаюсь и тогда помогу.

Мария-дочь. Спасибо, папочка!

Целует его в щеку. Входят Оксана и Володя. В руках у него большая сумка.

Марлен. Вы где болтались? (Дочери.) Иди к себе!

Она скрывается в своей комнате.

Володя. В магазин ездили.

Марлен. В какой еще магазин? Я же сказал: машина может понадобиться в любой момент.

Оксана. Ваш папа попросил.

Марлен. Что он попросил?

Оксана. Памперсы.

Марлен. Ладно, отнесите ему. А потом зайдите ко мне!

Оксана. Вы же сказали, после ужина.

Марлен. Вашей маме в Луганске нужны деньги или нет? Ступайте!

Оксана уходит, опустив голову.

Володя. Шеф, мне тоже нужны деньги.

Марлен. А тебя в следующий раз, если уедешь без спросу, уволю.

Володя. Понял, шеф, не дурак.

Марлен. Иди посмотри: там, кажется, засор.

Володя. Смотрел. Просто какой-то вулкан. Из дерьма. Вот, вантуз купил.

Володя показывает вантуз и уходит.

Марлен (*кричит*). Маша!

Обе (*выглядывая из комнат*). Да, папочка!

Марлен (*дочери*). Не тебя. (*Жене.*) Иди ко мне. И не называй меня папочкой!

Маша-жена подходит. Он ее целует. Она отстраняется.

Марлен. Как ты себя чувствуешь, детка?

Маша-жена. Тошнит.

Марлен. И от меня?

Маша-жена. И от тебя.

Марлен. А почему ее не тошнит? (*Показывает на комнату дочери.*)

Маша-жена. Ну, не знаю... Она ведь тебе дочь все-таки. Ты обещал купить мне желтый «феррари».

Марлен. Деточка, сейчас у меня трудные времена. Потерпи!

Маша-жена. Я не хочу терпеть, меня тошнит.

Марлен. Ну киса, погоди чуть-чуть! Утвердят Баксмана, отзовут проверку...

Маша-жена. Я не могу ждать. Мне скучно. Я хочу на подиум, а он толкается и брыкается...

Марлен. Вот и хорошо. Если брыкается — значит, вы-

Маша-жена. Какой еще кузнечик? Терпеть не могу насекомых!

Марлен. Ну, не кузнечик, не кузнечик. Подумай лучше, как мы назовем нашего брыкунчика.

Маша-жена. Ну-у, не знаю... Может, Вовой?

Марлен. Почему Вовой?

Маша-жена. Как Президента.

Марлен. Умница! Очень перспективное имя.

Возвращается Володя с вантузом.

Володя. Не пробить. Вызывайте специалиста.

Марлен. Я еще и дерьмом должен заниматься? Сам вызови!

Володя. Денег стоит.

Марлен. Что ж вы ко мне сегодня пристали с деньгами! Вызывай, наскребу.

Маша-жена. Папочка, а можно Вова меня куда-нибудь свозит?

Марлен. Тебя же тошнит.

Маша-жена. Мне в машине гораздо лучше...

Марлен. Ну ладно. Володя, покатаешь часок. В магазины не езжать.

Володя. Есть, шеф!

Маша-жена. А можно, он мне поможет собраться?

Марлен. Помогите Марии Павловне собраться. И уезжайте, уезжайте куда-нибудь! Я с ума с вами сойду.

Володя и Маша-жена скрываются в комнате.

Звонит телефон.

Марлен (в трубку). Вася?.. Хорошо, что перезвонил. Заедешь?.. С дарами? ...Да, опять чудит. Еле жив, а сиделку за муж зовет. Седина в бороду — бес в ребро. На тебя вся надежда. Жду!

Колеблется. Отпирает бар и выпивает рюмку, потом устало опускается в кресло. Сверху доносится веселое тирольское пение.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Та же гостиная. В каталке дремлет Барабаш. По бокам сидят Оксана и переводчик Турусов. Она читает журнал «Вопросы истории», он — «Вопросы языкознания». Оксана прислушивается к дыханию старика.

Турусов. Жив?

Оксана. Дышит. Не дай Бог помрет, куда пойду, даже не знаю...

Турусов. Устройтесь по специальности. Не век же в сиделках ходить.

Оксана. Не смешите, Николай Карлович! Кому в Москве нужны специалисты по истории Украины, да еще из Харьковского университета? Тут своих доцентов как собак нерезаных. Даже в школу учительницей не возьмут.

Турусов. Почему?

Оксана. Учебные программы разные. За годы незалежности у нас столько всего напридумывали... Стыдно повторять. Я ведь и с мужем из-за этого, можно сказать, разошлась...

Турусов (*придвигаясь к ней*). Так вы теперь, значит, совсем одиноки?

Оксана. Мы с мужем на одной кафедре защищались. Я ему говорю: «Степан, ну какие еще укры в Древней Греции!» А он аж трясется: «Ахилл был укром, и Гомер был укром, и Христос был укром. Мы — самый древний народ в мире!»

Турусов. А разве не евреи самые древние?

Оксана. Евреи — младшая ветвь палестинских укров.

Турусов. Но это же бред!

Оксана. Конечно! Но за этот бред теперь академиками становятся. Какое-то массовое помешательство. Нельзя любовь к своему народу или классу превращать в шизофрению. А Степан просто сошел с ума...

Турусов. И куда же он подевался?

Оксана. Не знаю. Я уехала. В Луганск. Наверное, записался в какой-нибудь батальон вроде «Айдара», воюет с ватниками. А может, убили его, дурака, под Волновахой. Я иногда думаю:

вдруг это он мамин дом в щепки разнес? Степан в армии

372 артиллеристом был...

Турусов. М-да, история...

Оксана. Ладно. Для меня он в любом случае умер. У вас-то как дела? Нашли Теодору невесту?

Турусов. Ищем. Ходим по ночным клубам. Теодор пьет, танцует, с девицами знакомится, а я сижу в уголке и учу готландский диалект...

Оксана. В таких условиях?

Турусов. Да уж, это вам не профессорский зал Ленинки. Обожаю библиотечную тишину! Слышишь, как мимо проплывают мысли гениев.

Оксана. Мы с мужем тоже из университетской читалки не вылезали. Своего жилья в Харькове не было, в аспирантском общении шумно. Сидели до закрытия. Степа достанет печенюшку, я потихоньку откушу, а он — хрусть на весь зал! На нас обернутся, а мы в Грушевского уткнемся и от смеха давимся.

Турусов. А у меня диссертация по Грильпарцеру. Это такой поэт австрийский. *(С жаром декламирует.)*

Auf die Hände küßt die Achtung,
Freundschaft auf die offne Stirne...

Оксана *(перебивая)*. Я не знаю немецкого.

Турусов. Перевожу специально для вас, Оксана Тарасовна.

Руки целовать с почтеньем,
Лоб — с благоговейной дружбой,
Щеки — с восхищеньем нежным,
Губы с жаром целовать...

Оксана. Смело!

Турусов. Это еще не все:

Очи целовать в томление,
Шею — с вождельнем пылким,
В исступлении безумном
Остальное целовать!

*Турусов пытается обнять Оксану. Она решительно
отстраняется.*

Оксана. Ваш перевод?

Турусов. Мой.

Оксана. Замечательный. Но давайте не будем переходить от слов к делу.

Турусов. Жаль... Мама говорит, из меня мог бы выйти Жуковский. Но теперь за это не платят. Вот и помогаю искать невесту тирольскому шалопаю, который по-русски ни бельмеса.

Оксана. Николай Карлович, не смешите! Кто же невесту ищет в московских ночных клубах? Теодор вроде еврохлопец, должен соображать.

Турусов. Ой, бросьте, Оксана Тарасовна, какая там Европа! Медвежий угол Тироля. Фурцдорф. Знаете, что значит по-немецки «фурц»?

Оксана. Я английский учила.

Турусов. А я знаю восемь языков и тринадцать диалектов! *(Снова пытается ее обнять)*. Я, видите ли, Оксана, обеспеченный одинокий мужчина...

Оксана *(отталкивает его)*. Не в деньгах счастье.

Входит Марлен, слушает их разговор.

Турусов. Когда у вас выходной?

Оксана. Завтра. А что?

Турусов. Я хочу познакомить вас с моей мамой...

Марлен *(нарочито громко)*. Маша!

Оксана оглядывается, смущается. Открывается дверь.

Маша-дочь. Да, папочка!

Марлен. Да не ты!

Оксана. Они еще не вернулись, Марлен Петрович.

Марлен. Какого черта! Я же сказал: часок. Уже темно. Не родила б в машине...

Маша-дочь. Оксана, можно вас на минуту, вы мне не поможете?.. Помада под кровать закатилась... *(Показывает на свой*

374 *живот.)*

Оксана. Конечно, Мария Марленовна, иду.

Проходит в комнату Маши-дочери.

Марлен *(Турусову)*. Где Федька?

Турусов. Теодор Марленович, пообедав, спит. Он устает.

Марлен. Нравится ему в России?

Турусов. Очень!

Марлен. А что больше всего нравится? Наверное, девушки?

Турусов. А вот и нет. Ваши охотничьи ружья. Особенно карабин «холланд-холланд» с оптическим прицелом.

Марлен. Губа не дура! Знаете, сколько этот ствол стоит? Целое состояние. Николай Карлович, вы поэкономнее там, в клубах. У меня трудные времена.

Турусов. Я заметил.

Марлен. Как вообще у него настроение? Русский учит? Не хочет остаться?

Турусов. Нет, что вы! Говорит: найду невесту и уеду в родной Фурцдорф. Вы знаете, как переводится «Фурцдорф»?

Марлен. Нет. Я английский учил.

Турусов. Примерно так: «Деревня с неприятным запахом».

Марлен. Кстати, Николай Карлович, вы в сантехнике не разбираетесь? Там какая-то дрянь отовсюду прет...

Турусов. Я лингвист, лучший специалист по баварским диалектам. Я...

Барабаш *(просыпаясь)*. Ты, сынок, заткни толчок валютой. Деньги не пахнут.

Марлен. Папа, как же хорошо, когда ты спишь!.. Почему здесь? Я же просил...

Барабаш. Сынок, я руководил областью, которая равняется трем Франциям. Мне тесно в каморке. Мне простор нужен.

Марлен. Скоро поедешь на простор, в свой любимый ДСП...

Барабаш. Никуда, сынок, я не поеду. Тебе нечем платить за меня. У тебя все счета арестованы.

Марлен. Ты-то откуда заешь?

Барабаш. Интернет — лучший друг пенсионера! *(Вынимает из-под пледа планшет.)*

Турусов *(Марлену)*. Как же так... Вы мне должны за две недели!

Марлен. Отдам, не волнуйтесь. Отвезите лучше папу в комнату.

Турусов. Я...

Барабаш. Знаю: лучший специалист. Везите!

Турусов. Сначала отдайте зарплату!

Марлен. Какой же вы сквалыга! *(Достает бумажник.)* Отдам, но при одном условии.

Турусов. Каком?

Марлен. Вы не будете знакомить Оксану с мамой.

Турусов *(нервно)*. Это мое личное дело!

Марлен *(как бы убирая бумажник)*. А это — мое личное дело.

Турусов. Ну, хорошо... *(Берет деньги.)* Не забудьте добавить на клуб.

Марлен *(вздыхнув, добавляет)*. Вы меня разорите!

Турусов весело берет деньги.

Барабаш. Марлезон, отстань ты от Оксаны!

Марлен. Это еще почему?

Барабаш. Я на ней женюсь.

Турусов. Петр Лукич, вам тоже нужна жена?

Барабаш. Мне нужна вдова.

Марлен. Увезите, увезите его скорее!

Турусов увозит Барабаша. Марлен смотрит, сколько денег в бумажнике. Достает ключ, отпирает бар, наливает себе.

Звонит по мобильному.

Марлен *(в трубку)*. ...Ну и как там наш Баксман? Он знает, сколько мы занесли, чтобы его утвердили?.. Будет отрабатывать. Слушай, у тебя мелочь есть?.. Ну, пару лимонов наличными... Нет?

Жаль. Будут новости — звони.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Плюхается в кресло, пьет. Из комнаты Маши-дочери выходит Оксана.

Марлен. Оксана, я хочу с вами серьезно поговорить.

Оксана. Слушаю вас, Марлен Петрович.

Марлен. Как вам тут у нас живется?

Оксана. Хорошо, спасибо.

Марлен. Отец вас не обижает?

Оксана. Ну что вы! Очень обходительный дедушка. Мне у вас нравится.

Марлен. Не волнуйтесь, жалование я вам выплачу.

Оксана. Я не волнуюсь. Вы производите впечатление порядочного человека.

Марлен. От мужа вашего вестей нет?

Оксана. Нет, и, думаю, уже не будет.

Марлен. Если с отцом что-нибудь... Ну, я хочу сказать, если Петр Лукич отправится... к своим друзьям-ветеранам, вы можете здесь остаться. Нам скоро понадобится няня.

Оксана. Спасибо.

Марлен. Но и у меня к вам просьба... Оксана Тарасовна, пожалуйста, не запирайте на ночь дверь вашей комнаты!

Оксана. Так это вы дергаете ручку и дышите, как телок!.. Я думала, Турусов.

Марлен (*жарко*). Нет, я! Он на такое безумство не способен.

Оксана. Марлен Петрович, не пойму: у вас есть жена. Молодая, красивая...

Марлен. Ее от меня тошнит. И меня от нее, честно говоря, тоже.

Оксана. Зачем же вы женились?

Марлен. Трудно сказать... С женой ведь как с машиной. Думаешь, возьму свежую модель — и все сразу изменится....

Оксана. Сколько же вы моделей поменяли? Три?

Марлен. Маша четвертая.

Сверху снова доносится тирольское пенье.

Оксана. Ее тоже потом куда-нибудь в Тироль сошлете?

Марлен. Оксана, я никого никуда не ссылал. Я любил Эльвиру. Но еще в университете она увлеклась Рерихом, искала Шамбалу, впала в депрессию. Я отправил ее с Федей в Альпы, в санаторий. Она влюбилась в садовника... Гюнтера... Сложное всегда тянется к простому. Понимаете?

Оксана. Еще бы! Чем проще люди, тем сложнее их понять.

Марлен. Гюнтер увез ее в свою тирольскую деревню. Я к ним ездил. Хотел забрать сына. Увы... Потом Эльвира сбежала в Гималаи, а Федора оставила Гюнтеру. Я летал туда, хотел забрать сына. Увы... Не запирайте дверь!

Оксана. А как же Мария Павловна?

Марлен. Маша? А что Маша... Я увидел ее в Тамбове, на подиуме... Мы филиал банка открывали. «Вот она, новая жизнь!» — подумал я. А вышло как всегда: на новой модели ездешь по тем же колдобинам и выбоинам. Нет ничего хуже парного одиночества!

Оксана. Провырнитесь с Теодором по ночным клубам. Говорят, помогает.

Марлен. Мне нельзя выезжать из дому. Опасно. К тому же я скоро стану отцом. Не запирайте дверь, Оксана!

Оксана. Ваш папа хотя бы замуж зовет.

Марлен. Он всех сиделок замуж зовет. Ему так веселей.

Оксана. Дверь я вам не открою. Мне собирать вещи?

Марлен. Лучше соберитесь с мыслями и еще раз подумайте!

Слышен голос Барабаша.

Барабаш. Оксана! Оксана! Помираю!

Оксана. Пойду накапаю.

Оксана уходит. Марлен некоторое время стоит в раздумье.

Марлен. М-да, за деньги можно купить все, что... продается. Любопытное открытие после стольких лет работы в банке.

Турусов. Марлен Петрович, где тут ближайший банк?

Марлен. Вам-то зачем?

Турусов. Сбережения хочу положить. Деньги должны работать, не так ли?

Марлен. Конечно! Когда-нибудь мы построим идеальное общество, где работать будут деньги, а люди — отдыхать. Не волнуйтесь, Николай Карлович, сегодня мои неприятности закончатся, и я лично отвезу вас в мой банк.

Турусов. В «Бескорыстье-Лимитед»? Я что, по-вашему, ненормальный?!

Турусов, уходя, сталкивается в дверях с Володей, который вносит на руках уснувшую Машу-жену.

Турусов. Укачало?

Володя. Растрясло.

Марлен. Почему так долго? Я же сказал: час.

Володя. Она не хотела возвращаться домой. Говорила: сразу затошнит...

Марлен. Ты уволен.

Володя. Уволен так уволен.

Марлен. Что с засором?

Володя. Я же уволен.

Марлен. У тебя есть последний шанс.

Володя. Позвонил на фирму «Сантехуют». Записали вызов. Сказали: ждите.

Маша-жена (*сквозь сон, глядя Володю по лицу*). Милый, милый...

Володя. Это вы ей, наверное, босс, снитесь...

Марлен. Надеюсь. Сгружай в кровать и сделай что-нибудь. Невозможно, Фурцдорф какой-то.

Володя. Сейчас уложу вашу жену и вантузом пошурю. Пойдем в коечку, моя сладенькая!

Марлен. Что ты сказал? Какая еще «сладенькая»?!

Володя (*после паузы*). Я сказал: сладим как-нибудь... с засором.

Марлен. А-а... Ну, иди и не огорчай меня больше!

Володя уносит Машу-жену. Вбегает с улицы испуганный Турусов.

Турусов. Там... там... джишы.

Марлен. Ну и что?

Турусов. В сериалах на таких киллеры ездят.

Оксана быстро привозит на коляске Барабаша.

Барабаш. Марлезон, к тебе коллеги пожаловали.

Марлен. Какие еще коллеги?

Барабаш. Бандиты!

Марлен. С чего ты взял?

Барабаш. А что нам, старикам, делать? В окно глядеть да пенсию считать.

Вбегает, запыхавшись, Володя.

Володя. Два бронированных «хаммера». Человек семь.

Марлен. Охране занять круговую оборону!

Володя. Охраны нет.

Марлен. Как это нет?

Володя. Разошлась. Кто ж без зарплаты будет работать?

Марлен. Почему не доложил?

Володя. Сказали же: не огорчать.

Марлен. Идиот!

Володя (*снимает кобуру с пистолетом*). Я уволен?

Марлен. Нет! Нет!

Володя. Мне бы зарплату повысить.

Марлен. Хорошо. Потом. У тебя сколько патронов?

Володя. Обойма.

Барабаш. Маловато на такую ораву.

Марлен. В полицию надо звонить.

Барабаш. Поздно. Пока докондыбают, ляжем здесь,

Марлен. Что же делать? *(Турусов бочком пытается улизнуть.)*
Вы куда?

Турусов. Мне надо учить готландский диалект...

Барабаш. Стоять! На том свете все говорят по-русски. Принимаю команду на себя. Капиталистическое отечество в опасности. Коммунисты, шаг вперед! Оксана, звони в полицию!

Оксана. Есть, командир.

Барабаш. Если что, перевязать сможешь?

Оксана. Месяц была санитаркой на блокпосту.

Барабаш. Молодчиха! Марлен, отпирай «оружейку», всем раздать стволы!

Марлен. Папа, у меня коллекционное оружие.

Барабаш. Под трибунал отдам!

Марлен убегает. Оксана звонит в полицию. Турусов мечется по холлу.

Турусов. Мы все погибнем! Меня нельзя убивать. Я знаю восемь языков и тринадцать диалектов.

Оксана. Никого нельзя убивать, кроме врагов.

Барабаш. Не бздеть! В 47-м я приехал лекцию читать в Литву, а тут «лесные братья» нагрянули. Мы с партийным активом заняли круговую оборону, к утру и СМЕРШ подоспел. Всех положили. Троих лично застрелил.

Вбегают Марлен с охапкой оружия.

Турусов. Я пацифист.

Барабаш. Пацифист? Тогда вот тебе! *(Протягивает ему боевой арбалет.)* А эту *(винтовку с оптическим прицелом)* отдай Федьке. Он о ней вроде мечтал. Вундербар! Вундербар!

Турусов. Значит: восхитительно!

Марлен. Но это же «холланд-холланд». Мой лучший карабин! Он стоит...

Барабаш. Коммунисты на детях не экономят. *(Турусову.)* Отнесешь Федьке и скажешь: подарок от деда. Дуй! С мансарды угол обстрела хороший. Патронов и стрел не жалеть!

Турусов. Понял: гешенк от гросфатера. Есть, командир!

Убегает с карабином и арбалетом.

Володя. А мне куда, командир?

Барабаш. Ставлю боевую задачу: дуй в мою комнату, там через окно по дереву на соседний участок. Зайдешь с тыла. Понял?

Володя. Есть зайти с тыла! Но... боеприпасов маловато.

Сверху доносятся восторженные тирольские рулады.

Барабаш (*кивая наверх*). Оценил ружьишко, поросенок тирольский! (*Сыну*.) Марленка, выдай Воле карабин с патронами.

Марлен, поколебавшись, выделяет охраннику ствол.

Володя (*принимая*). Спасибо, босс, такой подарок!..

Марлен. Какой на хрен подарок! Это же вертикалка «Меркель».

Барабаш. А зачем нам горизонтальная «Меркель», правда, Вова? Бери! (*Подмигивает.*) Владей и балдей. Выполнять приказ!

Володя. Есть, командир!

Володя убегает с карабином.

Марлен. Папа, ты совсем одурел. Я заплатил за этот ствол...

Барабаш. Не журишь, сынку, у тебя все равно имущество отберут — бандиты или государство.

Оксана. Командир, в полиции глухо. (*Передразнивая.*) «Ждите, вам обязательно ответят...» А можно и мне ружье?

Барабаш. Умеешь?

Оксана. Научилась.

Барабаш. Выбирай! Марлезон, баррикадируемся! Если войдут, стрелять залпом на поражение. (*Громко.*) Машки!

Открываются сразу обе двери.

Обе. Что такое, дедушка?

Барабаш. Слушай мою команду, матрешки! Запелиться изнутри. Сховаться под кровати. Пузы подушками

прикрыть. Что бы ни случилось, не отпирать, молчать, не бляеть, не высовываться. Ясно?

Обе. Ясно, командир!

Скрываются в комнатах.

Барабаш. Оксана, ну что там у тебя?

Оксана. «Ждите, вам обязательно ответят...»

Барабаш. Одно слово — полиция. И кому наша народная милиция мешала? Вали мебель!

Выбегает Володя с карабином.

Володя. Командир, бандиты попа вперед пустили. Стрелять?

Барабаш. Какого еще попа?

Володя. В голубом.

Барабаш. Ряженный. Бдительность хотят притупить. Но все равно не трогать! Мало ли что... По служителям культа мы план еще в 20-е перевыполнили.

Марлен. Попа? Погодите!

Барабаш. Дратья и родить — некогда годить. Оксанка, пособи!

Оксана подбегает к нему. Барабаш, опираясь на ее плечо, встает.

Марлен. Папа, так ты ходячий?

Барабаш. Я стоячий!

Тишина. Появляется священник в голубых поручах и епитрахили.

Отец Василий. Мир дому сему!

Защитники опускают оружие. Раздается мощный храп. Барабаш спит стоя. Оксана бережно усаживает его в кресло.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Тот же каминный зал. Марлен, Володя, отец Василий.

Володя. Не помер Лукич-то наш?

Отец Василий. ...Без покаяния.

Марлен. Жив. Врачи говорят: «пиквикский синдром». Раз — и захрапел.

Володя. Устал от жизни дедушка. Девяносто лет как-никак... С гаком.

Марлен. А ты от чего устал, урод? Ослеп? *(Передразнивая.)* «Бандиты поа вперед пустили!» Из-за тебя в сына родного чуть не пальнул. *(Сыну.)* Прости, Васек! *(Володе.)* Ты уволен!

Володя. Ну да: как отстреливаться — «Сколько у тебя патронов?» А как отбились — сразу уволен.

Марлен. От кого ты отбился, Рембо недоделанный?

Володя. Уволен так уволен. Надоело! Я объявление видел: детскому саду требуется педагог-охранник... *(Хочет уйти.)*

Отец Василий. Пстой, Владимир! *(Отцу.)* Нельзя же так с людьми. Человек просто обознался. *(Володе.)* Как же ты меня не узнал, чадо неразумное?

Володя. А как узнать-то, отец Василий? Я тебя в голубом никогда не видал. Да и джипа у тебя вроде не было... Купил, что ли?

Отец Василий. Какой там «купил»! С нашего прихода, как зимой с огорода. И колымага моя сломалась. А в голубом — так Сре-тенье сегодня. *(Отцу.)* Ты не гневайся на Владимира. Это Господь тебя так испытывает...

Марлен. Замучил он меня испытаниями в последнее время.

Отец Василий. А ты задумайся: почему испытывает и знаки посылает.

Марлен. Ну и почему?

Отец Василий. Потому что заповедано: «Не давай денег в рост». Грех это. Процентная ставка — от дьявола.

Марлен. Значит, Центробанк — от сатаны. Сынок, если бы я не грешил, тебя бы на свете не было, понял?

Отец Василий. Вестимо, папа.

Марлен. Как мать-то?

Отец Василий. Бодра. В храме подвизается.

Марлен. А сам как?

Отец Василий. С Божьей помощью.

Марлен. Гляжу, Василий, ты тоже не без греха: с бандитами водишься.

Отец Василий. Не вожусь, а наставляю на путь истинный. Почувствуй разницу. Десять лет одинцовские и звенигородские бились насмерть. Но вразумил их Господь. Приехали ко мне в храм. Бух на колени: «Благослови, отче, на вечный мир!» — «Ладно, говорю, но я на требы опаздываю». А они: «Мы тебя потом домчим с ветерком!» Прочел я над ними молитву «Умиривающую во вражде сущих» и — к вам. Полиция только честь отдавала.

Володя. А что, и такая молитва есть?

Отец Василий. А как же! *(Поет.)* «...Благодарим тя, Владыко Человеколюбче, Царя веков, и Подателя благих, разрушившаго вражды средостения, и мир подавшаго роду человеческому-у-у...»

Открываются двери, и выглядывают обе Маши.

Маша-дочь. У вас тут выездной молебен?

Отец Василий. Храни тебя Господь, сестро!

Маша-дочь. И ты будь здоров, брато! Вась, у тебя в приходе семнадцатый век, что ли?

Отец Василий. Почему семнадцатый? Двадцать первый, к сожалению.

Маша-дочь. Нет, семнадцатый. И говоришь ты как-то по-старославянски.

Отец Василий. Я-то как раз по-русски говорю. А вот ты у нас до сих пор нехристь. Русский человек должен быть православным. Приезжай, окрещу!

Маша-дочь. Мне нельзя.

Отец Василий. Почему? Господь всех призывает.

Маша-дочь. Я, брато, язычница! Поклоняюсь Яриле в виде двухметрового фаллоса.

Отец Василий. Ах, кощунница, язык без костей! Господи, помилуй сорок раз!

Марлен. Маша, как не стыдно! Закрой дверь! (*Маша-дочь закрывает дверь, Марлен — Василию.*) Замучился с ней: дерзит, не говорит, от кого беременна...

Отец Василий. От Ярилы, наверное.

Маша-жена. Батюшка, можно вас на минуточку? Исповедоваться!

Отец Василий. А думаешь, хватит тебе минуточки, жена непраздная?

Маша-жена. Хватит. У меня только один грех.

Отец Василий. Не смертный, надеюсь? Ладно, загляну к тебе потом, поговорим, заодно прочитаю молитву перед порождением.

Маша-жена закрывает дверь.

Володя. И даже такая молитва есть?

Отец Василий. В Божьей церкви на каждый случай молитвенное прошение имеется.

Володя. Ух ты! (*Тихо.*) А для храбрости тоже есть?

Отец Василий. А как же! (*Громко, нараспев.*) Против супостатов, находящихся на ны-ы-ы! Но лучше сто грамм.

На голос в холл заглядывает смущенный бандит.

Бандит. Ну, мы поехали, что ли, батюшка?

Отец Василий. С Богом! И помните, что мне обещали.

Бандит. Обижаетесь! Крест целовали...

Вбегают Турусов.

Турусов (*оживленно*). Едем клубиться!

Марлен. Едете... что делать?

Турусов. Так молодежь теперь выражается. В клуб едем. Марлен Петрович, забыл взять у вас деньги на такси — обратно.

Марлен. А туда?

Турусов. Туда нас ребята доvezут, мне лишнего не надо! (*Кивает на бандита.*) У них, оказывается, свой клуб есть. «Альпенштрудель». Мы там еще не были.

Отец Василий. Знатный вертеп! Я освящал. Но уж очень дорогой и шумный.

Бандит. Для вашего, батюшка, брательника и его друга сегодня бесплатно.

Марлен. Николай Карлович, верните, что я вам выдал на клуб. У вас сегодня все включено.

Турусов нехотя возвращается.

Турусов. Какая мелочность!

Марлен (*пряча деньги*). Копейка доллар бережет. Как там Теодор?

Турусов. На джипы любитесь. Он в Фурцдорфе таких никогда не видел.

Снаружи доносятся восхищенные тирольские рулады.

Бандит. Поехали уж, что ли... На стрелку опаздываем.

Отец Василий. С Богом! У знаков «Осторожно, дети!» притормаживайте.

Бандит. Знаем. Не с Кавказа.

Уходят. Слышен шум отъезжающих машин.

Отец Василий. А брат Федор в какой у нас вере крещен?

Марлен. Не спрашивал. Может, такой же ререхнутый, как и его мать.

Отец Василий. Ох, грехи наши тяжкие... Господи, помилуй сорок раз!

Выходит Оксана.

Оксана. Петр Лукич проснулся.

Золото партии, или Особняк на Рублевке

Отец Василий. И часто у него теперь так?

Оксана. Часто. Доктор сказал: в любой час может уснуть и не проснуться.

Отец Василий. Плохо. Без покаяния. Надо бы соборовать, исповедовать и причастить. Как знал, запасные дары захватил.

Марлен (*отозвав сына, тихо*). Вась, и по поводу женитьбы деда пристыди.

Отец Василий. Ладно, попробую усовестить.

Василий уходит с Оксаной. Володя тоже хочет уйти.

Марлен. Ты-то куда?

Володя. Мария Павловна просила с ней побыть. После наезда ее всю трясет.

Марлен. Ты охранник-водитель, а не сиделка. Патрулируй периметр, чтобы муха не пролетела. За что я тебе плачу?

Володя. Вы мне не платите.

Марлен. Завтра получишь. Ступай!

Володя. Как скажете, босс.

Володя идет к выходу. Марлен поворачивается к нему спиной, достает телефон. Охранник, уловив момент, ныряет в комнату Маши-жены.

Марлен (*в трубку*). Алло, ну как там?... Еще заседают? А почему так долго?... Нет, не психую, просто я нервный сегодня. Сначала этот Пумпянский мозги ел, потом одинцовские заезжали. Нет, я с ними не работаю. А зря, наверное. На проводке и конверте можно хорошо наварить. Звони, как только!.. Погоди, ты что от нервов пьешь?... Irish single malt. 25-летний? Надо попробовать...

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Пока он говорит, в комнату входит Волковец в шляпе и темных очках. Осматривается. Вежливо кашляет. Марлен оглядывается.

Волковец. Добрый день!

388

Марлен. Добрый... (*Пугается.*) Как вы вошли?

Волковец. Через дверь.

Марлен. Увольо! Не дом, а проходной двор. Я же сказал, верну вклад через десять дней согласно договору.

Волковец. Вклад? Нам? Оригинально.

Марлен. А вы разве не из ФЗХ?

Волковец. Нет, я из ФСБ. Майор Волковец.

Марлен. Час от часу не легче. Перед вами-то чем я провинился?

Волковец. Ничем. Пока. *(Вынимает снимок.)* Вам знакомо это лицо?

Марлен. Нет, не знакомо.

Волковец. Уверены?

Марлен. Абсолютно. Такую наглую физиономию я бы запомнил.

Волковец. Вам повезло. Это опасный экстремист. Вениамин Зильбертрудт. Последняя кличка — Чегеваров.

Марлен. А чем он таким опасным занимается?

Волковец. Да как вам сказать... Борется за справедливость.

Марлен. Да, это очень опасно, надо пресекать в корне! А почему вы меня о нем спрашиваете? Я же за справедливость не боюсь.

Волковец. Мы знаем и ценим это. Но его видели около вашего дома.

Марлен. Мало ли нищобродов шляется, работу канючит... А когда надо, не дозовешься. Вон с утра не унитаз, а Везувий. Починить некому.

Волковец. В самом деле. Как вошел, сразу почувствовал. Вы один в доме?

Марлен. Побудешь тут один... Жена, дочь, отец, сын... И так еще — обслуга.

Волковец. Обслуга? Вы банкир, кажется?

Марлен. Да, банк «Бескорыстье-Лимитед»...

Волковец. Лимитед? Оригинально. Расследовал я как-то убийство банкира.

Марлен *(испуганно)*. Кто убил? Вкладчики?

Волковец. Мы тоже сначала так думали, потом искали кавказский след, покойный фальшивыми авизо баловался. (*Пытливо смотрит на Марлена.*) Оказалось все проще... Садовник.

Марлен. За что?

Волковец. Ни за что. Вернулся банкир злой с совета директоров. Доллар-то прыгает, как давление у гипертоника. Наорал на рабочего человека, мол, слишком коротко травку постриг. А тот ночью ему возьми и перережь горло садовыми ножницами. Согласитесь, оригинально!

Марлен. У меня нет садовника. Уволил. Трудные времена.

Волковец. Времена у всех всегда трудные, а с увольнениями поаккуратнее. Недавно шофер бывшего хозяина из подводного ружья загарпунил. Кто еще в доме, кроме ваших родственников?

Марлен. Охранник и сиделка.

Волковец. К ним Чегеваров мог приходиться?

Марлен. Вряд ли... Позвать?

Волковец. Пока не стоит. Разрешите, я по участку прогуляюсь?

Марлен. Пожалуйста!

Из комнаты выбегает взволнованный отец Василий.

Отец Василий. Господи, помилуй сорок раз! Не дед, а просто какой-то воинствующий безбожник...

Марлен. Что там у вас случилось?

Отец Василий. У всех грехи как грехи: ну, гневливость, корыстолюбие, чревоугодие, в крайнем случае любострастие. Иногда кажется, прихожане грехи друг у друга вроде как в школе контрольную списывают. Правда, раньше в женолюбии чаще каялись, а теперь, бывает, в содомском грехе...

Волковец. Оригинально!

Отец Василий. Выслушаешь, наставишь, наложишь епитимию, помолишься об исправлении. И с Богом. А с нашим дедом не знаю, как быть. Твердит: грешен, советскую власть не уберег.

Я ему отвечаю: власть ваша богоборческая — от сатаны...

390 туда ей и дорога!

Волковец (*Марлену*). Почему вы не сказали, что в доме священник?

Марлен. Сказал. Это мой сын — отец Василий.

Волковец. Сын? Вот как! (*Показывает попу фото.*) Отче, не знаком ли вам этот человек?

Отец Василий. Нет, не видывал.

Волковец. Уверены?

Отец Василий. Как на духу.

Волковец. Верю. Благословите, батюшка! (*Тот благословляет.*) Ну, пойду прогуляюсь тут у вас... (*Протягивает карточку Марлену.*) Звоните, если что!

*В это время Оксана вывозит в коляске возбужденного
Барабаша.*

Барабаш. Где этот наркодилер? Ага, испугался!.. Нечего деду-то ответить!

Волковец (*останавливаясь, с интересом*). Кто тут у вас наркодилер?

Барабаш. Он! (*Показывает на Василия*). Почем, внучек, опиум для народа?

Волковец вопросительно смотрит на Марлена.

Марлен. Это мой папа, Петр Лукич. Гостит. Постоянно проживает в пансионе «Золотые закаты».

Волковец. Недешевое местечко. Там недавно ветерана за бриллиантовый перстенок задушили.

Барабаш. Какой он ветеран! Торгаш. Я вон был членом ЦК, а у меня ничего, кроме чистой совести, не осталось.

Волковец. Если вы, дедушка, такой честный, скажите: этого парня видели? Соберитесь, подумайте. Предупреждаю: опасный экстремист.

Барабаш (*долго смотрит на снимок*). Видел!

Волковец (*делая стойку*). Где?

Барабаш. В гробу я видел ваших экстремистов! При советской власти, кроме взяточников, несунув и тунейдцев, никаких таких экстремистов не было. А вы развели тут!

Марлен. Папа, он из ФСБ.

Барабаш. Ну и что! Бывал я на Лубянке. Меня следовательно моим же делом по голове бил. А в деле 15 томов!

Волковец. Понятно. *(Оксане.)* А вы у нас кто?

Оксана *(робея)*. Оксана... Тарасовна... Сиделка я...

Волковец. С регистрацией все в порядке?

Оксана. Да... А как вы поняли, что я...

Волковец. У мигрантов и беженцев глаза бездомные.

Отец Василий. Твоя, бабушка, работа! Поехал я тут в деревню Верхние Пеньки старушку отпевать. А там уже не деревня, а кишлак... Рухнул ваш красный Вавилон, и Господь в наказание опять смешал языки и народы.

Барабаш. Внучек, а ты вообще-то уверен, что Бог есть? Может, это не Он, а мы сами себя за грехи наказываем...

Отец Василий. Ну вот, опять! А кто же тогда сотворил «небо и землю, видимые же всем и невидимые»? Откуда все это — от сырости?

Барабаш. Согласен. Без центрального руководства, мобилизации ресурсов и плана ничего не бывает. Думали, капитализм у нас сам собой построится. Хрен-то! Один срам вышел.

Отец Василий. Ну вот, если согласен, повтори: верую, Господи, помоги моему неверию!

Барабаш. Погоди, Васек, повторять — дело нехитрое, всю жизнь повторял. Давай рассуждать: Бог или есть, или его нет. Выходит, пятьдесят на пятьдесят.

Волковец. Пятьдесят на пятьдесят. Логично.

Отец Василий. Логика убогого материалиста. *(Спохватившись.)* Это я не про ФСБ, а вообще. Даже академик Павлов веровал в Бога!

Барабаш. Павлов все больше с собаками возился, а я-то с людьми. Да, внучек, одни верят, другие нет. Взять хотя бы твоего

Марлен. Неправда! У меня в каждой комнате — икона.

Барабаш. А у нас в каждом кабинете Ленин висел. И чем кончилось?

Отец Василий. Ленина вашего из мавзолея давно пора вынести и зарыть. Залежался.

Барабаш. Не ты положил, Вася, не тебе выносить наши советские мощи.

Отец Василий. Не мощи, а мумию консервированную.

Барабаш. Кому мумия, а кому и мощи. Все от веры зависит.

Отец Василий. Какая вера у вас, у безбожников?

Барабаш. Это как посмотреть. Была такая вера, что Царство Божие на земле можно построить, что человек разумом может встать с Богом вровень, что наука способна сотворить чудо — рукотворные мощи. Были у нас свои пророки и мученики. Вот и лежит наш Ильич в мавзолее, будто вздремнул после Совнаркома.

Отец Василий. Ну-ну, палач на покое. Господи, помилуй сорок раз! Сколько крови пролил, храмов порушил!

Барабаш. Ну да, а вы только елей лили.

Отец Василий. В чем согрешили, в том покайтесь.

Барабаш. И мы покайтесь. На 20-м съезде.

Отец Василий. В главном, в безбожии ваша власть не покалась!

Барабаш. Так вы же сами говорите: любая власть от Бога. Понадобилась, выходит, Богу зачем-то и наша советская власть.

Отец Василий. И зачем же она такая Господу понадобилась?

Барабаш. Может, затем, чтобы человек вовсе от веры не отвык. Лучше в Ленина верить, чем ни во что...

Отец Василий. Тогда уж лучше в Ярилу верить. Язычника-то еще можно обратить, а с такими, как ты, и говорить бесполезно.

Барабаш. Не горячись, внучок, не безбожник я... Сомневающийся. Гложут меня сомнения.

Отец Василий. Какие? Открой сердце!

Барабаш. Что Господь мир за шесть дней сотворил, могу поверить. Сам стахановцем был. А вот если Он создал человека по своему образцу и подобию, почему люди такие глупые,

Золото партии, или Особняк на Рублевке

ленивые и жадные? Даже социализма с человеческим лицом построить не сумели. Растолкуй!

Отец Василий. Это тебя, дедушка, спросить надо, почему вы такой рай на земле построили, что из него все сбежать норовили.

Волковец. Вижу, у вас тут семейные терки. Пойду осмотрюсь. (Марлену.) Не забудьте позвонить, если что...

Волковец уходит, примечая и рассматривая картину на камине.

Отец Василий. Нет, Господь сотворил человека совершенным, да еще и свободу воли даровал. Сатана этим и воспользовался, искусил Адама и Еву, как вы рабочий класс и крестьянство в 17-м году...

Барабаш. Вот оно как! Давно хотел спросить, внучек: почему у сатаны такие большие полномочия? У вас там двухпартийная система, что ли?

Отец Василий. Демократия, Петр Лукич, в аду, а на небесах — Царствие. Запомни! Ладно, хватит на сегодня. В храм мне надо. Да и смрадно тут у вас...

Марлен. Фурцдорф.

Отец Василий, обмахиваясь, идет на улицу.

Марлен (кричит). Воло-одя!

Из комнаты Маши-жены выглядывает Володя.

Володя. Здесь, босс!

Марлен. Я тебе периметр охранять велел, олух!

Володя. Мария Павловна попросила...

Марлен. Все, мое терпение лопнуло!

Володя. Я уволен?

Марлен. Сначала отвезешь отца Василия в церковь.

Выглядывает Маша-жена.

Маша-жена. Папочка, можно я с ними прокачусь?

Марлен. Просил же: не называй папочкой. Дома сиди.

394 Раскаталась! Еще родишь в машине.

Маша-жена. Меня тошнит.
Марлен. Меня тоже тошнит. От всего!
Маша-жена. Не могу я, папочка! То бандиты, то про Бога кричите... И этот противный запах всюду.
Марлен. Где этот чертов сантехник?!
Володя. Сказали, выехал.
Маша-жена. Я хочу на воздух!
Барабаш. Отпусти ты ее! Не удержишь все равно.
Марлен. Езжайте...
Маша-жена (*обнимает шофера*). Ура, дорогой!
Марлен. Что ты сказала?
Маша-жена. Я?.. Я сказала, что проветрюсь дорогой!
Марлен. А-а... Собирайтесь скорей, отец Василий на службу опаздывает.

Маша и Володя скрываются в комнате.

Барабаш. Сынок, у тебя как со зрением?
Марлен. Не жалуюсь пока.
Барабаш. А ты все-таки проверься. Очки тебе нужны.
Марлен. Мне? Зачем?
Барабаш. Для наблюдательности.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Возвращается Василий.

Отец Василий. Кто меня отвезет? Опоздаю на вечерню — настоятель голову оторвет. Помилуй, Господи, сорок раз.
Оксана (*подходя к священнику*). Благословите, батюшка!
Отец Василий (*благословляя*). Во имя Отца, Сына и Святого Духа... Не печалуйся, голубица, Господь не оставит.
Марлен. Ну, уж и меня, сынок, благослови!
Отец Василий (*благословляет*). Во имя Отца, Сына и Святого Духа...

Марлен. Ты бы хоть помолился, чтобы банк мой выплыл! Выкарабкаюсь — на храм тебе пожертвую.

Отец Василий. Господь не Кремль — в банковскую систему не вмешивается.

Барабаш. Василий, а деда родного благословить не хочешь?

Отец Василий. На что тебя-то благословить?

Барабаш. На всякий случай...

Отец Василий. А в храм ты тоже на всякий случай ходил?

Барабаш. Когда? Ты-то почему знаешь?!

Отец Василий. Видел. Давно. Мальчишкой был. В прятки играли. Я за церковной оградой залег. Вижу, мой дед, который всегда попов ругал, бочком-бочком в храм заходит. Я — за тобой. Ты свечку поставил и сразу сбежал, а я потом еще долго стоял — на иконы смотрел, хор слушал. Мимо батюшка прошел, снял с меня ушанку и по голове погладил. С этого все и началось... (*Крестит деда.*) Да просветит тебя Господь, Фому неверующего!

Барабаш. Ишь ты, глазастый! Было дело. Знаешь, какие нам планы сверху спускали? Без Божьей помощи не осилить. Приходилось обращаться. Эх, Васька, думаешь, я не хочу, чтобы твоя взяла? Хочу! Тоже надеюсь, есть еще что-нибудь, кроме круговорота воды в природе. А вот интересно: там души сами по себе витают или в какие-нибудь партии объединяются?

Отец Василий. Я с ума сойду с этим чертовым дедом, Господи, помилуй сорок раз!

Перекрестившись, бросается к выходу. За ним следом идут Марлен, Маша-жена, Володя. В каминном зале остаются Барабаш и Оксана.

Барабаш. Ну, что решила, беженка?

Оксана. Даже не знаю. По возрасту вы совсем мне не подходите. Но вы настоящий мужчина, можете защитить семью и свою женщину. Знаете, будь вы чуть-чуть помоложе, лет на пятьдесят, я бы в вас и влюбиться могла...

Барабаш. Тем более. Соглашайся!

Барабаш. И пусть! Вон теперь соплюшки прямо с подиума за лысых пузанов выскакивают — и ничего.

Оксана. Так у них деньги.

Барабаш. Да уж, золота партии у меня нет. Только квартирешка, зато на улице Горького.

Оксана. Да вы сам, Петр Лукич, и есть золото партии. *(Целует его в макушку.)*

Барабаш. Так и выходи за меня! Тогда уж точно Марленка помогать тебя не станет. Ты ему мачехой будешь: цыц — и все дела.

Оксана. Он же меня сразу выгонит, а вас снова в дом престарелых ушлет.

Барабаш. И что с того? Переберешься на мою площадь. Пенсия у меня хорошая. От жильцов кое-что откладывает. На первое время хватит. Потом работу найдешь по специальности. Похлопочу. Один мой инструкторишка теперь в Академии наук — шишка. Не откажет. Квартиру на тебя оформлю. Будешь навещать меня в богадельне. Наши бабки овсянкой подавятся, какая у меня молодая жена! Потом похоронишь рядом с Людмилой. За могилой присмотришь. На этих оглоедов надежды никакой. А я тебе свержу какой-нибудь привет пошлю. Голубку белую с черными оборками на лапках. У меня в детстве в голубятне такая красавица была. Украли...

Оксана. Так вы же сказали отцу Василию, что не верите в загробную жизнь.

Барабаш. Я, Оксана, в жизнь верю, а какая она — догробная или загробная, — неважно. Соглашайся! Я ж скоро помру. Потом встретишь хорошего мужика. Тебе детей надо рожать. Ты же добрая женщина. Теперь такие в редкость...

Оксана. Ладно, допустим. Но при одном условии. Нет, при двух условиях.

Барабаш. Готов. Докладывай!

Оксана. Первое. Вы не будете ко мне приставать и все такое...

Барабаш. Эх, Оксаночка, я на своем веку столько голых комсомолок и беспартийных перевидал — парад

физкультурниц можно устраивать. Не трону. Ну, может, иной раз подгляжу для тонуса...

Оксана. Никаких подглядываний, клянитесь!

Барабаш. Честное партийное.

Оксана. Верю. Второе. Вы разрешите мне вскрыть ваш конверт?

Барабаш. Тебе-то зачем?

Оксана. Петр Лукич, я же историк, а не сиделка. Вдруг там какие-то важные документы по революции. Я хочу вернуться в науку на белом коне...

Барабаш. Вообще-то лучше всего ваша сестра выглядит на белой перине...

Оксана. Я передумаю. Вы обещали!

Барабаш. Эх, где наша не пропадала! От жены и от партии тайн нет. Мишка-то Горбачев говорил: поеду с ночным политбюро посоветуюсь. Это он так про Раису свою. Досоветовался, подкаблучник. Согласен, прямо сейчас вскрывай.

Ищет по карманам конверт, отдает.

Оксана. Нет, завтра. У меня выходной. К великим тайнам истории надо прикасаться без суеты.

Барабаш. Ишь! Такой фантазерки у меня еще не было. Мою фамилию возьмешь или свою оставишь? Как, кстати, тебя?

Оксана. Сметанка.

Барабаш (*смеется*). Как?

Оксана. Сметанка. Ничего смешного. Нормальная украинская фамилия. Вы, москали, вообще почему-то к нашей культуре и языку свысока относитесь.

Барабаш. Ладно, ты мне здесь только Майдан-то не устраивай. Хочешь быть Сметанкой — оставайся.

Оксана. А как мы распишемся? Марлен Петрович с меня глаз не спускает.

Барабаш. Успеем, мы вон с Людмилой десять лет без регистрации прожили: то у меня аврал, то у нее сверхурочные...

398 Вернусь в ДСП — туда и вызовем. Из ЗАГСа часто к нам

ездят. Старикам что еще делать: жениться да разводиться. А вот квартиру на тебя надо срочно переписать, пока сынок не спроворил.

Оксана. А как?

Входит Марлен.

Барабаш. Знаю как... *(Хватается за сердце.)* Ой, совсем плохо! Оксаночка, накапай мне как обычно!

Оксана *(убегая)*. Сейчас, сейчас...

Марлен. Папа, хватит кривляться! Ты что устроил? Перед Василием стыдно. Его просто трясло всего.

Барабаш. Ничего. Он пастырь, а в стаде разные овцы и бараны вроде меня попадают. Сынок, не сердись на отца, может, в последний раз видимся...

Марлен. Ладно, ладно, папа, держись. Скорую вызвать?

Барабаш. Ты, сынок, лучше нотариуса вызови.

Марлен. Зачем?

Барабаш. Я тут подумал... насчет квартиры. У тебя трудные времена, а мне площади два метра на метр за глаза хватит. Забери! Зови нотариуса.

Марлен. Ну не такие уж и трудные. Утвердят Баксмана — и все наладится.

Барабаш. Дай Бог! Но я ночью не спал и такую жуткую статью в Интернете про черных риелторов нашел: приходит человек в наследство вступать, а его квартира уже раз десять невесте кому перепродана...

Марлен. Точно! Как же я не подумал...

Возвращается Оксана с рюмкой. Барабаш выпивает.

Прислушивается к организму и качает головой.

Барабаш. Не берет. Поехали, Оксана, в каморку, устал я что-то... Приму еще сто пятьдесят... капель и посплю.

Марлен. Оксана, уложите отца, потом сразу ко мне зайдите!

Оксана (*весело*). Хорошо, Марлен Петрович.

Марлен. Смотрю, настроение у вас резко улучшилось.

Оксана. Когда примешь правильное решение, жить легче.

Марлен. Давно бы так... (*Хочет ее обнять.*)

Оксана (*высвобождаясь*). Отца бы постеснялись!

Марлен. Да он спит уже. «Пиквикский синдром».

Действительно, старик храпит, уронив голову. Оксана увозит Барабаша. Марлен ходит по холлу, потирая руки, вынимает мобильник, звонит.

Марлен (*в трубку*). Володя!.. Нет, ничего не случилось. Домой можно не спешить. Покатайся еще пару часов, проветри Марию Павловну. На обратном пути захвати нотариуса, понял? Довезли отца Василия? Ну и славно...

Походит к зеркалу, разглядывает себя, втягивает живот, прыскает в рот из баллончика с освежителем. Звонит мобильник.

Марлен. Алло... Стою. А что? Хорошо... (*Садится в кресло.*) Как это Баксмана не утвердили? Почему?.. У всех есть собственность за границей... Остров в Эгейском море! Да уж, для госчиновника жирновато... А кого назначили? Что-о-о?! (*Хватается за сердце.*) Хабидулину?! Это конец! Она приставала ко мне в Давосе, а я уклонился... (*Переходя на визг.*) Почему уклонился? А ты ее видел хоть раз?! Да, теперь-то я понимаю: надо было через силу...

Встает, отпирает бар, берет бутылку виски и бредет к себе. Через окно влезает Чегеваров, крадется к комнате Маши-дочери. Гаснет свет.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Утро. Сверху доносится тирольский дуэт — мужской и женский голоса. В холле появляется помятый Марлен, прислушивается к пению, затыкает уши, озирается, смотрит на себя в зеркало, ужасается, дрожащей рукой отпирает бар, наливает стакан и, зажав пальцами нос, пьет. Оживает.

Никто не откликается. Марлен пожимает плечами, поворачивается, чтобы налить себе еще. Из комнаты Маши-дочери выглядывает Чегеваров, из комнаты Маши-жены — Володя. Заметив Марлена, они знаками приветствуют друг друга и скрываются.

Марлен (*выпив*). Спят, что ли... (*Громко.*) Оксана! Оксана!

По лестнице, посвистывая, спускается Турусов.

Турусов. Зря кричите. У Оксаны Тарасовны сегодня выходной.

Марлен. У нищих выходных не бывает. Что она там делает?

Турусов. Сказала, работает с документами.

Марлен. С какими еще документами?

Турусов. Не знаю. Но что-то мне подсказывает, она теперь не нищая.

Марлен (*усмехаясь*). Клад нашла или наследство получила?

Турусов. Можно и так сказать. Вчера приезжал нотариус...

Марлен. Значит, все-таки приезжал?

Турусов. А вы не помните? Странно... Вы трижды пили с ним на брудершафт айриш виски. Володя его потом еле в машину загрузил.

Марлен. Помню. Смутно. Отец переписал квартиру?

Турусов. Переписал... (*Удивленно.*) Значит, это вы так решили?

Марлен. А кто же? В этом доме все решаю только я! Выпьете?

Турусов (*с осуждением*). Я по утрам не пью.

Марлен. Зря! Освежает дыхание и отбивает посторонние запахи. Сантехник приезжал?

Турусов. Нет.

Марлен. Странно... Не мог же я так напиться с одним нотариусом?

Турусов. Вы еще пили с майором Волковцом. Он продрог в засаде и заходил погреться.

Марлен. Не помню. М-да, у 25-летнего айриш виски есть побочные эффекты.

Турусов. Еще какие! Особенно если мешать с водкой, текилой и коньяком. Помните, как вы вчера топились в джакузи?

Марлен. Я? Что за чушь!

Турусов. Вы, вы... Кричали: «Хабидулина меня все равно утопит, лучше сам!»

Марлен. О-о! Хабидулину ввели в СБК. Баксмана прокатали. Островитянин хренов! Боже, как же все плохо, все чудовищно... О-о!..

Турусов. Ну почему же «все»? Теодор нашел себе невесту.

Марлен. Бросьте... И где же?

Турусов. В клубе «Альпенштрудель». Там отличная тирольская кухня. Он попробовал жареные вурстдорфские колбаски, пришел в восторг и после восьмой кружки пива пошел на кухню благодарить повара, увидел Марту и...

Марлен. В само деле так хороша?

Турусов. Если вы любите женщин с рельефами, в которых можно затеряться, — да. Она, кстати, из Вурстдорфа, это в двадцати километрах от Фурцдорфа...

Марлен (*морщится*). Володя звонил в «Сантехуют»?

Турусов. Звонил. Перепутали адрес и послали мастера в другой поселок. У нас в районе пять «супервиллиджей». Откуда у людей столько денег?! Сегодня сантехник будет обязательно.

Марлен. ... А почему же они не встретились, если жили рядом?

Турусов. Фурцдорф и Вурстдорф по разные стороны горного хребта. В объезд 150 верст. Две души и два тела, созданные друг для друга, жили рядом, а встретиться не могли.

Марлен. Уверены, что они созданы друг для друга?

Турусов. А вы разве не слышите?

Сверху доносится тирольский дуэт.

Марлен. Я думал, у меня в ушах... двоится. Ну и славно. А то разориться можно на этих ночных клубах. В ваших услугах я больше не нуждаюсь.

Турусов. Это я больше не нуждаюсь. Мне предложили интересную работу. «Альпенштрудель» посещают туристы

из Тироля. Когда с ними заговаривают на диалекте родной деревни, они готовы отдать последнее. Здесь меня больше ничего не держит. Оксана Тарасовна решение приняла...

Марлен (*самодовольно*). Это вас удивляет?

Турусов. Ее выбор? Если честно, да!

Марлен. Умейте мужественно признать свое поражение.

Турусов. И вы тоже!

Марлен. Нечего. Я пять раз был на краю финансовой пропасти и вылезал. Наше государство спорт, балет и банки в беде никогда не бросает.

Турусов. Пойду соберу вещи, а вы приготовьте деньги под расчет.

Марлен. Не волнуйтесь, ваши деньги — наша профессия!

Турусов. Вот это меня и беспокоит.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Турусов уходит. Марлен наливает себе еще. В окно влезает Перезверев. Незамеченный, он наблюдает, как Марлен опрокидывает стакан.

Перезверев (*вслух*). Если банкир огорчается с утра, дела у него тухляк.

Турусов (*испуганно оглядывается*). А? Что?.. Охрана!

Перезверев. Какая у тебя охрана, фофан!

Марлен (*пугаясь*). В-вы кто?

Перезверев. Чем интересуемся? Погонялом или профессией?

Марлен. И тем и другим... Как вы сюда вошли?

Перезверев. Через окно, как всегда. Зовут меня Иван Иванович Перезверев. Профессия моя редкая — коллектор по особо важным долгам. Понял, бобер?

Достает револьвер с дулом необычайной длины.

Марлен (*отшатываясь*). Кто вас прислал?

Перезверев. Чего испугался, курицу с цыплятами не видел? (*Наставляет оружие.*) Кто прислал? Догадайся с одного раза!

Марлен. Уберите ствол! Вам не говорили, что в человека нельзя целиться?

Перезверев. А как без прицела? Промазать можно.

Марлен. Ну зачем же сразу стрелять? Неужели нельзя договориться?! Надо обсудить, перетереть. Так у вас выражаются? Долг можно реструктурировать.

Перезверев. Я тебя сейчас самого реструктурирую, без векселя останешься.

Марлен. Стойте, давайте обсудим! Знаете, у вас очень умное и доброе лицо.

Перезверев. У меня? Хэ... С тобой уже, парашник, все уже обсудили.

Марлен. Кто?

Перезверев. Пумпа.

Марлен. Какая еще Пумпа?

Перезверев. Пумпянский.

Марлен. Пумпянский? Ах, вот оно что! Но я же объяснил: согласно договору через десять дней... Теперь через девять...

Перезверев. Через девять дней у тебя не то что бабла — анализ из валторны не возьмешь. Порвут тебя клиенты.

Марлен. О, как вы ошибаетесь!.. Вчера назначили нового члена СБК. У меня с ней очень близкие отношения. Она поможет.

Перезверев. Близкие, говоришь?

Марлен. Ближе не бывает!

Перезверев. Значит, облажался ты вблизи. Хабидуля сказала, что твой банк первым утопит.

Марлен. Вы и это знаете...

Перезверев. Работа у меня такая — коллектор по особо важным долгам.

Марлен. Ладно, забирайте дом, машины, все забирайте...

Перезверев. Ты мне шурика-то не включай! Твое имущество под арестом.

Марлен. Но что же мне делать?

404 Перезверев. Чердак проветрить. Ты на кого попер?!

Марлен. Я все понимаю... Злоупотребляющим нужно помогать. Я сам вчера злоупотребил... И мне сегодня плохо.

Перезверев. Плохо тебе будет, если общак не вернешь.

Марлен. Какой такой общак?

Перезверев. Ты совсем убогий? Общак граверов, которых приземлили за липовую шелестуху. Им на зоне кушать надо.

Марлен. Но Пумпянский говорил про художников...

Перезверев. Ясен хрен, художники. Такие фиалки рисовали — от настоящих Сбербанк не отличит. Но пекарню накрыли. Гурам в бега ушел, но он своих корешов, ихних баб и деток малых никогда не оставит без куска.

Марлен. Общак фальшивомонетчиков? У меня в банке?! О Боже!

Перезверев. Теперь все ты понял, фуффло батистовое?

Марлен (*убитый*). Понял...

Перезверев. Гурам сказал, чтобы я принес ему или кассу, или твой вексель.

Марлен (*страстно*). Я подпишу любой вексель!

Перезверев. По-русски не рубишь? Вексель, по-нашему, это то, без чего тебя жена сразу выгонит. Или он тебе уже без надобности?

Марлен трет виски, он в отчаянии, внезапно приходит озарение.

Марлен. У меня есть квартира на Тверском бульваре.

Перезверев. Не крути пуговицу! Вчера у тебя не было хаты на Твербуле.

Марлен. А сегодня есть. Отец отписал. Это залог. Потом я собираю всю сумму.

Перезверев. Бумаги тащи, чугрей!

Марлен. Сейчас принесу. Не бойтесь, я не убегу.

Перезверев. Да беги. Люблю стрелять по движущимся мишеням.

Марлен мчится к отцу. Коллектор разглядывает холл, «картину».

Открывается дверь: Маша-дочь прощается с Веней, но они замечают незнакомца и прячутся.

Из комнаты Маши-жены выглядывает Володя, видит Перезверева, достает пистолет, но, заметив у него огромный револьвер, скрывается. Возвращается Марлен, отдает бумаги.

Перезверев. Чего так долго?

Марлен. Документы оказались почему-то не у отца, а у сиделки.

Перезверев (*смотрит бумаги*). Все правильно — дарственная на квартиру. И адресок хороший: прямо возле Литинститута.

Марлен. Вы там учились?

Перезверев. Я там должок из ректора выбивал. «Мы, нижеподписавшиеся... Барабаш Петр Лукич, 1921 года рождения...» Ого! Вот ведь старый перец! «...именуемый в дальнейшем “дарителем”, и я, Сметанка Оксана Тарасовна, 1981 года рождения, именуемая в дальнейшем “одариваемый”...» Не понял. Не похож ты что-то на одариваемую Сметанку Оксану Тарасовну, 1981 года рождения...

Марлен (*в ужасе*). Это ошибка... Нотариус перепутал...

Перезверев. Ошибка, что ты на свет появился. Исправим. Пошли на двор! Зачем ковры мозгами пачкать...

Марлен. Стойте! Нельзя же так сразу! (*Беспомощно озирается, видит «картину»*.) Вот, возьмите, это настоящий Малевич! Он стоит кучу денег...

Перезверев (*разглядывает*). Что Малевич, вижу, а про кучу денег гонишь.

Марлен. Богом клянусь! Пумпянский подтвердит. Он специалист.

Перезверев. Это точно — спец. Пятихатку так рисует — от настоящей не отличишь. (*Вынимает телефон*.) Пумпа, это я, Зверь. Пухлый мне какого-то Малевича впаривает. Брат? ...Уверен? Если что не так, Гурам нас с тобой автогеном кастрирует. Ладно, я по пути к барыге-антиквару заскочу, заодно прикину, сколько нам еще из этого налима икры давить.

Марлен. Даже не сомневайтесь, я все отдам!

Перезверев (*идет к окну*). А куда ты денешься, муфлон? Все и отдашь...

Марлен *(услужливо)*. Можно через дверь выйти.
Перезверев. Мы люди воспитанные: как вошли, так и выходим...

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Пытается вылезть через окно. На него набрасывается спецназовец.
Скручивает, отбирает оружие. Быстрым шагом входит Волковец.

Волковец. А ну-ка, покажите мне его личико. *(Сравнивает с фотографией.)* Не тот. Кто такой и что здесь делаешь?

Марлен. Он уголовник! Он меня... Арестуйте его, он угрожал мне оружием!

Перезверев. Начальник, я в законе, я коллектор по особо важным долгам.

Волковец. Лицензия с собой? *(Берет бумагу, читает.)* Перезверев Иван Иванович. Все правильно. Не ты должок из «Вселенной подтяжек» выбивал?

Перезверев. Было дело... Гордый попался. Пришлось опустить слегка.

Волковец. На лечение-то ему хоть оставил?

Перезверев. Не звери. Оставили.

Марлен. Арестуйте его! Он хотел сделать со мной то же самое.

Волковец. Государство в отношении хозяйствующих субъектов не вмешивается. Разрешение на оружие есть?

Перезверев. Обижаетесь, начальник! *(Вручает.)* Волына с пропиской.

Волковец *(изучает)*. Все как положено. *(Спецназовцу.)* Верни ему ствол! *(Перезвереву.)* Свободен!

Прихватив «картину», тот идет к окну, выразительно глянув на банкира.

Волковец. Иван Иванович, лучше вам через дверь. На улице снайпер. Может по ошибке...

Перезверев. Спасибо, начальник! Если генерал будет зарплату задерживать, обращайся... *(Уходит.)*

Марлен. Что вы наделали? Он же вернется, он мне жизни не даст!

Волковец. Знаете, Марлен Петрович, я два года назад взял в вашем банке кредит. И с тех пор мне жизни тоже нет.

Марлен. Кошмар! Бежать, бежать из этой страны! *(Истошно.)* Маша! Маша! Володя, подавай машину! Этот зверь вернется от антиквара и убьет меня...

Волковец. Ну, это вы преувеличиваете.

Марлен. Вы не понимаете, он же от Гурама.

Волковец. Тогда тем более успокойтесь, от Гурама еще никто не ушел. От меня, кстати, тоже... Кто еще есть в доме?

Марлен. Я вам уже перечислял.

Волковец. Ничего. Повторение — мать учения. *(Указывает на дверь Маши-жены.)* В этой комнате кто?

Марлен. Моя жена. Но ее нельзя волновать. Она на сносях.

Волковец. Ребенок в утробе матери должен привыкать к тому, что ждет его снаружи.

Кивает спецназовцу. Тот ногой вышибает дверь, выводит Володю, заломив ему руку. Следом, держась за живот, семенит Маша-жена.

Маша-жена. Вы сломаете ему руку. Вовочка, тебе больно?

Володя. Бо-ольно!

Волковец. Ну-ка, покажи личико, Гюльчатай!

Спецназовец отдает отобранное у охранника оружие и поворачивает Володину голову к майору.

Володя. Я охранник, я здесь работаю...

Волковец сверяет лицо задержанного с фотографией.

Волковец. Не тот. Не идет мне сегодня масть. Разрешение на оружие есть?

408 Володя *(отдает)*. Вот!

Волковец. Просрочено. Ствол изымаем. (*Спецназовцу.*) Отпусти! К этому парню у меня вопросов нет.

Марлен. Зато у меня есть. Что ты делал, урод, в комнате моей жены?

Маша-жена. Это я попросила со мной посидеть. Мне кажется, я скоро рожу, а тебе не до меня.

Володя. Он уже брыкается.

Марлен. А твое-то какое дело? Я тебе что велел делать?

Володя. Периметр охранять.

Марлен. Фуфло батистовое! Меня из-за тебя чуть не грохнули. Ты уволен! Окончательно. Уноси свои манатки, и чтобы я тебя больше здесь не видел!

Володя. Уволен так уволен. (*Маше.*) Я сейчас... (*Убегает.*)

Маша-жена. Володенька!

Марлен. Маша, собирай вещи. Мы улетаем.

Маша-жена. Куда?

Марлен. За границу.

Маша-жена. Мне в роддом надо.

Марлен. Родишь в Швейцарии.

Маша рыдает. Волковец озирается и указывает на другую комнату

Волковец. А там у вас кто?

Марлен. Сиделка. Сметанка Оксана Тарасовна, гражданка Украины.

Волковец. Помню. Но на всякий случай давай и ее сюда.

Спецназовец отправляется за Оксаной.

Марлен. Товарищ майор, прошу учесть: она, эта Сметанка... гражданка недружественного государства, вынудила моего отца, пользуясь его маразмом, переписать на нее квартиру.

Спецназовец тащит упирающуюся Оксану. У нее в руке вскрытый конверт.

Оксана. В чем дело? Пустите! У меня есть регистрация.

Волковец (*оценив Оксану*). Ваш папа очень даже еще соображает! (*Бойцу*.) Папу тоже сюда! (*Оксане*.) Это и есть ваша регистрация? (*Кивает на конверт*.)

Оксана. Нет. Регистрация в комнате осталась.

Волковец. А это что такое?

Оксана. Сама не знаю. Думала, там документы по истории революции, а оказалось, какие-то векселя или облигации старые...

Волковец. У моей бабушке тоже были облигации. Вместо зарплаты давали. Так старушке деньги и не отдали, померла в обиде. Ладно, стойте здесь, потом разберемся. (*Кивает на следующую дверь*.) А там кто?

Марлен. Там переводчик. Но я его уволил.

Спецназовец везет в кресле Барабаша, дед не подает признаков жизни.

Волковец. Жив?

Омоновец. Не пойму. Но коньяком от дедушки пахнет.

Оксана бросается к старику, гладит его, прислушивается к дыханию.

Оксана. Слава Богу, спит...

Возвращается Володя с чемоданом. Через плечо у него «вертикалка».

Марлен. «Меркель» оставь — не твое!

Володя. Вы же подарили...

Марлен. Передумал.

Володя. Подавись! (*Швыряет карабин банкиру*.) А вот это — мое! (*Указывает на живот Маши-жены*.)

Волковец. Оригинально!

Марлен (*потрясенно*). Маша!..

Маша-жена. Прости, папочка! Меня от тебя тошнило.

Володя хочет увести Машу. Омоновец заступает им дорогу.

Волковец. Пусть идут. Еще родит здесь... У меня одна потерпевшая на глазах разрешилась. Зрелище, скажу, не для слабонервных.

Марлен. Как это «пусть идут»? На ней моих подарков, как шаров на елке!

Барабаш (*очнувшись*). Пусть девочке от тебя на память что-нибудь хоть снаружи останется. (*Маше, Володе.*) Идите, любите и размножайтесь!

Маша и Володя уходят.

Марлен. Проснулся!.. Что ты лезешь во все, распоряжаешься, старый пень?!

Волковец. Не грубите папе!

Марлен. Не вмешивайтесь в нашу семейную трагедию! (*Отцу.*) Сегодня же отвалишь в свой ДСП!

Барабаш. Прости, Оксаночка, вместо свадебного путешествия могу тебе предложить только поездку в Дом старых пердунов.

Оксана. Ничего, Петр Лукич, с милым рай и в шалаше.

Волковец (*с уважением*). А вы, папаша, еще тот ходок, хоть и сидячий...

Марлен. Папа, как ты мог... отдать этой аферистке мамину квартиру?

Барабаш. А по-моему, очень перспективная инвестиция.

Марлен. А-а-а!..

Из своей комнаты выходит навьюченный бараклом Турусов.

Спецназовец хочет его задержать.

Волковец. Не трогать! Это он нам просигналил.

Марлен. Ах ты сволочь!..

Турусов. Во-первых, я помогал Родине, а во-вторых, вы мне мало платили. Я знаю восемь языков и тринадцать диалектов, я заслуживаю лучшего.

Оксана. Послушайте, полиглот: может, вы сможете прочитать, что здесь написано? Я по-немецки не понимаю. Да еще го-тический шрифт.

Отдает ему конверт. Турусов углубляется в чтение. Волковец кивает на комнату Маши-дочери.

Волковец. А там у нас кто?

Марлен. Это комната моей дочери. Но прошу вас поосторожнее. Она тоже беременна. Такое, знаете, совпадение.

Волковец. Разве это совпадение? Вот у генерального директора холдинга «Роснавоэзспорт» жена и любовница в один день родили.

Марлен. Удивительное совпадение!

Волковец. Не-ет, удивительно то, что именно в этот день его и застрелили. Согласитесь, оригинально!

Майор кивает спецназовцу. Тот вышибает дверь и выводит заломленного Чегеварова. Следом, визжа и держась за живот, бежит Маша-дочь. Она колотит спецназовца кулаками по бронежилету.

Маша-дочь. Отпустите его, менты поганые!

Волковец (*сверяет с фотографией*). Ну что, Чегеваров, он же Юстас, он же Вихрь, он же Сатурн... Добегался, Зильбертрудт!

Барабаш. Эх ты, Венька, Венька! Говорил тебе, через мое окно лезь. От меня можно по дереву на соседний участок — и в лес...

Волковец. Дедушка, еще слово — и пойдете... поедете на своей коляске как соучастник! (*Застегивает на Вене наручники.*) Всем спасибо за помощь при задержании опасного экстремиста! Увидим...

Чегеваров. Маша, я тебя люблю!

Маша-дочь. Венечка, я тебя буду ждать! Всю жизнь.

Волковец. Всю жизнь не надо. Если будет сотрудничать со следствием, лет через пять вернется.

Чегеваров. Береги сына!

Барабаш (*особенным голосом*). Береги, Машка! Вон моя Людмила, Царствие ей Небесное, чуть не померла на сносях, нагнулась к духовке, так схватило...

Маша не понимает намека. Спецназовец толкает Чегеварова к выходу.

Турусов (*всем*). Очень интересный вексель! Goldschuldverschreibung. Значит, обеспечен золотом. Целых 500 кило. Выдал Zurichcantonalcreditbank в 1908 году. В Москве отделение расположено... было... на углу Тверской улицы и Тверского бульвара...

Волковец. Полтонны золота... Оригинально!

Барабаш. Смотри-ка, и рядом с домом. Ну-ка, дай сюда, Карлыч... (*Забирает.*) Эх, такие деньжищи зря пропали! А так бы и нести недалеко...

Марлен. Почему «пропали»? Как, вы сказали, банк называется? Турусов. Zurichcantonalcreditbank.

Марлен (*хватает планшет*). Это у нас в России то революция, то понос, то дефолт, то золотуха... А в Швейцарии все спокойно и стабильно.

Волковец. Петр Лукич, откуда у вас этот вексель?

Барабаш (*Маше*). Внучка, как ты себя чувствуешь?

Маша-дочь. Голова кружится, дедушка.

Барабаш. Ну-ка, Оксана, посмотри, что с ребенком!

Оксана подходит к Маше-дочери, щупает у нее пульс, лоб, что-то шепчет.

Волковец. Ты, ветеран, вола-то не крути. Откуда вексель?

Барабаш. Наследство получил.

Волковец. От кого?

Барабаш. От партии.

Марлен (*вскинувшись от планшета*). Я сойду с ума! Хоть сейчас лети в Швейцарию и получай. Вы знаете, сколько процентов набезжало за 100 лет? А во сколько раз золото подорожало!.. Нет, лучше вам не знать. Я спасен! Хватит все долги отдать. Даже останется! Папа, я тебя люблю!

Барабаш. Я тебя тоже, сынок, люблю. Но с чего ты решил, что я подарю это золото тебе? Я лучше на революцию отдам.

Чегеваров. Спасибо, дедушка. Мы не подведем! На эти деньги устроим в Москве марш несогласных, тройной живой цепью окружим Кремль, никого не впустим туда и не выпустим, пока они добровольно не отдадут власть...

Барабаш. А если все-таки не уступят?

Чегеваров. Забросаем Кремль помидорами и яйцами под самые кресты и звезды. Заодно поддержим наше сельское хозяйство. Тогда точно сдадутся!

Волковец. Оригинально! (*Спецназовцу.*) Выводи балабола! (*Барабашу.*) Еще раз повторяю вопрос: где взяли векселя?

Барабаш. В архиве.

Волковец. Архив — это недра власти, а все недра принадлежат государству.

Барабаш. Разве не народу?

Волковец. Народу в лице государства. Отдайте!

Чегеваров (*уходя*). А не треснет рожа у вашего антинародного государства?

Майор кивает, спецназовец коротко бьет Чегеварова в бок. Парень падает, корчась. К нему на помощь бросается Маша-дочь.

Маша-дочь. Что вы делаете, гады!..

Барабаш. Ладно, оставьте парня. Мы живем в демократической стране. Вот сейчас у народа и спросим, кому отдать: банку, революции или государству. Оксана, ты — председатель счетной комиссии.

Турусов. Можно я буду заместителем?

Барабаш. Валяй. (*В зал.*) Кто за то, чтобы отдать золото банку «Бескорыстье-Лимитед», поднимите руки! Оксана, считай!

Оксана считает и называет количество голосов.

Барабаш. А кто за то, чтобы отдать золото нашему государству? Считаем!

Барабаш. А теперь кто за то, чтобы отдать золото на революцию? Считаем!

Турусов и Оксана считают, а потом объявляют количество голосов.

Барабаш (*Волковцу*). Вот, майор, народ так решил. Или ты против народа?

Волковец. Ладно, Петр Лукич, подумались и хватит. Давай сюда вексель!

Вдруг сверху доносится пронзительный тирольский дуэт.

Волковец. Кто это еще там? (*Толкает в бок Чегегарова.*) Сообщники?

Марлен. Ну какие «сообщники»?.. Это мой сын с невестой поют...

Волковец. Странно как-то поют. Откуда у вас еще и сын?

Марлен. Из Тироля.

Волковец (*Турусову*). Почему не доложил?

Турусов. Не придал значения. Теодор — полный дебил, по-русски не говорит. Приехал из Тироля в Москву за невестой.

Волковец. Оригинально! Невеста тоже рожать собирается?

Турусов. Ну что вы! Они только вчера познакомились в «Альпенштруделе».

Волковец. Где-е?.. Знаю я это кубло. (*Спецназовцу.*) Сюда обоих!

Спецназовец идет наверх. Вдруг Маша-дочь падает, держась за живот.

Маша-дочь (*поняв, что от нее требуется*). Рожа-а-аю!

Все бросаются к ней. Чегегаров в суматохе бежит в комнату деда.

Барабаш. Венька, дуй на дерево и на крышу! Уйдешь...

Волковец. За мной! (*Бросаясь вдогонку.*) Ну, дед, я тебя посажу!

Барабаш. Сажай! Больше, чем есть, не вырасту.

Маша-дочь (*вскакивая, как ни в чем не бывало*). Не поймаете, гады!

Волковец и спецназовец бегут за Чегеваровым. Маша прыгает, смеется и вдруг оседает, хватаясь за живот.

Оксана. Что с тобой?

Маша-дочь (*сдавленно*). Рожа-аю... Правда...

Оксана. Воды!

Марлен. Сейчас принесу. Где чистый стакан?

Оксана. Не надо стакана, у нее воды отходят. Срочно в роддом!

Барабаш. Быстрее! Правнучка моя в жизнь просится... (*Держится за сердце.*)

Марлен. Турусов, помогите донести дочь до машины!

Турусов. Вы со мной еще по зарплате не рассчитались.

Марлен (*хватает брошенную «вертикалку»*). Я сейчас с тобой за все рассчитаюсь, сквалыга, крохобор, доносчик!

Турусов. Я помогу, не убивайте!

Барабаш (*вдогонку*). Окрестить не забудьте! Мамку мою Анфисой звали, батю — сами знаете как....

Марлен и Турусов уносят Машу-дочь. Слышен звук уезжающей машины.

Барабаш. Ну вот, вроде управились. Накапай мне, Оксаночка, как обычно. Что-то сильно жмет...

Оксана. Сейчас, сейчас, Петр Лукич, потерпите!

Оксана убегает. Барабаш сидит в кресле и, морщась, держится за сердце.

Барабаш (*тихо*). А мы ведь с Людмилой как думали: если родится дочь, назовем Марсельезой или Социальной. Молодые были, горячие...

Засыпает, уронив голову. В руке его зажат вексель. Входит ражий чубатый парень в синей спецовке с чемоданчиком, озирается.

Сантехник. Сантехника вызывали? Дедушка, сантехника вызывали?

Появляется Оксана с рюмочкой, видит стоящего спиной сантехника.

Оксана. Вам кого?

Сантехник (*оборачивается*). Сантехника вызыва...

Оба застывают, потеряв дар речи, Оксана роняет рюмку с коньяком, и они бросаются друг к другу с криками: «Оксана!», «Степан!»

Обнимаются, целуются, забывая обо всем.

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ (ЭПИЛОГ)

В углу сцены прожектор высвечивает старинную кровать. На высокой перине лежат Курсистка и Студент, усталые, но довольные.

Курсистка. Вольдемар, о чем вы опять думаете? Надеюсь, вы счастливы?

Студент. Надин, сердце мое, я думаю о том, что если не мы, не наши дети, то наши внуки обязательно увидят прекрасный благородный мир, где не будет жадности, эксплуатации, лжи, а только любовь и бескорыстный труд!

Курсистка. Вольдемар, вы не ответили мне: теперь, когда я вся и навек ваша, вы счастливы?

Студент встает с кровати, идет через сцену, шлепая босыми ногами, по пути смотрит на Оксану и Степана: те все еще целуются. Подходит к Барабашу и вынимает из его неподвижной руки золотой вексель.

Студент. Я счастлив, душа моя, теперь я архисчастлив!

Конец

В ОЖИДАНИИ СЕРДЦА, или НАКАНУНЕ БЕССМЕРТИЯ

Драма в двух действиях

Действующие лица:

Олег Борисович Алапаев — президент фирмы
«Цветметсплав».

Мать Евсевия — его первая жена.

Элеонора — его третья жена.

Денис — его сын от второго брака.

Виктория — журналистка.

Игорь Богданович Лютиков — вице-президент фирмы
«Цветметсплав» .

Гугуша Тарасович Степаношвили — главный врач
кардиоцентра «Именины сердца».

Иветта Григорьевна — старшая медсестра.

Зоя Хренова — мать реципиента.

Санитары.

Действие разворачиваются в кардиоцентре на окраине Москвы.
Все совпадения с реальными лечебными учреждениями, а также с настоящи-
ми медицинскими светилами случайны.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В темноте звучит скрипка. Зажигается свет. Мы видим просторный кабинет главного врача. Большой стол. Медицинские книги на полках. На стене грузинская чеканка и сувенирные рога на серебряных цепочках. Копия картины Рембрандта «Анатомический театр», а также изображения сердца в разрезе. На видном месте большие фотографии, на которых Степаношвили снят со знаменитостями:

Горбачевым, Ельциным, Фиделем Кастро, Пугачевой, Никулиным...

В кабинет входит, покачивая бедрами, Иветта, она в халате, туго перетянутом в талии. С ней — эффектная молодая дама в шляпке, по виду приехавшая с южного курорта. Даму сопровождает несвежий молодой человек. Оба дорого одеты. Через открытое окно доносятся звуки скрипки. Некоторое время все слушают.

Элеонора. Что это?

Денис. Фриц Крайслер «Муки любви».

Иветта. Вы музыкант?

Денис. Скорее, жертва музыки. Семь лет скрипичной каторги. Потерянное детство. Потом восстание и свобода!

Элеонора. Кто это играет?

Иветта. Во втором отделении лежит мальчик. Скрипач. Тяжелый. Гугуша Тарасович разрешил ему играть на балконе. Два раза в день. По пятнадцать минут.

Денис. Круто! Виртуоз! Как его зовут?

Иветта. Не помню, но очень смешное имя...

Закрывает окно. Музыка стихает.

Денис. Где же господин Степаношвили? Мы столько платим для того, чтобы ждали нас, а не мы — кого-то.

Иветта. Извините! Гугуша Тарасович на конференции. Потом заглянет в реанимацию — и сразу к нам. Чай, кофе?

Элеонора. Чай. Зеленый.

Иветта. А вам, Денис Олегович?

Денис. Мне бы коньячку! Утренняя реанимация, видите ли...

Иветта (*холодно*). У нас в клинике сухой закон.

Денис (*игриво*). Даже для вип-клиентов?

Иветта (*строго*). Для всех.

Денис. А курить можно?

Иветта. Исключено.

Денис (*берет со стола ониковую пепельницу*). А пепельница тут зачем?

Иветта. Для красоты.

Денис. Тогда мне кофе и покрепче.

Иветта. Одну минуту.

Уходит. Денис с интересом провожает взглядом ее выпуклый реверс. Элеонора, заметив это, усмехается.

Денис. Ничего у них тут нельзя. Тебя-то хоть поцеловать можно?

Элеонора. Зачем?

Денис. Давно не виделись.

Элеонора (*вяло подставляя щеку*). Ну, поцелуй...

Денис (*целует*). Как долетела?

Элеонора. Плохо. Даже в бизнес-классе уснуть невозможно. Ребенок рядом орал как резаный. Мамаша сама озверела. Знаешь, если бы в самолете открывались иллюминаторы, она бы его выбросила...

Денис. Ты ей просто завидовала... (*Целует ее в щеку, потом обнимает.*) Норочка, а я могу тебе помочь в рамках семейной генетики.

Элеонора (*вырываясь*). Идиот!

Денис (*не отпуская*). Пахнешь морем! Вода теплая?

Элеонора. В Марбелье море всегда холодное.

Денис. Как ты, Норочка?

Элеонора. Нет, теплее. Прекрати, Дэн! Войдут же...

Денис. Если войдут, начинай биться в истерике, а я тебя буду успокаивать, как нежный пасынок безутешную мачеху.

Элеонора (*устало*). Денис, отстань, не до того...

Денис. Готовишься стать вдовой? Напрасно. Мой папа бессмертен. До наследства мне не дожить.

Элеонора. Если будешь так пить, точно не дотянешь. Что с ним?

Денис. Будем менять папе сердце. Пламенный мотор. Поизносился. Раньше он менял жен и партнеров, а теперь вот дошла очередь и до сердца.

Элеонора. Почему от меня скрыли?

Денис. Не хотели волновать.

Элеонора. Сердце? Он никогда не жаловался на сердце...

Денис. А ты с ним давно в последний раз разговаривала?

Элеонора. Давно. Ты же знаешь...

Денис. Знаю. Брак без детей, как скворечник без птиц. Ящик с дырочкой. А я ведь, Норочка, предлагаю...

Элеонора. Заткнись! Тебя, кажется, спросили, что с ним случилось?

Денис. Внезапная остановка сердца. Клиническая смерть. Еле-еле снова мотор запустили.

Элеонора. Причина? Напился? Психанул? Или — опять?

Денис. Ревнуешь? Не устала еще?

Входит Иветта с подносом, расставляет чашки на журнальном столике.

Денис (*отхлебывая кофе*). Иветта, вы чудо отечественной трансплантологии!

Иветта. Чай улунг молочный, Элеонора Павловна.

Элеонора. Спасибо, но хотелось бы все-таки повидать главного врача.

Иветта. Гугуша Тарасович очень извиняется. Отчет дежурной бригады затянулся. Ночью был сложный случай.

Денис (*смеясь*). Сердце по калибру не подошло?

Иветта (*с удивлением*). Откуда вы знаете?

Денис. Просто пошутил. А рома у вас к кофе нет?

Иветта. Я же объяснила.

Денис. Жаль. Я дома обычно занюхиваю кофе ромом.

Иветта уходит, недоуменно оглядываясь.

Элеонора. Слушай, Дэн, хватит кривляться! Ты когда-нибудь повзрослеешь? Как был в институте шалопаем, так и остался...

Денис. Я заколдован злой волшебницей, и повзрослею, когда меня снова полюбит однокурсница, холодная, как море в Марбелье.

Элеонора. Значит, никогда. Это он велел меня вызвать?

Денис. Нет, это я соскучился. Но тебе все равно пришлось бы прилететь: без согласия близких родственников пересадку не делают. А мы с тобой, Норочка, близкие родственники, даже слишком...

Элеонора. Боже, когда же ты успокоишься?

Денис. Никогда!

Денис снова обнимает ее. В кабинет вбегает Степаношвили.

Степаношвили. Тысячу извинений!

Денис, сориентировавшись, трясет мачеху за плечи.

Денис. Элеонора Павловна, возьмите себя в руки, мужайтесь, все будет хорошо, в этой клинике творят чудеса... Доктор Степаношвили — кудесник. Так в Интернете написано.

Степаношвили (*польщенно*). Ну, это вы уж чересчур...

Элеонора (*отстраняясь*). Да, да, простите... Я в ужасном состоянии... Но я справлюсь.

Степаношвили. Я, конечно, не кудесник. Но показатели у нас по клинике «Именины сердца» очень даже неплохие. Приживаемость...

Элеонора. Странное словосочетание...

Степаношвили. Приживаемость?

Элеонора. Нет, название клиники.

Степаношвили. Мой предшественник, академик Штырев, очень любил Гоголя.

Денис. А вы?

Степаношвили. Я... Читать люблю. Но продолжим. Приживаемость органов у нас — 73 процента. Послеоперационные осложнения сведены до минимума. Отторжения в пределах нормы. Поверьте, новое поколение иммунодепрессантов

творит чудеса! Скажу больше, пересадка сердца скоро станет рутинной, как операция аппендицита. С новым сердцем можно теперь жить и десять, и двадцать лет, наслаждаться, влюбляться, заводить детей...

Денис. Жаль только, пить нельзя.

Степаношвили. С чего вы взяли? Если хорошие напитки в умеренных дозах, пожалуйста! Кстати, могу угостить.

Денис. У вас же нельзя.

Степаношвили. Кто вам это сказал?

Денис. Иветта, ваша помощница...

Степаношвили. Что за чушь! Какой напиток предпочитаете в это время суток?

Денис. От коньяка не отказался бы.

Элеонора. Дэн!

Денис *(по слогам)*. Не от-ка-за-лся бы.

Степаношвили. Есть «Греми» 1981 года.

Денис. Ого, на десять лет меня старше!

Степаношвили. Доставляют прямо из погребов Иванишвили. У нас оперировали его племянника. А мадам?

Элеонора. Не беспокойтесь, это лишнее.

Степаношвили. Что я слышу? Бокал настоящего кахетинского «Киси» никому еще не повредил! *(Ткнув пальцем в селектор.)*
Иветта Григорьевна, зайдите!

Главный врач подходит к копии Рембрандта, оказавшейся дверцей бара. Достает бутылки. Появляется Иветта.

Иветта. Слушаю вас, Гугуша Тарасович!

Степаношвили. Иветточка, быстренько давай рюмочки, тарелочки. Что у нас там еще в холодильнике?

Иветта. Как обычно: сациви, лобио, бастурма, козий сыр, зелень...

Степаношвили. Все давай! Продукты только из Грузии. Экологически чистые. Московским рынкам я не доверяю.

Денис. И лимончик!

Степаношвили (*наливая, в том числе и себе*). Выпьем, уважаемые, за досточтимого Олега Борисовича, за его здоровье!

Денис. ...Которое не купишь ни за какие деньги.

Степаношвили. Это устаревшая мудрость. Любовь не купишь, это правда, а вот здоровье — как сказать...

Чокаются и выпивают.

Денис. Ах, какой коньяк! Пахнет советской властью!

Степаношвили. Сигару?

Денис. У вас же не курят.

Степаношвили. Как так не курят? А пепельница зачем?

Денис. Сигара — тоже грузинская?

Степаношвили. Не-ет, кубинская. В нашей клинике пересаживали сердце одному очень важному кубинцу. Успешно. Но это государственная тайна. С тех пор мне кое-что присылают с Острова свободы. Вы, конечно, знаете, что настоящие сигары скатывают на бедрах юных мулаток?

Денис. Всегда это подозревал. (*Закуривает.*) Как вино, Элеонора Павловна?

Элеонора. Очень хорошее!

Степаношвили. Еще бы, это настоящее «Киси», а не то, что в бутиках вам подсунут. Иветточка, даме еще вина, а нам — коньячку!

Элеонора. Как же вы будете сегодня оперировать, Гугуша Тарасович?

Степаношвили. Увы, Элеонора Павловна, я давно сменил скальпель на «паркер» с золотым пером. Сметы, контракты, договоры... Увы! Кстати, нам с вами тоже надо будет подписать кое-какие бумаги... Пересадка сердца — это не только тонкая хирургия, это еще и ответственный юридический акт, а также финансовые вопросы...

Элеонора. Скажите, без пересадки никак не обойтись?

Степаношвили. Увы, при таком чудовищном нарушении ритма сердца, как у вашего драгоценного супруга, трансплантация — это, как мы говорим, самый резервный вариант.

Элеонора. Тогда бы уж лучше поскорей!
Степаношвили. Поспешай медленно — учили нас древние.
Иветточка, мне тоже сигару! Понимаете, у Олега Борисовича третья группа крови.

Элеонора. Это плохо?

Степаношвили. Для трансплантации не очень хорошо. Труднее подобрать донора. Далее, у него очень маленькое сердце...

Денис. Что вы говорите? Судя по тому, сколько раз папа женился...

Элеонора. Денис, прекрати!

Степаношвили (*глянув на Иветту*). В любви размер не главное, а вот мужчина-донор с маленьким сердцем — редкость.

Денис. Возьмите женское сердце! Или нельзя?

Степаношвили. Можно, но оно вряд ли справится. Олег Борисович крупный мужчина. К тому же у вашего супруга диабет, гипертония, аденома и еще кое-что по мелочам... Все это крайне усложняет подбор импланта. А нам нужно молодое, здоровое сердце, которое не один год послужит Олегу Борисовичу, ведь у него такая юная и очаровательная жена! Но еще не факт, что и оно подойдет...

Элеонора. Почему?

Степаношвили. Совместимость. Отторжение. Могут не совпасть структуры рецепторов. Кроме того, полученное донорское сердце, как мы говорим, нужно еще пощупать руками...

Денис. А если не подойдет — выбрасываете?

Степаношвили. Шутите? Это же сердце! У нас всегда наготове два-три пациента со схожими показаниями. Бог даст, кому-нибудь повезет. Давайте выпьем за удачу! В нашем деле она тоже очень важна...

Выпивают.

Элеонора. Я бы хотела повидать мужа... Можно? Он в сознании?

Степаношвили. Он нормально себя чувствует. Даже бодр. Но сейчас у него посетитель. А вы пока можете

осмотреть клинику. «Именины сердца» — это чудо 21-го века! Мой заместитель вас проводит... Иветта Григорьевна, предупредите Арама Ашотовича, что у нас уважаемые гости!

Элеонора. Бодр? *(Решительно ставит бокал на стол.)* Посетитель? Понятно! Я должна его видеть!

Денис. Норочка, сядь, ревность — это геморрой сердца.

Элеонора. Дэн, отстань!

Степановшили. Элеонора Павловна, успокойтесь, это совсем не то, что вы думаете. Иветта Григорьевна вас проводит и передаст в надежные руки моего заместителя.

Денис *(на ходу допивая рюмку)*. Иветта Григорьевна!

Иветта. Я за нее.

Денис. Скажите, вы замужем?

Иветта *(смотрит на босса)*. Никто не берет.

Денис. Не может быть! Это какая-то ошибка мерчендайзера.

Иветта. Кого-кого?

Денис. Это тот, кто в магазине правильно выкладывает товар, чтобы сразу заметили и купили. По-русски — приказчик.

Иветта. Интересно. Я подумаю об этом...

Иветта уводит гостей. Главный врач недовольно смотрит им вслед, брезгливо ставит рюмку на стол. Снимает трубку телефона, набирает номер.

Степановшили. Это я. Прилетела его жена... Да, все не так просто... Буду держать тебя в курсе.

Кладет трубку. Возвращается Иветта.

Иветта. Смешные они.

Степановшили. Зачем ты с этим пьяным сосунком кокетничала?

Иветта. Нельзя? Я свободная женщина.

Степановшили *(раздраженно показывая на стол)*. Убери эту помойку!

Иветта. Сию минуту, Гугуша Тарасович! *(Собирает рюмки.)* Звонила Манана Захаровна, просила напомнить,

вы сегодня идете на юбилей к Салуквадзе в «Президент-отель». Подарок у нее есть, а вот цветы за тобой. На розы у него аллергия...

Степаношвили. Сегодня? Опять! У меня, у меня аллергия на все эти юбилеи, крестины, свадьбы... Как же трудно быть грузином в Москве! Ты чего ухмыляешься?

Иветта. На разводы у тебя тоже аллергия?

Степаношвили. Иветта, мы же договорились к этой теме больше не возвращаться!

Иветта. Конечно, Гугуша Тарасович... А мерчендайзер — интересное слово!

Степаношвили. Ничего интересного. Иди ко мне? У нас есть пятнадцать минут.

Иветта. 8-985-255-00-01

Степаношвили. Это что?

Иветта. Это телефон девушек по вызову. Круглосуточный.

Выходит, хлопнув дверью.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Просторная палата люкс. В огромном окне виден извив Москвы-реки и уступы университета. Больничная койка напоминает рабочее место космонавта. У стены — диван для посетителей. В вазах — живые цветы. На стенах — деликатный авангард. В глубоком кресле сидит мать Евсевия, немолодая монахиня с золотым наперсным крестом, в черной рясе и апостольнике. На спинке дивана, как на коне, устроился Алапаев, одетый в яркий шелковый халат.

В руках у него гитара. Они поют, причем, очень слаженно.

Хором: Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены.

Тих и печален ручей у янтарной сосны,

Пеплом несмелым подернулись угли костра.

Вот и закончилось все — расставаться пора.

Милая моя, солнышко лесное,

Где, в каких краях,

Встретишься со мною?

Сцена из спектакля «В ожидании сердца» театра-студии В.Н. Шиловского

Алапаев. Марин, а помнишь, как мы на картошке у костра пели?

Евсевия. Помню, конечно, помню.

Алапаев. А дальше? Обычно второй куплет все забывают.

Евсевия. Я ничего не забываю. *(Забирает у него гитару и поет одна.)*

Крылья сложили палатки. Их кончен полет.
Крылья расправил искатель разлук — самолет.
И потихонечку пятится трап от крыла.
Вот уж действительно пропасть меж нами легла.

Хором. Милая моя, солнышко лесное,
Где, в каких краях,
Встретишься со мною?

428 Алапаев *(забирает гитару)*. Марин... Или к тебе нужно теперь обращаться исключительно: мать-игуменя?

Евсевия. Лапа, не валяй дурака!

Алапаев. Марин, а почему Евсевия, почему не Евстигней или Ефросинья какая-нибудь?

Евсевия. Так владыка при пострижении нарек. Не нравится?

Алапаев. Нравится! Но как-то странно. Полжизни была Мариной Замотиной, а потом вдруг — Ев-се-ви-я... Впрочем, тебе идет.

Евсевия. Почему вдруг? Пять лет я была Мариной Алапаевой.

Алапаев. Не забыла?

Евсевия. Вспоминаю... иногда...

Алапаев. Сколько же мы не виделись?

Евсевия. Почти тридцать лет. Я перед монастырем к тебе домой заезжала — проститься, но ты был в командировке. А твоя новая жена... беременная... даже записку у меня не взяла. Раскричалась... Думала, наверное, я тебя вернуть хочу. Она разве не рассказывала?

Алапаев. Нет.

Евсевия. Знаешь, Лапа, я тогда очень удивилась.

Алапаев. Чему ты удивилась?

Евсевия. Я думала, ты женился на той, ну... из-за которой мы с тобой... Оказалось, совсем на другой.

Алапаев. Марина, я же на коленях объяснял: увлечение, помутнение, дурь...

Евсевия. Блуд.

Алапаев. Вот-вот: он самый! А скажи, если бы у нас был ребенок, ты бы все равно ушла?

Евсевия. Наверное, нет... Ради детей женщины прощают то, что нельзя прощать. Ладно, сама виновата: не захотела с четвертого курса в «академку» загреметь. Сначала диплом, диссертация — потом дети и пеленки. Избавилась... Иногда вспоминаю, что натворила, и от стыда горю, как на первой исповеди...

Алапаев. А я ведь тебе говорил: рожай — потом разберемся.

Евсевия. Говорил? А должен был кулаком по столу шарахнуть.

Алапаев. Кулаком по столу у нас в семье ты стучала. Не помнишь?

Евсевия. Помню. Когда игуменьей стала, очень пригодилось.

Алапаев. А как твой монастырь называется?

Евсевия. Христорожественский.

Алапаев. Марин, скажи, только честно, ты во все это действительно веришь?

Евсевия. Конечно. Как же без веры жить?

Алапаев. Да вот живем как-то...

Евсевия. Оно и видно: как-то!

Алапаев. Ладно уж, праведница! Впрочем, комсомолкой ты тоже была идейной. А помнишь, как мы с тобой взносы всего курса пропили?

Евсевия. Еще бы! Я у дедушки в долг потом еле выпросила. Он еще все удивлялся, как это можно — казенные деньги потерять!

Алапаев. А помнишь, как в общагу рванули? Все ребята на праздники по домам разъехались. Комендантша тебя не пустила, и ты ко мне по пожарной лестнице забралась. Мы были вдвоем целых три дня. Помнишь?

Евсевия. Помню.

Алапаев. Лютик раньше времени вернулся, утром, с поезда, а мы с тобой четыре койки сдвинул и...

Евсевия. Знаешь, я пойду, пожалуй. Мне еще в ФХУ надо успеть...

Алапаев. Куда?

Евсевия. В финансово-хозяйственное управление Патриархии. Повидались — и ладно, рада, что жив, хоть и не здоров. Даст Бог, все обойдется. Я тебе Неусыпаемую псалтирь закажу.

Алапаев. Что?

Евсевия. Молитва такая. Очень сильная! Помогает.

Алапаев. Погоди, Марин, мы же не допели! *(Ударяет по струнам, и они поют.)*

Не утешайте меня, мне слова не нужны.

Мне б отыскать тот ручей у янтарной сосны.

Вдруг там в тумане краснеет кусочек огня?

Вдруг у огня ожидают, представьте, меня!

Милая моя, солнышко лесное,
Где, в каких краях,
Встретишься со мною?

Евсевия. Как жена-то твоя, здорова?

Алапаев. Которая?

Евсевия. Я только ту, беременную видела.

Алапаев. Марин, она на машине разбилась. Насмерть.

Евсевия. О Господи! Прости, Олег, я не знала...

Алапаев. Ничего. Это давно было.

Евсевия. Как ее звали? Помолюсь об упокоении души.

Алапаев. Жанна.

Евсевия. Значит, в крещении — Иоанна?

Алапаев. Наверное. Я не спрашивал. Может, она вообще не-крещеная была. Я потом стал этим всем интересоваться, когда мою машину на Сретенке взорвали, а я буквально на минуту опоздал — куполами отреставрированными залюбовался. Стал с тех пор на храмы деньги давать.

Евсевия. И много даешь?

Алапаев. Никто еще не обижался.

Евсевия. А ребенок?

Алапаев. Сын. Вырос.

Евсевия. Чем занимается?

Алапаев. Пьет.

Евсевия. Есть в кого. Знаешь, Лапа, я вообще удивляюсь, как ты стал таким богатым! Ничто не предвещало. Лаборатория, походы, гулянки с друзьями...

Алапаев. Вот так и разбогател. Разрешили...

Евсевия. Жал, где не сеял?

Алапаев. Как сказать. Марин, помнишь, мы после свадьбы ездили в дом отдыха? Там еще массовики-затейники устраивали бег в мешках.

Евсевия. Помню.

Алапаев. Так вот, социализм — это бег в мешках. Были в том деле свои чемпионы. А капитализм — это бег

без мешков, но с пистолетами. Важно, не только быстро бежать, но и метко стрелять...

Евсевия. Когда ты принес первый чемодан денег, я думала, вы сберкассу ограбили... Деньги сделали тебя совсем другим...

Алапаев. Марин, у тебя потом после меня было много мужиков?

Евсевия (*вставая*). Лапа, ну что ты мелешь? Я же монахиня. Сына-то как зовут?

Алапаев. Денис.

Евсевия. Крещеный?

Алапаев. А как же!

Евсевия. Буду молиться за раба Божьего Дионисия. Ну, прощай, Лапа!

Алапаев. Марин, уйдешь — не узнаешь, зачем я тебя позвал.

Евсевия. А как ты меня вообще нашел?

Алапаев. Честно? В больнице от безделья стал телевизор включать. Слушай, какую же чепуху людям показывают! Стыдно смотреть! Вдруг вижу в новостях: мать-игуменья Евсевия рассказывает, как по кирпичику монастырь строит. Присмотрелся, елки-палки: Марина Замотина!

Евсевия. Мы сестринский корпус 17-го века восстанавливаем, там была колония для малолетних преступников, потом склады. Строим на пожертвования. А позвал-то зачем?

Алапаев. Понимаешь, Марин, операция будет тяжелая... Сердце поменять, это тебе не грыжу вправить. А ведь и от грыжи умирают. Но главное, поговаривают, с новым сердцем человек становится другим...

Евсевия. Люди и со старым сердцем сильно меняются. Я-то видела...

Алапаев. Нет, это не то! Вдруг все мое прошлое ампутируют — и в ведро. А ты у меня все-таки здесь... (*Показывает на грудь.*) Может, звучит глупо, но я захотел тебя увидеть со старым сердцем. Понимаешь?

Евсевия. Понимаю. Какой же ты, Лапа, фантазер! Этим
432 и брал...

Алапаев. Давай на прощание поцелуемся! По-монашески, Марина, по-монашески!

Евсевия. Ох, Алапаев!

Алапаев. Марин, знаешь, я очень боюсь операции, но еще больше боюсь того, что там ничего нет.

Евсевия. Там есть все то, что ты заслужил здесь. Но покаяться никогда не поздно.

Крестит его, целует в лоб. Они стоят, обнявшись, причем Марину в объятиях бывшего мужа почти не видно. Входит Элеонора, следом Денис.

Элеонора. Я так и знала... Ты и в морге к бабе под простыню залезешь!

Денис. Нора, не унижайся!

Оба, присмотревшись, понимают, что гостя — монахиня.

Немая сцена.

Алапаев (*картинно*). Спасибо, мать Евсевия, за наставления, утешения и ободрения. Исповедовался — вроде легче стало...

Евсевия (*тихо*). Не валяй дурака, я не могу тебя исповедовать. (*Громко.*) Помолюсь во здравие.

Алапаев. И я ваш Крестовоздвиженский монастырь не оставлю...

Евсевия. Христорождественский. Держись, Лапа!

Крестит его, идет к выходу. Задерживается возле Элеоноры.

Евсевия. Берегите друг друга. Храни Господь вашу семью!

Элеонора (*целует ее наперсный крест*). Простите, матушка, я не знала, что это вы здесь...

Евсевия. Не гневайся понапрасну, дочь моя! Спаситель не зря об этом в Нагорной проповеди говорил следовавшим за Ним. (*Поворачивается к Денису.*) Про винопитие Христос ничего там не сказал, но обороты надо сбавлять — не мальчик уже!

Денис. У нас на Руси горе горьким лекарством лечат. Забыли, матушка?

Евсевия. Забыла! *(Возвращается к Алапаеву, отдает визитку.)*

Алапаев. Что это?

Евсевия. Реквизиты монастыря. Уж ты не забудь нас, Лапа! И Господь тебя не оставит...

Алапаев. Будь спокойна, мать Евсевия!

Евсевия *(тихо)*. А нашему бы сейчас тридцать пять было. Эх, ты...

Быстро уходит, осеня всех своим наперсным крестом.

Денис. Это что было? Мы вроде не протестанты, у нас пока еще тетки попами не работают.

Алапаев. Это моя первая жена — Марина. Мы на одном курсе учились.

Элеонора. Жена? Монашка?

Алапаев. Игуменья! А что, моя бывшая жена не может уйти в монастырь?

Элеонора. Твоя-то как раз и может.

Денис. А в молодости она очень даже ничего была.

Алапаев. Наблюдательный юноша!

Денис. Я в детстве залез в твой стол и нашел конверт со снимками, прикинь, еще черно-белыми: свадьба, пляж, палатки, гитарные походы... Мама такую истерику закатила, а фотографии порвала. В клочья.

Элеонора. И правильно сделала!

Алапаев. Твоя мама страдала навязчивым психозом, с ума сходила от ревности.

Элеонора. Причем совершенно беспочвенной...

Алапаев. Я этого не говорил.

Элеонора. А эта?

Алапаев. Мать Евсевия?

Элеонора. Ты ее бросил или она тебя?

Алапаев. Она меня. Был в моей жизни и такой случай.

Элеонора. Вот это женщина! Как я ей завидую!
Алапаев. Ты притащилась из Марбелье, чтобы мне это сказать? Я тебя не звал. *(Сыну.)* Ты вызвонил?
Денис. Я. И что?
Алапаев. Соскучился?
Денис. Очень!
Алапаев. Выйди!
Денис. Не выйду!
Алапаев. Мне с женой надо поговорить.
Элеонора. Дэн, выйди! Твоему отцу нельзя волноваться.
Денис. А твоему мужу можно?
Элеонора. Пошел вон!

Денис выходит нехотя.

Элеонора. Мог бы и сам сообщить жене, что в больницу попал.
Алапаев. Зачем? Как ты мне поможешь? Отдашь свое сердце?
Элеонора *(пытаясь обнять)*. А разве я тебе его не отдала?
Алапаев. Линор, умоляю, не говори красиво!
Элеонора. И сейчас отдала бы, но женские сердца мужчинам не подходят. К тому же у меня другая группа крови.
Алапаев. Ты это только сейчас поняла?
Элеонора. Какой же ты жестокий!
Алапаев. Увы, чем больше денег, тем меньше сочувствуешь людям. Зачем ты приехала? Мы же договорились. Иначе никто в наш развод не поверит.
Элеонора. Я передумала, я не дам тебе развода, даже фиктивного.
Алапаев. Тебе же хуже будет, Линор.
Элеонора. Переживу как-нибудь. Я твоя жена и должна подписать согласие на операцию. А вот возьму и не подпишу...

Входит Иветта со шприцем.

Иветта. У нас укольчик. Прошу посторонних покинуть палату!

Элеонора. Я не посторонняя. Можно я с ним посижу?

Иветта. Ладно уж...

Алапаев. Нельзя!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Алапаев лежит в постели. Около него сидит Лютиков. Между ними на журнальном столике — шахматная доска.

Лютиков. Твой ход!

Алапаев. Не дави! Знаешь, чем шахматы отличаются от жизни?

Лютиков. Чем?

Алапаев. В шахматах нельзя все до конца просчитать. Шах!

Лютиков. Испугал ежа голой правдой! (*Защищает фигуру.*)

Алапаев. Допустим... Говоришь, за полгода никаких мужиков?

Лютиков. Ни одного. Клянусь тебе, кур-баши!

Алапаев. А тот мачо, учитель испанского, казачок наш засланный?

Лютиков. Пытался.

Алапаев. И что?

Лютиков. Получил по морде.

Алапаев. Но это днем, на глазах, а ночью, без свидетелей?

Лютиков. С приборов ночного видения те же данные. Спала всегда одна.

Алапаев. Что же у нее полгода никого не было?

Лютиков. Как сказать...

Алапаев. Не тяни!

Лютиков. Если не считать вибратор, никого... Кур-баши, она очень хорошая женщина. Я бы с такой пылинки сдувал.

Алапаев. Сам знаю. Но нельзя все яйца держать в одной корзине.

Лютиков. Ты и не держал никогда.

Алапаев. Ладно, острить-то! А если мы проиграем Лондонский арбитраж?

436 Лютиков. Исключено.

Алапаев. А если? Доля разведенной жены неприкосновенна.

Лютиков. Мне ты, значит, уже не доверишься?

Алапаев. Доверяю, Лютик, доверяю, но так надежней. Линор, законная или разведенная, от меня никуда не денется. Любовь! Да и Денис как-то ожил... Он ведь весь в Жанку. Все время боялся, что возьмет спяну и, как мать, въедет в фонарь всем смертям назло... Пусть хоть немного успокоится.

Лютиков. Ты знаешь, что я по этому поводу думаю.

Алапаев. Знаю. Не надо было у родного сына девушку отбивать, так?

Лютиков. Понял, наконец? Ничего, что я возьму у тебя слона?

Алапаев. Бери. Да, нехорошо как-то вышло. По-древнегречески. Но у меня были смягчающие обстоятельства.

Лютиков. Какие?

Алапаев. Если бы она была его невеста, я бы близко не подошел. Но они просто встречались. Однокурсники. Думал, у него таких еще табун будет. Кто же знал, что этот идиот — однолюб. И потом ее никто не неволил...

Лютиков. Ну, как ты девушкам умеешь голову задурить, всем известно. Мне нравится этот конь.

Алапаев. Бери! Ладно, прилетела и прилетела. С разводом — пока отбой. С новым сердцем видно будет. В моем случае смертность при пересадке десять процентов. Если говорят — десять, значит, все двадцать... Игорь, а как ты думаешь, тот свет есть?

Лютиков. Трудно сказать. Но если есть этот свет, то и тот должен быть...

Алапаев. Предположим, он есть. А вот как ты думаешь, в каком виде я туда попаду?

Лютиков. В натуральном.

Алапаев. Остроумный? Вот здесь стояла твоя пешка. (*Забират фигуру.*) Зря ухмыляешься! У тебя-то сердце, как у быка, но придет время — тоже задумаешься. Следи за мыслью: если я на том свете останусь самим собой, это одно. Ради такого

случая и помереть стоит. А если я, извини за выражение, сольюсь с информационным полем Вселенной?

Лютиков. Как ты сказал? Надо запомнить.

Алапаев. Не перенапрягись! Слился и самоутратился, все забыл: первую двойку, первую пятерку, маму, папу, первую женщину... Лютик, ты помнишь свою первую женщину?

Лютиков. Конечно.

Алапаев. И кто она?

Лютиков. Одноклассница. А у тебя?

Алапаев. Учительница.

Лютиков. Кто бы сомневался.

Алапаев. Но если я все забуду, значит, меня не станет. Без памяти человека нет. И на черта мне такое бессмертие?

Лютиков. Ты бы у Марины спросил. Кстати, моложе нас выглядит. А ведь однокурсница. Вот что значит воздержание и монастырское питание!

Алапаев. Она сама, по-моему, не в теме, мать Евсевия. Верит в то, чего не знает. Может, потому и верит. Да, чтобы не забыть, скинь на монастырь тысяч триста зелени.

Лютиков. Не жирно? Я бы до Лондонского арбитража расходы поубавил.

Алапаев. Не жадись! Зачтется. А с Муфлоном что будем делать? Снял он нас, сука, с тендера?

Лютиков. Снял.

Алапаев. Сколько ты ему предлагал? Напиши! *(Протягивает ручку.)*

Лютиков. Здесь нет прослушки, я проверял. *(Пишет на салфетке.)*

Алапаев. Береженого бог бережет. *(Читает.)* Ого! Честный стал? Когда же успел?

Лютиков. «Панросметаллу» с потрохами проданся.

Алапаев. Ай-ай-ай, а еще министр называется! Эх, где вы, лихие девяностые! Давно бы вопросик решили. Как там наш

Лютиков. Сидит. В «Черном лебеде».

Алапаев. Ни в чем не нуждается?

Лютиков. Как в семизвездном отеле.

Алапаев. Смотри, если заговорит — рядом сядем.

Лютиков. Я с ним не работал. Твой — кадр. Проведывал его недавно: не заговорит. Пожизненным быть лучше, чем безжизненным.

Алапаев. Сильно сказал! У этого Степаношвили в самом деле хорошее вино?

Лютиков. Кахетинское «Киси» изумительное! Ты разве не пробовал?

Алапаев. Мне же нельзя.

Лютиков. А что?

Алапаев. Есть у меня мыслишка, как нам Муфлона изъять из оборота. Вместо него кого поставят?

Лютиков. Архара, к гадалке не ходи.

Алапаев. С Архаром я договорюсь. Он мне по жизни должен. Муфлон, помнится, к грузинским винам равнодушен?

Лютиков. Есть за ним такая слабость. Да леший с ним! Ты, кур-баши, лучше на операцию настраивайся! Вот-вот сердце подвезут.

Алапаев. Не везут что-то. А привезут, не факт, что подойдет. Сложный у меня случай. Впрочем, жизнь — это вообще болезнь с летальным исходом. А самое обидное — в любой момент могу умереть, вот хоть и прямо сейчас...

Лютиков. Типун тебе на язык!

Алапаев. Не веришь? Ну и зря...

Хватается за горло, начинает хрипеть и сползает с диванчика на пол. Лютиков пугается.

Лютиков (во весь голос). На помощь!

Алапаев (оживая). Тихо, дурак, всех переполошишь! Это я просто показал тебе, как бывает...

Лютиков. Иди ты! За это я у тебя ферзя забираю.

Алапаев. Подлец, отвлек разговорами! Чем еще порадуешь?

Лютиков. Журналистка хочет у тебя интервью взять.

Алапаев. А нам это надо?

Лютиков. Про благотворительность лишний раз почему бы не напомнить?

Алапаев. Возраст?

Лютиков. Лет двадцать пять.

Алапаев. По десятибалльной шкале?

Лютиков. Восемь с половиной. Не люблю татуированных девушек. Но ты к ней присмотришь. Удивительное дело! Как младшая сестра...

Алапаев. Чья?

Лютиков. Сам увидишь.

Алапаев. Какое издание?

Лютиков. «Московский курьер».

Алапаев. Солидная помойка. Перед пересадкой сердца мне есть что сказать человечеству и тебе лично, Лютик...

Лютиков. Я весь внимание.

Алапаев. Мат!

Лютиков. Как?

Алапаев. А вот так!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Алапаев сидит, откинувшись, в кресле и, зажмурившись, слушает скрипку. Напротив устроилась журналистка, хорошенькая, в яркой майке, на плече — отчетливая татуировка в виде ризеншнауцера. Пьеса заканчивается. Алапаев открывает глаза.

Алапаев. Талант!

Девушка включает диктофон.

Вика. Начнем, Олег Борисович?

Алапаев. Пожалуй. Вас как зовут, напомните?

Вика. Виктория. Можно — Вика. Первый вопрос...

440 А что вы на меня так смотрите?

Алапаев. Татуировка у вас интересная, и еще вы очень похожи на одну женщину.

Вика. На какую?

Алапаев. Не важно. Знаете, Вика, во времена моей молодости татуировки были только у сидевших женщин.

Вика. Диссиденток? Из ГУЛАГа?

Алапаев. Почему сразу — диссиденток? Нет, я про воровок, клафелинщиц, наводчиц. За антисоветскую деятельность сидели интеллигентные женщины. Они наколок себе не делали. Например, моя бабушка, доцент...

Вика. Огонь! Что же она натворила?

Алапаев. Хранила в комодке брошюрку Троцкого.

Вика. Господи, за какую-то брошюру!

Алапаев. У каждого времени, Вика, свои запреты. Если у вас сегодня найдут книжку про исламское государство — тоже могут посадить. Вы случайно не исламистка?

Вика. Нет, я православная. У меня вот крестик!

Алапаев. А если победят исламисты, сажать будут и за крестики...

Вика. Да ладно!

Алапаев. Уверяю вас. Так вот, наколки были в основном у откинувшихся уголовниц. А теперь... Вам не жалко свою молодую чистую кожу?

Вика. Нет. Это память. Я очень любила Шона. Я с ним выросла. Он умер три года назад.

Алапаев. Бывает. Слушайте, а если вы полюбите мужчину, по-настоящему, — и он вдруг умрет. Вы тоже вытатуируете на себе его портрет?

Вика. Не знаю, возможно... Но пока никого вытатуировать на себе мне как-то не хотелось.

Алапаев. Значит, не любили.

Вика. Минуточку, Олег Борисович, кто у кого берет интервью?

Алапаев. Ладно, спрашивайте.

Вика. Скажите, вы очень боитесь смерти?

Алапаев. Побаиваюсь...

Вика. А вы в курсе, что от десяти до двадцати процентов пациентов с пересаженным сердцем в течение первого месяца погибают?

Алапаев (*напрягается*). В курсе...

Вика (*заглядывая в планшет, торопливо*). А вы не боитесь, что чужое сердце, особенно женское, изменит вашу личность, мировосприятие и половую ориентацию?

Алапаев. Что за чепуху вы спрашиваете? Мне сказали, мы будем говорить о благотворительных программах моего «Цветметсплава».

Вика. Олег Борисович, мы обязательно поговорим о благотворительности, но читателям нашей газеты интересно совсем другое...

Алапаев. А мне не интересно то, что интересно вашим читателям. Ясно? Мы финансируем детскую балетную школу «Петипа», казачий хор «Степь да степь», клуб исторических реконструкций «Кто к нам с мечом придет...»...

Вика. Тот от меча и погибнет... (*Заглядывая в планшет.*) Олег Борисович, вы один из самых богатых людей России, вы можете купить себе новое сердце, обмануть смерть. А вам не стыдно перед теми, кто не может себе этого позволить и потому обречен?

Алапаев (*по инерции*). ...Мы отреставрировали генуэзскую крепость в российском Крыму, построили три храма и синагогу, не далее как сегодня я передал средства на реставрацию Кресто... Христо... в общем, женского монастыря...

Вика. Значит, вы верующий?

Алапаев. Однозначно.

Вика (*заглядывает в планшет*). И как же вы будете ходить по земле с чужим сердцем, ведь Бог его создал совсем для другого человека? Это же грех.

Алапаев. Но ведь он умер... Ему сердце больше не нужно.

Вика. Значит, вы покупаете себе сердце ценой чужой смерти?

Алапаев. Стоп!

Вика. Почему вы разъехались с женой?

Алапаев. Выключить диктофон! Вы сами эти вопросы придумали?

Вика (*неуверенно*). Сама, но мне помогли...

Алапаев. Кто?

Вика. Главный редактор.

Алапаев. Ясно.

Нажимает звонок. Входит Лютиков.

Алапаев. Игорь, убери мадмуазель! И выясни, откуда у этого интервью ноги растут?

Лютиков. Думаешь, подстава?

Алапаев. Уверен. Твой косяк!

Лютиков. Исправимся, а виноватых накажем. Девушка, пойдете!

Вика. Не трогайте меня! (*Вырываясь и оглядываясь.*) Старые козлы, кому интересна ваша благотворительность? Ободрали страну, наворовали, а теперь бросаете нам куски, как собакам! Чтоб тебе вместо сердца ежа пересадили...

Алапаев. Ежа?! Ну и сказала. Уноси!

Вика (*отбиваясь от Лютикова*). Пусти! Только попробуй! Алапаев, я о тебе такое напишу, такое...

Алапаев. И что же ты про меня напишешь?

Вика. Что ты меня хотел трахнуть, а у тебя не встал! Вот!

Лютиков уносит отбивающуюся журналистку.

Алапаев (*в пространство*). Откуда они все знают? Вот журналистки...

Входит Иветта со шприцем.

Иветта. Укольчик! Вам надо поспать.

Алапаев. Опять? (*Ложась и обнажая ягодицы.*)

Иветта. Не опять, а снова. Кого это от вас вынесли?

Алапаев. Исламскую террористку...

Иветта. Ну и шутник же вы!

Вкатывает ему укол.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Президентский люкс. Полутьма. Снова слышен звук скрипки. В балконную дверь тенью входит женщина, приближается к койке, встает на колени и плачет. Алапаев просыпается в испуге, хватается за сердце.

Алапаев. Вы откуда?

Хренова. Со второго этажа, из общего отделения.

Алапаев. Вы кто?

Хренова. Мать.

Алапаев. Чья еще мать?

Хренова. Амадея Хренова.

Алапаев. Какого еще Амадея Хренова.

Хренова. Вы должны знать это имя!

Алапаев. А я не знаю.

Хренова. Это он играет на скрипке!

Алапаев (*прислушиваясь*). Да, мне говорили... Талантливый мальчик. А как вы сюда попали?

Хренова. По пожарной лестнице.

Алапаев. Это же опасно.

Хренова. Если он умрет — мне все равно не жить. Помогите нам!

Алапаев. Если смогу... Говорите, только короче!

Хренова. Я знаю, вы ждете сердце...

Алапаев. Допустим. Хотите предложить свое? Женское мне не подойдет. Как вас зовут?

Хренова. Зоя Петровна.

Алапаев. Зоя Петровна, что вы хотите?

Хренова. Если Амадей умрет, я выброшусь из окна...

Алапаев. Минуточку. Амадей, я понял, — ваш сын. И кто же его так назвал?

Хренова. Я! Он будет великим скрипачом. Слышите?

Несколько мгновений они слушают скрипку.

Хренова. Вы в детстве кем мечтали стать?

Алапаев. Сначала — милиционером, а потом — космонавтом, как положено.

Хренова. А я матерью великого скрипача.

Алапаев. В детстве?

Хренова. В детстве. Мне подарили куклу. Я обрезала ей волосы. Сшила концертный фрак и вышилила лобзиком скрипочку. Потом я выросла и стала искать мужчину, виртуозно владеющего смычком.

Алапаев. Что вы говорите! Нашли?

Хренова. Нашла.

Алапаев. Хренова?

Хренова. Нет.

Алапаев. А кого?

Хренова. Не важно! Модя только мой! Я вырастила его одна. Это моя фамилия — и сын ее прославит. «Шуман», между прочим, переводится как «сапожник». И что?

Алапаев. Нет, я не против. Но для скрипачей как-то привычнее: Ойстрах, Коган, Стадлер, Кушнир...

Хренова. А как же. *(С нажимом.)* Олег Крыса и Валерий Ворона?

Алапаев. Убедили. Пусть остается Амадеем Хреновым.

Хренова. Но вы правы: простому мальчику трудно пробиться в большую музыку. А конкурс Чайковского? Вы даже не представляете себе: там все куплено!

Алапаев. Назовите цену вопроса. Я подумаю. Поговорю со Спиваковым.

Хренова. Цена вопроса — жизнь. Модя лежит здесь. У него огромное будущее, но какой-то глупый грипп... Он перенес его на ногах... Осложнения. Теперь у него сердечная недостаточность в терминальной стадии... Он такой слабый... скоро скрипку держать не сможет...

Алапаев. Сочувствую. Я тоже могу в любое время умереть, прямо сейчас.

Хренова. Я знаю.

Алапаев. Откуда?

Хренова. Здесь все про всех знают.

Алапаев. Что вы от меня хотите?

Хренова. Отдайте Моде сердце! У него большое будущее!

Алапаев. А почему вы просите именно меня?

Хренова. У Моды те же показания, он вместе с вами в листе ожидания... Но он никогда не дожидется сердца... Никогда!

Алапаев. Почему?

Хренова. Не понимаете? Деньги... Олег Борисович, вы благородный человек, вы строите церкви, умоляю: если сердце вам не подойдет, отдайте его моему сыну!

Алапаев. А почему вы думаете, что оно мне не подойдет?

Хренова. Дай Бог... Но все говорят, у вас очень уж сложный случай... Вам донора может послать только Бог!

Алапаев. А в вашем случае?

Хренова. И в нашем. *(Плачет.)*

Алапаев. Не плачьте. Успокойтесь! Если сердце не подойдет мне, оно, я уверен, достанется вашему сыну. Не выбрасывать же...

Хренова. Вы просто ничего не знаете! Вашего сердца уже ждут несколько человек! Один бывший министр, старик, но с большими связями. Зачем ему новое сердце? Он свое пожил. А у Моды талант и огромное будущее! Еще тут лежит то ли земляк, то ли родственник Степановили. Вы же знаете кавказцев, они дружные, не то что мы, русские!

Алапаев. От меня-то вы чего хотите?

Хренова. Вы должны сказать... нет, приказать: в случае чего — сердце только моему сыну!

Алапаев. Я не могу здесь приказывать.

Хренова. Можете! Все знают, сколько вы заплатили и еще заплатите! Вы должны! Я одна его вырастила. Одна!

Встает на колени перед Алапаевым. За сценой слышны голоса.

Голос Элеоноры. Да пустите же меня, наконец, к нему!

Хренова (*испуганно*). Кто это?

Алапаев. Моя жена.

Хренова. Ой, я пойду...

Алапаев. Стойте! Садитесь ко мне на колени!

Хренова. Зачем?

Алапаев. Надо!

Хренова. Я не такая.

Алапаев. Отдам сердце кавказским родственникам.

Хренова. Я плохо выгляжу...

Алапаев. Быстро!

Хренова. Боже, что я делаю!

Садится к нему на колени. В палату врывается Элеонора, ее удерживают Иветта и Лютиков.

Лютиков. Элеонора Павловна, говорю же вам, он один...

Иветта. На этот этаж посторонних не пускают. Только по спецпропускам... Здесь никого не может быть! Я включу свет, и вы убедитесь...

Вспыхивает свет.

Элеонора. Один? А это кто?

Иветта. Уп-с-с...

Лютиков. Кур-баши, ты их телепортируешь, что ли?

Иветта. Мать Хренова, немедленно покиньте палату!

Лютиков. Иветточка, не ругайтесь!

Алапаев (*ссаживая Хренову с колен*). Ладно, Зиночка, на сегодня достаточно.

Хренова (*тихо*). Я — Зоенька...

Алапаев. Тем более.

Хренова. Помните, что мне обещали!

Лютиков уводит оглядывающуюся Зою из палаты.

Элеонора (*истерически*). Пусть нас оставят вдвоем!

Иветта. Олегу Борисовичу пора под капельницу.

Элеонора. Через пять минут я вам его отдам.

Алапаев. Живым или мертвым...

Иветта качает головой и уходит.

Элеонора. Что ты ей обещал? Кто эта женщина?

Алапаев. Мать Амадея Хренова.

Элеонора. У тебя есть внебрачный сын? Сколько ему?

Алапаев. Линор, состоятельный мужчина без внебрачных детей, это по нашим временам как-то неприлично. Кажется, четырнадцать...

Элеонора. Значит, еще до меня?

Алапаев. Линор, неужели ты думаешь, что я разрешил бы своего сына, даже внебрачного, назвать «Амадеем»?

Элеонора. Тогда что ей от тебя нужно?

Алапаев. Сердце.

Элеонора. Твоего сердца, Алапаев, на всех не хватит. Ты думаешь, я не понимаю, зачем ты устраиваешь все эти спектакли? Зачем усладил меня в Марбелью? Зачем приставил ко мне мачо с лицом голливудского дебила?

Алапаев. И зачем же?

Элеонора. Развода не получишь! Ни ты, ни твой Денис.

Алапаев. Он и твой тоже, не забывай! Где он?

Элеонора. Пьет советский коньяк.

Алапаев. Хорошее занятие. Я бы присоединился...

Элеонора. А еще Дэн приставал к журналистке, которую ты выгнал...

Алапаев. Неужели? Это интересно! Она похожа на тебя, Линор.

Элеонора. Чуть!

Алапаев. Нет, не чуть.

Элеонора. Что ты задумал? Нет, это нереально...

Алапаев. Посмотрим. Какая же ты сегодня красивая! Иди ко мне! Я соскучился...

Алапаев. Вижу. Ты нордическая женщина.

Элеонора. Скажи Лютику, чтобы перестал за мной подглядывать.

Алапаев. Скажу.

Быстро подходит к двери и запирает.

Элеонора. Ты с ума сошел?

Алапаев. Распусти волосы, как я люблю...

Элеонора. Тебе нельзя! Здесь нельзя...

Алапаев. Нельзя, это то, что мы натворили семь лет назад. Раздевайся, быстрее! Если что — откачают. Реанимация рядом.

Элеонора (*лихорадочно раздеваясь*). Ты сумасшедший, а я нормальная...

Стук в дверь. Голоса.

Алапаев. Я занят!

Голос Степановшвили. Откройте! Это очень важно!

Алапаев. Через час.

Элеонора. Через два.

Голос Степановшвили. Немедленно! Иначе я вас выпишу сегодня же!

Алапаев нехотя открывает дверь. В комнату врываются Лютиков, Степановшвили, Иветта и Денис, который набрасывает простыню на полураздетую Элеонору.

Степановшвили. Олег Борисович. Сердце в пути! Необыкновенная удача. Смерч в Туле. На студента института физкультуры упало дерево. Мгновенная смерть. По всем показателям, это что нам нужно. Но, конечно, надо еще, как мы говорим, пощупать руками... Срочно готовим вас к операции...

Алапаев. А этот мальчик — Амадей?

Степановшвили (*хмурясь*). Хренов? Мы всех готовим на всякий случай... Скорее, дорога каждая минута!

Алапаев. Стоп! Что-то я еще хотел? Гугуша Тарасович, продайте мне ящик вашего замечательного «Киси»!

Степановшвили. Ага, уже думаете, как будете отмечать. Я вам дарю!

В ожидании сердца, или Накануне бессмертия

Алапаев. Спасибо! Игорь, иди сюда!

Лютиков подходит, Алапаев что-то шепчет ему на ухо, жестикулирует. На лице партнера появляется радостное изумление.

Лютиков. Гениально, кур-баши!

Иветта. Бригада готова!

Алапаев. Дайте с женой проститься! *(Обнимает Элеонору.)* Извини, Линор! Продолжим с новым сердцем... *(сыну)* Иди сюда, черт обиженный! *(Денис отшатывается.)* Помру — никогда себе не простишь, что отца напоследок не обнял!

Денис нехотя подходит, отстраненно пожимает руку.

Денис. Все будет нормально, тут хорошие врачи...

Алапаев. Папа...

Денис. Папа...

Лютиков *(прислушиваясь)*. Вертолет!

Степановили. Сердце летит!

Алапаева подхватывают под руки и уводят из палаты. Остается один Денис, он вынимает из кармана бутылку коньяка, отхлебывает.

Денис *(передразнивает)*. Сердце летит... А что? Может быть, когда-нибудь люди превратятся в летающие сердца... Эволюция... Ни рук, ни ног, ни головы — только сердце с крыльями... Они будут летать, искать, влюбляться, вить гнезда на деревьях, плодиться... И пожирать своих птенцов...

Пьет и плачет.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Президентский люкс. Алапаев и мать Евсевия поют под гитару шлягер
1960-х.

Хором. Говорят, что будет сердце из нейлона,
Говорят, что двести лет стучать ему...
Может, это, по науке, и резонно,
А по-нашему, ребята, ни к чему.
Кто-то слабого обидел и хохочет,
Кто-то трусом оказался и скулит,
А нейлоновое сердце не клокочет,
А нейлоновое сердце не болит...

Алапаев (*откладывает гитару*). Слушай, Марин, а ведь мы во все это когда-то верили! В светлое будущее, в то, что все люди — братья и сестры, а не конкуренты... У вас в церкви есть конкуренция?

Евсевия. Есть.

Алапаев. В святости конкурируете?

Евсевия (*вздыхая*). Не только...

Алапаев. Марин, а знаешь, что я вспомнил?

Евсевия. Что?

Алапаев. У тебя в институте по научному атеизму пятерка была, а у меня тройка. Правда, странно?

Евсевия. Ничего странного: и последние станут первыми...

Алапаев. Марин, а ты мне изменяла?

Евсевия. Тебе через тридцать лет это так важно знать? Лапа, что с тобой? Жена бросила?

Алапаев. Нет, все в порядке. А все-таки — изменяла?

Евсевия. Один раз.

Алапаев. Зачем?

Евсевия. Наверное, хотела понять, что ты чувствуешь, когда спишь с другими женщинами.

Алапаев. Поняла?

Евсевия. Нет, не поняла. У вас, мужчин, это, видно, что-то среднее между блудом и нумизматикой. У нас иначе.

Алапаев. Прости, Марин, я перед тобой очень виноват.

Евсевия. Прости и ты меня! Но главное, чтобы Господь простил.

Алапаев. За это, может, и простит, а вот за другие мои грехи, вряд ли... Готов, как говорится, понести заслуженное наказание. Преисподней не боюсь, тому, кто делал бизнес в девяностые и остался жив, ад не страшен. Я, Марин, боюсь, что там ничего не будет, точнее, меня там не будет... Совсем. Понимаешь, жизнь — это мир плюс ты, а смерть — это жизнь минус ты... Вот этого-то минуса я и боюсь. С детства. А ты сама никогда не сомневалась? Вдруг ты веришь в то, чего нет?

Евсевия. С тех пор как уверовала, не сомневаюсь. И ты верь, Лапа! По-другому нельзя!

Алапаев. А если у меня, мать-настоятельница, в мозгу нет той самой извилины, которая отвечает за веру. Рассосалась... А может, с самого начала не было.

Евсевия. Бедный мой миллиардер! *(Крестит, обнимает.)* Почему операция сорвалась?

Алапаев. Сердце мне не подошло.

Евсевия. Как так не подошло?

Алапаев. А как бензонасос от «мерседеса» не подходит к БМВ? Ты-то откуда узнала?

Евсевия. Лютик позвонил, чтобы реквизиты монастыря уточнить, ну, и доложил. Послушай, а вы давно вместе работаете?

Алапаев. Давно.

Евсевия. В институте, насколько я помню, у вас особой дружбы не было. Ты его даже на нашу свадьбу не позвал.

Алапаев. Да, мы как-то еще на первом курсе не сошлись.

Евсевия. По-моему, он тебе завидовал и ко мне неровно дышал.

Алапаев. Неужели и это помнишь? К тебе, Марина, весь физтех неровно дышал. А Лютик в девяносто четвертом ко мне приполз, избитый. Чеченцы у него бизнес отжали, хотели

грохнуть. Я тогда с авизо работал и у меня были хорошие контакты в Грозном. Помог ему. С тех пор он мой самый надежный человек.

Евсевия. Ты уверен?

Алапаев. Уверен. Ни разу меня не подвел. А у тебя есть сомнения?

Евсевия. Не знаю, но как-то он странно пошутил насчет твоего сердца. Так о друге не говорят...

Алапаев. Как пошутил-то?

Евсевия. Не помню уже... Слушай, а почему он тебя все время зовет «кур-баши»?

Алапаев. Анекдот такой советский был про таджика, который в партию вступал...

Евсевия. А-а-а, вспомнила. Смешной анекдот! Ну вот, ты хоть улыбнулся!

Алапаев. Знаешь, сначала я совсем раскис. Стыдно вспомнить. Не помогла твоя неусыпная псалтырь...

Евсевия. Не-у-сы-па-е-мая. Наберись терпения. Господь тебе испытание посылает. Молись! Следующее сердце точно подойдет. А то, что привезли, пропало?

Алапаев. Почему пропало? Тут ничего не пропадает. Бывшему министру вшили. Рекорд по пересадке сердца пожилому реципиенту. Представляешь, деду семьдесят три, а у него мотор 20-летнего студента. Говорят, медсестер за филейные части уже хватает. Щучу...

Евсевия. Ну, и слава Богу, поживет еще.

Алапаев. Слушай, Марин, а вдруг мы никакие не твари Божии, а биороботы, запрограммированные на размножение?

Евсевия. Почему?

Алапаев. Сама подумай: печень, почки одного человека можно вшить другому, сердце мужчины пересадить женщине. Это же получается какой-то левый автосервис: разобрали разбитую или украденную тачку на запчасти и шуруют туда-сюда... Какие же мы после этого Божьи твари?

Евсевия. Ну и что? Плоть, она из праха вышла — в прах уйдет. Главное — душа! Это — дар Господа. Вот тебе, атеист-троечник, иконка святого Пантелеймона. Благодичный с Афона

мне привез. Там усекновенная глава хранится и мироточит. Видишь, лоскуток, миром пропитанный, в уголке приклеен!

Алапаев. Марин, все забываю спросить: ты свою диссертацию то успела защитить?

Евсевия. Успела.

Алапаев. А тема?

Евсевия. Тебе-то зачем?

Алапаев. Интересно!

Евсевия. «Жидкокристаллическая структура и диамагнитные свойства полимерных сверхрешеток». Я тебе иконку вот тут, на тумбочке, поставлю. Ты ее к сердцу почаще прикладывай!

Алапаев. Спасибо, атеистка-отличница! А ребрышка святого Пантелеймона на Афоне не было?

Евсевия. Не богохульствуй! Ну, что ты за человек? Он же там все слышит. *(Показывает пальцем вверх.)* Все меня сегодня огорчают. Пойду я, пожалуй...

Алапаев. А кто еще обидел?

Евсевия. ФХУ. Не дали мне денег на сестринский корпус.

Алапаев. Почему?

Евсевия. Конкуренция. Сказали, чтобы сама искала благотворителей.

Алапаев. Эх, Марина, какие благотворители, если у нас капитализм на вывоз! Сколько надо?

Евсевия. Много.

Алапаев. Того, что дал, не хватит?

Евсевия. Нет, не хватит.

Алапаев. Не грусти, мать-игуменья, добавим. Я Лютику скажу.

Евсевия. А без Лютика ты уже ничего сам не можешь?

Алапаев. Не бойся, все под контролем, а тот, кто меня обманет, долго не проживет. *(Берет гитару, поет):*

Нет, ребята, не для нас определено —

Жить, не видя и не слыша ничего.

Даже если будет сердце из нейлона,

Мы научим беспокоиться его...

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Президентский люкс. Доносятся звуки скрипки. В окне виден расцвеченный огоньками вечер.

Алапаев (*обращаясь к иконке*). А скажи мне, исцелитель Пантелеймон, если и второе сердце мне не подойдет, это будет просто знак или уже конкретный наезд свыше? Не слышу, святой отец, очень тихо говоришь...

Входит Лютиков, толкая впереди себя смущенную Вику.

Алапаев. О! Какие люди и без охраны!

Лютиков. Вот, кур-баши, пришла прощения просить.

Вика. Здравствуйте, Олег Борисович... Как вы себя чувствуете?

Алапаев. Жив, как видишь. У тебя ко мне какие-то вопросы?

Вика (*заглядывая в планшет*). Уважаемый Олег Борисович, разрешите мне принести искренние извинения за допущенную бестактность и просить уделить немного вашего драгоценного времени для беседы о благотворительности «Цветметсплава», которую с нетерпением ожидает наша газета...

Алапаев. Не понял, чего ожидает — беседы или благотворительности?

Вика. Беседы...

Алапаев. Сама написала?

Вика. Главный помогал.

Алапаев. Опять главный? Спишь с ним, что ли?

Вика. Уже нет. Можно начинать?

Алапаев. Валяй!

Лютиков. Не буду вам мешать. Надо по лондонскому арбитражу вопросыки порешать.

Алапаев. Серьезные?

Лютиков. Рабочие.

Алапаев. Скажи, чтобы Линор заглянула.

Лютиков кивает и уходит.

Вика. Олег Борисович, можно вопрос не по теме?

Алапаев. Можно.

Вика. Почему он вас кур-баши зовет? Странный какой-то ник...

Алапаев. Кур-баши — это командир отряда басмачей.

Вика. Кого-кого?

Алапаев. Ты что заканчивала?

Вика. Журфак.

Алапаев. Понятно. Басмачи — это бандиты, они в Средней Азии с советской властью боролись.

Вика. Ясно. А вы тут при чем?

Алапаев. Я в молодости один анекдот про басмачей любил рассказывать.

Вика. Какой анекдот?

Алапаев. Ты все равно не поймешь.

Вика. Почему? У меня красный диплом.

Алапаев. Да ты что! Тогда слушай. Советский Таджикистан. Райком. Вступают два ударника в партию...

Вика. В какую?

Алапаев. Одна у нас была партия. Коммунистическая.

Вика. Ну да, это же при тоталитаризме было. А кто вступает, музыканты?

Алапаев. Почему музыканты?

Вика. Ударники.

Алапаев. Передовики производства вступают. Ничего-то ты не знаешь. Первого таджика вызывают на бюро, он скоро выходит, улыбается: «Приняли. Задали самый простой вопрос, когда родился Ленин...» Вика, а когда родился Ленин?

Вика (*шарит по планшету*). Ленин? Я сейчас в Википедии посмотрю...

Алапаев. Девочка моя, Википедия должна быть в мозгах, а не в планшете. Потом согласишься, краснодипломница. Слушай дальше: второй ударник заходит на бюро и возвращается грустный: «Не приняли». — «Как, почему?» — «Первый секретарь райкома

456 на меня так внимательно посмотрел и спросил, не был ли я

басмачом?» Говорю: «Был...» — «Зачем же ты сознался?» — удивился первый таджик. А второй отвечает: «Как я мог самому кур-баши соврать!» (Смеется.)

Вика. А в чем фишка-то?

Алапаев. Ну как же? Первый секретарь райкома партии оказался главарем банды басмачей. Нонсенс!

Вика. Огонь! А разве так не бывает?

Алапаев. Ну, вообще-то, если Ельцина с Горбачевым вспомнить, выясняется, что бывает...

Вика. Тогда чего смешного?

Алапаев. Ничего! Задавай лучше вопросы по теме.

Вика (*смотрит в планшет*). Олег Борисович, «Цветметсплав» ведет обширную благотворительную деятельность...

Алапаев. Эх, жаль, ты опоздала. От меня недавно вышла мать-игуменья Крестовоздвиженского... Нет, Христорождественского монастыря, которому мы помогаем восстанавливать се-стринский корпус..

Вика. Мы ее встретили, она вся светилась от счастья.

Алапаев. Да, Вика, есть еще на земле люди, которых миллион долларов может сделать счастливыми. Но их становится все меньше.

Вика. Почему?

Алапаев. Американский печатный станок не справляется. Вся надежда на юань. Продолжай! Начала ты сегодня хорошо.

Вика. Олег Борисович, мы знаем, что в отличие от других вы поддерживаете не зарубежные команды и клубы, а отечественные, например «Гамбовских волков». Почему?

Алапаев. Родился я там. Видишь, девочка, я не самый худший из тех, которые страну ограбили. А что ты мне в прошлый раз, человеку с больным сердцем, устроила? Про драгоценное время правильно сказала. Не дай никому Бог дожить, когда и минуты уже на вес золота!

Вика. Простите, я не знала...

Алапаев. Чего ты не знала?

Вика. Что вы купите нашу газету.

Алапаев. Я и сам не знал... Когда сердце не подошло, страшно расстроился. Думал, чем бы себя порадовать. Напиться или молодую любовницу завести — не по силам. А чего у меня еще нет? Газеты у меня нет. Вот и купил. Спроси, за сколько?

Вика. Нет-нет, главный запретил.

Алапаев. Он ничего не понимает. Я его уволю. Зачем вашим читателям нужна моя благотворительность? Другое дело, сюжетец про то, как человек, у которого денег куры не клюют, сердца нового никак не может дожидаться! Трагикомедия. Понимаешь, что я в любой момент могу умереть?

Вика. Как?

Алапаев. А вот так...

Хрипит, хватается за горло и падает на пол. Вика начинает делать ему искусственное дыхание, потом — рот в рот, переходящее в поцелуй.

Вика. Огонь! Э-э, да вы совсем живой...

Алапаев. Грамотно спасала.

Вика. Я раньше в газете МЧС работала.

Алапаев. Да и целуешься неплохо. Хочешь стать главным редактором?

Вика. Хочу! А вам разве можно? *(Начинает раздеваться.)*

Алапаев. погоди! У меня на тебя другие виды. Два условия.

Вика. Какие?

Алапаев. Первое. Вытатуируешь на груди мою физиономию, если помру?

Вика. Зачем?

Алапаев. Будешь моим живым памятником. У других на могиле изваяние или плита с портретом. А у меня — эксклюзив: красивая молодая женщина носит мою рожу на своей роскошной груди. Согласна?

Вика. Согласна... Но вы, Олег Борисович, еще всех нас
458 переживете!

Алапаев. Молодчиха! Вот оно, ключевое слово: переживу! Пойми, девочка, мы живем перед самым рассветом. В поход ходила?

Вика. Нет.

Алапаев. В стогу ночевала?

Вика. Нет.

Алапаев. Рассвет видела?

Вика. С балкона.

Алапаев. Ну что за поколение! Попробую объяснить... Зноб-ка полутьма, но на горизонте уже видна светлая полоска, как из-под трусиков загорелой спортсменки...

Вика. Огонь! Вы поэт!

Алапаев. Был. Мы живем перед рассветом. Вот-вот взойдет вечное солнце бессмертия. Следи за мыслью, дитя мегаполиса! Сегодня пересаживают почки, печень, даже сердца... Да, они отторгаются, и надо жрать таблетки горстями. Да, нового сердца хватает пока на десять—пятнадцать лет. Но за это время научатся из клетки человека выращивать запасные органы. Не надо ждать, пока упадет дерево на голову студенту. Это будут твои собственные консервированные запчасти. Храни дома, в холодильнике, рядом с пивом. И они уже отторгаться не будут. Затем научатся отключать механизмы старения. И вот человек вечен! Тебе сейчас сколько?

Вика. Двадцать шесть.

Алапаев. Стоп! (*Берет из вазы яблоко.*) Съешь молодильное яблочко! (*Наливает в стакан воду.*) Запей живой водой — и тебе навсегда двадцать шесть.

Вика. Огонь! Как в сказке?

Алапаев. Мы сказку делаем былью. Каждый человек сможет стать бессмертным, если будет хорошо работать и не нарушать законы. Никаких бунтов, революций, болотных площадей. В очереди за вечностью ведут себя тихо и вежливо. Высшей мерой будет — нет, не смертная казнь, а лишение бессмертия!

Вика. А если кто-то не захочет бессмертия?

Алапаев. Сомневаюсь. Но, пожалуйста, вольному воля. Смерть станет дорогостоящей vip-услугой.

Вика. Но человек может заболеть, разбиться на машине, на самолете... Значит, все-таки это не бессмертие?

Алапаев. Пустяки. Личность человека будут записывать на флешке и носить в титановом медальоне на груди, как солдат смертный жетон. Гибнешь в катастрофе, из твоего биоматериала выращивается клон, а в мозг с флешки переписывают память. Память — вот что самое главное!

Вика. Я, кажется, фильм такой видела...

Алапаев. Теперь ты понимаешь, как обидно умереть сейчас, когда до эры бессмертия осталось двадцать лет! Десять, пятьдесят, сто лет назад умирать тоже было обидно, но не так, ведь никто даже не надеялся на бессмертие, разве что на вечную жизнь за гробом. В Бога ты, конечно, не веришь?

Вика. Ну, почему же, бывает разное настроение. Вы меня разыгрываете?

Алапаев. Возможно... Мне нравится, как ты умеешь слушать. Назначу тебя главным редактором. Справишься?

Вика. Конечно. Руководить — не работать.

Алапаев. Ну-ка, дай мне тебя получше рассмотреть! Ризеншнауцера твоего я уже видел. А что у нас там еще?

Вика. Назначьте, не пожалеете! *(Раздевается.)*

Алапаев. Да ты складненькая!

Вика. Я была мисс Талдом, когда в одиннадцатом классе училась.

Алапаев. Оно и видно. Стоп. Дальше — не надо. У женщины должна быть тайна. Как же тебя в журналистику с такими данными занесло?

Вика. Я люблю встречаться с интересными людьми, как вы...

Алапаев. Ох, лиса! А если помоложе меня?

Вика. С ровесниками мне не интересно — они все тупые.

Алапаев. Ну не все, не все... Как тебе, например, мой сын?

Вика. Какой сын? А-а, этот, с коньяком...

Алапаев. Запоминай: Денис — славный, умный, добрый и несчастный парень. Мы с тобой должны ему помочь.

В палату входит Элеонора. Наблюдает. Усмехается.

Элеонора. Не помешала?

Вика. Ой!

Алапаев. Моя жена — Линор.

Вика. Вы только не подумайте плохого!

Элеонора. Я давно думаю только о хорошем.

Алапаев. Ну как тебе, Линор, это чудо природы?

Элеонора *(обходит кругом, придирчиво осматривая)*. Славная девушка. Балетом занималась?

Вика. Да.

Элеонора. Сколько?

Вика. Три года.

Элеонора. Как и я. Почему бросила?

Вика. Сказали, у меня растяжка недостаточная. Но я думаю, мама просто не могла больше платить, ее сократили...

Элеонора. Меня тоже из-за растяжки отчислили. Журналистка?

Вика. Да...

Элеонора. Хорошо. Значит, без комплексов.

Алапаев. Одевайся и запоминай: завтра примешь газету. Пока как исполняющая обязанности. Лютиков тебя представит коллективу. О нашем разговоре никто не должен знать. Денис в первую очередь.

Вика. Могли бы и не предупреждать.

Алапаев. Три дня тебе на обустройство. Сегодня у нас что?

Элеонора. Среда.

Алапаев. В понедельник соберут совет директоров. Я председатель. Но меня будет представлять сын. Если ты ему понравиться, станешь главным редактором.

Вика. Сердцу не прикажешь.

Элеонора. Прикажешь. Он должен в тебя влюбиться.

Вика. Как в вас?

Элеонора. Да, как в меня.

Вика. Огонь! Попробую.

Элеонора. Умная девочка. Еще есть вопросы?

Вика. Есть. *(Показывает на сумку Элеоноры.)* Это последняя «Шанель»?

Элеонора. Да, кажется...

Вика. За пять тысяч евро?

Элеонора. Чуть больше.

Вика. Можно подержать? Я в каталоге такую видела.

Элеонора. Подержи.

Протягивает сумку. Вика примеряет ее сначала на одну, потом на другую руку.

Алапаев. Вопрос поставлен правильно. Лютиков выдаст тебе годовой оклад. В понедельник ты должна быть одета как модель. Поняла, мисс Талдом? Линор, проследи!

Элеонора. Не волнуйся, любимый!

Вика нехотя отдает сумку и уходит. Супруги некоторое время молчат.

Элеонора. Хваткая девочка.

Алапаев. На редкость.

Элеонора. Ты это всерьез?

Алапаев. Клин клином вышибают.

Элеонора. Решил судьбами поиграть?

Алапаев. Почему бы и нет. Ты против?

Элеонора. Там эта женщина, мать скрипача...

Алапаев. Амадея Хренова?

Элеонора. Вот именно. Ее к тебе охрана не пускает. Она просила передать...

Протягивает записку, Алапаев разворачивает, пробегает глазами.

Алапаев. Представляешь, ни одной орфографической ошибки! А почему он теперь играет только раз в день?

Элеонора. Ему даже скрипку держать тяжело.

462 Алапаев. Бедный виртуоз!

Элеонора. У тебя с этой Зоей в самом деле ничего не было?
Алапаев. Линор, не надо делать из меня сексуального терминатора!

Элеонора. Ну, тогда купи и ему сердце, если уж ты решил Богом поработать.

Алапаев. Давно бы купил, но мы с ним уникамы. Трудно нам сердце найти. Остается ждать, а ждать нельзя ни ему, ни мне... Ты хоть на могилку ко мне придешь?

Элеонора. Олег, что за глупости? Мы же будем жить вечно. Ты этой красивой дурочке тоже про это рассказывал?

Алапаев. Нет, только тебе!

Элеонора. Врешь, как всегда. А ведь она тебе понравилась!

Алапаев. Эстетически. Ризен у нее на плече забавный.

Элеонора. Хочешь, я себе тоже что-нибудь вытатуирую?

Алапаев. Мой портрет.

Элеонора. Почему бы нет... Надо только хорошую фотографию выбрать. А вот скажи, милый, зачем тебе жить вечно? Что нового ты узнаешь? Заработаешь еще миллиард? Было. Еще раз уведешь у сына невесту? Тоже было. Ради чего менять сердца, точно капсулы в кофе-машине?

Алапаев. Мы живем ради того, чтобы не умереть. Увы! Но я, Линор, кажется, перестаю бояться смерти. Это плохо. Иди ко мне!

Обнимает жену и гладит по голове. Входит Лютиков.

Лютиков. Не помешал?

Алапаев (*недовольно*). Помешал!

Лютиков. Я по делу, кур-баши. Журналистке все сделал, как ты велел.

Алапаев. Что я велел?

Лютиков. Выдал две годовых зарплаты.

Алапаев. Почему две?

Лютиков. Она так сказала.

Элеонора. Эта девочка далеко пойдет!

Лютиков (*глянув на часы*). Новости будем смотреть?

Алапаев. А надо?

Лютиков. Обязательно!

Элеонора. Вы о чем?

Лютиков. Сейчас, Элеонора Павловна, сейчас!

*Лютиков включает телевизор. Мы не видим экрана,
слышен только голос диктора.*

Диктор. ...Окончательные итоги референдума о добровольном вхождении Одесской области в Новороссию будут оглашены в понедельник...

Алапаев. Наконец-то!

Диктор. ...Антикоррупционные новости. Сегодня при получении взятки арестован министр цветной металлургии Муфлонов. Бриллиантовые часы «Роллекс» стоимостью в полмиллиона евро сотрудники следственного комитета обнаружили в коробке с редким кахетинским вином, присланной неустановленным лицом. Премьер-министр отправил Муфлонова в отставку в связи с утратой доверия. Обязанности временно исполняет первый заместитель Архаров...

Алапаев. Что и требовалось доказать!

Лютиков. Кур-баши, смотри, какая жалкая рожа!

Алапаев. Да, наручники ему идут. Сколько он моей крови выпил! *(Хохочет, держась за сердце.)*

Элеонора. Это ты ему устроил?

Лютиков. Мы с Богом наказали за жадность... Ой, умру от смеха...

Диктор. ...В Лондоне арбитражный суд приступил к рассмотрению конфликта между королями российской цветной металлургии Романом Рабиновичем и Олегом Алапаевым, чьи интересы представляет знаменитый британский адвокат сэр Грэг Липкин. Его гонорар составляет пять тысяч фунтов стерлингов в день...

Алапаев. Десять.

Хватается за горло и падает...

Элеонора. Ему плохо! Врача!
Иветта (*вбегает*). Срочно бригаду реаниматоров!
Элеонора. Олежек, не умирай!

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Кабинет главного врача. За столом сидит нахмуренный Степаношвили. В креслах расселись Лютиков, Элеонора, Денис, мать Евсевия и Вика. Все очень серьезны. Иветта хочет закрыть окно.

Денис (*глянув на часы*). Погодите, сейчас Амадей будет играть!

Иветта. Не будет. Он уже не встает.

Степаношвили. Иветта Григорьевна, займитесь своим делом!

Иветта (*насмешливо*). Своим? С удовольствием, Гугуша Тарасович!

Гордо выходит из кабинета.

Степаношвили. Господа, спасибо, что нашли время и пришли. Я позвал только самых близких. Ситуация крайне серьезная... (*С интересом смотрит на шикарно одетую Вику.*) А вы, простите, кто у нас?

Денис (*гордо*). Не у вас, а у меня. Виктория — моя невеста.

Степаношвили. Где же таких берут?

Вика (*высокомерно*). В газете «Московский курьер», я главный редактор.

С подносом входит Иветта. Услышав сказанное, с усмешкой смотрит на главврача.

Степаношвили. Поздравляю, Денис Олегович! Когда свадьба?
Вика. Мы не торопимся.

Степаношвили. Верно! Как говорили древние, поспешай медленно.

Денис. Но не щелкай клювом.

Степаношвили. Может, коньячку? Есть «Старый Тбилиси» 1980 года.

Вика. Мы не пьем.

Денис. В это время дня.

Элеонора. Виктория, да вы волшебница!

Вика. Ну что вы! Я только учусь. У вас.

Степановшвили. Сигару от Фиделя?

Денис (*грустно*). Когда не пьешь, курить не хочется.

Элеонора (*раздраженно*). Гугуша Тарасович, я все-таки хотела бы знать наши перспективы. Мой муж лежит в вашей клинике уже полгода. Дважды донорское сердце ему не подошло. Это превращается в какую-то дурную традицию... В чем дело? Вы уже очастливили за наш счет двоих пациентов.

Степановшвили. Реципиентов.

Элеонора. Вот именно! Второй, кажется, ваш родственник?

Степановшвили. Это клевета, уважаемая Элеонора Павловна. Не все, кто приезжает в «Именины сердца» с Кавказа, мои родственники. Далеко не все. Кроме того, я неоднократно подчеркивал: если донорский орган не подходит, мы обязаны его использовать в течение срока годности для спасения любого больного с идентичными показаниями. Не я виноват, что оба сердца при исследовании не были показаны вашему высокочтимому супругу!

Элеонора. Надеюсь, в третий раз подойдет?

Степановшвили. И я надеюсь, Бог троицу любит.

Евсевия. Сестры молятся за здоровье Олега Борисовича.

Денис. Видимо, не слышит Он их молитвы, матушка? Может, папа у Него там в каком-нибудь стоп-листе?

Вика. Денис!

Евсевия. Господь милостив...

Степановшвили. Это хорошо, что вы молитесь. Но я хотел бы напомнить, что деньги за шестой месяц пребывания в Президентском люксе до сих пор не перечислены. А у нас стопроцентная предоплата. Иветта Григорьевна, принесите-ка копию договора и побыстрее!

Иветта (*сверкнув глазами*). Сию минуту, Гугуша Тарасович! (*Уходит.*)

Степаношвили. Кроме того, накопилось множество неоплаченных счетов за дополнительные услуги.

Лютиков. Например?

Степаношвили. Вызов хора из театра «Ромэн».

Денис. Папаша вызывал цыган?

Элеонора. Да, он тосковал, и я решила его развлечь.

Степаношвили. Олег Борисович тосковал, а счет пришел на клинику. Кроме того, до сих пор не оплачен вызов консультантов — мировых светил: профессора Алекса Розенбаума из Лос-Анджелеса и доктора Лео Розенблюма из Тель-Авивского кардиоцентра.

Денис. И что сказали светила?

Степаношвили. Сказали: надежда есть.

Денис. И сколько же это стоило?

Степаношвили. Счета вам отправлены.

Лютиков. Дорого это стоило, очень дорого!

Элеонора. Но ведь не дороже жизни моего мужа? Игорь Богданович, в чем дело?

Лютиков. Вы разве не знаете, Элеонора Павловна, что мы проиграли Лондонский арбитраж, и сразу всем оказались должны. Активы «Цветметсплава» арестованы.

Возвращается Иветта с копиями договоров, бросает их на стол.

Элеонора. Знаю, но я не думала, что все так серьезно.

Денис. Пожалуй, я все-таки выпью.

Вика. Ден!

Денис. Зайчик, чуть-чуть!

Иветта по мановению босса открывает бар и наливает рюмку, подносит Денису, тот жадно выпивает, требуя добавки.

Иветта (*подливая*). Не торопитесь! Вся бутылка ваша.

Вика. Уберите алкоголь!

Степаношвили. Ну-с, освежили в памяти договор?

Элеонора. Да, и обратили внимание, что клиника за исход трансплантации никакой ответственности не несет.

Степановшвили. Увы, мы не боги... Когда же будут оплачены, счета?

Лютиков. Мы тоже не боги.

Денис. Лютик, а зачем было судиться в Лондоне? Там же все — жулики.

Вика (*отбирая у него третью рюмку*). У нас как будто не жулики?

Денис. Еще какие! Но зато мы говорим с ними на одном языке.

Элеонора. И что же теперь будет?

Лютиков. Выставим на аукцион промышленные объекты, недвижимость, антиквариат. Откажемся от разорительной благотворительности. Будем гасить долги.

Вика. Я не позволю продать мою газету!

Евсевия. Мы еще не достроили сестринский корпус.

Элеонора. А если мы не отдадим долги?

Лютиков. Все опишут и отберут.

Степановшвили. Господа, так вы перечисляете деньги? Или мы переводим Олега Борисовича в общее отделение?

Элеонора. Что за бесцеремонность? Я и так заберу мужа от вас!

Степановшвили. Пожалуйста, но он не перенесет переезда.

Денис. Папа так плох?

Степановшвили. Хуже, чем вы думаете.

Лютиков. Завтра оплатим.

Степановшвили. Иветта Григорьевна, гарантийное письмо вы подготовили?

Иветта (*кладет бумаги на стол*). Конечно.

Степановшвили. Господин Лютиков, подписывайте, иначе....

Лютиков с усмешкой подписывает.

Денис (*заглядывая в письмо*). Ну, папа и полечился!

Степановшвили. Сначала мы тратим здоровье на удовольствия, а потом тратим деньги на здоровье. Ну, раз финансовые недоразумения улажены, хочу вам сообщить хорошую новость.

В Пскове гастарбайтер упал с крыши. Мгновенная смерть.

Евсевия. Мусульманин?

Лютиков. А хорошо ли это?

Степаношвили. Отлично! Не пил, не курил. По всем параметрам сердце должно подойти. Изъятие органа прошло успешно. Вертолет скоро будет в Москве. Можете зайти к Олегу Борисовичу и пожелать ему удачной операции.

Лютиков (*вставая*). Гугуша Тарасович, а если бы я не подписал гарантийное письмо, вы бы нам ничего не сказали?

Степаношвили (*подходя к Лютикову*). Игорь Богданович, я давал клятву Гиппократу! (*Понизив голос.*) Но ускоренные курсы медуниверситета я тоже заканчивал.

Иветта. Господа, внимание! Перед посещением надо надеть халаты, маски и бахилы. Олег Борисович перенес грипп. Все должно быть стерильно. Если он сейчас подхватит какую-то инфекцию, все пойдет насмарку.

Все шумно встают и идут к двери.

Степаношвили (*берет Лютикова за пуговицу*). Игорь Богданович, хочу обсудить с вами предстоящие расходы...

Денис (*весело*). Лютик, торгуйся, мы теперь бедные!

Вика. Дэн, веди себя прилично!

Все уходят. Главврач и Лютиков остаются одни.

Степаношвили. Вы должны знать. Приходили из следственного комитета. Хотели допросить Олега Борисович, но я им ответил, что по состоянию это пока невозможно... Догадываетесь, о чем они его хотели спросить?

Лютиков. Догадываюсь. Надеюсь, у этого таджика смелое сердце?

Степаношвили. И я надеюсь. Вы должны знать: четвертого сердца Алапаев не дождется.

Лютиков. Понял.

Степаношвили. Еще они интересовались вином «Киси»...

Лютиков. Докопались-таки. И что вы им ответили?

Степановшвили. Пока уклонился.

Лютиков. Напрасно. Следаки этого не любят.

Степановшвили. Но в таком случае...

Лютиков. За судьбу своих подарков вы ответственности не несете. Не волнуйтесь, выпутаемся. Олег всегда бы до чертиков везучим. Он же сидел рядом с Жанной, когда она врезалась в столб. Жена насмерть, а у него сотрясение. Вот мне никогда раньше не везло, все приходилось вырывать зубами...

Лютиков уходит, сталкиваясь в дверях с Иветтой, галантно пропускает даму. Она молча убирает посуду со стола.

Степановшвили. Чего надулась?

Иветта. Найми себе посудомойку.

Степановшвили. А еще кого мне нанять?

Иветта. Обо всем остальном с ней же договоришься. Кризис. Девушки теперь сговорчивые.

Степановшвили. Ну, Веточка, не обижайся! *(Пытается обнять.)*

Иветта. Отстань!

Степановшвили. Не груби!

Иветта. Звонила твоя Манана, жаловалась, что ты не берешь трубку, и спрашивала, сколько человек будет к ужину...

Степановшвили. Эти Гомеашвили всегда табуном ходят. Человек шесть или семь.

Иветта. Гугуша, а меня замуж зовут.

Степановшвили. И кто же этот идиот?

Иветта. Доктор Захаров.

Степановшвили. Из физиотерапии?

Иветта. Да.

Степановшвили. Видный мужичок. Он тебе нравится?

Иветта. Я хочу семью, ребенка. Нравится. Мне тридцать два года.

Степановшвили. Сама решай.

Степаношвили. Вот и хорошо. Иди к Алапаеву. Проследи!

Иветта уходит с подносом. Главврач некоторое время нервно ходит по кабинету, затем снимает трубку.

Степаношвили. Софья Леонидовна, скажите, когда заканчивается контракт у Захарова? Да, из физиотерапии... Через неделю?.. Ах, вы уже и новый контракт подготовили? Замечательно! Порвите и выбросьте в корзину!.. Да, в корзину! Напоследок выпишите ему премию, если он такой уж золотой специалист...

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Президентский люкс. Алапаев полулежит в кровати, перебирая струны гитары и тихо напевая:

Мне грустно такими ночами,
Когда ни светло, ни темно,
И звезды косыми лучам
Внимательно смотрят в окно.
Глядят они в самое сердце,
Где усталь, и страх, и тоска,
И бьется несчастное сердце,
Как муха в сетях паука....
Закроешь глаза на мгновенье
И вместе с прохладой вдохнешь
Какое-то дальнее пенье,
Какую-то смутную дрожь.
И нет ни России, ни мира,
И нет ни любви, ни обид.
По синему царству эфира
Свободное сердце летит.

Он сильно сдал. В палату входят Евсевия, Элеонора, Денис и Вика. Все они в халатах, масках, бахилах, как призраки. Некоторое время они стоят и слушают песню. Вскоре к ним присоединяется Лютиков. Наконец, Алапаев замечает гостей.

Алапаев (*слабым голосом*). Попрощаться пришли? Прощайтесь. Денис. Просто проведать. Ты уже знаешь, что нашли тебе сердце?

Алапаев. Знаю... Марина, подойди ко мне...

Игуменя медленно подходит.

Евсевия. Ну, как ты, Лапа?

Алапаев. Сама не видишь? Не помогла мне твоя иконка. Слаб Пантелеймон против моих грехов. Плохо, Марина, быть беспомощным. Непривычно. А помнишь, каким я парнем был?

Евсевия. Помню, мой друг, помню...

Алапаев. А помнишь, как мы с тобой до утра налюбиться никак не могли?

Евсевия. Тебе сейчас не об этом думать надо.

Алапаев. А ты была еще та штучка! Такое выдумывала! Я даже ревновал — кто мою невесту научил?

Евсевия. Олег, не надо об этом!

Алапаев. А с кем ты мне все-таки изменила? Скажи! Может, я его на том свете найду и морду начищу!

Евсевия. Ни с кем я тебе не изменяла. Сама не знаю, зачем тогда соврала. Уязвить хотела. Прости!

Алапаев. Марин, ты с деньгами поэкономней — я теперь бедный...

Евсевия. Знаю. Ты молись. Господь милосерд...

Алапаев. Милосерд... Сердитое какое-то слово. Поцелуемся на прощание...

Троекратно целуются, не снимая маски. Евсевия отходит.

Алапаев манит рукой Элеонору.

Элеонора. Здравствуй, Олежек!

Алапаев. Извини, Линор, я уж по старшинству...

Элеонора. Я понимаю.

Алапаев. Не знаешь, чье сердце мне везут?

Элеонора. Н-нет...

Элеонора. Гастарбайтера. Таджики...

Алапаев. Ого, с мусульманским сердцем можно будет гарем завести!

Элеонора. Ты и с русским сердцем не особо терялся.

Алапаев. Прости! Если третье сердце подойдет, обязательно кого-нибудь родим. Хочу дочку и чтобы обязательно стала талантливой балериной. А если не выйдет, возьмем из детского дома...

Элеонора (*опускает ему голову на грудь*). Олежек, все будет хорошо!

Алапаев. Жаль, что не развелись. Была бы сейчас богатой женщиной. Видишь, как в Лондоне все повернулось. Ловок Рабинович, недооценил я его. Адвоката моего перекупил, сукин сын. Теперь, Линор, держись Лютика. Он верный человек. То, что я на черный день зарыл, у него.

Элеонора. Я поняла.

Алапаев (*достает из-под подушки снимок*). Вот, возьми! Этот твой снимок мне всегда нравился.

Элеонора. Зачем?

Алапаев. Забыла? Хочу красоваться у тебя под левой грудью.

Элеонора (*возвращая снимок*). Ну, тебя, дурачок! С новым сердцем ты всем еще покажешь!

Алапаев. Денис ничего не пронюхал?

Элеонора. Кажется, нет...

Алапаев. Вот и славно. Хоть что-то у меня получилось. До встречи! (*Целуются через маску.*) Иди и позови Дэна с этой лисой.

*Она отходит от постели. Подходят Денис и Вика.
Алапаев картинно заслоняется рукой, точно ослеплен.*

Денис. Здравствуй, папа!

Вика. Здравствуйте, Олег Борисович! Как вы себя чувствуете?

Алапаев. Замечательно! Сын, Боже, где ты нашел такую красоту?

Денис. Места надо знать.

Вика. Я главный редактор «Московского курьера».

Алапаев. А там таких еще не осталось?

Денис. Зачем? У тебя молодая жена, и вы любите друг друга.

Алапаев. Ничего от вас не скроешь. Когда свадьба?

Вика. Подождем, пока вы поправитесь.

Алапаев. Не только красавица, но и умница! Как дела в газете?

Вика. Пришлось уволить полредакции.

Алапаев. Не круто?

Вика. Во-первых, бездельники нам не нужны, а во-вторых, времена трудные. Будем переходить на самокупаемость.

Алапаев. Огонь! Повезло тебе, сынок, в надежные руки попал. А ну — дыхни!

Вика. Мы работаем в этом направлении.

Алапаев. Благословляю вас, дети мои! Плодитесь и размножайтесь. Хочу внуков и побольше!

Целуются через маски. Молодые отходят, потом возвращается

Денис и тихо говорит.

Денис. Спасибо, папа! Не переживай! Мы их всех сделаем!

Последним к одру приближается Лютиков.

Лютиков. Ну как ты, кур-баши?

Алапаев. Как в дачном дерьме. Не заметно?

Лютиков. Держись!

Алапаев. На плаву? А что мне еще остается? Только бы выкарабкаться.

Лютиков. Везут тебе сердце.

Алапаев. Знаю. Что там вообще на воле-то происходит? Меня тут прямо, как больного Ленина, от всяких нехороших новостей отрезали.

Лютиков. Добра мало, кур-баши. У следственного комитета вопросы к тебе.

Алапаев. Просчитали-таки, откуда кахетинское?

Лютиков. Это полбеды. Стрелок заговорил!

Алапаев (*громко, так, что все обернулись*). Как? Ты же сказал, он знает, что пожизненный лучше, чем безжизненный...

Сцена из спектакля «В ожидании сердца» театра-студии В. Н.Шиловского

Лютиков. Тихо, кур-баши, здесь уже слушают.

Алапаев. Почему он заговорил?

Лютиков. Там у них, в «Черном лебеде», часовенку построили.

Алапаев. Ну да, я же денег и дал...

Лютиков. Батюшка у них новый появился, с подходцами...
Наш и начал каяться.

Алапаев (*после долгого молчания*). Вот как Он, значит, решил со мной разобраться!

Лютиков. Кто?

Алапаев. Догадайся с трех раз! Ну, что ж... Игорь, где — что и кому — сколько, ты помнишь?

Лютиков. Не сомневайся, кур-баши!

Алапаев. Да не зови ты меня этим дурацким прозвищем!

Лютиков. Не буду. Никогда!

Вбегают Иветта и Степаношвили.

В ожидании сердца, или Накануне бессмертия

Степаношвили. Олег Борисович, сердце доставили. Вы готовы? Алапаев. Готов... Погодите! Линор, иди ко мне! Быстро! Наклонись!

Она подходит, наклоняется, Алапаев срывает с нее маску и впивается долгим поцелуем.

Степаношвили. Вы с ума сошли! Инфекция! Увозите немедленно и промойте ротовую полость.

Санитары под руководством Иветты перекладывают Алапаева на каталку. Денис, Вика, Евсевия идут следом. Лютиков задерживает потрясенную Элеонору.

Лютиков. Линор, тебе там делать нечего.

Элеонора. Игорь Богданович, мы, кажется, всегда были на «вы»?

Лютиков. Привыкай на «ты»...

Санитары везут каталку.

Алапаев. Стойте!

Иветта. В чем дело? Дорога каждая секунда!

Алапаев. Гугуша Тарасович, надо поговорить!

Степаношвили. Потом, потом! Сердце не ждет.

Алапаев. Всего два слова!

Степаношвили. Успеем по пути...

Санитары увозят каталку за кулисы. Гаснет свет.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ (ЭПИЛОГ)

Затемненная сцена. Звук скрипки. Внезапно свет выхватывает юношу в концертном фраке. Он играет на скрипке что-то щемяще знакомое. Постепенно высвечиваются и слушатели: безутешная Евсевия, гордая Зоя Хренова. Иветта прижалась к Степаношвили, Денис стоит в обнимку с Викторией, Элеонору цепко держит под локоть Лютиков. Когда виртуоз заканчивает пьесу, все они бросают к его ногам цветы, как к подножию памятника.

Занавес

**АНГЕЛ ВЛИЯНИЯ,
или РЕАНИМАЦИЯ ЛЮБВИ**

Потусторонняя трагикомедия

Действующие лица:

Саша, 47 лет

Шура, 45 лет

Сашиэль, без возраста

Сцена представляет собой странное больничное пространство. По заднику с пронзительным писком бегут ломаные линии двух кардиограмм. Слышны голоса врачей реанимационной бригады.

Голоса. У нас двое крайних... Возьми их на мониторы... Без сознания, дыхание неэффективно... Готовь на интубацию... Ларингоскоп... Трубу-восьмерку... Подключай к аппарату, я настрою... На мониторе брадикардия... Давление не промеряет... ЧСС — 30, 20, 10... Остановка... Зрачки расширены... Фотореакции нет...

*Голоса замолкают. Кардиограммы превращаются в прямые линии. Тишина. На сцене возникает человек, одетый как санитар. Он выкатывает из-за кулис тележку, на которой лежит накрытое тело, по рельефам видно: это женщина. Из-под простыни выбилась прядь длинных волос. Санитар уходит и возвращается со второй каталкой. Под простыней мужчина. Свесилась волосатая рука. Санитар садится на табурет. Слышна музыка сфер. В руках у него, как по волшебству, появляются бутылка, два граненых стакана и длинный зеленый огурец.
Наливает себе.*

Сашиэль. Ну, не чокаясь... *(Выпивает и откусывает от огурца.)* Вот что бывает, когда мужчина и женщина выясняют отношения в мчащемся автомобиле! Была ячейка общества — и нет. А ведь интеллигентная пара. Оба с высшим

образованием. Он заведомо Департамента волатильности рубля Центрофина. Она директор лицея с культурологическим уклоном. Брачный стаж — 23 года, пять месяцев и девять дней. Немного до серебряной свадьбы не дотянули. *(Поет.)* «Серебряные свадьбы, негаснувший костер, серебряные свадьбы, серьезный разговор...» Могли б, как люди, дома поскандальить, за ужином, взбодриться, даже подрасться. Зато потом сладость взаимного прощения на ложе содроганий! Эх-хе-хе...

Встает, обходит каталки с телами, обращается в зал.

Сашиэль. А вот на скорости сто двадцать километров в час одно лишнее слово, одно глупое движение — и конец. Бетонный столб, как пруттик, хрусть — пополам. Никакие подушки безопасности не помогут. Тем более что они не сработали. *(В зал.)* Граждане, следите за технической исправностью ваших автомобилей! И умерли в один день, как Петр и Феврония... *(Смотрит часы.)* Ну, где же эти транзитники? Должны бы уже забрать... *(Вынимает мобильник.)* Алло, вы там скоро? Да, тороплюсь. Мне заступать... Жду!

Санитар еще раз выпивает, закусывает, встает, прохаживает-ся по сцене, смотрит на каталки, качает головой.

Сашиэль. Подвели вы меня, ребятки, очень подвели! Не ожидал я от вас...

Откинув простыню, он оценивающе разглядывает женщину — сначала в целом, потом долго вглядывается в ее лицо.

Сашиэль. Конечно, я не патологоанатом, но для сорока пяти лет хороша! Фигура еще вполне, хотя двое детей! Следила за собой, зарядку делала, в фитнес ходила, на массаж, диетой не пренебрегала. Женщина и должна относиться к своей плоти как реставратор к шедевру. Но главное у дамы все-таки не корпус, а лицо. В нем должна быть тайна, в которую мужчина не может проникнуть, даже если регулярно проникает в ее тело. Жаль, очень

Санитар закрывает женщину, оборачивается к мужчине, откидывает простыню, снисходительно озирает.

Сашиэль. Ну что вам сказать, типичный представитель. Любил пиво и ел на ночь. О животе вспоминал, когда делал в ремне новую дырочку или в первый раз за сезон раздевался на пляже. Бывший красавчик. Таких жены лелеют, как дорогое комнатное растение. Прижизненная мозговая деятельность на лице следов не оставила. *(Продолжая осмотр, переводит взгляд ниже.)* Первичный половой признак... Как бы помягче выразиться, — медиум. Ну, и чего тебе дома-то не хватало, дурачок?

Закрывает мужчину с головой простыней, потом, орудуя огурцом как указкой, обращается к залу, выйдя на авансцену.

Сашиэль. Окольцованные в зале есть? Вижу... У женатых глаза несвободные. Да, брак — это клетка, но ее размеры зависят от вас самих. В стабильном браке один — конвоир, а второй — беглец. Если два беглеца — развод. Два конвоира — семейный ГУЛАГ. В браке главное дотянуть до благословенного часа, когда важно: не кто кого переспорит, а кто кого переживет. Не дотянули... Эх!

Мужчина на каталке под простыней вздрагивает и шевелится. Но санитар стоит к нему спиной, обращаясь к залу и размахивая огурцом.

Сашиэль. Если кто-то из вас собрался разводиться, умоляю: отправляйтесь в суд пешком или на общественном транспорте и не спорьте в дороге, а тем более не деритесь! И вообще, если вы не договорились в супружеской постели, о чем можно договориться в суде? Только о разделе имущества. Суд — это крематорий брака! Хорошо сказал?

Мужчина рывком садится на каталке. Ощупывает себя, пытаясь что-то найти, с удивлением обнаруживает, что раздет, обвязывается, как в сауне, простынкой. Озирается, прислушивается к оратору, стоящему к нему спиной.

Сашиэль (*увлеченно*). Запомните, все смертные делятся на любящих, любимых, разлюбивших и разлюбленных, дальше все зависит от сочетания и последовательности, как при употреблении алкоголя. Потому-то и говорят: бракосочетание...

Саша (*стараясь привлечь к себе внимание*) Эй... Х-м... Э-э, здравствуйте!

Сашиэль (*не замечая*). Судьба брака зависит не от количества достоинств супругов, а от качества их недостатков. Да, семья — это взаимная неволя, но другого способа одомашнить половой инстинкт человечество не придумало. Верность в браке желательна, но не реальна. Измена — нежелательна, но желанна. Секс, если смотреть со стороны, нелеп и унизителен, но от него, помимо сомнительного удовольствия, бывают дети... А это уже серьезно!

Саша (*громче*). Эй... Здравствуйте...

Сашиэль (*машинально*). И вам не хворать... (*В зал.*) Фу, перебил! На чем я остановился?

Саша. На сексе.

Сашиэль. Спасибо! Секс — это роскошь телесного общения. Секс может обойтись без любви, а вот любовь без секса не может. Люди женятся, чтобы любовь была всегда под рукой, как йогурт в холодильнике, но тогда не надо жаловаться, что в браке острота чувств притупляется. Мальчики и девочки играют в прятки. Мужчины и женщины — в любовь, которую легче всего спрятать в супружеской постели...

Саша. Хорошо сказал!

Сашиэль. Да? (*Оборачивается.*) Ах, это ты? Чего встал-то? Полежи, отдохни. Скоро тебя заберут...

Саша. Не ложится... Вы не знаете, где мой телефон, бумажник? Там паспорт, права и карточка «Мир».

Сашиэль. Хм, бумажник... А где твоя жена, тебя не интересует?

Саша. Интересует, конечно. Где Шура? Мы ехали в суд...

480 Больше ничего не помню. А почему вы мне тыкаете?

Сашиэль. Здесь так принято. К детям и лицам без определенных занятий обращаются на «ты». Но если вас это задевает...

Саша. Я государственный служащий, а не лицо без определенных занятий.

Сашиэль. Ну, это примерно одно и то же.

Саша. И что значит, здесь так принято? (*Озирается.*) Где я?

Сашиэль. В Промежутке.

Саша. Где-е-е?

Сашиэль. Как бы вам попроще объяснить... Где вы были до того, как мама произвела вас на свет в роддоме имени Грауэрмана?

Саша. Понятия не имею. Стоп! Откуда вы знаете, что я... меня... у Грауэрмана?

Сашиэль. Так, для примера, сказал.

Саша. А вы-то, собственно, кто такой? Санитар?

Сашиэль. Я? Допустим, санитар, точнее, сопровождающее лицо... Не волнуйтесь, Александр Борисович, скоро вас отсюда заберут.

Саша. Откуда вы знаете, как меня зовут?

Сашиэль. В паспорте написано.

Саша. Куда заберут? Ничего не понимаю... Наверное, я ударился головой.

Сашиэль. Похоже, еще в детстве.

Саша встает с каталки, подходит к санитару, изучает нашивку на кармашке халата.

Саша (*читает по слогам*). Са-ши-эль... Это имя или фамилия?

Сашиэль. Имя.

Саша. Чудное какое-то имя...

Сашиэль (*обидчиво*). Да ну?! По-моему, Авангард Леонтьев гораздо чуднее...

Саша (*всматриваясь*). А мы с вами никогда прежде не встречались?

Сашиэль. Конечно, встречались. Постоянно. Много лет.

Саша. Значит, мы знакомы?

Сашиэль. Нет, мы не знакомы.

Саша. Но вы же сами сказали, что мы виделись!

Сашиэль. Я сказал: встречались...

Саша. А это не одно и то же?

Сашиэль. Две большие разницы, как говорят в Одессе. Встречаться со своей сотрудницей и видеться с ней — разве это одно и то же?

Саша. Вы говорите загадками. А при чем тут Рита? Вы на что намекаете?

Сашиэль. Я? Напекаю? Да о вашем бурном романе судачит весь департамент волатильности рубля.

Саша. Откуда вы знаете, что я служу в Центрофине?

Сашиэль. Все очень просто. С вами было служебное удостоверение и еще кое-что... в телефоне...

Саша. Кто вам позволил соваться в мой айфон? Это личное пространство!

Сашиэль. Надо же было выяснить, кому сообщить о случившемся. А ваше личное пространство, Александр Борисович, теперь метр на два.

Саша. Вы опять говорите загадками. Ничего не понимаю. Кто я? Где вы? То есть, наоборот, где я, кто вы? (*Потирает лоб.*) Простите, а как вас по отчеству?

Сашиэль. Без комментариев.

Саша. Почему? У вас нет отчества?

Сашиэль. Есть. Но вслух его произносить не принято.

Саша. Вы детдомовский?

Сашиэль. Да, в доме отца моего обитателей много. Добро пожаловать!

Саша. Ни черта не помню... Мы ехали с Шурой в суд, вдрызг разругались, жена хотела меня ударить, я отвлекся от дороги... И вот я, голый, на каталке. Без бумажника, без телефона, без платиновой карточки «Мир»...

Сашиэль. Эрго?

Сашиэль. Следовательно...

Саша. А-а! Понял! Наверное, после суда я напился, стукнулся головой и попал в вытрезвитель, их теперь снова открывают, как при «совке». И правильно! Надо знать меру! Пей, а дело разумеи! Самуэль, меня здесь долго продержат?

Сашиэль. Сашиэль. М-да, с логическим мышлением у вас не шибко, видно, образование подкачало.

Саша (*гордо*). Что? У меня два диплома — Высшая школа экономики и юрфак!

Сашиэль. Страна, где слишком много экономистов и юристов, обречена на бедность и беззаконие. Даже придурковатый доктор Ватсон уже догадался бы: машина, дорога, скорость, ссора... И вы голый на каталке.

Саша (*озаряясь догадкой*). Мы попали в аварию... То-то мне нехороший сон накануне снился и голос шептал: «Не садись за руль, не садись за руль!»

Сашиэль. Теплее, Александр Борисович, теплее!

Саша. Странно, но я здесь не чувствую ни тепла, ни холода...

Сашиэль. Эрго, Александр Борисович!

Саша. Можно просто — Саша.

Сашиэль. В сорок семь лет — Саша? Ну-ну...

Саша. Значит, я в больнице? Рита знает?

Сашиэль. Нет еще.

Саша. А Шура?

Сашиэль (*глянув на вторую каталку*). Нет уже.

Саша. Вы снова говорите загадками.

Сашиэль (*в сторону*). Для идиота вся жизнь — загадка.

Саша. Ужас! Я пострадал. А где же врачи? Почему они не борются за мою жизнь? Что у нас за медицина, в конце-то концов! За что я плачу налоги?

Сашиэль. Налоги — это безвозмездная жертва на алтарь государства. Глупые предки резали барашка, чтобы боги смилостивились и подсобили, а теперь вы платите налоги. Результат одинаковый и тогда, и сейчас: ноль без палочки.

Саша. Вы тоже так в детстве говорили — ноль без палочки?

Сашиэль. У меня не было детства. Реаниматоры до конца боролись за вашу жизнь. Может, все-таки спросите, что с женой?

Саша. Да, конечно, что с Шурой?

Сашиэль. Она была с вами рядом и в радости, и в горе, и в смерти...

Саша. Она умерла? Какой ужас!

Сашиэль. Ну еще одно героическое усилие мысли!

Саша. Значит, и я тоже умер? Нас больше нет... Как странно...

Сашиэль. После клинической смерти вы стали гораздо лучше соображать.

Саша. Значит, я в морге? Рита знает?

Сашиэль. Рита еще ничего не знает.

Саша. Почему?

Сашиэль. Она занята.

Саша. Чем?

Сашиэль. Правильнее спросить: кем. А в морг вас отвезут, не волнуйтесь, подморозят, подретушируют, оденут, положат в гроб, соответствующий по цене-качеству вашим доходам, а потом заруют или сожгут. Это как родственники решат. Завещания-то вы не оставили, юрист?

Саша. Нет, я же не собирался...

Сашиэль. Ну, конечно! Вы собирались начать новую жизнь с Ритой.

Саша. Минуточку! Но если меня нет, почему я чувствую и мыслю?

Сашиэль. Мыслите? Ну, это громко сказано. Вы просто пока еще ощущаете и совершаете простейшие умственные операции.

Саша. Михаэль, а вы кто на самом деле? Вы не санитар... о нет...

Сашиэль (*достает бутылку*). Я — Сашиэль. Выпьем на дорожку?

Саша. Здесь разве можно?

Сашиэль (*наполняет стаканы*). Здесь еще можно. А там (*Машет рукой вдаль*.) этого просто не будет. Ну, за все хорошее!

Саша. Может, заодно и на брудершафт?

Сашиэль. Без проблем.

Санитар отламывает от огурца, протягивает Саше. Они чокаются и выпивают, сплетясь руками. Морщатся. Сопят. Светлеют.

Саша (*отдышавшись*). Что это?

Сашиэль. Алкоголь.

Саша. Это я понял. Конкретнее: самогон, водка, коньяк, кальвадос, виски, арак, абсент, граппа, джин, ракия, текила, ром, sake? Не разобрал... У меня после ковида что-то со вкусовыми рецепторами.

Сашиэль. Ого, какие познания! Жизнь прошла не даром. А ковид тут ни при чем. Это квинтэссенция алкоголя. Отныне, Санек, ты будешь иметь дело с идеями, а не с их жалкими материальными воплощениями.

Саша. Не понял... Что я все-таки выпил?

Сашиэль. Медицинский спирт. Так понятнее?

Саша. Ах, ну конечно! У меня есть друзья-медики Сергеевы, они на чем только не настаивают спирт. Кстати, боярышник повышает потенцию...

Сашиэль. Потенция тебе, парень, больше не понадобится. Не надо будет жрать виагру, как ты делал это, чтобы раскошегарить свою Ритулю, а ее завести потрудней, чем кремлевские куранты.

Саша. Стоп! А это ты откуда знаешь?

Сашиэль. Смешной вопрос! (*В зал.*) Кто на пятом десятке не трескает разную дрянь, чтобы погарцевать перед юной дурой, а ради родной жены лишней раз душ перед сном не примет! Но вернемся к выпитому. Если тебя, Санек, поселят наверху, в чем я сомневаюсь, ты сможешь усилием воли вызывать алкогольное блаженство, беспохмельное, прошу отметить!

Саша. Как это?

Сашиэль. Вот так...

Санитар напрягает лицо, тужится, а потом блаженно расслабляется. Саша пытается повторить, но у него ничего не получается, один конфуз.

Сашиэль. Не тужься! Ты пока еще в Промежутке. А вот если тебя отправят вниз... Но не будем о грустном.

Саша. Нет уж, Ариэль, говори все как есть! Меня ждут муки?

Сашиэль. Сашиэль! Неужели трудно запомнить с двумя образованиями?! Муки? Помнишь, ты нажрался на новоселье у Марьюшкина, приставал спьяну к его теще, а утром искал пиво не в холодильнике, а в микроволновке?

Саша. Откуда ты и это знаешь?

Сашиэль. Сам же потом на работе всем рассказывал.

Саша. Ужас! Я отравился плохой водкой. Мне жить не хотелось...

Сашиэль. Согласен, с перепоя жизнь кажется летальным симптомом. Но не надо клеветать на чистый, как слеза, продукт. Просто количество водки никогда не переходит в качество. Пора бы усвоить! А теперь вообрази, что жесточайшее похмелье отныне и навсегда станет твоим единственным и ежесекундным состоянием. Солнце погаснет, Земля сойдет с орбиты, черные дыры засосут галактики, а ты все еще будешь страдать от жуткой головной боли, трястись в лихоманке и мучиться угрызениями совести.

Саша. Но это же бесчеловечно!

Сашиэль. Согласен. Однако за грехи надо расплачиваться.

Саша. Какие еще грехи? Не смехи! И вообще я атеист.

Сашиэль. Ты только это там, на распределительной комиссии, смотри не ляпни! Сразу на нижний уровень спихнут.

Саша. Где — там? Что еще за комиссия?

Сашиэль. Скоро узнаешь.

Саша. А что надо там им говорить?

Сашиэль. Ну, скажи, что сожалеешь о содеянном, что всю свою недостойную жизнь мучительно воцерковлялся. Все вали на советское детство. Мол, ты жертва воинствующего атеизма... Понял?

Саша. Понял. Я еще добавлю, что на хорошем счету в департаменте, а по итогам года получаю бонусы.

Сашиэль. Спятил? Хочешь, чтобы, кроме блуда, тебе еще гордыню с жадностью припаяли? Сколько сегодня евро стоит? То-то и оно! Тебя еще в грабеже трудового населения обвинят. Лучше помалкивай.

Саша. Стоп! А кто конкретно решает, куда направить — вверх или вниз? У тебя есть на него выходы? Может, договоримся, а, Эммануэль?

Сашиэль. Еще раз перепутаешь мое имя, я лично без всякого ордера отволоку тебя в котельную! Понял?

Саша. Понял, понял, Сашиэль!

Сашиэль. То-то! А решать будешь ты сам. Комиссия следит лишь за тем, чтобы ты был честен сам с собой.

Саша. Я?

Сашиэль. Да, ты. В этом вся фишка! У тебя будет достаточно времени, чтобы вспомнить и оценить всю свою жизнь в мельчайших подробностях, начиная с того момента, когда ты, насосавшись до икоты, из чистого озорства кусал беззубыми деснами материнскую грудь.

Саша. Я этого как-то не помню, а мама не говорила...

Сашиэль. Вспомнишь! Вспомнишь и про юбилейный рубль с профилем Ильича, который спер из ридикюля своей бабушки Анны Федотовны, чтобы нажраться лимонада и мороженого.

Саша. На рубль тогда можно было купить четыре пломбира в вафельном стаканчике с кремовой розочкой и выпить три стакана газировки с сиропом!

Сашиэль. Вот видишь, кое-какие подробности всплывают. То ли еще будет!

Саша. Откуда ты знаешь про юбилейный рубль?

Сашиэль. Все воруют деньги у бабушек.

Саша. И ты тоже?

Сашиэль (*с огорчением*). У меня не было ни дедушки, ни бабушки, а у Отца моего разговор короткий: фрукт без

спросу слопал — на выход из курортно-санаторной зоны без порток с вещами...

Саша. Сурово! Наш бывший министр три ярда спер — а ему год условно дали.

Сашиэль. Не бойся, за это с него в свой час спросится. О пожизненном сроке, как о путевке на Кисловодск, мечтать будет! Олигарха Арановича помнишь?

Саша. Это который в Куршавеле с эскортницами перетрудился?

Сашиэль. Заешь, как наказали? По рублю пересчитывает деньги, украденные у народа, и каждый раз сбивается на середине и начинает сначала. И так во веки веков. Ты в сравнении с ним ягненок, но за блуд ответишь. Смертный грех как-никак, хотя я считаю: прелюбодеяние пора перевести в разряд поступков, достойных сожаления. Но кто нас, рядовых заботников, спрашивает!

Саша. Так ты не санитар... Волонтер, что ли?

Сашиэль. Здесь говорят по-русски. Нет, я не доброволец. Я вестник участи.

Саша (*опасливо*). Патологоанатом?

Сашиэль. Свят, свят! Лучше скажи мне, как преставившийся приставленному, стоила эта твоя Рита того, что случилось? Только честно!

Саша. Отсюда можно позвонить?

Сашиэль. Рите?

Саша. Ну, конечно! Она волнуется, она упрашивала меня не ездить в суд. Как чувствовала, бедная! Мы собирались вечером поужинать в «Обжорном ряду». Рита хотела сказать мне что-то важное. Отличный ресторан. Рекомендую!

Сашиэль. Мы питаемся святым духом, в крайнем случае акридами. Попробуй, но связь тут такая же ненадежная, как и твоя с Ритулей...

Саша. На что ты намекаешь?

Сашиэль (*протягивает мобильник*). Звони, звони, влюбленный пингвин!

Саша нервно набирает номер, жадно слушает, повторяет попытку...

Сашиэль. Что говорят? «Абонент не доступен?»

Саша. Нет. «Оставь надежду всяк сюда входящий!»

Сашиэль. Шутники! *(Забирает телефон.)* Однако вернемся к Рите. Объясни ты мне, Санек, откуда у женатого человека эта нездоровая тяга к неизведанным дамским угождам? У тебя жена — директор лица, умница, следит за собой, отнюдь не холодна, как сказал поэт, «на ложе содроганий» даже затейлива. Вот помню...

Саша *(ревниво)*. Что ты помнишь?

Сашиэль. Вот помню, Александр Сергеевич страдал от холодности Натальи Николаевны: «И делишь под конец мой пламень поневоле!» Ключевое слово — «поневоле». А твоя жена не из таковых...

Саша. Ты-то откуда знаешь?

Сашиэль. Не надо спьяну перед друзьями хвастаться. Я, Санек, понимаю: супружеский секс со временем превращается в возвратно-поступательную рутину. Хитросплетения со свежей подругой окрыляют. Это как грузинское застолье по сравнению с диабетической диетой. Хорошо сказал?

Саша. Сильно!

Сашиэль. Но зачем семью-то ломать! Освежайся время от времени. Но я за традиционные ценности и моногамный брак! Распад семьи, как расщепление атома. Это тебе не дурная инфекция, которую ты привез из командировки и втихаря лечил у знакомого уролога, жалуясь жене на обострение простатита...

Саша. Т-с! Не так громко... *(Указывает на каталку.)*

Сашиэль. Она ничего не слышит. Да и какая теперь разница, смерть все обнуляет. Но ты уходишь от ответа: стоила того твоя Рита?

Саша. Это было сильней меня!

Сашиэль. Так все говорят. Ах, это было как удар молнии! Ах, любовь накрыла меня, как цунами! Ах, такие

девушки встречаются раз в жизни! «Быть может, и на мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной!»

Саша. Лермонтов?

Сашиэль. Разбираешься! Не зря двадцать три года со словесницей прожил. Это Пушкин. Колись, жертва гормональной агонии, почто семью порушил?

Саша. Т-с! (*Показывает на каталку.*) Мне кажется, она пошевелилась...

Сашиэль. Раньше надо было осторожничать. При жизни. Твоя жена была не из тех, кто выслеживает мужа, как Моссад арабских террористов. Если бы не полная потеря бдительности с твоей стороны, ты бы еще долго мог освежать свое слежавшееся либидо, отрывая деньги от семейного бюджета...

Саша. Ты не понимаешь, я потерял голову! Я влюбился! Я родился заново! Просыпаешься, и тебе плевать на все, ты счастлив только оттого, что сегодня увидишься с ней, услышишь ее голос, прикоснешься к ее руке....

Сашиэль. Обожаю эротические триллеры! Надо еще выпить...

Саша. Необходимо. Наливай!

Выпивают. Передергиваются. Закусывают, отгрызая куски от огурца.

Саша. Нектар!

Сашиэль. Скорее, амброзия! Колись, мой волатильный друг! Ничто так не бодрит, как любовные истории и охотничьи рассказы...

Саша (*мечтательно*) Знаешь, когда она впервые появилась в нашем отделе, у меня просто перехватило дыхание и закружилась голова... Я спрашиваю: «Кто это?» Новый референт. И все поплыло... Со мной никогда такого не было.

Сашиэль. Так уж и никогда?

Саша. Никогда!

Сашиэль. А если подумать?

Саша (*подумав*). Да, было... когда я впервые увидел

490 Шуру. Она вошла в вагон на станции «Новослободская»,

и меня накрыло. Сразу. Ты не представляешь, какой она была двадцать четыре года назад!

Сашиэль. Очень даже хорошо представляю.

Саша. Откуда?

Сашиэль. Она же еще паспорт не меняла, хотя уже пора.

Саша (*вздыхнув*). Сказала, что поменяет после развода, чтобы ни штампа, ни пометки от меня в ее жизни не осталось.

Сашиэль. Довел женщину! Значит, ты с ней в метро познакомился? Мол, сам я не местный, заблудился, обокрали, ищу Третьяковскую галерею...

Саша. Не знаю, как ты, а я никогда не умел знакомиться с девушками в транспорте. На меня ступор находит. Кстати, на ту линию меня занесло случайно, но я проехал с ней до «Дмитровской», проследил, как она села в троллейбус, а все-таки заговорить не решился... Как это было давно!

Сашиэль. В любви, Санек, «давно» и «недавно» — то же самое, что «верх» и «низ» в невесомости. Ладно, а что было потом? Увидел ее и...

Саша. Потом я изо дня в день караулил ее на станции «Дмитровская», но она не появлялась... Шура тоже ведь оказалась там случайно, ехала в школу на собеседование, но ее не взяли: молодая, сразу после пединститута...

Сашиэль. Я тебя, полигамный мечтатель, о Рите спрашиваю!

Саша. А-а ну да... Я сразу в нее влюбился, но вида не подал. Чем меньше женщину, тем больше...

Сашиэль. Неужели?

Саша. Представь себе! Навел справки у Голиковой, та все знает: 22 года, перевелась к нам из отдела стабильности юаня, где у нее что-то не сложилось.

Сашиэль. С кем?

Саша. Без понятия. Пару раз к ней приходил какой-то очкарик, уговаривал вернуться, но она наотрез отказалась, наверное, уже втюрилась в меня.

Сашиэль. Однозначно! Мимо тебя, Санек, ни одна женщина не пройдет, как мимо последней распродажи перед ликвидацией.

Саша. В общем, я терпел, выжидал, был вежлив, но сдержан, а юбки на ней становились все короче день ото дня, вырезы у кофточек все рискованнее...

Сашиэль. Может быть, дело шло к лету?

Саша. Наоборот, к осени!

Сашиэль. Тогда это — симптом. Ключнула, надо подсекать!

Саша. Я тоже так решил, но внешне вел себя невозмутимо, ждал удобного момента, хотя внутри меня клокотал вулкан...

Сашиэль. В кругу семьи извергаться не пробовал?

Саша. Пробовал, не помогло, но Шура была приятно удивлена. *(Кивает на каталку.)* Она точно ничего не слышит?

Сашиэль. Слышит. Музыка сфер. Успокойся и продолжай дозволенные речи.

Саша. Сам не знаю, почему, мы постоянно сталкивались в коридоре, оказывались за общим столом на ланче, одновременно выходили покурить...

Сашиэль. А разве в Москве еще курят?

Саша. Конечно, в специально отведенных местах.

Сашиэль. Странно! Но там *(Неопределенно машет рукой.)* этого не будет, учти! *(Достаёт пачку сигарет.)* Лови момент, бедолага!

Саша. Спасибо. *(Разглядывает сигарету.)* А ты что куришь?

Сашиэль. Никотин.

Курят молча и не видят, как Шура снова пошевелилась.

Сашиэль. И Рита, конечно, о твоих чувствах не догадывалась?

Саша. Ни-ни...

Сашиэль. Потрясающе, до сорока семи лет сохранить наивность эмбриона! Легче сберечь невинность на рок-фестивале. Санек, запомни: женщины чувствуют мужской интерес, как таможенный сеттер кокаин! Ты случайно не помнишь, кто первый предложил выпить кофе после работы?

Сашиэль. А кто захотел посмотреть новый фильм Сокурова?

Саша. Она.

Сашиэль. Умненькая девчонка, знала же, что в зале будет темно и пусто, как в холодильнике у алкоголика. Надеюсь, целоваться не она к тебе полезла?

Саша. Обижаешь! Я не верил своему счастью! Раньше я жил, как все, от уик-энда до уик-энда, от отпуска до отпуска... А тут у меня появилась цель!

Сашиэль. Ну да, половая цель. Понимаю!

Саша. Ничего ты не понимаешь! Мне иногда казалось, что у Риты вообще нет наготы, что она ангел. Я боялся обидеть ее своей настойчивостью...

Сашиэль. Санек, обидеть женщину можно только нетвердостью намерений. Чудак, она была готова на все после первого корпоратива.

Саша. Не знаю... Не знаю... Она смотрела на меня такими глазами....

Сашиэль. Глаза женщины обещают все, тело дает, что умеет, а душа, что имеет. Хорошо сказал?

Саша. Отлично! А потом мы поссорились. Точнее, я перестал с ней общаться.

Сашиэль. Вот новости! Из-за чего?

Саша. Я увидел ее с тем очкариком из отдела стабильности юаня.

Сашиэль. Ну и что такого? Нельзя с бывшим сотрудником общаться?

Саша. С коллегами так не обнимаются. Я чуть не спятил, замкнулся и страдал. Она недоумевала, пыталась объясниться. Но я был холоден, как смузи.

Сашиэль. Да уж, набрать телефон и молчать, как сломанный автоответчик, — это круто! Выпьем за мужскую непоколебимость! *(Наполняет стаканы.)*

Саша. Странно, мы разливаем по третьей, а там не убывает.

Сашиэль. Нанотехнологии. *(Выпивают.)* Ну и?

Саша. А потом был большой корпоратив...

Сашиэль. Вы в Центрофине еще чем-то, кроме корпоративов и уик-эндгов, занимаетесь? Или труд теперь — это оплачиваемое воздержание от отдыха?

Саша. Слушай, хорошо сказал!

Сашиэль. А то! Что же стряслось на корпоративе? Там случайно не было того очкарика?

Саша. Был с какой-то длинноногой лахудрой. Он еще со всеми чокался и прощался, его в пекинский филиал командировали. Слава Богу, надолго. Я тоже выпил. Объявили белый танец. Глазам не верю: Рита идет ко мне через весь зал, приглашает и так прижимается, точно просит защиты. Ну я, сам понимаешь... Мы сбежали и поехали к ней — родители были на даче.

Сашиэль. А про этого очкарика она тебе что-нибудь сказала?

Саша. Да. Это ее бывший парень. Редкий мерзавец и негодяй.

Сашиэль. Все бывшие — негодяи и мерзавцы, во всяком случае первое время после расставания. Думаю, если бы твоя жена сейчас очнулась, она сказала бы о тебе примерно то же самое...

Саша. Да, пожалуй... Я перед ней сильно виноват.

Сашиэль. Самокритика — первый шаг к раскаянью! Кстати, ты не дорассказал, где все-таки разыскал тогда свою неуловимую Шурочку?

Саша. Ах, да... Случайно встретил ее на Ленинском проспекте, рядом с моим домом. Она устроилась работать в лицей поблизости. И я понял: это судьба! Если бы ты знал, сколько я ее добивался, какие букеты дарил! Настоящая недотрога! Когда она... мы... в первый раз... Я чуть не умер от счастья!

Сашиэль. Небось, клялся, что полюбил навек, что будешь с ней всю жизнь!

Саша. Точно! Откуда ты знаешь?

Сашиэль. От верблюда. Клятва — это пролог к измене. Ну и кто ты теперь?

Сашиэль. Ответ верный. Но вернемся к Рите. Ты нашел, во что не верил?

Саша. Не понял...

Сашиэль. Ритину наготу.

Саша. О! Знаешь, друг, раздевающаяся женщина похожа на распускающийся цветок. Я чуть не умер от счастья!

Сашиэль. Станный ты парень, Санек, у тебя было две верные возможности помереть от счастья, а ты дождался банального ДТП с летальным исходом. Кстати, бывают хищные цветы вроде росянок. Сунулся, хватать — и конец!

Саша. Нет, Рита не такая... Она никогда не требовала, чтобы я бросил Шуру, развелся, но когда мне надо было уходить, она так тяжело вздыхала, что мое сердце обливалось кровью...

Сашиэль. Бедняжка! Женщина, остающаяся одна в постели, похожа на недоеденный деликатес.

Саша. ...Когда у жены расшатались нервы и она уехала в Ессентуки, я оставался на ночь у Риты, если ее родители были на даче, и понял, какое это счастье просыпаться рядом с любимой женщиной!

Сашиэль. Некоторые принимают желаемое за любимое.

Саша. Ты опять говоришь загадками! Это продолжалось почти год... Шура ни о чем не догадывалась. Да ей вообще было не до меня. Знаешь, когда живешь в одной квартире с директором лица и она разговаривает с тобой как с отстающим, это невыносимо! А Рита меня понимала и ценила.

Сашиэль. Она говорила тебе, что ты самый-самый?

Саша. Постоянно.

Сашиэль. Лесть — самая стабильная в мире валюта. Дальше!

Саша. А дальше начались проблемы... Рита купила горящую путевку, взяла за свой счет и улетела в Китай — хотела посмотреть террактотную армию. Чего интересного? Вот если бы раскопали террактотный гарем! А Шура уехала на семинар в Тверь. Меня услали в Мексику изучать волатильность песо...

Сашиэль. Люди спятили: мечутся по планете. Скоро на плитах рядом с датами рождения и смерти будут писать, кто сколько миль налетал за свою жизнь.

Саша. Рита, вернувшись в Москву, загрустила, несколько раз отменяла наши свидания, потом пошла в салон «Венерин бугорок» и вернулась с интимной стрижкой в виде иероглифа...

Сашиэль. Да ты что! Фантазийная девушка. И какой же иероглиф?

Саша. Где мой телефон? Я бы тебе показал. Когда она уснула, я щелкнул...

Сашиэль. Чтобы в минуты брачной неволи бодрить усталый инь?

Саша. Почему ты все опошляешь? Просто мы стали реже встречаться. А Шурка, наоборот, как с цепи сорвалась, начала даже принимать ко мне, когда я возвращался домой. Слава Богу, обе на Диоре помешаны — не учуешь. И потом Рита сказала, что у нее... В общем, кажется, она залетела...

Простыня на каталке начинает шевелиться.

Сашиэль. До Китая или после?

Саша. Какая разница?

Сашиэль. С точки зрения вечности — никакой.

Саша. Я понял, надо принимать какое-то решение... Несколько раз давал себе слово вечером объясниться с женой, но в последний момент трусил. И вдруг все решилось само собой... Случайно...

Сашиэль. Случайность — это непонятая закономерность.

Саша. Мы с Шурой вспоминали серебряную свадьбу Марьюшкиных...

Сашиэль. Твоих однокурсников?

Саша (*удивленно*). Ну да... Они на пятом курсе поженились. И Шура сказала, что Эдик зря повязал галстук цвета взбесившегося хамелеона. Я возразил, что он был в бабочке. Жена завелась (*Она стала в последнее время жутко нервной.*) и заявила, мол, мне

496 с пьяных глаз все одно: что однокурсник, что официант.

Я вспыхнул, вынул айфон и стал ей показывать снимки того вечера... Вдруг ни с того ни с сего, как из засады, выскочила Риткина стрижка... Во весь экран. Представляешь? Где мой мобильник? Я бы тебе показал...

Сашиэль. Балда, зачем же хранить в айфоне такие опасные картинки?

Шура садится на каталке, замечает, что обнажена, обвязывается простыней, как в бане, но на дамский манер, удивленно озирается, потом прислушивается к разговору мужчин.

Саша. Я запаролит! Богом клянусь!

Сашиэль. Не поминай Господа всуе, греховодник!

Саша. Значит, бес попутал!

Сашиэль. У беса есть дела поважней. Все гораздо проще, Санек, ваше поколение никогда не научится правильно нажимать кнопки. Воображаю, что тут началось! Жаль, не довелось лично присутствовать, завис у смежников...

Саша. Да уж, лучше не вспоминать, что мне пришлось выслушать...

Шура (*спускается с каталки на пол, стоит, пошатываясь*). Где я? Что со мной! Мы ехали в суд... Ссорились... Я хотела сделать что-то очень важное... Что? Забыла...

Санитар и Саша оборачиваются и удивленно смотрят на нее.

Сашиэль. Вспоминай, что она хотела сделать перед смертью? Скандал нам тут не нужен. Я и так все инструкции с вами нарушил.

Саша. Понятия не имею. Может, собиралась попросить прощения за то, что мне наговорила накануне?

Сашиэль. Не похоже.

Шура (*воодушевляясь*). Ага, вспомнила, я вспомнила... Это очень важно!

Она решительно направляется к мужу и с размаху бьет его по лицу.

Шура. Подлец и мерзавец! (*Сашиэлю.*) Извините! Но я должна была сделать это. Теперь мне стало легче...

Сашиэль. Понимаю и восхищаюсь вашей сдержанностью. Другая бы за такой иероглиф кастрировала.

Саша (*держась за щеку*). Ну ты сказал, а еще друг называется...

Шура. Всем уже успел растрезвонить, трепло? Ни стыда, ни совести! Да что я, в самом деле, психую? Теперь все в прошлом, жизнь продолжается...

Сашиэль. Вы уверены?

Шура. Конечно! Где я? В больнице? Мы, кажется, врезались в столб из-за этого идиота... Вы медбрат?

Сашиэль. Все люди — братья и сестры. Но об этом, Александра Павловна, мы поговорим во втором акте нашей трагикомедии.

Шура. Откуда вы знаете, как меня зовут? Где я? Объясните немедленно!

Сашиэль. Во втором акте!

ВТОРОЙ АКТ

На сцене все так же, как в первом акте. Стоят пустые каталки. Саша трет щеку. Шура удивленно озирается. Сашиэль говорит по телефону.

Сашиэль (*кричит*). Сколько вас можно ждать? Когда транзитников заберете? Хотите неприятностей? Я вам их устрою, если опоздаю к подзаботникам!

Шура. Мы транзитники?

Сашиэль. Еще нет.

Шура. Значит, мы подзаботники?

Сашиэль. Уже нет...

Шура. Вы говорите загадками.

Сашиэль. Ваш муж так же считает, трогательное единодушие.

Шура. Бывший муж.

Сашиэль. Незабвенная Александра Павловна, учтите: **498** бывший муж, он вроде бывшего чекиста. Вы меня поняли?

К тому же там, где вы сейчас находитесь, «был», «есть» и «будет» — это одно и то же слово.

Шура. А где я нахожусь?

Сашиэль. В Промежутке.

Шура. Так называлась знаменитая статья Юрия Тынянова о поэзии.

Сашиэль. Вот что значит филолог по призванию! (*Завывая, как поэт*):

Чуть ночь, мой демон тут как тут,
За прошлое моя расплата.
Придут и сердце мне сосут
Воспоминания разврата...

Шура (*с подозрением*). Вы тоже любите Пастернака?

Сашиэль. Пастернака обожаете вы, Александра Павловна. А я просто люблю заглядывать через плечо, если кто-то читает интересную книжку. Но позвольте вопрос из области низкой прозы: почему вы решили развестись из-за глупого иероглифа, хотя хороший удар сковородкой мог вернуть мужа в лоно семьи?

Шура (*мужу с презрением*). Успел! Каждому встречному доложил, трепло!

Сашиэль. О, я не каждый!

Саша. Он и так про нас все знает. Не пойму откуда...

Шура. Заткнись! (*Сашиэлю*.) Почему? Потому что все закончилось. Брак не мороженная котлета, которую можно снова разогреть в микроволновке.

Сашиэль. Ах, как сказано! Тогда еще вопрос: почему вы сейчас его ударили?

Шура (*озирается*). Чтобы в следующий раз смотрел на дорогу, когда ведет машину. Но, кажется, следующего раза не будет. Вы говорите, здесь глагол «быть» по временам не изменяется? Похоже, я умерла... Надеюсь, он тоже?

Сашиэль. Да, тут вы проявили синхронность, давно утраченную в браке.

Шура. И про это растрепал, балабол! Ясно. Детям сообщили?

Сашиэль. Конечно! Но не совсем... Пока сказали, что врачи борются за вашу жизнь, но состояние критическое. К такому известию ближних надо готовить...

Шура. Правильно. Даша на четвертом месяце. Стресс ей может повредить.

Саша. Даша беременна? А я думал, она просто поправилась. От кого?

Шура. От мужчины, надеюсь. Обещала познакомить с ним... завтра.

Саша. А почему я ничего об этом не знаю?

Шура. Наверное, потому, что больше интересуешься стрижекми посторонних лобков, чем жизнью дочери. *(Озирается.)* Мы на том свете, да? Значит, завтра не будет... Я бы выпила... *(Без сил опускается на стул.)*

Сашиэль *(наливает ей из бутылки)*. Насколько же дамыобразительнее! У мужиков вся кровь приливает к другому месту, на снабжение мозга не хватает. Но, Александра Павловна, как я уже сказал, вы пока еще в Промежутке.

Шура. А чем Промежуток отличается от того света?

Сашиэль. Тем же, чем первый поцелуй от первого секса. Помните?

Шура. Хм... Ого, крымский брют. Мой любимый! Как вы узнали? Чудеса!

Сашиэль. Чудеса еще впереди.

Шура. Сомневаюсь... Но кто вы? *(Встает со стаканом в руке, подходит и читает нашивку на халате.)* Саши-эль... Что-то знакомое... Кажется, одного из ангелов звали именно так — Са-ши-эль.

Сашиэль. Восхищен вашей эрудицией! Женщин, с которыми хочется болтать до, — миллионы, а вот тех, с кем есть о чем поговорить после, — единицы!

Шура. Спасибо, Сашиэль, лесья всегда приятна, даже за гробом.

500 Я читаю в старших классах обзорный курс мировых религий, но о Промежутке слышу впервые. И куда же нас потом?

Сашиэль. Кого куда — по грехам. О вас я почти не беспокоюсь (*понижив голос*), если бы не последний эпизод... Но, уверен, на конфликтной комиссии его квалифицируют как слишком эмоциональную реакцию на неверность мужа.

Шура (*тихо*). Откуда вы это знаете? Шпионили?

Сашиэль. Господь с вами!

Шура. Это не ответ.

Сашиэль. Хорошо. Откуда вы знаете статью Тынянова «Промежуток»?

Шура. Помилуйте, я учитель-словесник и обязана это знать.

Сашиэль. А я заботник — и обязан знать все про вас.

Шура. Заботник? Это, наверное, что-то вроде «трудника» в монастыре. (*Кивает на прислушивающегося Сашу.*) Ему не говорили?

Сашиэль. Ну что вы! У нас женские тайны приравнены к государственным.

Саша. О чем вы там шепчетесь? Где больше двух, там говорят вслух!

Сашиэль. О смысле жизни.

Саша. Ну и в чем же он?

Сашиэль. Чтобы после смерти оказаться как можно ближе к первому лицу.

Шура. Надеюсь, нас поместят с ним в разных местах.

Сашиэль. Даже не сомневайтесь!

Шура. Слава Богу, только бы не видеть больше эти вечно врущие глаза!

Саша (*обиженно*). Ты не захочешь даже посмотреть, как меня будут жарить в оливковом масле, переворачивая вилами, вроде сардельки?

Шура. А вот на это я бы поглядела с удовольствием!

Сашиэль. Дорогие мои подзаботники, не надо демонизировать загробную жизнь. Котлы с кипящей смолой придуманы в седой древности, чтобы припугнуть темные массы. На том свете страдания скорее ментальные. Я уже пытался

объяснить это Саше. *(Звонит мобильный.)* Извините... Вы где? Спятили! Ладно, ждем. У нас в запасе вечность...

Шура. Что-то случилось?

Сашиэль. Вспышки на солнце. Количество внезапных смертей и суицидов подскочило вдвое, аварии на дорогах — втрое. Транзитных бригад не хватает. Ну ничего страшного, нам есть о чем потолковать, что вспомнить... Любовь, как и жизнь, на 90 процентов состоит из воспоминаний...

Шура. Это верно, и в благодарность за несколько приятных воспоминаний можно годами жить с человеком, не достойным даже твоего взгляда...

Саша. Это почему же?

Шура. Ты когда в последний раз делал зарядку и открывал Чехова?

Саша. Зачем же за таких ничтожных людишек замуж выскакивать?

Шура. Из жалости...

Саша. К кому — к себе? Я что ли залетел тогда?

Шура. Да пошел ты...

Сашиэль. Не ссорьтесь! Первого ребенка заводят по неосторожности. Второго для укрепления брака. Третьего, потому что скоро климакс. Зато у вас есть Толик, выпускник МИФИ! Благодаря ему вы молодые бабушка и дедушка. А как вас любит внучка Василиса! Давайте смотреть в будущее с надеждой!

Шура. Какое будущее после смерти? Вы шутите, Сашиэль!

Сашиэль. Во-первых, вы еще не умерли, вы пока в Промежутке. Во-вторых, супругам, распределенным в разные места, разрешено иногда встречаться.

Шура. Зачем?

Сашиэль. Как зачем? Поговорить, выяснить отношения, повиниться...

Шура. Мне не о чем разговаривать с чужим человеком!

Сашиэль. С чужим? Вы сколько пробыли замужем?

Сашиэль. Двадцать три года, пять месяцев и девять дней.

Шура (*удивленно*). Откуда вы знаете?

Сашиэль. Вы же в суд ехали. С вами было свидетельство о браке. Оно цело.

Саша. В отличие от нас.

Сашиэль. Итак, следите за полетом мысли! Человек в среднем пребывает в постели восемь часов в сутки. В году 365 дней. 23 года с хвостиком. Перемножаем. Получается 67 160 часов. Или 2798 дней, а это — 395 недель, 92 месяца, или 7,58356164 лет. Округляем, выходит семь с половиной лет.

Саша. Как это ты так считаешь в уме? Я окончил Вышку и юр-фак, а так не могу.

Сашиэль. Судя по тому, что происходит в стране с рублем, вы там у себя в департаменте волатильности не умеете считать даже на калькуляторе. (*Шуре.*) Александра Павловна, неужели вам не о чем поговорить с мужчиной, от которого вы родили двух детей и с которым провели в постели семь с лишком лет? Это же срок за убийство без отягчающих!

Шура. Нет. Я все забыла. Вычеркнула. Стерла.

Сашиэль. Как можно стереть почти четверть века замужества! 67 тысяч часов в одной постели! Иногда попутчика, с которым ехал в купе на семинар по методике преподавания в Екатеринбург, вспоминаешь потом всю жизнь...

Саша (*мечтательно*). Да в дороге бывает всякое...

Шура (*берет Сашиэля под руку и отводит в сторону*). Откуда вы знаете и это? Кто вы все-таки? Ведь ничего же не было...

Сашиэль. А почему?

Шура. Он вышел в Сарапуле, чтобы купить мне крымский брют, и не вернулся.

Сашиэль. А если бы вернулся с крымским брютотом?

Шура. Не знаю... Я с ума сойду от ваших вопросов... Кто вы?

Сашиэль (*тихо*). Держитесь! Скоро скажу. (*Громко.*) А чтобы покончить со статистикой, придется задать вам интимный вопрос: сколько раз в неделю вы делали это? Пардон!

Шура. Я отказываюсь отвечать. Вы же не семейный доктор, в конце концов!

Сашиэль. Отчего же... В определенной степени.

Шура. Нельзя сводить отношения мужчины и женщины к физиологии.

Сашиэль. А что делать, уважаемая Александра Павловна, если гармония душ поверяется алгеброй плотского соития. Итак, сколько?

Саша (*солидно*). Ладно, чего уж там... Раза три... ну, четыре...

Шура. Что-о-о? Привык у себя в Центрофине с цифрами мухлевать!

Саша (*смущенно*). Два-три...

Шура. Хватит врать-то!

Саша. В отпуске...

Шура. Ты еще медовый месяц вспомни! Раз в месяц — в лучшем случае.

Саша. Ложь! Но я сильно устал на работе...

Сашиэль. Слушай, Санек, нельзя позволять себе секс, как диабетик варенье. Прежде думай о женщине, а потом о себе! Учти на будущее.

Саша. Учту...

Шура. Что ты учтешь, размазня! Это у мусульман на том свете гурии мужиков убажуют, у нас, православных, этого в помине нет.

Сашиэль. Александра Павловна, не надо с мужем разговаривать как с отстающим учеником! У него и так комплексов выше крыши...

Шура. А если он по-другому не понимает!

Саша. Что я не понимаю? Сама же говорила, что это для тебя не главное.

Шура. Да, не главное. А для тебя что главное? Иероглифы?

Сашиэль. Ну вот, а жаловались, что вам не о чем поговорить. Столько горячих тем! Итак, допустим, вам разрешили свидание...

Сашиэль выдвигает каталку на авансцену, ставит с каждой стороны по стулу, получается что-то вроде «переговорной комнаты».

Сашиэль. Присаживайтесь!

Шура. Что за цирк вы тут устраиваете?

Сашиэль. Тихо! А то уложу обоих на каталки, накрою простынями и будете ждать транзитную бригаду, как и положено нево-стребованным телам.

Испуганные такой перспективой, супруги покорно садятся на стулья по разные стороны каталки и смотрят друг на друга исподлобья.

Сашиэль. Итак, вам разрешили встречу. Порепетируем? Твой вопрос, Сашок!

Саша. Почему я первый?

Сашиэль. Потому что ты глава семьи. Или забыл?

Саша. Ну если так... ладно... Шур, тебе было очень больно?

Шура. Когда врезались в столб, нет, я сразу отключилась... А когда увидела эту дрянь в твоём телефоне... Мне было не больно, а противно и смешно.

Саша. Шур, если бы мы остались живы, ты бы меня простила... когда-нибудь?

Шура. Такое не прощают. Даже не мечтай!

Саша (*Сашиэлю*). Ну вот, видишь! О чем с ней говорить?

Сашиэль. Сам виноват! Измена должна быть незаметна, как инфляция. Но у меня вот какой вопрос: почему без малого год все было тихо, мирно — и вдруг...

Шура. Что значит вдруг! Вы бы видели этот непотребный снимок!

Сашиэль. Видел. Все-таки китайцы — мастера тонкой эротики!

Саша. Когда видел? Ты не говорил...

Сашиэль. Не важно. Допустим, когда сдавал ваши вещи под расписку.

Шура. Может быть, вам еще известно, что этот иероглиф означает?

Сашиэль. Разумеется. Это переводится: «Только для тебя!»

Шура. Вы знаете китайский?

Сашиэль. Некоторое время работал в Поднебесной.

Саша (*мечтательно*). Она меня любит!

Шура (*размахиваясь*). Скотина!

Сашиэль. Стойте! Детей бить непедагогично.

Шура. А если бы вам жена изменяла с особым цинизмом, вы бы сдержались?!

Сашиэль. Во-первых, я не женат по определению. Во-вторых, если можно изменять с особым цинизмом, значит, можно и с особым целомудрием, ведь так, Александра Павловна? В-третьих, вы давно знали, что у вашего мужа есть любовница. К чему лукавить пред ликом вечности?

Саша. Не может быть! Я был осторожен, как сапер...

Сашиэль. Если бы ты был сапером, твои причиндалы давно уже болтались бы на пирамидальном тополе.

Саша. Чуть! Шур, скажи ему, ты же ничего не знала?

Шура. Дурацкий вопрос. Знала. Давно. От тебя всегда столько шума.

Саша. А почему молчала?

Шура. Ждала, когда наиграешься и вернешься в семью.

Сашиэль. Сколько веков на этой работе, а все не привыкну к тому, как виртуозно умеют лгать женщины. Ювелирное вранье! Фаберже!

Шура (*невозмутимо*). Сашиэль, вы о чем?

Сашиэль. Александра Павловна, вы прекрасно знаете, о чем я. Год вы делали вид, будто ничего не замечаете, и вдруг потребовали развода... Почему?

Шура (*кокетливо*). Пусть это останется моим маленьким дамским секретом.

Саша (*раздраженно*). А нельзя ли без секретов хотя бы после смерти?

Сашиэль. Санек, брак без секретов — это как русская литература без евреев. (*Шуре.*) Ну и почему же вы так спокойно

отнеслись к увлечению мужа?

Шура (*отводя глаза*). Я догадывалась, но не была уверена, хотела убедиться...

Сашиэль. Ай, бросьте! Вы насквозь видите каждого вверенного вам ученика, а уж рубаху-мужа, с которым провели в постели семь с половиной лет... Не верю! К тому же вам, Александра Павловна, сигнализировали...

Саша. Кто?

Сашиэль. Среди друзей и коллег всегда есть осведомители по призыванию. Но чаще всего это одноразовые женщины. Вообрази, наутро после корпоратива она приходит, светясь постельным сообществом, надеясь на углубление отношений, а ты мнешься, мол, просто перепил и продолжения не будет... В этот момент у тебя появляется бдительный враг или чуткий недоброжелатель, все зависит от темперамента обиженной дамы.

Саша. Голикова. Точно — она!

Шура. Я знала, что это не первые твои шашни на работе. Но с Голиковой! Фу...

Саша. Один раз, по ошибке! Слово финансиста! Клянусь!

Сашиэль (*с упреком*). Александр Борисович, как не стыдно!

Саша. Три раза. Больше я не выдержал. Ей-богу!

Шура. Значит, это она присылала мне снимки, где ты обжигался с этой...

Саша. Сука! Шпионка!

Сашиэль. Бросьте, каждая женщина — немножко Мата Хари.

Саша. Значит, ты обо всем знала?

Шура. Знала. Пришлось узнать даже про занюханный отельчик «Нью-Солянка», где вы кувыркались, когда ее родители сидели дома у телевизора.

Саша. А почему молчала? Ты же умеешь скандалить, я-то знаю...

Шура. Зачем? Ты мне надоел, я тебя разлюбила. Ждала, когда созреешь... Забавно после ужина видеть на сытом лице мужа муки совести... Но еще смешней наблюдать, как он, не решившись на признание, пытается выполнить супружеский долг с энтузиазмом осенней мухи... Лучше бы Чехова освежил.

Саша. При чем тут Чехов! Ты никогда меня не понимала! Да, я полюбил другую... А тебе не дано... Когда ты стала завучем, а потом директором, с тобой стало невозможно жить, то же самое что обнимать кактус!

Сашиэль. Сильно сказано! Неужели карьера и женственность не совместны?

Шура. Ну почему же? Да, я стала резче, требовательней, приходила домой на взводе. Но вам не понять, что такое отвечать за учебный план и за четыре сотни сорванцов. А учителя, они иногда хуже детей! Характеры, амбиции, интриги... Что такое женский коллектив, вы себе хотя бы представляете?!

Сашиэль (*сочувственно*). Да и мужчины-педагоги тоже не подарок, иных за день надо несколько раз вызывать в кабинет и приводить в чувство.

Шура (*растерянно*). Да и такое случается....

Сашиэль. Но и этого мало, приходится постоянно задерживаться в лицее допоздна, чтобы достойно закончить начатое. Не так ли?

Саша. Я уже и не помню, когда она раньше меня с работы возвращалась.

Сашиэль. Лучше холодная женщина в постели, чем холодный ужин на плите! Ты-то, Санек, для конспирации старался не задерживаться, норовил пораньше со службы смотаться, благо рубль и без вас слабеет, как дистрофик. Ждешь, ждешь, и вот входит жена, выжатая, как лимон, всю себя отдавшая педагогике.

Шура. Так и есть. Мне непонятна только ваша ирония. Вы вообще-то о чем?

Сашиэль. Не о чем, а о ком. Я о новом учителе истории Андрее Витальевиче. Санек, ты его видел?

Саша. Нет. С какой стати?

Сашиэль. А зря! Тридцать пять лет, выше тебя на голову. Голубоглазый шатен с бородкой, как у Хема. Горнолыжник. Эрудит, краснобай. Когда рассказывает, откуда пошла есть Русская земля, заслушаешься. А если заведет про то, как гады-немцы

переписали древнюю историю славян, хочется бросить камень в посольство ФРГ. Ты знаешь, например, что английский — это всего лишь испорченный до неузнаваемости русский язык?

Саша (*удивленно*). Нет, но всегда подозревал...

Сашиэль. А я вот понятия не имел, пока не увязался за ними в аллее Нескучного сада. Он говорил, говорил, а твоя жена слушала, как школьница.

Саша. Шура, а что ты делала со своим подчиненным в Нескучном саду?

Сашиэль. Не хочу тебя расстраивать, Санек, но они не скучали...

Шура. А в чем дело? Нескучный сад рядом с лицеем. Не обо всем можно поговорить в кабинете. И кто бы спрашивал! Мы обсуждали единый учебник истории. Уверена, такой же нужен по литературе. Зачем старшеклассникам Довлатов? Мы растим граждан великой России или пьяниц с чемоданами?

Сашиэль (*аплодирует*). Bravo! А в отель «Дом с мезонином» вы отправились — сблизить платформы?

Шура. Да кто вы такой, черт побери, чтобы задавать мне такие вопросы?!!

Сашиэль. Еще не догадались? И умоляю, не поминайте всуе врага рода человеческого, это может ухудшить ваши потусторонние перспективы.

Саша (*задумчиво*). Отель «Дом с мезонином»? Что-то знакомое...

Сашиэль. Еще бы! Помнишь, в «Нью-Солянке» не было номеров — заехал съезд эзотериков. Вы погуглили и рванули на Якиманку в «Дом с мезонином».

Саша. Точно! Рита улетала в Китай, и надо было хорошенько проститься. (*Мечтательно.*) Больше такого секса у нас не было...

Шура (*брезгливо*). Мог бы и без животных подробностей обойтись.

Сашиэль. А еще что-нибудь запомнилось? Ну, Санек, напрягись!

Саша (*игриво*). Ага! Отель дешевенький, звукоизоляция хреновая, а за стеной развлекалась парочка, и дама так стонала, так кричала...

Сашиэль. Словно звала на помощь свою далекую невинность, да?

Саша. Вроде того... Рита, кстати, возмутилась, что приличные женщины так не вопят, за стеной явная профессионалка отработывает гонорар....

Шура (*нервно*). Сашиэль, вы настаивали, чтобы мы пообщались с бывшим мужем, я пошла навстречу... Но к чему эти гнусные детали?

Сашиэль. Не понимаете?

Шура. Решительно не понимаю!

Сашиэль. Александра Павловна, да ведь это же вы за стеночкой миловались с Андреем Витальевичем. «Дом с мезонином» — ваше гнездышко. А с мужем вы чудом разминулись. Не попади Санек с Ритулей в пробку на Каменном мосту, встретились бы все четверо у стойки портье. Вот смеху-то было бы!

Саша. Шура, это правда?

Шура. Чепуха! Чуть! Вранье!

Саша. Ты, Сашиэль, говори, но не заговаривайся!

Сашиэль (*примирительно*). Пошутил, пошутил...

Шура (*резко*). Да, это правда! А что тебя, дорогой, смущает? Да, так и есть: у меня любовник. Молодой. Красивый. Страстный. И что теперь?

Саша. Но ты же директор... С подчиненным. Где же трудовая этика?

Шура. А что директор не женщина? Она не может увлечься? Между прочим, Рита тоже твоя подчиненная. Почему тебе можно, а мне нельзя?

Саша. Потому что я мужчина...

Сашиэль. Санек, с этим поосторожнее!

Саша. Отстань! Для мужчины измена... Как бы тебе объяснить...

Шура. А ты попробуй!

Саша. Попробую... Допустим, ты болеешь за «Спартак», но сегодня тебе нравится нападающий, завтра — полузащитник, послезавтра — вратарь. Это нормально, они все из одной команды. Ясно?

Шура. Нет, не ясно. У женщин, значит, все по-другому?

Саша. Конечно! Измена женщины... Это как... как... если бы я вместо «Спартака» начал болеть за «Динамо»... Да еще киевское... Теперь поняла?

Сашиэль. Санек! Клиническая смерть явно взбудрила твой интеллект. Но все проще: женщине тоже хочется любви в постельном эквиваленте.

Саша. Это я понимаю. Орать-то в койке зачем? (*Жене, с упрямством.*) Со мной ты себе такого не позволяла, хотя я тоже старался... иногда...

Сашиэль. Стараться, Санек, этого мало. Скрипка Страдивари поет в полный голос только в руках виртуоза... Учи матчасть!

Саша (*зло*). Ну и шла бы к своему виртуозу...

Шура (*вскинув голову*). А ты думаешь, зачем я развод потребовала!

Сашиэль. Александра Павловна, зря вы на себя наговариваете. В сентябре в школу пришла новая учительница французского языка Алина Юрьевна, и ваш роман закончился. Андрей Витальевич всем хорош, кроме постоянства.

Шура. Замолчите!

Саша (*потирая руки*). Говори, говори, Сашиэль!

Шура. Хватит! Надоело! Кто вы такой? Откуда вы все про нас знаете? Вы что к нам приставлены?

Сашиэль. Ну вот, догадались, наконец, проклятые! Приставлен.

Шура. Не паясничайте! Мы читали Булгакова. Кем приставлены?

Сашиэль. А сами-то как думаете?

Саша. ФСБ?! За нашим департаментом волатильности рубля давно следят...

Сашиэль. Не смейся, Саня, чего за вами следить? Про вас там и так все знают, ждут только команды...

Шура. И давно вы нам приставлены?

Сашиэль. С того самого момента, когда в Гагаринском ЗАГСе вы обменялись кольцами и расписались. Лучше бы, конечно, повенчаться, но еще не вечер...

Шура. Так вы ангел-хранитель! Как же я сразу не догадалась...

Сашиэль. Семейный.

Шура. А разве невенчанным полагается?

Сашиэль. Когда-то тем, кто жил в смертном грехе, не полагался, и работать было гораздо легче, хотя тоже из-под венца бегали, грешили по-черному, рога наставляли, зато и каялись. А потом всех уравнили. Работы сразу прибавилось. Но мы не ропщем, хотя приходится опекать сразу несколько пар.

Саша. Многостаночники, что ли?

Сашиэль. Не без того.

Шура. А неверующему человеку тоже ангел-хранитель положен?

Сашиэль. Конечно, Господь милосерд!

Саша. Хорошо, что живые про это не знают, а то бы...

Сашиэль. Санек, если ты прежде, чем уверовать в Бога, хочешь ознакомиться с прейскурантом Его услуг, оставайся лучше атеистом...

Шура. М-да, никогда не думала, что ангел-хранитель похож на санитаря.

Сашиэль. Ангел-хранитель оберегает человека с рождения до вступления в брак, а семью окормляет заботник. Это я. А вы мои подзаботные.

Саша. Похоже на «подзаборные».

Сашиэль. И такое случается.

Саша. И что же ты нас не сберег, бракодел?

Сашиэль. Отвлекся. И вообще наши возможности сильно преувеличены, мы, скорее, «ангелы влияния». Заставить не можем, у вас свобода воли, будь она неладна. Остается влиять, подталкивать, нашептывать, навевать...

Саша. То-то мне накануне снилось, будто я врезаюсь в столб!

Сашиэль. В старину люди гораздо серьезнее относились к вещам снам и дорожно-транспортных происшествий было меньше.

Шура. И, как я понимаю, вы постоянно за нами приглядывали?

Сашиэль. Постоянно не получалось. У меня еще две пары подзаботных. Кто ж знал, что люди так размножатся — 8 миллиардов с гаком! Никаких ангелов на вас не напасешься. Слава Богу, мы в пространстве перемещаемся со скоростью мысли. Тут главное вовремя поспеть...

Шура (*хмурясь*). Минуточку... в интимные моменты вы тоже... с нами?

Сашиэль. Куда ж деваться?

Саша. А на хрена же тогда выспрашивал, сколько да как?

Сашиэль. Сверял показания.

Саша. Интересно поглазеть-то, небось, возбуждает?

Сашиэль. Говорю, мы бесполое. Созерцаю, подсказываю, где у кого зоны эрогенные и все остальное. Когда наступает охлаждение, бодрю, навеваю сладострастные фантазии. Столько специальной литературы перелопатил!

Саша. Точно! Иногда придешь с работы никакой, да еще пивка выпьешь, а среди ночи проснешься, как сталагмит... И что толку? «Отстань! Я спать хочу! У меня завтра расширенный педсовет!»

Шура (*возмущенно*). Слушайте, но это же безобразие, чистой воды вуайеризм! Могли бы предупредить. Я бы макияж не снимала, белье новое надела...

Сашиэль. Для нас, милая, стараться не надо. Вот для мужа не помешало бы.

Саша. Это точно! Но ты зубы нам не заговаривай! Почему столб проворонил?

Сашиэль. Отвлекся. Вторая пара подзаботных, чуть не подралась, выбирали имя новорожденному. Пока уладил, вернулся, а вас МСЧ из машины выковыривает. Теперь вот перед курирующим архангелом ответ держать.

Саша. Накажут?

Сашиэль. Еще как! Это только вам можно безнаказанно рубль гнобить и космополитов в школе растить. У нас с этим строго.

Шура. А все-таки интересно, как вы влияете?

Саша. Валяй с подробностями!

Сашиэль. Да ради Бога! Когда ты, жертва волатильности, с Ритулей двинулся в «Дом с мезонином», пришлось мне взять каршеринг...

Шура (*с сарказмом*). Зачем? Вы же летаете со скоростью мысли!

Сашиэль. Вы своих учеников тоже во время ответа перебиваете, педагог? Лучше объясните мне, зачем нам в русском языке «каршеринг»? Почему эти прохиндеи (*кивает на Сашу*) заменили слово «ненадежность» на мутную «волатильность», — мне понятно. Но чем родной «прокат автомобилей» хуже «каршеринга»? Да и слово какое-то членистоногое...

Шура. Абсолютно согласна! (*Косо смотрит на мужа.*) Андрея Витальевича тоже возмущает... возмущало засорение русского языка. Сколько мы писали, протестовали! Бесполезно! Может, вы там (*показывает вверх*) подскажите?

Сашиэль. Господь не Сталин, в вопросы языкознания не вмешивается. Могут неправильно понять.

Саша. Погоди, я не въезжаю... Взял каршеринг и...

Сашиэль. Обогнал ваше такси, встал впереди и надежно заглох.

Саша. Точно. На Каменном мосту в это время и так пробка. Ни туда ни сюда... Я потом еще показал тебе... Помнишь? (*Выставляет средний палец.*)

Сашиэль. Видел! Сидел я в машине, радуясь, что не допустил вашей встречи, а сам думал: скоро Москва из-за одной аварии или поломки встанет навсегда.

Шура. Неужели это так просто? Заглох и повлият на судьбу...

Сашиэль. Все гениальное — просто. Сложность — дочь заблуждения. Помните вашего попутчика, исчезнувшего на станции Сарапул? Вам же до сих пор интересно, куда он подевался.

Шура. Совершенно не интересно... (*Отводит его в сторону, тихо.*) Ну?

Сашиэль. Убегая за вашим крымским брютом в предвкушении интима под стук колес...

Сашиэль. Не сомневаюсь! Так вот, убегая, он спросил в тамбуре у курящего пассажира, сколько мы стоим в Сарапуле, а тот пошутил: 15 минут, хотя поезд стоял всего шесть... (*Вынимает сигарету, закуривает.*)

Шура (*хмурясь*). Так это были вы! Да-а, просто и надежно. Алина Юрьевна — тоже ваша работа?

Сашиэль (*скромно*). Станный вопрос. Я отвечал за целостность вашей семьи.

Шура. Но как?

Сашиэль. Еще проще. Резюме, которое она прислала на электронную почту лица, вам понравилось.

Шура. Еще бы! Красный диплом. Стажировка в Сорбонне.

Сашиэль. А на фотографии безопасная дурнушка в нелепых очках, не так ли?

Шура. Та-ак...

Сашиэль. Потом вы улетели в Эссенуки. У Андрея Витальевича тоже очень кстати гастрит обострился. Собеседование проводил ваш заместитель Захар Леонидович, плейбой запаса, и был очарован прелестной соискательницей.

Шура. Вы просто подменили фотографию!

Сашиэль. Конечно! При современных технологиях это проще пареной репы.

Шура. Какой же вы...

Сашиэль. Ну, простите, зануду-заботника! Я хотел, чтобы вы дотянули хотя бы до серебряной свадьбы. У нас тоже нездоровая страсть к круглым датам...

Шура. Лучше бы вы за столбами на дорогах следили!

Саша. Хватит шептаться! О чем там вы шушукаетесь?

Сашиэль (*находчиво*). Э-э... Александра Павловна интересуется, как ваше ДТП скажется на моей карьере, не понизят ли меня в звании...

Саша. А по каким показателям определяют эффективность вашей работы?

Шура. Да уж, наверное, не по количеству оприходованных сотрудниц.

Саша. И не по количеству совращенных учителей истории.

Шура. Ненавижу!

Саша. Взаимно!

Сашиэль. Успокойтесь! Вы же квиты. Зачем тащить в жизнь вечную плотский мусор?! Будьте выше! По каким показателям? Главное — продолжительность брака. А вы... до серебряной свадьбы не дотерпели...

Саша. Могли вообще бы разбежаться через пару лет после свадьбы.

Сашиэль. Я хорошо помню ту грандиозную ссору. Сколько посуды побили!

Шура. Сервиз на двенадцать персон. Моя родня вскладчину подарила.

Саша. Грохот стоял! А как мы помирились? Я уж позабыл...

Шура. Склеротик! Мама приехала.

Саша. Ты, что ли, вызвала, как всегда?

Шура (*смотрит на Сашиэля*). Нет, не я, сама примчалась, как почувствовала...

Сашиэль. Ну я, я вызвал. Тещи ты, Санек, как огня боялся. А еще учитывается плодовитость. Тут у вас «троечка».

Шура. Как это троечка? У нас прекрасные дети — сын и дочь. Внучка.

Саша. И фьючерсный внук...

Сашиэль. То-то и оно — фьючерсный. Там (*Показывает вверх*) ориентируется на патриархальную семью, чтоб за столом не умещалась. Не переубедишь.

Саша. Я говорю, давай заведем третьего! А ты: «Если хочешь, рожай сам!»

Шура. Меня как раз завучем назначили. Думала, еще успеем...

Сашиэль. Так что, ребята, до Петра и Февронии вам как до неба. Они жили в любви и согласии до глубокой старости, кучу потомства произвели и умерли в один день. За такой результат могут повысить, в архангелы возвести!

Саша. погоди, друг, так и мы тоже умерли в один день!

Сашиэль (*с сомнением*). Вы же разводиться ехали...

Шура. Но ведь не доехали.

Саша. Значит, как бы ничего не было. Погибли при исполнении супружеских обязанностей. Так и напиши в отчете.

Сашиэль. Это вы здесь в отчетах ерунду разную пишете, а Путин вам верит. У нас чуть слукавил — сразу низвергнут. Вы думаете, бомжи это кто?

Шура. Понятно кто: люди без определенного места жительства.

Сашиэль. Ошибаетесь, это разжалованные ангелы.

Саша. Да ты что! А у разжалованных министров виллы в Ницце...

Сашиэль. Эх, гляжу я на вас, и сердце кровью обливается. Как не досмотрел! Это же был ваш последний кризис, дальше — золотая осень брака, сбор плодов, дети, внуки, тихие вечера у телевизора, прогулки по Нескучному саду и умиление при виде юных парочек в тенистых аллеях...

Шура. Золотая осень брака? Не смешите! У него — Ритуля, у меня... Да ладно, что там говорить...

Сашиэль. Ну, с вашим Андреем Витальевичем мы кое-как разобрались, пора вернуться к Маргарите.

Саша (*с тревогой*). Что ты имеешь в виду?

Сашиэль. Что означает иероглиф, ты теперь знаешь, но прочитать его мог только тот, кто владеет китайским. Это явно не ты. Кто из близких знакомых Риты владеет языком Конфуция?

Саша (*недоуменно*). Очкарик.

Сашиэль. А где он сейчас?

Саша. В Пекине, в командировке.

Сашиэль. А куда летела Марго в отпуск?

Саша. В Китай.

Сашиэль. Эрго! Знаю, логическое мышление не типично для выпускника Вышки, но сделай над собой усилие, Санек! Даю еще одну подсказку: Рита беременна, но отговаривала тебя от развода. Почему?

Саша Потому... Потому... (*Радостно.*) Потому что это не мой ребенок!

Сашиэль. Молодец! Бонус по итогам года. А мне позор! Так ошибиться...

Шура. Сашиэль, вы о чем?

Сашиэль. Я хотел ускорить события, думал, увидев иероглиф, вы устроите скандал, он метнется к Рите, а та ему все выложит. Мне и в голову не пришло, что вы, брошенная историком, потребуете развода. Думал, наоборот, начнете бороться за мужа, за золотую осень брака... Э-эх! Почему?

Шура (*помолчав*). Сама не понимаю... Знаете, Сашиэль, иногда бывает так плохо, так безвыходно, что сделать себе еще хуже — это хоть какой-то выход... Мы ехали в суд, а я думала: зачем? Доедем, нас разведут... А дальше что?

Сашиэль. Никто бы вас не развел.

Шура. Это еще почему? Мы были записаны. 14:45. Зал 314-й, судья по фамилии Злыденная. Эта бы развела.

Сашиэль. А потому что в Гагаринский суд позвонил неизвестный и сообщил, что здание заминировано, все слушанья отменены.

Саша. Ты, что ли, друг?

Сашиэль. А кто же! Зеленые человечки? Следующее заседание назначили бы через недельку-другую, в суде не торопятся. А за это время вы бы разобрались в своей семейной катавасии.

Шура. Ой ли?!

Сашиэль. Не сомневаюсь. (*Звонит мобильный.*) На подъезде? Ну, слава Богу! Я уже конкретно опаздываю... (*Супругам.*) По местам! Быстро! За то, чем я тут с вами в Промежутке занимался, могут в бомжи разжаловать!

Саша и Шура нехотя укладываются на каталки.

Шура. Куда вы так торопитесь?

Сашиэль. В Грибоедовский ЗАГС. Мои новые подзаботные расписываются. Замечали, иногда молодые кольцо роняют или оно не лезет на палец...

Саша. Бывает. Особенно после мальчишника, если много пива приняли...

Сашиэль. Это, значит, заботник опаздывает на церемонию.

Шура. А нас бросаете... Не жалко?

Сашиэль. Жалко, конечно... Еще как! Все-таки двадцать три года пять месяцев и девять дней вместе... Чуть-чуть до серебра не дотянули. Эх...

Ангел выпивает из горла до дна, достает из кармана остаток огурца, закусывает, накрывает супругов с ног до головы свежими простынками, затем снимает халат, оставшись в серебристом трико, выносит из-за кулис крылья на лямках и надевает вроде парашюта. Покачив головой, он сдвигает каталки, стоящие порознь, получается как бы супружеское ложе. Удовлетворенный сделанным, Сашиэль исчезает. Тишина. Музыка сфер. Через некоторое время Саша выглядывается из-под простыни.

Саша. Шур! Шур! Спишь?

Шура. Нет. Что тебе еще?

Саша. Шур, мне сон приснился чудной... Про ангела влияния...

Шура (*выглядывает из-под простыни*). И тебе тоже? Странное совпадение...

Саша. Шур, скажи, только честно: это ты была там... в «Доме с мезонином»?

Шура. Какой еще дом с мезонином? Чехова начитался? Тебе приснилось.

Саша. Я так и подумал. Шур, ты меня простишь? Я больше не буду...

Шура. Как школьник бестолковый... Посмотрим на твое поведение!

Они по-супружески отворачиваются в разные стороны и затишают. Темно. Прямые линии кардиограмм оживают. Снова слышны голоса врачей.

Голоса. Качаем! Асистолия... Наружный массаж 100 компресий в минуту... Смени меня, качай... Прервись, ставлю вену... Фибрилляция! Скорей — деф! От больного! Разряд!

Ангел влияния, или Реанимация любви

Асистолия... Качаем! Адреналин! Ввожу... Полчаса прошло? Нет еще... Продолжаем! Есть ритм! Есть пульс на сонных! АД 100/50, пульс — 100, сатурация — 100. Убавь кислород... Зрачок сузился... Фотореакция есть... В операционную!

Конец

2023

КОММЕНТАРИИ

Юрий Поляков активно занялся драматургией в 1997 году, хотя и до этого по заказам театров он писал инсценировки по своей прозе, о чем подробно рассказано в эссе «Драмы прозаика». Его дебютом на сцене (март 1987) стал спектакль «Кресло» («ЧП районного масштаба») — первая работа только что созданной студии О. Табакова. Однако первую оригинальную пьесу «Левая грудь Афродиты» Поляков закончил лишь в 1998 году. Драматические произведения публиковались в периодике, включались автором в сборники и собрания сочинений (2001, 2005), выпускались также отдельными книгами, причем массовым тиражом.

«Левая грудь Афродиты», «Молодая гвардия», 2001 г.

«Хомо Эректус», «Росмэн», 2004 г.

«Одноклассница», «Росмэн», 2009 г.

«Женщины без границ», «Росмэн», 2009 г.

«Как боги», АСТ, 2014 г.

«Чемоданчик», «Никитские ворота», 2015 г.

«Золото партии», «Никитские ворота», 2017 г.

«Он, она, они...», АСТ, 2019 г.

Драмы прозаика (эссе)

Эссе написано в 2009 году для сборника пьес «Одноклассница» («Росмэн», 2009), с тех пор неоднократно дополнялось и расширялось с учетом новых пьес и премьер. «Драмы прозаика» не раз переиздавались, в частности, под названием «Как я был драматургом». В издание включена последняя редакция 2020 года.

Левая грудь Афродиты, или Отель «Медовый месяц». Комедия

Комедия закончена в 1998 году. Это первая оригинальная пьеса Ю. Полякова, но, по мнению режиссеров и театроведов, с профессиональной точки зрения она сделана безукоризненно, сочетая в себе непредсказуемый сюжет с острыми диалогами и глубокой проработкой характеров. В «Левой груди Афродиты» Поляков нашел свой оригинальный, ставший «фирменным» стиль, который

несет черты комедии положений, социальной сатиры и психологической драмы.

В 2000 году кинорежиссер А. Павловский снял по «Левой груди Афродиты» одноименный двухсерийный телефильм из цикла «Курортный роман» с Л. Шахворостовой, А. Анкудиновым, В. Меряном, С. Моховиковым в главных ролях. Композитор — Е. Дога.

Первая постановка «Левой груди...» на сцене была осуществлена в Днепропетровском русском драматическом театре им. Горького в марте 2003 года. Постановщик — А. Голубенко, в ролях: И. Соляник, С. Федоренко, А. Голубенко, Е. Володина, В. Захаров. Комедия неоднократно ставилась и на других сценах: в Новосибирском драматическом театре «Заводной апельсин», Ереванском Государственном русском драматическом театре имени Станиславского, Екатеринбургском Малом драматическом театре «Театрон», театре «Сант» (Алатау), Тверском академическом театре драмы, Крымском русском драматическом театре имени Пушкина и др.

В 2015 году на первый международный театральный фестиваль «Смотрины» («Играем Полякова») «Левую грудь Афродиты» привозил в Москву Ереванский русский драматический театр под руководством А. Григоряна, а в 2019 году на «Смотринах-2» комедию представил Борисоглебский городской театр.

Комедия впервые опубликована в альманахе «Московский вестник», 2000, №4. Многократно переиздавалась.

Московское сафари, или Халам-бунду (Заложники любви). Комедия

Написана в 1999 году. В 2000 году режиссер Л. Эйдлин поставил по мотивам этой пьесы 8-серийный телевизионный фильм «Поцелуй на морозе», в котором снялись знаменитые актеры: В. Васильева, Лазаревы, отец и сын, С. Немоляева, Е. Коренева, В. Соломин, В. Назаров, К. Кутепова, В. Смирнов, И. Муравьева, А. Михайлов и другие. Премьера состоялась на Рождество в 2001 гоу на Первом канале ТВ.

Впервые свет рампы комедия увидела в 2002 году в антрепризе Ю. Малакянца с участием С. Никоненко и Д. Харатьяна. Режиссер спектакля С. Кутепов. Он же в 2004 году поставил комедию во МХАТе имени Горького под названием «Халам-бунду, или Заложники любви». К комедии обращались многие театральные коллективы.

Среди них: Русский драматический театр им. Вахтангова (Владикавказ), Ереванский русский драматический театр им. Станиславского, Кировский областной драматический театр им. Кирова, Крымский академический русский драматический театр им. Горького (Симферополь), Харьковский русский театр, Липецкий областной драмтеатр, Днепропетровский русский театр, Приморский краевой драмтеатр молодежи, Рязанский областной драмтеатр, Азербайджанский государственный русский драматический театр им. С. Вургуня и другие коллективы.

В 2019 году на «Смотрины-2» «Халам-бунду» в Москву привозил Иркутский драматический театр им. Охлопкова.

Комедия впервые опубликована в сборнике «Левая грудь Афродиты», «Молодая гвардия», 2001 г. Неоднократно переиздавалась.

Одноклассница, или Соврешь — умрешь! Мелодрама

Пьеса закончена в 2007 году и поначалу отвергнута всеми столичными театрами как слишком «жесткая». Первые три премьеры состоялись в 2009 году во Владивостоке в Приморском краевом театре молодежи (апрель), во Владикавказе в Русском академическом театре (май) и в Тольском драмтеатре (май). В Москве пьесу в июне 2009 года представил зрителям главный режиссер Академического театра Российской армии Б. Морозов. В спектакле были заняты ведущие актеры театра А. Покровская, А. Богарт, К. Хаирова, Н. Лазарев, И. Марченко, К. Денискин, Н. Козак и др. Оставаясь в репертуаре ТРА по сей день, «Одноклассники» является самым посещаемым спектаклем. Мелодраму поставили также: Северодвинский драматический театр, Белгородский государственный академический драматический театр, Азербайджанский государственный академический национальный драмтеатр, Тульский театр драмы, Русский театр «Пилигрим» (Австралия, г. Сидней), Молодежная театральная студия «Крылья» (Одинцово), Ереванский Государственный русский драматический театр, Шадринский драматический театр, Белгородский академический театр драмы, Ставропольский академический театр драмы им. М.Ю. Лермонтова, Мурманский областной драматический театр, Государственный национальный театр Республики Удмуртия и многие другие.

На «Смотрины» в 2015 году «Одноклассницу» привезли Нижегородский государственный академический театр драмы, Кировский областной театр драмы и Южно-казахстанский

областной Русский драматический театр. На «Смотрины-2» в 2019 году — Театр-студия Вс. Шиловского. Чаще всего спектакли идут под названием «Одноклассники» и «Соврешь — умрешь!» Реже под авторским названием — «Одноклассница».

В 2016 году режиссер А. Догузов снял по пьесе кинофильм «Соврешь — умрешь!» — в формате «арт-хаус» В ролях: А. Ткаченко, А. Качер, А. Бероев, А. Анищенко, И. Баринаова, А. Печенин, А. Догузов.

Впервые пьеса опубликована в журнале «Современная драматургия» в № 2 за 2008 год. Неоднократно переиздавалась.

«Как боги, или Китайский домовый». Мелодрама

Пьеса закончена в 2012 году и первоначально передана в Театр Российской армии, где она пролежала без движения и заключения договора почти год, после чего Поляков передал ее в МХАТ имени Горького Т. Дорониной, которая сама решила поставить мелодраму, попросив автора сократить сцену, в которой «китайский домовый» беседует с Гаврюшиным. С тех пор пьеса существует и ставится в двух редакциях — сокращенной и полной: «с китайцем» или «без китайца». В настоящий том включена полная, первоначальная версия текста.

Как и в случае с «Одноклассницей», первые спектакли по мелодраме «Как боги...» были поставлены в провинции: в ноябре 2013 года состоялась премьера в Пензенском областном драмтеатре им. Луначарского под руководством С. Казакова. В декабре 2013 года в Белгородском академическом театре драмы им. Станиславского, в марте 2014 года во Владикавказе. В МХАТе им. Горького премьера состоялась в октябре 2014 года. Спектакль шел на аншлагах до начала 2019-го, когда был сначала приостановлен, а затем снят из репертуара, несмотря на высокую посещаемость, новым руководством театра, начавшим борьбу с «доронинским наследием».

Мелодраму «Как боги...» поставили также Смоленский государственный драматический театр, Тульский академический театр драмы, Мурманский областной драматический театр, Астраханский драматический театр, Крымский академический русский драматический театр, Рыбинский драматический театр, Ереванский Государственный русский драматический театр, Чайковский театр драмы и комедии, Липецкий театр драмы и другие.

На фестивале «Смотрины» в 2015 году в Москву «Как боги...» привозили: Пензенский областной драмтеатр и Крымский академический русский театр драмы. На «Смотрины-2» в 2019 году — Студия Вс. Шиловского и Рыбинский театр драмы (постановка — П. Орлова).

Впервые мелодрама «Как боги...» напечатана в журнале «Современная драматургия» в № 1 за 2014 год. Неоднократно переиздавалась.

«Золото партии, или Особняк на Рублевке». Комедия

Закончив эту комедию в середине 2016-го, автор предложил ее согласно договоренности Театру Российской армии, но, снова не дождавшись ответа, передал пьесу в начале 2017-го в МХАТ им. Горького, где художественный руководитель театра Т. Доронина тут же приняла ее к постановке, которую доверила своим в ту пору ближайшим помощникам и ведущим актерам труппы В. Клементьеву и М. Кабанову. Премьера (новое название — «Особняк на Рублевке» — автор придумал по настоянию Дорониной) состоялась в том же году и была посвящена 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В спектакле участвовали: С. Габриэлян, В. Ровенский, И. Архипова, А. Алексеева, Е. Кондратьева, М. Бойцов, А. Оя, А. Хомянов, В. Клементьев, М. Кабанов и др. Спектакль имел большой зрительский успех, шел на аншлагах, но в начале 2019 года был сначала приостановлен, а затем снят из репертуара новым руководством по инициативе Э. Боякова и З. Прилепина (Евгения Лавлинского), несмотря на высокую посещаемость.

«Золото партии» ставили также Крымский академический русский драматический театр, Рыбинский драматический театр и др. На «Смотрины-2» в 2019 году эту комедию привозили Студия Вс. Шиловского и под названием «Золото. Революция. Любовь» Пензенский областной театр драмы (худрук — С. Казаков).

Впервые «Золото партии» опубликовано в одноименном сборнике («Никитские ворота», 2017).

«В ожидании сердца». Мелодрама

Пьеса написана в 2019 году. Премьерная читка на публике состоялась в рамках фестиваля «Смотрины-2» 2 ноября 2019 года в московском театре «Вишневый сад». Пьеса принята в ряде

Комментарии

театров. Первая постановка на сцене состоялась в Ставропольском академическом театре драмы им. Лермонтова в январе 2021 года. Режиссер — народная артистка РФ Н. Зубкова, в ролях: Алапаев — М. Новаков, Евсеви́я — Н. Зубкова, Элеонора — А. Подеякина, Денис — К. Юрченко, Лютиков — И. Баргаш, Степановили — В. Петренко, Иветта — П. Полковникова, Виктория — Д. Саманкина, Хренова — О. Клочко. Пьеса с успехом идет в театре-студии народного артиста СССР В. Шиловского. В роли Алапаева — В. Шиловский.

Ангел влияния. Комедия.

Пьеса на трех актеров закончена в 2024 году. Принята к постановке в ряде театров.

СОДЕРЖАНИЕ

Драмы прозаика. Эссе	3
Левая грудь Афродиты, или Отель «Медовый месяц»	59
Московское сафари, или Халам-бунду	117
Одноклассница, или Соврешь — умрешь	195
Как боги, или Китайский домовый	271
Золото партии, или Особняк на Рублевке	348
В ожидании сердца, или Накануне бессмертия	418
Ангел влияния, или Реанимация любви	477
Комментарии	521

Юрий Михайлович

ПОЛЯКОВ

Ангел влияния

Пьесы

На обложке: портрет Ю.М. Полякова
работы заслуженного художника России Дмитрия Слепушкина

Корректор: Н.Н. Сергеева

Компьютерная верстка: О.М. Шапаева

Подписано в печать 26.06.2025.

Обрезной формат 140x200 мм.

Тираж 1000 экз.

Заказ №

ООО ТД «БЕЛЫЙ ГОРОД»

Тел.: +7 (926) 363-1030

E-mail: izdat.bg@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс»

г. Казань, ул. Декабристов, 2

E-mail: idelpress@mail.ru

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращайтесь:

Тел.: +7 (926) 363-1030

E-mail: izdat.bg@mail.ru

Интернет-магазин: www.pravkniga.ru

Полный ассортимент книг представлен на сайте:

www.pravkniga.ru

16+